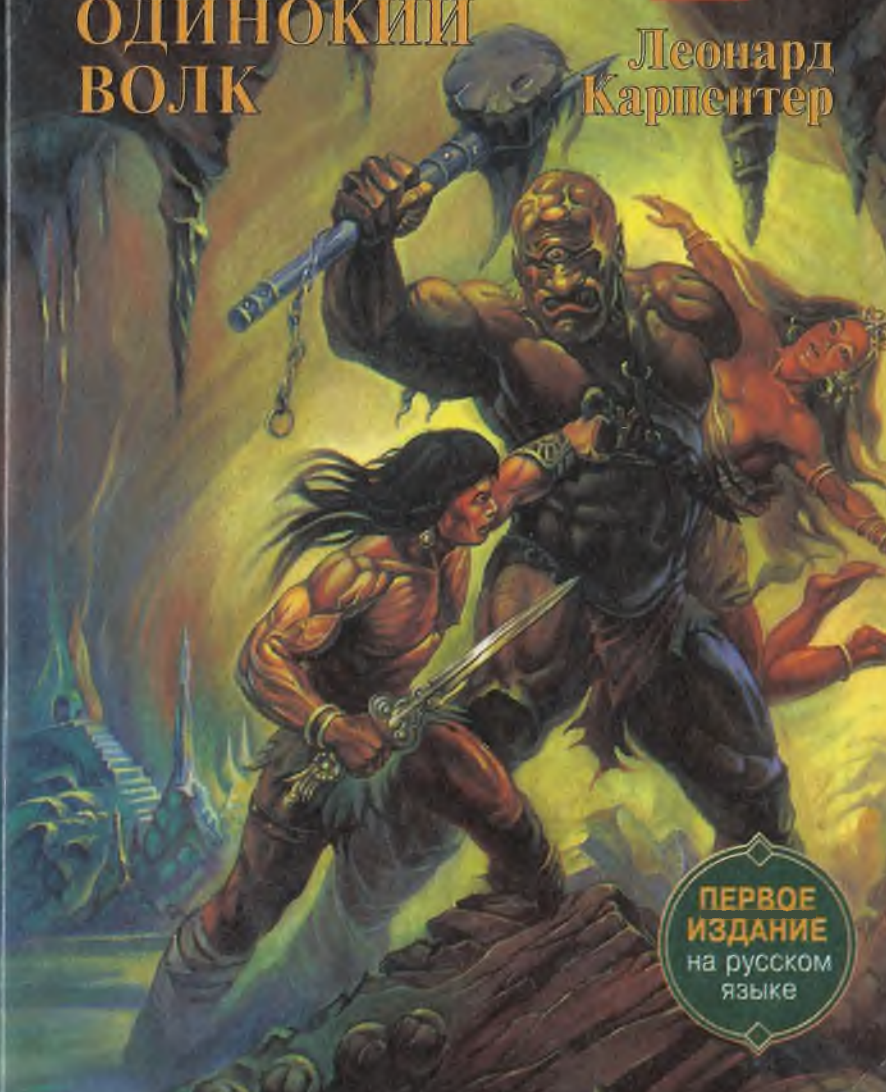

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ОДИНОКИЙ
ВОЛК

Леонард
Карпентер

ПЕРВОЕ
ИЗДАНИЕ
на русском
языке

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Леонард
Карпентер

Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
Санкт-Петербург
1996

**ТО, ЧТО МЕНЯ НЕ УБИВАЕТ,
ДЕЛАЕТ МЕНЯ СИЛЬНЕЕ...**

ББК 84.7 США
К 26

Leonard Carpenter

Conan the outcast. Copyright © 1990 by Conan Properties, Inc
Conan the savage. Copyright © 1992 by Conan Properties, Inc

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Карпентер Л.
K26 Одинокий волк: Романы / Перевод с англ. — СПб.:
Терра—Азбука, 1996. — 496 с.
ISBN 5-7684-0030-3

В книгу вошли два романа американского фантаста Леонарда Карпентера: «Проклятое золото» и «Изгнанник». Автор повествует о том времени, когда молодой киммериец в одиночку сражался с мрачными порождениями Тьмы, с безжалостными слугами алчных властителей. Конану приходилось рассчитывать только на крепость своих рук, остроту клинка и воинскую удачу.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0030-3

Проклятое Золото

РОМАН

Пролог ЗАПАДНЯ

— Так-так, и что же мы имеем?.. Чудесно! «Жрец», «принц» и «король»! — громогласно возвестил князек*, заглушая стук фишек из слоновой кости на мраморной столешнице. — Прямо скажем, очень и очень недурная комбинация. — Он разгладил кружева на грязной шелковой рубашке и высокомерно усмехнулся, не сводя глаз с игрока напротив: — Ну, а ты что скажешь, киммерийский варвар? По-моему, тебе пора сдаваться.

— погоди, Каспиус. Не будь я Конан, если не выпутаюсь. Случалось мне попадать в переделки и покруче. — Прищурившись, он разглядывал свои фишки, прикрывая их огромной загорелой рукой.

Сидящий справа от него бородатый игрок сокрушенно вздохнул:

— Смысла нет продолжать. Побить «королевский дом» практически невозможно. — Он опрокинул свои фишки «рубашками» вверх. — Я пас.

— И я пас, — заявил худощавый бритунийский кавалерист с маленькими усиками над верхней губой, который сидел по левую руку от Конана. — Любой, у кого есть голова на плечах, сделал бы то же самое.

* Князёк (gambler, англ.) — держатель банка, следящий за игрой (вор. жаргон).

В ответ киммериец пробурчал что-то неразборчивое.

— Послушай, Конан, брось испытывать судьбу, — прошептала ему на ухо служанка. — Останись, пока все не спустил. Лучше сделай мне подарок, если тебе некуда деньги девать, а я за это пушу тебя к себе на ночь. — И она стала нежно поглаживать его спину и шею тонкими руками в медных браслетах.

— Нет, я из игры не выйду, — решил наконец Конан. — Рискну прикупить. — Он порывлся в карманах и извлек оттуда крупный рубин, при виде которого служанка издала завистливо-сокрушенный вздох. — Этого камушка должно хватить. Эй, хозяин, тащи сюда еще свечи, да поживее! В твоей таверне на расстоянии вытянутой руки ничего не видать!

— Как знаешь, варвар, — с аристократической небрежностью уронил князек. — Что ж, прикуп тебе и прикуп мне. — С профессиональной ловкостью он отделил две фишки от лежавшей перед ним груды, одну пустил по гладкой поверхности стола по направлению к Конану, а другую сразу перевернул. — Хо-хо! Сегодня мне везет — у меня «колдун»! Ну, варвар, теперь тебе крышка! Сильнее моей комбинации ничего нет!

— Ты так думаешь? — проворчал северянин. — А как насчет «каре»? — Он перевернул четыре косточки, включая только что полученную от князька, и сдвинул их в центр стола. — Мои «короли» бьют твою комбинацию.

— Что за чушь! — возмутился князек. — Полный «королевский дом» сильнее всех! Это знает любой дурак, даже если он варвар! — Князек, у которого был вид разорившегося вельможи, с достоинством расправил кружева на запястье и воззрился на Конана.

— Все это так, но только при честной игре, а ты, мошенник, свою последнюю фишку выудил из рукава! — С быстротой молнии киммериец перевернул оставшиеся в прикупе косточки и воскликнул: — Ну, что я говорил! Вот вам и доказательство! — Он ткнул пальцем в фишку, на которой был изображен «колдун». — При таком мерзком свете действительно трудно что-либо заметить, но я на глаза пока не жалуюсь.

— Как ты смеешь называть нашего друга Каспиуса мошенником?! — взвился кавалерийский офицер. — Ты за это ответишь!

— Да, да, немедленно ответишь! — поддержал его бородатый, даже не взглянув на фишки. — Ты сам подбросил второго «колдуна», чтобы корчить из себя обиженного. Ты и есть жулик!

— Ах, так вы заодно? — Конан слегка отодвинул назад свой стул, готовясь вскочить. — А может, с вами еще и хозяин таверны, который специально не дает свечей, чтобы шулерам было сподручнее работать в потемках?

Рука разъяренного князька рванулась к поясу, и перед глазами киммерийца блеснула сталь короткого кинжала с тяжелым лезвием, предназначенного для метания. В тот же миг Конан всей тяжестью навалился на массивный стол и с силой двинул его вперед, так что мраморная столешница угодила шулеру точно в грудь. От неожиданного сокрушительного удара тот охнул, делая тщетную попытку вдохнуть, но так и остался сидеть с разинутым ртом, придавленный к стене тяжелой плитой. Мнимого аристократа сотряс судорожный кашель, и на губах запузырилась кровь, капающая прямо на белые костяные фишки.

Все это киммериец видел не вполне отчетливо, поскольку служанка, зайдя со спины, разбила о его голову большой глиняный кувшин с вином. Осколки

брызнули во все стороны, потоки вина потекли по лицу и за шиворот, и Конану не пришлось слишком притворяться, что он теряет сознание и падает на лежащие в центре стола золото и драгоценности. Для того чтобы сгрести их в свой кошель, ему не потребовалось и мгновения.

— Хватайте его! Он украл весь банк!

Конан, как кошка, отскочил от стола, но на правой его руке повисла служанка. Киммериец не стал тратить время, чтобы отцепить ее от себя, а просто схватил в охапку и бросил в приближающегося к нему бородатого игрока. Тот повалился на пол и, ругаясь, пытался выбраться из-под сбившей его с ног полнотелой девицы.

Конан выхватил меч и успел вовремя отразить удар напавшего на него бритунийского офицера. Он сам сделал выпад, отпрыгнул назад, парировал мощную атаку — кавалерист оказался на удивление хорошим фехтовальщиком. Но до северянина ему было, разумеется, далеко. Неуловимое движение руки — и сабля кавалериста, звеня, покатилась по полу, а сам он даже не успел схватиться за раненую кисть, как получил такой мощный удар рукояткой меча в лицо, что рухнул без сознания.

Оглядевшись по сторонам, Конан увидел, что посетители таверны спасаются бегством через кухню, а бородатый игрок поднимается, держа в руках меч. Киммериец решил, что благоразумнее будет не задерживаться здесь слишком долго, и устремился к выходу. Взлетев по каменным ступенькам, он обернулся: погони не было, да оно и не удивительно. Не такой уж идиот этот бородатый, чтобы в одиночку гнаться за ним по узким извилистым улочкам, рискуя каждую секунду напороться на меч.

Конан удовлетворенно хмыкнул, вложил меч в ножны, отдернул плотную ткань, заменяющую дверь

на улицу, и... очутился в центре окруживших его со всех сторон вооруженных людей. Он сразу понял, что это городская стража, надзирающая за порядком в городе. Отчаянный рыбок киммерийца ничего ему не дал: двое здоровяков в черном, каждый из которых был ростом с Конана, заломили ему руки за спину, третий приставил меч к его горлу. Четвертый стражник, по всей видимости их командир, подошел поближе:

— Ну-ка, ну-ка, и кто же тут у нас?.. Запоздалый гуляка. А вдобавок еще и чужестранец. Ответь мне, чужестранец, — именем короля Тифаса, приказываю тебе отвечать, — что ты можешь сообщить о грабеже или убийстве? Только что из таверны доносились крики и звон мечей.

— Клянусь мощной Бела, я ничего не видел и не слышал! Отпустите меня немедленно! А то как бы здесь и на самом деле не пролилась кровь!

— Ого, клянешься шемитским богом воров Белом и хочешь, чтобы я тебе поверил? Кстати, раз уж речь зашла о кошельках, что это у тебя на поясе? — Он наклонился и, взвесив на руке толстый кошель, в мгновение ока срезал его неизвестно как оказавшимся у него ножом, увернувшись от пинка, который пытался дать ему Конан, несмотря на меч у горла. Стражник поднес кошель поближе к двери таверны; откуда из-за края занавески падал слабый луч света. — Однако, — произнес он своим резким неприятным голосом, — золото, драгоценности. Подозрительно. Откуда они у тебя, чужестранец? Похоже, что ворованные.

— Да, ворованные! — прогремел Конан. — Их только что украл у меня черный стражник! А до того они были мои! И, клянусь Кромом, ты мне их сейчас же вернешь обратно — иначе тебе придется сильно пожалеть об этом!

— Успокойся, чужестранец, никто не собирается нарушать закон. Если золото и драгоценности действительно твои, объясни, откуда они у тебя. Если ты пришел с ними в Саргоссу, предъявил при входе в город и заплатил соответствующий налог, тогда это должно быть записано в наших учетных книгах. А если они достались тебе честным путем уже после твоего прихода — тогда просто скажи как.

— Сэт побери! выругался киммериец от избытка чувств. — Да, пожалуй, ты имеешь право задать мне такой вопрос. Что ж, слушай. Я пришел в Саргоссу вчера, имея при себе часть содержимого кошелька. Остальное выиграл сегодня ночью.

— Как?! Ты играл на деньги во время праздника в честь бога нашего Амалиаса? — Его грозный возглас заглушил металлический звук защелкнувшихся кандалов, которые Конан вдруг ощутил на лодыжках. Вероятно, пятый стражник незаметно подобрался к нему сзади, пока он разговаривал с командиром. Тот все не мог унять: — Разве ты, чужестранец, не знаешь, что в этот святой день запрещено предаваться любым порокам, и этому в том числе? Разве ты не знаешь, что нарушителям грозит суровое наказание? Не говоря уже о конфискации незаконно приобретенных богатств.

— Будьте вы все прокляты, лицемеры окаянные! вскричал киммериец вне себя от ярости. — Ты что, хочешь мне сказать, будто все эти приюты, бордели, игорные дома и прочие подобные заведения из-за праздника откажутся от своей выручки и закроются до окончания праздника? Да где такое видано? Просто это очередной подлый способ, который изобрел ваш король, чтобы отбирать денежки у их законных владельцев, вроде этого грабительского налога при входе в ваш гнусный город.

— Прекратить бунт! Чтобы я больше не слышал этих подстрекательских речей! — возвысил голос командир стражников. — Такому дерзкому грубияну не место в Саргоссе. Отвечай, есть ли у тебя здесь высокопоставленный знакомый, который мог бы за тебя поручиться? Я так и думал, — зловеще проскрипел он после короткой паузы. — Но ничего, для таких, как ты, у нас приготовлено специальное место. — Он побренчал содержимым кошелька Конана. — Как я понимаю, ты равнодушен к золоту. Отлично, ты сможешь любоваться на него, пока тебе тошно не станет!

Глава первая

БЕДА

— Тамсин, дочь моя, где ты? Иди сюда, дитя мое, помоги маме. Пора кормить кур и цыплят!

Негромкий нежный голос матери отчетливо прозвучал в утренней тишине, но маленькая Тамсин, которая пряталась в густой листве дуба, удобно приютившись на нижней ветке, не издала ни звука. Держа в руках тряпичную куклу, она наблюдала за матерью.

— Тамсин, дорогая, иди скорей сюда. Я ведь знаю, как ты любишь кормить цыплят. — Женский голос звучал ласково и терпеливо. — Если бы я думала, что ты ушла куда-то, я отправилась бы искать тебя. Но я точно знаю, ты где-то рядом, иди же к маме. А после того, как покормим цыплят, нам с тобой надо будет замесить тесто, а если ты хочешь, чтобы мы испекли пирог... — Последние слова Тамсин не расслышала, потому что их заглушило громкое кудахтанье.

Девочка по-прежнему не двигалась, с мрачным видом наблюдая за матерью. Почему-то у нее было плохое настроение с самого утра. Она не смогла бы объяснить, что с ней, но сегодня ее раздражало все, и в первую очередь долготерпение матери. Тамсин крепче прижала к себе самодельную куклу и зашептала ей на ухо:

— А мы не хотим никуда идти, правда, Нинга? Нам и тут хорошо. Вот когда папа вернется днем с поля, тогда мы и спустимся. А раньше нас не ждите.

Из хлева вышел, хромая, старый Хиггин, он приложил руку козырьком к глазам и стал смотреть куда-то мимо дома, в сторону луга, потом крикнул что-то, но Тамсин не поняла, что именно. Залаяла собака, потом еще две. Из дома вышла Велла и тоже стала смотреть туда же, куда смотрел ее муж.

Теперь наконец и Тамсин увидела, как из леса, окаймлявшего дальний луг, появилось ярко-желтое треугольное знамя. Это знамя развевалось в руках чернобородого всадника на прекрасной каурой лошади. Он был одет в кожаную куртку, кожаные штаны и высокие кожаные сапоги. На голове его сиял золотой шлем. Пятеро других были одеты так же, и все они скакали прямо к ферме. На их знамени был изображен силуэт какого-то странного черного зверя: туловище, хвост и задние лапы как у льва, а голова и крылья как у орла. На передних лапах, одна из которых была поднята, когти были не львиные, а птичьи, совсем как у кур.

Когда всадники были уже совсем близко, из курятника вышла мать. Из-за шума, поднятого курами, она не услышала топота копыт и не подозревала, что у них появились неожиданные гости. Увидев ее, всадники начали оживленно переговариваться, но

чернобородый со знаменем резко оборвал их. Он обратился к матери по-бритунийски, только выговор у него был какой-то необычный:

— Мы воины немедийской армии и по приглашению короля Тифаса едем к его двору, чтобы вступить в его войско. Ваш король собрался воевать с Коринфией, и ему нужна наша помощь, вот почему с его разрешения мы пересекаем страну.

Чернобородому ответил Хиггин:

— Королевская дорога вон в той стороне, отсюда будет мили две. Поезжайте через поляну, а дальше вниз по ручью, как раз и доедете.

Всадники рассмеялись, а их командир сказал:

— Да мы знаем, старик, где дорога. Мы ведь только передовой отряд, и нам приказано раздобыть побольше продовольствия. — Он посмотрел на мать Тамсин: — Вы обязаны отдать все, что потребуются, — так распорядился ваш король. Видите на знамени священного Грифона, знак его королевской власти?

Хиггин кашлянул:

— У нас, знаете ли, ферма бедная. Но если скажете, что именно вам нужно, я попытаюсь помочь.

— Я уже тебе сказал, старик, что нам нужна провизия, и как можно больше. Мука, овощи, птица, скот. Короче говоря, все, что у вас есть, — добавил он со смешком.

Старый слуга, казалось, его не слышал:

— Увы, увy, мы очень бедны... Конечно, мы поделимся с вами: тарелка супа, кусок хлеба — чем богаты, тем и рады...

Тамсин услышала резко прозвучавший голос матери:

— Хиггин, отдай им все, что они захотят.

— Да, да, я понял, приказ короля. — Он перевел взгляд со своей хозяйки на всадника со знаменем и

повторил: — Я понял, только хочу спросить, сколько вы нам за это заплатите?

Чернобородый расхохотался:

— Ну и насмешил! Неужели ты, старый дурень, думаешь, что вашему королю не все равно, если мы даже оберем вас дочиста? Он сидит там, в своем дворце в Саргоссе, и ему важно только одно: чтобы мы помогли ему в войне с южанами.

— Да уж, впутался он в историю с этой Коринфией! — хмыкнул один из наемников.

— Но зато какая у него гостеприимная страна! — вскричал другой. — Они здесь не прячут своих женщин!

Немедийцы разразились оглушительным смехом. Мать бросила испуганный взгляд в сторону дуба, где пряталась дочка, и глаза их на миг встретились. Тогда женщина повернулась и что есть сил бросилась бежать к лесу. Всадники с гиканьем и улюлюканьем неслись ей вдогонку. Воины не стали объезжать стоящих у них на дороге Хиггина и Веллу — они *направили коней прямо на них!* Тамсин с изумлением смотрела на то место, где только что стояли старики: еще секунду назад она их видела, а теперь они пропали. В клубах пыли, поднятых лошадиными копытами, можно было разобратъ лишь, что на земле лежит некое подобие груды тряпья.

Один за другим немедийцы начали возвращаться из леса, ведя коней в поводу. Они перерубили собак и принялись таскать из дома и амбара мешки и складывать их на телегу. Свернули головы всем курам и бросили их туда же. Потом вывели из сарая корову и вола. Вола они впрягли в телегу, а корову привязали к ней сзади.

Вдруг один из наемников крикнул что-то на незнакомом языке, и все воины стали садиться на

коней. Тамсин увидела, что к ферме бежит ее папа с мотыгой в руках. Тамсин успокоилась: папа прогонит плохих людей и все опять будет хорошо. Она даже приподняла Нингу повыше, чтобы та тоже могла видеть, как это произойдет.

Когда папа добежал до фермы и увидел, что там делается, лицо его исказилось и он стал кричать на всадников, только Тамсин даже не могла разобрать, что он кричит. А потом он бросился на них с поднятой мотыгой. Тогда вперед выехал чернобородый, у которого в руках опять был флаг, и этим флагом — оказалось, что на самом деле это копье с привязанным к нему полотнищем, — он проткнул папу насквозь! Папа взревел, как бык, и упал на бок. Желтая ткань скомкалась у него на груди и почти сразу начала краснеть.

Это было так ужасно, что Тамсин вскрикнула, но никто ее не услышал, потому что лошадь чернобородого как раз в этот момент громко заржала, а всадники принялись кричать и радоваться. Тогда Тамсин поняла, что надо сидеть тихо, иначе ее могут найти и тоже убить. Не слезая с лошади, чернобородый выдернул флаг-копье из папы и встряхнул им, чтобы расправить, потому что оно немного намокло от папиной крови.

После этого немедийцы опять слезли с коней и опять стали носить из дома мешки и разные вещи и складывать их на телегу. Кончив ходить взад-вперед, они принесли из печки тлеющие головни и разбросали их по соломенным крышам дома, сарая, амбара и курятника. Крыши сразу же начали дымиться, а наемники все время смеялись. В руках у них были бутылки папиного вина. Один из них поднял свою бутылку вверх и закричал:

— Пью за короля Тифаса и его щедрых подданных!

Всадники поехали прочь, продолжая смеяться, а соломенные крыши уже пылали вовсю и проваливались внутрь. Тамсин прижала лицо куклы к груди, чтобы та не могла этого видеть.

Глава вторая

КАРЬЕР

— Пошевеливайтесь, бездельники! — раздался сверху голос стражника. — Даром вас кормить никто не собирается!

Карьер — довольно обширная и очень глубокая открытая выработка — зиял, как гигантская могила под холодным северным небом. Обрывистые стены карьера были сложены хрупким слоистым сланцем, и сам он имел неправильную форму — результат частых обвалов.

Обвалы эти представляли собой постоянную и неизбежную опасность для работающих внизу каторжников. Даже когда они по ходу дела специально обрушивали породу, иногда не обходилось без жертв: трудно было предвидеть все случайности. Впрочем, поскольку в карьере работали осужденные преступники, бритунийских властей ничуть не волновало, сколько из них покалечится, а сколько лишится жизни. Золото, которое здесь добывали, стоило сотен, а то и тысяч таких жизней.

— Конан, ты зачем роешь в ту сторону? Того и гляди, все обрушится! Здесь уже давно надо ставить дополнительные опоры. Ты что, совсем рехнулся? Порода-то ведь рыхлая, сама держаться не будет, — раздался предостерегающий голос Тжая, товарища Конана по несчастью.

Тжай пришел в Бритунию из горной страны, расположенной на юго-востоке, страна эта находилась так далеко от Бритунии, что Конан просто не мог себе представить, как его новому приятелю удалось проделать весь этот путь. Тжай думал найти в Саргоссе счастье и богатство, а нашел горе.

Конан и Тжай сразу подружились. Объединило их в первую очередь то, что оба они были здесь чужими и, кроме того, происходили из относительно диких племен. Остальные же были просто городским отребьем: бандиты и воры, по которым давно уже плакала петля.

Конан не знал, где именно находится карьер, куда он так неудачно попал. В Саргоссе его арестовали и посадили в тюрьму. Там он пробыл совсем мало. Буквально на второй же день явились стражники, и один из них бросил ему в лицо порошок белого лотоса. От этого Конан не только ослеп на время, но и потерял способность двигаться. Все его чувства были притуплены, и он находился в состоянии какого-то полусонного оцепенения.

Ему смутно представлялось, что его заковали в цепи еще с десятком таких же, как он, бедолаг, а потом долго-долго везли в чем-то деревянном и закрытом со всех сторон. То ли это был трюм, то ли какая-то повозка... Конан не мог сейчас вспомнить даже этого. У него было ощущение, что карьер находится на севере Бритунии, и остальные каторжники были того же мнения, но где именно, знали не больше Конана.

Конана особенно мучило то, что один раз во время этого бесконечного путешествия он более или менее пришел в себя, когда его стали привязывать к спине мула (они должны были перебираться по горным тропам через какой-то хребет), и у него не хватило ни физических сил, ни воли,

чтобы заставить себя попытаться сбежать. Вместо этого в его одурманенном мозгу мелькнула мысль, что, может, оно и неплохо узнать, где находится знаменитый «золотой» карьер, что, может, это ему когда-нибудь пригодится... В конце-то концов, карьер ведь не тюрьма, хотя ему уже приходилось убегать и из тюрем. Но из карьера он уж всяко убежит. Если бы он только мог представить себе, что его ожидает...

В определенном смысле он был тогда прав: если бы действительно можно было узнать, где находится карьер и по каким тропам и дорогам перевозят в столицу добытое заключенными золото, то смелый и предприимчивый, а главное — свободный человек мог бы неплохо на этом заработать. Но когда сидишь в этой яме, из которой только один выход — на тот свет, то даже если бы и знал что-то, толку от этого знания никакого. Впрочем, все это пустые рассуждения. Местонахождение карьера являлось государственной тайной, а насколько хорошо эта тайна охранялась, киммериец узнал на собственном горьком опыте.

— Конан! — воскликнул Тжай. — Ну сколько раз тебе говорить одно и то же! Твое северное упорство доведет нас до беды! Ты что, не видишь, что кровля вот-вот обвалится?! — Он устало оперся на кирку, отирая пот со лба. — Да и вообще я не понимаю, зачем тебе понадобилось здесь ковыряться? Ведь здесь же нет золота. Если тебе так нравится махать кайлом, пошли тогда на ту сторону, хоть какой-то прок будет. Смотри, на какую богатую жилу они там вышли!

— Нет, Тжай, — тяжело дыша, ответил Конан, — потерпи еще капельку. Помоги-ка лучше стесать еще вон тот выступ. Из-за него у нас тут не повернешься. Да и потом, чем здесь плохо? Хоть

какое-то время можно отдохнуть от этих стражников, которые шагу не дают спокойно ступить... До чего же поганые эти бронзовые кирки! Как они быстро тупятся, работать невозможно!

Каторжники никогда не покидали дна карьера. Они тут ели, пили и спали. Днем они предпочитали работать в прохладной тени южной стороны карьера, а ближе к вечеру переходили на нагретый солнцем северный край. Ни разу Конану не приходилось видеть, чтобы стражники воспользовались лестницей. Они никогда не спускались вниз. Иногда, правда, Конан видел свисающую сверху веревку, но его сразу предупредили, что это просто у стражников такое развлечение: подкараулить понадеявшегося ускользнуть, а когда он долезет до половины, обрезать веревку. Тжай рассказал ему, что многие на его памяти пробовали рискнуть, и всегда это кончалось одним и тем же.

— Постой, Тжай, ты же не здесь долбишь! Того и гляди, действительно эта махина рухнет нам на головы. Ее же, в сущности, удерживает только одна хилая стойка. А выглядит она, прямо скажем, так, что на нее и смотреть-то страшно. Осторожнее, осторожнее, ты же сам только что меня учил.

Стражники на карьере носили форму гвардейских бритунийских войск: желтые туники и железные шлемы с меховой отделкой. Если каторжники жили на дне карьера, то стражники проводили все свое время на его верхнем периметре. Вдоль всего края был сооружен довольно узкий деревянный помост, слегка нависающий над карьером, чтобы удобнее было наблюдать за работой. В непогоду стражники прятались в будках на деревянных салазках, чтобы можно было оттащить их от обрывистой кромки в случае возникновения опасности оползня.

И ночью и днем с десятков стражников ходили по узким мосткам, надзирая за порядком, а главным образом за тем, чтобы заключенные аккуратно поднимали наверх золото и пустую отработанную породу. Для этой цели служили специальные металлические короба, которые втаскивались наверх с помощью блоков. Если стражникам казалось, что арестанты делают что-то неправильно, они брали рунор и через него отдавали команду, а чтобы те слушались побыстрей, кидали в них камни. Впрочем, это случалось нечасто, ведь намного проще было управлять заключенными, давая им больше или меньше еды, в зависимости от того, сколько они наработали за день.

Стражники с удовольствием контролировали бы и распределение воды, но тут они были бессильны, поскольку по дну карьера протекала небольшая подземная речка, часть русла которой оказалась вскрытой. Речка появлялась из низкой горизонтальной расщелины в одном краю карьера и утекала неизвестно куда под землю с другого его края. Понятно, что при такой отработанной системе стражникам было практически нечего делать, вот они и проводили все дни в праздности, играя от скуки в кости, когда не дежурили на мостках.

— Ну а теперь, Тжай, давай-ка и правда уберемся отсюда подобру-поздорову. Что-то вроде уже трещит над головой. Ты абсолютно прав, это безумие продолжать работать в этой норе. Пошли скорей!

Подталкивая перед собой Тжая, Конан выбрался из прорытого ими подкопа, за ним тянулась скрученная много раз веревка, нечто вроде каната.

— Эй, вы! — закричал Конан, едва оказавшись под открытым небом. Валите отсюда, и побыстрее! Оползень!

Все, кто работал у этой стены, побросали кирки и, не мешкая ни секунды, кинулись прочь, спотыкаясь и оскальзываясь на камнях, устилающих дно карьера. Добежав до середины, они приостановились и оглянулись.

— Ну, и где же твой оползень? — спросил через некоторое время заросший почти до глаз каторжник. — Говорят, у страха глаза велики.

— Наш северянин, надо думать, перетрудился, — сказал другой, не менее обросший. — Смотри, парень, держи себя в руках, а не то скоро начнешь бросаться на стены и взаправду обрушишь их на свою голову. Видали мы такое, и не раз.

— Говоришь, обрушить их? А почему бы и нет? — неожиданно ухмыльнулся Конан. — А ну-ка, хватайтесь все за веревку, помогите мне.

Он натянул канат, другой конец которого скрывался в темном подкопе, и откинулся назад всем телом. Тжай заулыбался и присоединился к Конану, а за ним еще человек десять-двенадцать.

Они привычно и дружно тянули под равномерный счет Конана: «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!» (именно так они каждый вечер поднимали наверх отработанную породу и золото).

Результат их усилий не заставил себя долго ждать. Канат подался так неожиданно, что мало кто устоял на ногах. Раздался приглушенный скрежет, потом загрохотало сильнее, и вот уже облако пыли взметнулось над ожившей вдруг стенкой карьера, которая все быстрее и быстрее заскользила вниз, грозя смести все на своем пути.

Арестанты взвыли от восторга, но тут же вынуждены были отбежать подальше, спасаясь от летящих градом камней. Сколько времени длился обвал, никто из них не мог бы сказать, но вот лавина, подкатившаяся почти к их ногам, приостановила

свое движение и замерла. Отдельные камни еще продолжали сыпаться сверху, но их становилось все меньше. В воздухе висела плотная серая пыль.

— Наверх! — вскричал Конан. — Наверх, пока пыль не осела! Там нас ждет свобода!

И он первым бросился по каменистой насыпи, делая громадные прыжки. Бежать было трудно, «живая», не слежавшаяся насыпь ползла под ногами, обутыми в разношенные сандалии. Каждый фут подъема требовал невероятных усилий. Особенно трудно было взбираться по мелкому щебню. Пока киммериец переносил одну ногу, другая уже сползала вниз. Тогда Конан стал высматривать глыбы побольше и прыгать по ним, как по ступеням громадной лестницы. По мере подъема склон становился более обрывистым, но зато не таким сыпучим.

Справа и слева от него карабкались арестанты, захваченные общим, для многих полузабытым, порывом к свободе. Некоторые из них, крепкие, закаленные ветераны, умудрились даже обогнать своего вожака. Оборванные, бородатые, размахивая от возбуждения руками, они неудержимо стремились наверх. Со стороны они походили скорее на безумцев, сбежавших из дома умалишенных, чем на каторжников. Тжай, лицо которого светилось надеждой, не отставал от Конана.

— Здорово это ты придумал, Конан, — проговаривал он, задыхаясь. — Я и не знал, что ты так хорошо знаешь горное дело и способен устроить такую штуку. Ведь ты совсем недолго на карьере.

Конан повернулся и протянул руку, чтобы помочь своему более низкорослому товарищу взобраться на очередную глыбу.

— Ничего странного, — ответил он. — Я ведь вырос в горах и еще мальчишкой охотился на горных коз. Как тут не научиться понимать камни.

— Да, Конан, ты хорошо научился, — подтвердил Тжай. — Посмотри наверх. Видишь, насыпь начинается от самого края карьера. Тебе действительно удалось обрушить всю стену!

— Твоя правда, разорви меня Кром! — с чувством воскликнул Конан. — Но проклятые стражники уже догадались, что к чему, и тоже не теряют времени зря. Нам еще придется потрудиться, пока мы вырвемся на свободу.

Крутой откос, образовавшийся при обвале, лишил часть деревянных мостков своей опоры, некоторые веревки, которыми для большей надежности и безопасности мостки были привязаны к близрастущим деревьям, оборвались, и теперь на краю откоса виднелись сползшие вниз и держащиеся на честном слове мостки длиной приблизительно футов в двадцать. Чуть ниже застряло тело разбившегося при падении стражника. На уцелевшей, хотя и прогнувшейся части мостков скорчились две фигуры в желтых туниках. Они отчетливо вырисовывались на фоне бледно-голубого неба, даже несмотря на пыль, всё еще висящую в воздухе. Один из них, приложив ладони ко рту, прокричал, глядя вниз:

— Арестанты! Немедленно возвращайтесь вниз! Под страхом смерти запрещаю вам приближаться к краю карьера!

Другой стражник выразился гораздо менее официально:

— Эй вы, собаки, живо вниз, не то плохо будет!

Беглецы были уже недалеко от края карьера, когда на них сверху посыпался град камней. Собравшиеся там стражники швыряли в каторжников гольшами такого размера, что любой из них мог если не убить, то во всяком случае покалечить. Вот уже кто-то вскрикнул, схватился за

окровавленное плечо и упал. Прокатившись несколько десятков футов по склону, он остался лежать с нелепо подвернутой ногой. Никого это не образумило. Наоборот, все бросились вперед еще скорее. Беглецы карабкались справа от съехавшего вниз конца деревянных мостков, и только Конан с Тжаем устремились к мосткам. Конан схватился за свисающий конец веревки, и лезть сразу стало легче. Кроме того, деревянный настил частично прикрыл его от камней, которые бросали стражники, стоя на краю карьера. Те двое, что находились на более или менее горизонтальной части мостков, лихорадочно пилили своими короткими кинжалами толстые просмоленные веревки, желая как можно быстрее свалить вниз сползшую по склону секцию настила.

Конану с Тжаем одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Они принялись изо всех сил раскачивать нижний конец мостков. Захваченные врасплах стражники вцепились в доски, но один из них не удержался и свалился чуть ли не на голову Конану, а его кинжал подкатился прямо под ноги киммерийцу.

— Здорово, приятель, добро пожаловать, — проговорил он, но стражник, сломавший себе при падении шею, был уже мертв. Столкнув труп вниз, Конан поднял кинжал и сказал Тжаю: — Давай теперь по мосткам. Живей!

Зажав в зубах кинжал, Конан первым полез по настилу вверх, используя его как импровизированную лестницу. Тжай поспевал за ним как мог, а уцелевший стражник с ужасом наблюдал за их приближением, продолжая пилить веревки.

— Вперед! Свобода близка! — кричали арестанты, которым оставалось уже совсем немного до края карьера.

Все они попали теперь в зону «обстрела». Стражники буквально засыпали их камнями, и жертв среди беглецов оказалось немало. Уцелело всего около десятка, и теперь они штурмовали последние футы особенно крутого подъема.

Конан же в это время продолжал карабкаться вверх по деревянным мосткам со скоростью корабельной крысы, почуявшей невдалеке запах протухшего мяса. Тжай следовал за ним с не меньшим проворством. Стражник, который перепиливал веревки, увидев, как быстро приближается к нему Конан, замер на секунду, борясь с желанием бросить все как есть и удрать к своим.

Внезапно справа послышался нарастающий шум. Конан на долю секунды повернул голову и увидел, что стражники предприняли последнюю отчаянную попытку остановить беглецов. Они обрубили крепление, удерживающее будку, и опрокинули ее вниз. Тяжелая будка на массивных салазках не только смела часть каторжников, идущих на последний приступ, но и вызвала новый обвал. Все ускоряющая свой бег лавина унесла с собой еще несколько человек. Стражники восторженно завопили и приготовились расправиться с оставшимися в живых тремя арестантами. Похоже, что и на этот раз слава карьера как места, откуда невозможно убежать, подтвердилась.

Но у Конана все же оставалась еще надежда. Вот он уже схватил за ногу испуганного стражника с кинжалом в руках, вот он... Больше он ничего не успел. Веревка, которую пилил стражник, лопнула с оглушительным хлопком, и вся секция вместе с Конаном, стражником и Тжаем, которого они сбили, все быстрее и быстрее поехала по каменистой осыпи вслед за только что свалившейся на дно карьера будкой. Побег не удался.

— Знаешь, а я все равно рад, что мы попробовали, — произнес Тжай. — Если бы эти проклятые стражники не умерли, у нас сейчас были бы заложники. — Конан выслушал слова Тжая в мрачном молчании. Спустя некоторое время тот заговорил вновь: — За свободу ведь и умереть не жалко.

— Три дня назад было умереть не жалко, а теперь жить не стоит. Просто замечательно! — съязвил Конан. Он раздраженно дернул плечом и поморщился от боли. Весь его левый бок представлял собой одну большую сплошную ссадину. После продолжительной паузы он сказал уже спокойнее: Нет, Тжай, сам посуди, моя попытка бежать стоила жизни чуть ли не пятнадцати человек. А все остальные винят меня, что стражники озлобились. И стражники тоже считают меня зачинщиком: ведь это я организовал побег. Забрасывают камнями с утра до вечера, ходить по карьеру невозможно.

— Надо потерпеть, — хмуро отозвался Тжай и, чтобы отвлечь Конана от горьких мыслей, спросил: — А я говорил тебе про мой мешочек с золотом? У нас здесь у каждого такой есть. — Он достал из-под лохмотьев грязную тряпицу и развязав ее, показал Конану завернутые в нее самородки. — Мы всегда носим золото на себе, а вдруг все-таки подвернется возможность сбежать. А ты успел набрать самородков?

— Так, кое-что. — Конан равнодушно продемонстрировал Тжаю свой не слишком богатый улов. — Я ведь пробыл здесь меньше тебя. — Конан опять надолго задумался. — Будь все проклято! Неужели нам суждено провести остаток жизни, разгребая день за днем эту осыпь, пропади она пропадом!

— Конан, ну будто я не понимаю. Нам всем тяжело. На какое-то время привыкаешь к тому, что

каждый день одно и то же: работа — сон, работа — сон, а когда вот так, свобода лишь подразнит... — Тжай сокрушенно покачал головой. — Тогда и жить не хочется.

— Но если бы ты знал, как обидно мне смотреть на эти стены! — запальчиво воскликнул Конан. — Я же от рождения лазаю по скалам! Я способен вскарабкаться на любой обрыв! А тут эти мерзкие гнилые породы — даже если я и смог бы влезть по ним наверх, они такие сыпучие, что стражники сразу услышали бы, как я лезу. — Конан замолчал и после короткой паузы добавил: — Нет уж, Тжай, если я опять задумаю бежать, я сделаю это один. Хватит! На моей совести и так жизни тех бедолаг!

Миновало еще несколько дней, и вот однажды утром Тжай неприметно приблизился к заводу, в которую только что вошел Конан. Не замечая, что за ним следят, Конан плескался в холодной как лед воде некоторое время, но звериный инстинкт подсказал ему вскоре, что он не один. В ту же секунду Конан очутился на берегу и схватил кайло. Тжай рассмеялся и выступил вперед из глубокой тени:

— Что, Конан, теперь уже скоро? Каков же твой план?

— Ты, Тжай, с ума сошел! Разве можно подкрадываться к человеку так незаметно! И что ты там мелешь? Какой план?

— Я-то с ума не сошел, а вот ты уже который день одержим какой-то идеей. Все молчишь, а если не молчишь, то огрызаешься. Не трудно догадаться, — ты что-то затеял. И предупреждаю тебя, ким-мериец, я твердо решил бежать с тобой. А теперь рассказывай, что придумал.

Конан сел на камень и обхватил колени руками.

— Тжай, какая разница, что я там придумал. Все равно кроме меня никто здесь не может этого сделать. Оставь меня в покое.

— Нет, не оставлю. Может, я и вправду сошел с ума, но я больше не могу находиться в этой грязной дыре ни дня. Скажи, Конан, пожалуйста... позволь мне бежать с тобой. Я лучше погибну, чем останусь здесь. Ну что ты молчишь? Все равно, еще неделя — и я начну бросаться на стены!

— Не надо, Тжай. Зачем ты так говоришь? Послушай лучше: если я останусь жив, то обязательно вернусь сюда. Неужели ты думаешь, я способен пройти мимо такого богатства? — Конан широко обвел рукою карьер. — Соберу шайку головорезов и вернусь. Мы перережем глотки этим мерзким бритунийцам и освободим вас. А потом заберем золото, вон его здесь сколько, на всех хватит. Ну давай, не будем больше об этом.

Тжай, неподвижно стоя перед Конаном, произнес решительным тоном:

— Выбирай, Конан. Либо ты говоришь мне, что задумал, по-хорошему, либо я выхожу сейчас на середину карьера и кричу стражникам, что ты собираешься бежать. Тебе придется убить меня, чтобы помешать сделать это.

Конан гневно дернулся, но тут же опять сел как раньше.

— До чего ж ты упрям, Тжай! Ну что с тобой сделаешь? Я расскажу тебе все, и ты сам поймешь, почему я не могу взять тебя с собой. Только не говори больше никому, ладно?

— Когда ты мне расскажешь, я просто обязан буду пойти с тобой... — начал приободрившийся Тжай.

— Хватит молоть чепуху! — рявкнул на него Конан. — Скажи лучше, ты плавать умеешь?

Тжай был сражен на месте.

— Зачем это мне плавать? — проговорил он заикаясь. — Рыба я, что ли? Я не умею дышать под водой.

— Так я и думал, — буркнул Конан. — Ваше племя не умеет плавать. Я и сам не умел, пока мне не довелось однажды объезжать на челноке торговые посты в Ванахейме. Тогда хочешь не хочешь пришлось научиться. Иногда это оказывается полезным.

— Конан, ты ведь не идиот. Неужели ты собираешься плыть по подземной реке? Это же верная смерть. Мне говорили, что эта река течет прямо в преисподнюю, царство мертвых — единственное место, где еще хуже, чем здесь! — Тжай был абсолютно убежден в истинности того, что говорит. — А кроме того, там же, внизу, тебе нечем будет дышать, ты задохнешься! Были у нас такие, кто в отчаянии бросался в этот поток, но никто о них никогда больше не слышал.

— Ну, и что это доказывает? Может, они, конечно, и погибли, а может, они слишком умны, чтобы возвращаться сюда. Тжай, пойми, я ни в чем не хочу тебя убеждать, поскольку ты не можешь плыть со мной, но я хочу сказать тебе вот что: немного воздуха там есть, он сохраняется в воздушных карманах в кровле. А в нескольких местах есть даже немного света, он проникает туда через трещины в породе.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Тжай.

— Я уже был там, вот и знаю. Три раза. Нет, четыре. И каждый раз я заплывал немного дальше, последний раз я проплыл под землей футов сто, а может, и больше. И на протяжении всего этого пути есть воздушные карманы, для одного человека

воздуха там достаточно, если, конечно, не мешкать и расходовать его экономно. На двоих его все равно не хватит. — Конан встал и извиняющимся жестом положил руку на плечо другу. — Ну так вот. В той самой далекой точке, куда мне удалось добраться, поток резко сужается и течение делается таким сильным, что я не рискнул туда соваться. Обратное мне почти наверняка было бы не выплыть. Но сегодня я намерен рискнуть и миновать эту точку, будь что будет. От веревки, даже если бы мы нашли такую длинную, проку не много. Ведь все равно в какой-то момент ее не хватило бы. Вот почему ты меня больше не увидишь... до тех пор, пока я не вернусь, чтобы освободить тебя, — добавил он, желая успокоить Тжая.

— Конан, возьми меня с собой! — умоляющим тоном произнес тот. — Подожди несколько дней, научи меня плавать, я быстро научусь.

— Тжай, пойми, это невозможно. В заводи совсем мелко, а как учить тебя под землей, в темноте? А какая здесь ледяная вода, ты что, забыл? Я сам ее с трудом выдерживаю, но ты мне скажи, кто кроме меня купается в заводи? А я делал это с первого же дня. — Конан сделал несколько шагов и остановился по колено в воде. — Нет, дружище, ничего у тебя не выйдет. А я обязательно вернусь за тобой, видит Кром, вернусь. Что мне до других, мне важен только ты. Верь мне.

— Конан, возьми меня! Я не могу больше здесь, как ты не понимаешь!

— Хватит, Тжай! — Конан плеснул в него водой, и Тжай отшатнулся. — Если я погибну, значит, и твоя смерть будет напрасной. Если останусь жив — вернусь за тобой. Жди и надейся. — Конан прошел дальше к выступу, под который убегала вода, и обернулся к Тжаю: — Побудь здесь немного.

Вдруг мне по какой-нибудь причине придется вернуться. А если не вернусь, прощай.

Он сделал глубокий вдох и нырнул. Он плыл по-лягушачьи, энергично, но без суетливости работая руками и ногами. Изредка он царапал спину о кровлю, потому что старался плыть повыше. Он не стал пугать суеверного Тжая и говорить ему, что дно подземной реки устлано костями утонувших в ней людей. Кости эти копились на протяжении нескольких веков — столько времени, сколько существовал карьер. Конан обнаружил их еще в первый раз и с тех пор всегда плыл по возможности дальше от дна. Там, где сквозь трещину в породе внутрь проникало немного света, среди костей и черепов можно было увидеть и золотые самородки — то золото, которое пытались унести эти несчастные. Киммериец очень надеялся, что ему повезет больше.

Конан помнил, что за следующим поворотом, у которого скопилось особенно много костей, будет воздушный карман, а еще чуть дальше — трещина, дающая чуточку света, а воздуха еще меньше. Едва он успел вздохнуть несколько раз, как вдруг его коснулись чьи-то вялые пальцы и кто-то словно обнял его слабыми руками. Конан чуть с ума не сошел от ужаса. Как безумный, рванулся он вперед, но этот «кто-то» продолжал плыть за ним, не отставая. В слабом свете, проникающем сверху, Конан наконец узнал своего преследователя. Он подхватил обмякшее тело Тжая и приблизил его лицо к кровле, туда, где было немного воздуха. Но все напрасно. Тжай не начал дышать и в себя не пришел. Он так же безвольно висел у Конана на руках. Наверно, Тжай почти сразу бросился в реку вслед за другом, и его либо убила своим холодом вода, либо он задохнулся без воздуха.

Конан, отчаявшись, выпустил труп Тжая из рук. Сам он тоже был едва жив и от пережитого страха, и оттого, что у него совершенно сбилось дыхание. Он попробовал тем не менее привести его в норму сначала в том воздушном кармане, где он безуспешно пытался оживить Тжая, а потом еще в одном, последнем из ему известных. Поток с силой тащил его дальше, и Конан перестал сопротивляться его напору. Черная подземная река подхватила его и понесла. Почти сразу Конан ударился головой о какой-то выступ и потерял сознание.

Глава третья

ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА

— Тамсин, Тамсин! Веснушка-дурнушка! — прокричали дети и вновь умчались на улицу играть в королевских стражников и разбойников. Они вопили и носились как угорелые, грязь так и летела у них из-под ног, иногда они заскакивали обратно во двор, чтобы подразнить маленькую девочку, которая сидела на крыльце, баюкая куклу.

— Тамсин, Тамсин! На голове солома, у самой не все дома!

И правда, у девочки с куклой волосы были светлее, чем у других детей, но это и не удивительно, ведь она находилась в весьма отдаленном родстве со своими деревенскими сородичами. Эти гордецы, ее родители, не пожелали оставаться со всеми в деревне, а завели себе небольшую ферму на опушке далекого леса, как теперь выяснилось, себе на горе. Ребятишки — жестокие, как и все дети, к тем, кто не похож на них, — постоянно дразнили и обижали ту, что с некоторых пор вторглась в их жизнь.

— Не обращай на них внимания, Нинга, у нас с тобой замечательные волосы, — успокоила девочка свою куклу. — У тебя они точно такого же цвета, что и у меня. Уж я-то знаю, ведь они *на самом деле* мои! Папа отрезал прядь моих, когда делал тебя. Я думаю, ты очень красивая. Пусть вокруг болтают что хотят!

— Почему ты всегда играешь с этой дурацкой куклой? — послышался мальчишеский голос. — Да еще делаешь вид, что разговариваешь с ней, а сама хоть бы слово сказала! — Орава детей, возглавляемая темноволосым Арлем, обступила крыльцо. — Тамсин! Почему ты не отвечаешь, когда я спрашиваю? Раньше-то, когда твои родители были живы, ты умела разговаривать. А нынче что — разучилась?

Дети рассмеялись, а маленькая Улва пропищала:

— И кукла у нее уродина! Вы только посмотрите: голова, того и гляди, отвалится!

— Уродина, уродина, — поддакнула другая девочка. — Давайте утопим ее в колодце!

Какой-то сорванец высунулся из-за спины Арля и сделал вид, что хочет схватить куклу, но Тамсин прижала ее к груди и так посмотрела на него, что он отступил на шаг.

— Чума вас заберит! — свирепо рявкнул грубый женский голос. — Чего вы орете тут под окнами? Проваливайте на улицу!

Размашистые движения метлы таили в себе известную угрозу, и ребятишек будто ветром сдуло. Сбежали все, кроме маленькой девочки, которая осталась сидеть скорчившись на ступеньках. Детей спугнула Гурда, толстая старая служанка в заляпанном фартуке. Глядя вслед убегающим детям, она продолжала ворчливым тоном:

— Корми их, стирай, убирай за ними — и все я одна. Да еще угождай их маменьке, будто мне и

так мало работы. А они тут кричат как резаные. — Она повернулась, чтобы войти в дом. — А что до тебя, красотка... — Толстуха переключила свое внимание на Тамсин. — Так ты не очень тут воображай. Ты здесь никто... как ты посмела, негодяйка этакая, рыться в моей корзинке для шитья! Я же вижу, ты стащила у меня лоскуток для своей паршивой куклы! Смотри, как бы тебе не прижгли железом пальцы за воровство! — Она строго погрозила девочке. — Ну ладно, раз эта мелюзга не желает с тобой играть, я сама тебя развлекаю. Возьми-ка песку и почисти решетку, вон как она закоптилась. — Гурда ткнула пальцем в сторону очага из крупных неотесанных камней, поверх которых лежала железная решетка. — Давно пора приставить тебя к делу. И смотри у меня, начисти ее так, чтоб сверкала. Днем я буду вытапливать нутряное сало из свиных потрохов, так мне лишняя копоть не нужна. Ступай, принимайся за дело.

Тем же утром, чуть позже, Тамсин сидела, спрятавшись за сараем. Костяной иглой она пришивала воротник и рукава к уже почти готовому кукольному платью. Сама кукла сидела у нее на коленях, и девочке даже не приходило в голову, что ей было бы удобнее шить, если бы она положила куклу рядом с собой. По обыкновению, Тамсин не прекращала мысленный разговор со своей единственной подружкой.

— Видишь, Нинга, мне осталось уже совсем немного. Сейчас кончу, и тогда тебе никакие сквозняки не страшны. Ты только погляди, какие замечательные рукава получились! Такого красивого платья ни у кого в деревне нет. У моей Нинги все должно быть самое лучшее!

Склонив голову из высохшей тыквочки, кукла будто прислушивалась к произнесенным словам девочки. Голова ее, сужающаяся кверху наподобие луковицы, не слишком была похожа на человеческую, но нацарапанные острием ножа глаза, нос и рот имели удивительно мрачное выражение, несмотря на то что выглядели немного по-рыбьи.

— Ах вот где ты прячешься! Так-то ты платишь за доброту своей родне! — Старая Гурда неожиданно появилась из-за угла и напустилась на Тамсин. — Стыдись, неблагодарная! Вместо того чтобы выполнять что велено, ты тут забавляешься с куклой!

Девочка хотела удрать, но толстуха проворно наступила ногой, обутой в тяжелый башмак на деревянной подошве, ей на подол. Охаживая ее по голове и плечам все той же метлой, Гурда продолжала:

— Ты у меня вычистишь очаг, не сомневайся. Уж я-то за этим прослежу. Ты у меня бездельничать больше не будешь, заруби себе это на носу!

Тамсин отчаянно дернулась, на этот раз ей удалось вырвать подол из-под ноги служанки, и она стремглав кинулась прочь, прижимая куклу к груди. Гурда сделала за ней несколько шагов и остановилась. Она угрожающе потрясла ей вслед метлой и, бормоча проклятия себе под нос, вернулась к большому медному котлу, в котором кипели свиные потроха.

Тамсин обежала вокруг дома и, поняв, что никто ее не преследует, села под старым ветвистым дубом. Дышала она тяжело, но не плакала. Немигающий взгляд ее бледно-голубых глаз был устремлен на далекое поле.

— Попало, да? — Вопрос Арля прозвучал почти робко. Руки он почему-то прятал за спиной. — Вот

старая ведьма! Если бы она меня так, уж отец бы ей дал. А за тебя, получается, и заступиться некому. — Он подошел чуть поближе. Остальная ватага стояла хихикая в отдалении. — Зря я дразнил тебя давеча. Давай помиримся. Вот погляди, у меня есть для тебя подарок. — Он сделал еще несколько шагов, вынул руки из-за спины и показал девочке браслетик. — Видишь, это ракушки. Они издалека, с моря Вилайет. Когда-то в них жили маленькие улитки, потом они умерли, а из ракушек сделали браслет. Эти ракушки не простые, а волшебные. Если у тебя заболит спина или там лихорадка какая начнется, они тебя вылечат. Вот, Тамсин, возьми, это тебе.

Он держал браслет в вытянутой руке и терпеливо ждал. Девочка как замороженная смотрела на дешевую побрякушку. Куклу свою она совершенно механически развернула лицом к Арлю, чтобы та тоже могла видеть ракушки. Наконец она встала, не отрывая глаз от вожака браслета... Постояла еще некоторое время в неуверенности, сделала шаг, другой, третий и схватила его. В ту же секунду обманщик Арль вцепился в другую ее руку и закричал:

— Скорей, сюда!

В мгновение ока вся орава обступила Тамсин, пытаясь вырвать у нее из рук куклу. Это удалось маленькому юркому мальчишке по имени Аза. Он перекинул куклу Арлю, который помчался с ней к колодцу.

— Кидай ее в воду, эту уродину! Топи ее! — кричали дети.

Тамсин кинулась за ним со всех ног. Арль даже немного испугался, увидев ее лицо, и бросил куклу обратно Азе:

— Лови!

Аза подпрыгнул и поймал куклу в воздухе, и в тот же миг на него налетела Тамсин. Легкий худенький мальчишка не удержался на ногах и опрокинулся вместе с куклой в колодец. Ребята замерли от ужаса. Но почти тотчас же из колодца раздался вопль. Обступив сруб, они увидели, что Аза упал прямо в громоздкую деревянную бадью, которая, к счастью, так и осталась висеть в колодце на расстоянии вытянутой руки от края. От резкого рывка старый журавль перекосило, и тонкий длинный шест заклинило намертво. Арль с ребятами немедленно извлекли беднягу, который продолжал кричать как резаный, — как выяснилось впоследствии, у него оказалась сломанной рука.

Тамсин перегнулась через сруб и достала со дна бадьи свою куклу. Не обращая внимания на непрекращающиеся вопли Азы, она бросилась бежать вокруг дома и тут же налетела на толстуху служанку, которая как раз отошла от очага, чтобы посмотреть, из-за чего ребята подняли такой крик.

— Ты куда бежишь? Что ты там опять натворила, отвечай! Немедленно прекрати вырываться, а не то хуже будет. Вот я тебе задам, если не будешь слушаться! Ты куда, негодница... Ой-ой-ой! А-а-а!..

Когда дети прибежали во двор, они увидели жуткую картину. Догадаться, что произошло, было несложно. Один из угловых камней, на который опиралась железная решетка очага, треснул от жара и раскололся. Стоящий на решетке котел с кипящим жиром опрокинулся, а Гурда, по-видимому, по несчастной случайности, как раз в этот момент оступилась в своих неуклюжих башмаках и упала прямо в продолжавшую бурлить и на земле жижу.

Скоро вокруг Гурды собралась вся деревня. Каждый предлагал свой способ облегчения мук

несчастной, хотя она так кричала, что разговаривать было практически невозможно. Нескончаемый страдальческий вой умолк лишь к утру.

Арнульф Праведник, как его уже давно прозвали соседи, возвращался с поля усталой неуверенной походкой. Вся его поникшая фигура, казалось, выражала покорность судьбе. И мысли, что его угнетали, были намного тяжелее мотыги, которую он нес на плечах.

Нелегка крестьянская доля. Подготавливаешь семена, потом пашешь, потом сеешь, а еще поди угадай, чтобы не опоздать или, наоборот, не посеять слишком рано, потом дожди, засуха, вечный бич — вороны, прополка, еще прополка, уборка урожая, молотба, продажа зерна, уплата налогов, и опять пора готовить семена, и опять эта каторга начинается сначала. И все на нем одном. Его старший сын Арль совсем мальчишка, когда еще он вырастет, чтобы помогать. А пока приходится нанимать работников: деньги им плати, а работают плохо, за всем приходится следить. Да еще домашнее хозяйство, дом.

С домом хуже всего. И непонятно, что делать. Началось это после смерти старой Гурды. А то и раньше, только тогда он не обращал на это внимания. Но больше так нельзя. Надо поговорить с девочкой, объяснить ей... Да, он решил, твердо решил поговорить с ней, и он поговорит.

Пошаркав подошвами у порога, Арнульф аккуратно поставил в угол мотыгу с налипшей на ней землей. Есть такая примета: принесешь с поля домой землю на мотыге — жди хорошего урожая. Арнульф прошел на кухню, поздоровался с молоденькой служанкой Иной. Она была настолько робка, что стеснялась отвечать ему даже на приветствие. Потом отправился

в спальню, где лежала хворая жена. Поговорив с ней несколько минут, он ползлелся в гостевую. В комнате находились четверо: два мальчика и две девочки. Трое сидели на полу у самого очага и тихо играли во что-то, четвертая, Тамсин, с куклой на руках устроилась чуть в сторонке. Она следила за игрой, но сама не принимала в ней участия.

— Дети, идите поиграйте на улице. Нет, Тамсин, ты останься. А вы, ребята, далеко не забегайте. Скоро ужинать. Ина вас позовет.

Троица безмолвно покинула комнату. Как они тихи и послушны, мелькнуло в голове у Арнульфа. Какой крик подняли бы они еще недавно, если бы он вот так велел им выйти. Принялись бы препираться, попытались изобрести какую-нибудь увертку, а если бы и вышли, обязательно постарались бы подслушать. Да и вообще, каким шумными и веселыми они были раньше.

— Тамсин, подойди ко мне и встань здесь, у огня. Я специально пришел сегодня домой пораньше, чтобы отослать детей на улицу, пока еще не стемнело, и поговорить с тобой наедине. — Он уселся на свой любимый стул, обитый оленьим мехом, и подождал, пока Тамсин не подошла и не встала перед ним.

— Тамсин, я решил поговорить с тобой, потому... потому что в доме нашем стало неладно. Мы живем теперь не так, как жили прежде, и не так, как живут и сегодня наши соседи. Я знаю, ты все время молчишь, но, мне кажется, ты понимаешь нашу речь. Сейчас я скажу тебе, а ты дай мне ответ, словом или знаком. — Он тряхнул головой. Тирада, конечно, прозвучала крайне нелепо.

— Тебе очень тяжело, я знаю. Ты пришла к нам в дом, пережив такое ужасное горе. — Арнульф ни за что не смог бы заставить себя впряную

заговорить о страшной смерти родителей Тамсин. — Бог даст, никогда ничего подобного не случится в нашей деревне. — Он с искренним смирением склонил голову.

— А теперь, после этого кошмарного случая с Гурдой, упокой Амалиас ее душу, в доме стало еще хуже. Моя жена, твоя мачеха, она и так никогда не отличалась хорошим здоровьем, ну а с тех пор, как погибла Гурда, сдала окончательно. Нам еще повезло, что у нас есть Ина. Ты знаешь, что твоя мачеха почти не встает с постели. Наш деревенский знахарь Урм велел давать ей в три раза больше настойки лотоса, чем раньше. А у нас здесь эта настойка ой как дорого стоит. А сколько пришлось заплатить за лечение руки Азы... — Арнулф посмотрел на девочку, но тут же опять перевел взгляд на огонь. — Еще хочу сказать тебе про браслетик из ракушек. Я знаю, как он тебе достался. Арль очень глупо поступил, придумав всю эту историю, но он не имел никакого права дарить его тебе. Я вижу, из него вышли чудные бусы для твоей куклы, но, понимаешь ли, он принадлежал... принадлежит моей жене, и, если она его хватится, будет очень неприятно... Если бы ты могла вернуть его... — Арнулф умолк, не решаясь протянуть руку к кукле. — Я знаю, ты отдашь его сама, — промямлил он немного погодя, — но хватит об этом. — Он хрипло откашлялся.

— Мы приняли тебя в свой дом. Мы пожалели тебя, ведь твои родители находились в родстве с моей женой, а других близких у тебя нет. Если бы только боги не сразили их такой страшной смертью... — Он покачал головой, слова застревали у него в горле. — Но почему-то они это сделали. Почему, мы никогда не узнаем. — Он тяжело вздохнул. — С тех самых пор ты не произнесла ни слова. Поверь, я понимаю, как тебе невыносимо тяжело.

От старой жизни у тебя не осталось ничего, кроме этой куклы... Нам всем очень-очень жаль тебя. — Арнулф заставил-таки себя посмотреть на девочку. Он протянул руку, желая погладить ее по голове, но Тамсин отшатнулась. Арнулф опять тяжело вздохнул и продолжал: — Знаешь, мне кажется, что ты зря молчишь. От твоего молчания никакой пользы, только всем плохо. И соседям это не нравится, уже поползли какие-то слухи, а в такой маленькой деревне, как наша, это совсем нехорошо. — Он устало потер лоб рукой.

— И про куклу твою тоже люди болтают всякое. А мне кажется, что твое молчание и кукла как-то связаны, что ты молчишь из-за куклы. И еще мне кажется, что на наш дом пало проклятье богов, так в нем стало тяжело жить. — Арнулф надолго замолчал, собираясь с духом.

— Я думаю, — сказал он наконец, — тебе следует отдать мне свою игрушку. Она из прошлого, пойми, а тебе надо постараться забыть прошлое. Дай мне ее. Может, тогда ты будешь говорить и играть, как остальные дети. Я ее не обижу, ты не бойся. Отнесу в поле, туда, где мы оставляем подношения нашим богам, чтобы они были к нам милостивы, и похороню ее там. Отдай, и опять все станет хорошо.

Он потянулся, намереваясь взять у девочки игрушку. Тамсин не попятилась. Напротив, она резко выбросила руку вперед, так что кукла оказалась в нескольких дюймах от лица Арнулфа.

— Не прикасайся ко мне и не оскверняй меня, — послышался голос. Арнулфу почудилось, что он исходит от куклы, но, должно быть, все-таки это говорила девочка, хрипло и злобно. — Иначе твои окровавленные кости окажутся на том поле, где вы оставляете подношения богам!

Тамсин убрала руку, снова привычно обняла куклу и безмятежно воззрилась на Арнулфа, будто ожидая ответа.

Ее отчим отвалился на спинку стула. На лбу у него сияли капли пота. Руки заметно дрожали. Он был бледен как смерть.

— Я понял, — сумел наконец выдать он. — Все будет так, как ты пожелаешь..

Глава четвертая

ПОБЕГ В НИКУДА

Когда Конан пришел в себя, солнце ласково светило с небес. Он лежал на песке у самой кромки воды, на берегу быстрой говорливой речки. Маленькие шаловливые волны щекотали киммерийцу пятки. Река сорвала с варвара и набедренную повязку, и мешочек с золотыми самородками. Солнце пригревало сверху, но влажный песок охлаждал кожу. Конан с трудом пошевелился и заставил себя отползти подальше от воды на сухое место. Там он перевернулся и сел. Все тело ломило, от синяков и ссадин на нем не было живого места, но руки и ноги, хоть и казались одеревеневшими навеки, тем не менее были целы и действовали. У самого берега он увидел борозды и ямки — теперь он припомнил, что вроде действительно выползал на берег этой тихой заводи, только когда же это было? Если судить по ощущениям, то времени прошло достаточно.

Конан посмотрел вокруг. Нигде ни малейших признаков человека. Справа от него в подмытых корнях сосны запутались куски дерева, ветки и водоросли. Выше начинался склон, поросший кустар-

ником. На противоположном берегу реки невысокие холмы перемежались с ложбинами: лес, луга, скальные гряды и опять лес, насколько хватало глаз. Там, где он сидел, река слегка замедляла свой бег, и это была именно река, довольно широкая и полноводная, такая река могла унести обессиленного пловца далеко, очень далеко.

Если судить по положению солнца, сейчас было около полудня. Та часть реки, что попадала в поле зрения, получалось, текла с севера на юг. Это ни о чем не говорило, киммериец так толком и не понял, где находится. Ведь реки вблизи Кезанкийских гор текли либо с запада на восток, либо с востока на запад. Однако никаких высоких скал, покрытых снегами, он не видел, во все стороны — лишь убегающие вдаль холмы.

Еще раз внимательно оглядевшись по сторонам и не обнаружив поблизости ничего живого, Конан вошел в реку, умыл лицо, окунул в воду голову и энергично потер ее, пытаясь смыть набившийся в волосы песок. Потом он попробовал по вкусу воды догадаться, откуда она течет. Не чувствуется ли в ней ледяная суровость гиперборейских снегов? Не отдает ли она торфяниками тундры? А может, к ней примешиваются воды серных источников Кезанкийских гор? Конан ничего не смог определить. Вода была чистой, без малейшего привкуса... как, впрочем, и в подземной речке, которая текла через «золотой» карьер.

Куда же он все-таки попал? Насколько далеко унесла его река? Если бы он только хоть приблизительно знал месторасположение проклятого карьера, уж он как-нибудь сумел бы сейчас сориентироваться. С его опытом путешественника не так уж это было бы и трудно. Ну а теперь, если он, например, отправится вниз по течению, куда приведет его

река? Сольется ли она с величественной Данибос, на которой стоит Саргосса, столица Бритунии? Или, повивая, исчезнет в пустынях Заморы, не дотянув до Шадизара каких-нибудь ста миль? А может, она будет вести его день за днем, месяц за месяцем и приведет в конце концов к северной оконечности моря Вилайет, туда, где оно такое мелкое и такое соленое? А может, в Коринфию? Догадаться невозможно.

Ну а если попробовать решить эту загадку с другой стороны... Вот, скажем, сколько времени его могло нести вниз по течению? Река быстрая, довольно глубокая, так сколько же времени прошло, пока его не прибило здесь к берегу? Уж во всяком случае, не целый день, ведь он бросился в подземный поток утром. Значит ли это, что он находится сравнительно недалеко от карьера?

Повернувшись на другой бок, Конан впервые обратил внимание на корягу, по-видимому недавно застрявшую здесь на мелководье. Что-то смутно шевельнулось у него в памяти. Толстый обрубок сосны в человеческий рост длиной, обломанные ветки торчат во все стороны, желтоватая кора не успела еще даже просохнуть на солнце. Конану показалось, будто он помнит, как цеплялся за эти самые обломки сучьев, как держался за них мертвой хваткой бесконечно долгое время... Он задумчиво потер ссадины на груди. Да, почти наверняка он плыл на этой коряге. Конан потряс головой, вспоминать дальше не было смысла: ведь если так, то его могло нести сколько угодно времени, он не имел ни малейшего представления, сколько пробыл без сознания.

Ну да ладно, обо всем этом он может подумать и попозже, а сейчас надо позаботиться о еде. Конан вдруг почувствовал, что буквально умирает от го-

лода, и вскочил на ноги. Его резкое движение вспугнуло павлина, который суматошливо вспорхнул из-под соседнего куста и полетел через реку. Конан разочарованно проводил его взглядом. Впредь следует быть осмотрительнее, — для того чтобы выжить, ему придется приложить немало усилий.

День был тихий и теплый, негромко журчала вода, щебетали птички, порхая с ветки на ветку, в траве стрекотали кузнечики, жужжали пчелы. Чуть дальше на берегу виднелись следы антилопы. Это его порадовало, но он знал, что если есть дичь, то, значит, есть и те, кто на нее охотится, а он сейчас совершенно не был готов к встрече с любым маломальски серьезным хищником.

Конан решил для начала заняться рыбной ловлей. Чего-чего, а рыбы здесь было много. Он прошел немного вверх по течению до места, где недалеко от берега лежал большой гранитный валун. Бесшумно войдя в реку, он остановился и нагнулся, вытянув вперед руку ладонью вверх, так что над поверхностью воды осталась одна его голова. Теперь следовало замереть и ждать, пока кто-нибудь не приплывет. Конан слегка шевелил пальцами, он знал, что рыба любит стоять в воде неподвижно, едва шевеля плавниками, особенно там, где какое-нибудь небольшое препятствие создает слабые завихрения в ровном потоке воды.

Ждать пришлось не слишком долго, Конан даже не успел замерзнуть. Большая серебристая форель, гибко вильнув хвостом, выплыла из тени валуна и расположилась прямо над ладонью Конана. Он затаил дыхание, напрягся и мощным взмахом руки выбросил форель на песок. В два прыжка он очутился на берегу и, схватив прыгающую рыбку, поднес ее ко рту, потом одумался и начал искать

глазами камень, чтобы разбить ей голову и прервать ее мучения до того, как вонзят зубы в сочную плоть.

Форель была не из маленьких, однако она лишь разожгла аппетит Конана. Он опять полез в воду и долго стоял там, неподвижно согнувшись, но больше никто к нему не приплыл. Тогда он нашел другое место и в течение часов двух поймал сначала очень большую форель, которая сумела ускользнуть от него в последний момент, а потом еще одну, поменьше. Когда он доел ее, то был все так же голоден, только ко всему прочему еще продрог до костей.

Тогда Конан пошел вниз по течению реки к полувысохшей старице, которую он заметил раньше, надергал там сладкого болотного лука и пристроился в расщелине скалы, смотрящей на юго-запад. Солнце стояло низко и уже почти не грело, зато скала была теплой, и рядом с ней было не холодно. Конан жевал лук и проклинал свое невезение. Правда, первую форель он поймал быстро, но потом счастье ему изменило, и в результате теперь, после по-дурачки проведенного дня, так толком и не насытившись, ему надо искать убежище на ночь, потому что ночью на охоту выйдут хищники, а он совсем не расположен с ними встречаться, пока не смастерит себе хоть какое-то оружие. Конечно, если бы у него был огонь, тогда он мог бы не только отпугнуть зверье, но и не замерзнуть ночью.

Однако делать было нечего, и Конан отправился искать себе хотя бы относительно безопасное убежище. Обследовав скалу (она спускалась прямо в реку), где вброд, чтобы прервать свой след, где карабкаясь по голым камням, он нашел наконец подходящую щель. Ее дальний конец был завален боль-

шими глыбами, наверх уходила отвесная стена, чуть ниже росли кипарисы, — Конан решил, что их пушистые кроны частично предохранят его от поднимающегося от реки тумана. Ну а если какой-нибудь зверь все же решит напасть, то хищнику придется иметь дело с загнанным в угол опасным противником.

Конан нарвал с ближайшего дерева пахучих веток и устелил ими землю — получилась постель. Потом он сложил в кучу изрядное количество камней — будет чем кидаться в случае нужды. Большая сучковатая палка послужит ему дубинкой, если придется схватиться вплотную. Конан еще раз спустился к реке, прикидывая, что ему еще может понадобиться, и вдруг услышал, как на противоположном берегу треснула ветка. Он взглянул в сгущающийся сумрак и увидел красавца оленя, который вышел к берегу напиться. Конан схватил голыш с кулак величиной и с силой запустил его, метя в голову зверя. Увы, бросок оказался неудачным. Камень отскочил от ветвистого рога, не причинив оленю никакого вреда. Раздался drobный топот удаляющихся копыт и треск ломающихся веток, через мгновение испуганное животное скрылось из виду. Вообще-то Конан мог бы переплыть реку и пуститься за ним в погоню, но охотиться на такого гиганта безоружным было просто глупо.

Конан вернулся в свою щель, растянулся на ветках и, едва успев закрыть глаза, уснул крепким сном.

Ночь прошла без происшествий. Время от времени Конан на миг просыпался, услышав либо крик совы, либо далекий вой волков, но он легко определял происхождение всех звуков, поскольку был привычен к лесной жизни, и они не пугали его, как могли бы испугать горожанина, который трясся бы

до утра от страха, ожидая нападения неизвестного зверя. А Конану даже не приходилось полностью просыпаться, чтобы оценить степень опасности. Нет, разбудила его ночью не боязнь нападения какого-то хищника, а холод, сырость и обыкновенные комары. Очнувшись от первого глубокого сна, Конан понял, что сделал ошибку, расположившись на ночь в этой гнилой дыре, словно притягивающей весь речной туман. Кожа у него зудела, и он продрог как собака, здесь было не теплее, чем в гиперборейской гробнице. С большим трудом Конан заставил себя встать, ему вовсе не улыбалось пробудиться завтра вялым, ослабевшим, с одеревенелыми мускулами. Он подхватил дубинку и начал карабкаться вверх по утесу. Это оказалось не так уж трудно, луна светила вовсю.

Вскоре он очутился на широком уступе, частично прикрытом ветвями росшей внизу сосны. Воздух здесь был сухой, и сама скала, казалось, еще не успела остыть за ночь, никакого сравнения с промозглой сыростью облюбованной им ранее щели. Конан сгреб в сторону камни и шишки и улегся на мягкие сосновые иглы досыпать.

Утром светило солнце. В небе — ни облачка, распевали проснувшиеся птицы, откуда-то сбоку раздавался хруст — бурундук лакомился сосновыми шишками. Конан сел, потянулся и стряхнул с себя налипшие иглы.

Со своего высокого уступа ему видна была река, текущая в широком каньоне приблизительно в южном направлении. На востоке местность была холмистой, роскошные дуга перемежались небольшими густыми рощицами. Там и сям блестели озера, от которых поднимался легкий туман. И нигде ни малейших признаков жилья: ни дыма от костра

или очага, ни возделанных полей, ни каких-либо других примет присутствия человека.

Оно и к лучшему, мелькнуло в голове у Конана. Он сумеет здесь выжить, а без людей это будет для разнообразия даже приятнее.

Справа от Конана, на запад, ландшафт был гористый, кое-где вздымались довольно крутые скальные гряды, хотя не было ни одной маломальски заметной вершины, которую он мог бы признать. (Ему не раз приходилось видеть военные карты и карты караванщиков.) Но что же все это может означать? Неужели он, сам не зная того, пересек Кезанкийские горы? Неужели его тюремщики — или это был подземный поток? — каким-то невероятным образом перенесли его на восточную сторону водораздела, оставив позади высокие снежные пики тянувшегося с севера на юг хребта? Но если так, если его действительно забросило за пределы хайборийского мира, тогда на то, чтобы вернуться обратно, могут уйти годы, а не то и десятки лет. Остается, конечно, некоторый шанс, что он все-таки находится по западную сторону гор, в каком-то забытом богами медвежьем углу, куда не ступала нога человека. В любом случае его жизнь никак нельзя назвать скучной или однообразной.

Конан сидел на уступе, греясь на солнышке, как ящерица, и все ломал себе голову над тем, где же он находится, и вдруг его поразила неожиданная мысль: а почему он, собственно, так рвется обратно? Кто его там ждет? Кому он там нужен? Споры нет, за годы странствий он сошелся со множеством людей, и у него там не счесть друзей-приятелей, но все они такие же, как он, скитальцы, перекати-поле, и, кроме того, сколько раз за последнее время ему приходилось круто менять свою жизнь, хотя,

безусловно, ему еще никогда не приходилось начинать все заново так, как сейчас, — голому, безоружному и находящемуся неизвестно где.

Думая о друзьях, Конан, само собой разумеется, прежде всего вспомнил о Тжае, покоящемся на дне подземной реки. Тжай мертв. Киммериец собственными глазами видел его труп. Тогда зачем вообще возвращаться мыслями к «золотому» карьеру? Ну есть где-то карьер, так что же? Он может всю жизнь разыскивать его, а если найдет, то зачем? Для того чтобы отомстить или чтобы разбогатеть? В том мире, в котором он сейчас очутился, из мести рубашки не сошьешь, а золотом не позавтракаешь. Так или иначе, в настоящий момент он не может отправляться куда бы то ни было. Сначала надо подготовиться. Пожалуй, это его последнее приключение сулит ему немало новых, еще не изведанных ощущений. А почему бы и нет? Ведь по натуре он искатель приключений, как же может он отказаться от такого замечательного приключения и заодно не проверить лишний раз свои силы, в которых он, впрочем, не сомневался. Итак, решено, он останется здесь, стряхнет с себя старую жизнь, как ящерица сбрасывает старую кожу.

Конан спустился к реке. На этот раз удача ему сопутствовала, и очень быстро он выловил две форели, одну маленькую, а другую очень большую. После этого он накопал съедобных корешков, а завершил свое пиршество спелой земляникой. Насытившись, Конан занялся поисками кремней и вскоре нашел несколько подходящих обломков. Как ему не хватало ножа! Если бы у него было стальное лезвие, он смог бы без труда высечь искру и разжечь костер, а костер... да, костер — это так много: защита от хищников, тепло, возможность вскипятить воду, поджарить мясо или рыбу. Ну да ладно, в настоящий

момент перед ним стояли гораздо более насущные проблемы.

Конан поднялся на плоскую вершину утеса, прихватив с собой кремни и продолговатый голыш мелкозернистого гранита. Выбрав лучший из кремней, Конан принялся методически обтесывать его при помощи голыша, служившего ему чем-то вроде молотка. Голубоватый кремнь легко поддавался обработке, надо было только не спешить. Тонкие до полупрозрачности осколки один за другим отскакивали от поверхности камня, который постепенно приобретал все более правильную форму — Конан вытесывал топор.

Работая, киммериец пытался подражать ловким свободным движениям стариков из его родной деревни, которые в годы его детства занимались изготовлением топоров, ножей, наконечников для стрел и дротиков, скребков и много чего другого, необходимого в повседневной жизни. Юность этих людей приходилась на те времена, когда в Киммерии не было еще появившихся позже стальных клинков из Аквилонии. Конан помнил, с какой изящной легкостью они работали. Казалось, им ничего не стоит заострить затупившийся скребок или придать нужную форму ножу с обломившимся кончиком. Кстати говоря, режущая поверхность ножей и прочего намного острее стальной, хотя каменные орудия, конечно, несравненно более хрупкие. Тем не менее каменный топор запросто разрубал даже относительно крупные кости, не говоря уже о любой самой толстой шкуре.

Конан очень старался, но ему явно недоставало умения. Уже под конец, когда работа была почти сделана, одним неловким ударом он уничтожил плоды нескольких часов труда. Проклиная всех известных и неизвестных богов, Конан вновь принялся

обтесывать камень, но гораздо быстрее и увереннее, чем раньше. То, что у него получилось в результате всех его стараний, лишь отчасти напоминало искусные изделия деревенских мастеров, но пользоваться топором можно — и это главное. Конан с сожалением посмотрел на свою дубинку. Пока что ему нечем было прикрепить топор к рукоятке. Придется бить им, держа в руке. Первый удар должен быть смертелен, потому что второй раз нанести его будет трудно: запачканный кровью камень скользит в руках.

Взяв топор, дубинку и осколок кремня, который мог сгодиться в качестве ножа, Конан отправился вниз по реке. Нести все это было неудобно, но он надеялся в скором времени приспособить для этой цели что-нибудь практичное. Выйдя на луг, Конан заметил кролика, который лакомился молодыми листьями одуванчика. Киммерийцу удалось подобраться к нему довольно близко, поскольку его шаги заглушало журчанье воды, но брошенная палка стукнулась о пустую кочку. Кролик ускакал, пока палка еще только летела по воздуху. Зато павлину с голубым хохолком на голове повезло гораздо меньше, его Конан подшиб прямо в воздухе.

Обглодав последнюю косточку, повеселевший киммериец двинулся дальше. Ему непрерывно попадались следы многочисленных животных, особенно много их оказалось в том месте, куда они ходили, по-видимому, на водопой: антилопы, буйволы, волки, медведи, рыси... Конан постарался побыстрее миновать этот опасный участок пути. Зато на опушке леса он обнаружил, что искал, — еще теплые катышки оленьего помета. Внимательно осмотрев все вокруг, Конан определил направление, в котором ушел олень, и побежал за ним, внимательно глядя под ноги, чтобы не сбиться со следа. Он не особенно

спешил, потому что знал, что мало-мальски тренированный человек выносливее любого оленя. Разумеется, тот может бежать быстрее, но бежит он рывками, на относительно короткие расстояния, а потом устает и замедляет бег, а то и вообще останавливается, пока охотник опять не спугнет его. В конце концов олень либо в изнеможении упадет, либо решит принять бой, и тогда уже исход схватки решит сила, быстрота и ловкость охотника, ну и, конечно, оружие.

Пока же главным было не сбиться со следа, быть готовым к неприятным сюрпризам и, что важнее всего, — не повредить ноги. Подошвы его ног, безусловно, достаточно огрубели за время работы в карьере, да и раньше ему приходилось немало ходить босиком, однако к бегу по всем этим камням и колдобинам он был еще не вполне готов. Поэтому ему приходилось не только замечать сломанные веточки, примятые травинки, вывернутые камни, но и непрерывно смотреть, куда поставить ногу.

Конан услышал оленя раньше, чем увидел. Должно быть, тот почуял его запах и резко прибавил ходу. Когда киммериец выскочил на очередную лужайку, он увидел лишь качающиеся впереди на другом ее конце ветки кустарника и уловил удаляющийся стук копыт. Судя по глухому тяжелому стуку и по размеру отпечатков копыт, перед ним был матерый самец.

Конан припустил вдогонку и через некоторое время удостоверился в правильности своей догадки: олень и вправду был очень крупным, с большими ветвистыми рогами. Завидев киммерийца, он устремился вверх по склону, прыгая через лежащие на земле стволы деревьев и с шумом продираясь сквозь кусты. На каменистом гребне холма Конан потерял его след. Руководствуясь скорее

интуицией, чем какими-либо признаками, киммериец пустился бежать вниз по неглубокой ложбине. Спустя короткое время он услышал справа стук копыт о камень. Конан кинулся на звук, но больше ничего не было слышно, а перед ним оказалась большая каменистая осыпь. Киммерийцу пришлось остановиться, чтобы обследовать ее. Олень куда-то исчез, и следов не найти. Конан спустился по склону и очутился на широкой солнечной поляне. С первого взгляда казалось, что олень через нее не пробегал: трава нигде не примята и едва заметно колышется под слабым ветерком. Конан призадумался. Олень мог войти в лес на противоположной стороне поляны, обогнув ее каким-нибудь краем, и для того, чтобы найти это место, понадобится время. Олень успеет отдохнуть, и его опять придется долго гнать, покуда он снова не устанет.

Внезапно в лесу застрекотала какая-то птица и перепорхнула с места на место: наверняка ее спугнул олень. Когда Конан опять догнал животное, пот катился с киммерийца градом, пряди черных влажных волос то и дело падали на глаза, грудь ходила ходуном, сердце гулко стучало в груди. Но и олень чувствовал себя не намного лучше. Завидев Конана, он поскакал прочь, но прыжки его были уже не такие легкие, как раньше, и он почти сразу налетел на небольшое деревце, что тоже говорило о его возросшей усталости.

Если откровенно, Конан не был вполне уверен в исходе завершающей схватки. Оленьи рога — грозное оружие, не говоря уже о тяжелых копытах и длинных крепких зубах. Конан ничуть не возражал бы, если бы олень не был таким большим. Или, на худой конец, у него был бы лук и он мог бы ранить его до того, как придется сойтись один на один. Но в прошлом ему удавалось справляться с подобными

оленьями, хоть и бывал он иногда вооружен лишь мечом и кинжалом. Так неужели сейчас он не одержит верх, имея дубинку и каменный топор, — когда это столь для него важно?

Олень карабкался на каменистый склон, оскальзываясь и спотыкаясь. Киммериец ощутил мускусный запах — запах страха, охватившего напуганное животное. Он был так близко от оленя, что даже подумал, не попробовать ли дотянуться и ударить его дубинкой по задним ногам, но не сумел подобраться вплотную и даже отстал немного. Олень оказался на вершине раньше его, мгновенно исчезнув из виду.

Конан преодолевал последние футы, от возбуждения он забыл про усталость. Внезапно сверху донесся какой-то хруст, короткий жалобный стон, и нечто огромное — Конану показалось, будто у него под ногами дрогнула земля, — метнулось в сторону. Однако киммериец не успел разглядеть, что именно.

Когда он влез наконец на вершину, она была абсолютно пуста. Олень словно сквозь землю провалился. Если бы не кровь, оросившая траву, можно было бы подумать, что его здесь вообще не было. Тщательно осмотрев все вокруг, Конан не нашел совершенно никаких следов. И крови больше нигде тоже не было. Уж не унесла ли его какая-то громадная птица? А если неведомый хищник преследовал оленя (а может, и его самого?), то почему он ничего не заметил? И сколько времени это продолжалось?

А вдруг это дело рук человека? Может, кто-то поставил хитрую ловушку и олень в нее угодил? Но нет, какая там ловушка! Ничего похожего рядом не было. Колдовство? Возможно... Конана прошиб холодный пот. Из охотника он превратился в дичь.

Теперь уже от него исходил запах страха. Нельзя допустить, чтобы кто бы то ни было почуял этот запах. Немедленно к реке мыться.

Глава пятая

ДЕНЬ НАРЕЧЕНИЯ

Тамсин заговорила на четвертый год своего пребывания в деревушке Содграм. Как ни удивительно, случилось это во время одного из бритунийских религиозных праздников, Дня Наречения. Если бы впоследствии дела пошлись по-другому, вернувшись к Тамсин способность говорить можно было бы счесть благодеянием, оказанным самым почитаемым богом Бритунии Амалиасом несчастной сиротке.

С тех пор как родители Тамсин погибли, прошло уже много времени, и она сильно вытянулась, превратившись в стройного гибкого подростка. Она была освобождена от работы в поле, на скотном дворе и в доме, хотя все ребята ее возраста уже давно были приставлены к делу. Соседи считали, что Арнульф жалеет девочку. В свои двенадцать лет Тамсин ничем не походила на деревенских детей: кожа ее продолжала оставаться белой, руки не были обезображены работой на улице в любую погоду, походка сохранила грациозность. Она носила не грубые деревянные башмаки, а легкие туфли, которые достались ей от мачехи — та редко когда вставала с постели. Еще она отдавала Тамсин свои платья, которые были, конечно, велики, но почему-то очень хорошо смотрелись на девочке. Волосы Тамсин из льняных превратились в темно-рыжие.

Любителям совать нос в чужие дела всегда находилось что сказать о домочадцах Арнульфа.

— Жена-то у Арнульфа и не больна вовсе. Просто ей нравится изображать из себя хворую да попивать настойку из лотоса. А сам он хоть и заслуженно прозывается Арнульф Праведник, но ведь дурак дураком, верит ей, а она и рада. Да еще с девчонкой не умеет справиться, боится он ее, что ли? Давно уже пора бы вправить мозги этой бездельнице.

Вскоре, однако, деревенские стали примечать, что, если кто дурно говорил о домашних Арнульфа, на него либо нападали чирьи, а то вдруг, ни с того ни с сего, случались колики или еще что в этом роде. И постепенно сплетни утихли.

По всему было видно, что самой Тамсин, кроме платьев мачехи и лент, которыми она подвязывала волосы, ничего не надо. Зато если ей в руки попадала какая-нибудь побрякушка, она непременно доставалась кукле, которую Тамсин по-прежнему везде таскала с собой. Она плела для нее венки и гирлянды из цветов, на шее у куклы висели бусы из дерева, камня и кости, а иногда и более дорогие украшения из сундучка с приданым ее мачехи. В деревне сначала насмехались над куклой, но печальный опыт быстро отучил их от этого.

Тамсин, несмотря на свою немоту, была любопытным ребенком. Ее интересовало, как растут и зачем нужны разные растения, привычки диких и домашних животных, она следила, как сменяются времена года, и подолгу глядела в звездное небо. То, что она не говорила ни слова, казалось, еще сильнее обостряло ее наблюдательность. Течение деревенской жизни Тамсин тоже не оставляла своим вниманием. Она часами могла смотреть на то, как работают люди, и всегда слушала их разговоры.

Со временем соседи привыкли к этой ее манере и мирились с ней, главным образом, потому, что в присутствии Тамсин их дети вели себя тише воды ниже травы.

Больше всех помогал Тамсин получить ответы на интересующие ее вопросы старый деревенский знахарь Урм. С первых же дней жизни в Содграме девочку тянуло к нему как магнитом. Она увидела его впервые, когда он пришел навестить больную жену Арнулфа, и с тех пор не проходило и дня, чтобы Тамсин не зашла в его домик под соломенной крышей в конце деревни. Люди не раз видели, как Урм говорит и говорит ей что-то. Вдвоем — или втроем, если считать куклу, с которой не расставалась Тамсин, — они бродили по окрестным лесам и болотам, собирали какие-то травы, выкапывали корешки, а потом в хижине Урма сушили, растирали, выпаривали — готовили целебные снадобья, и Тамсин была его неизменной помощницей. Разговаривала ли она с ним или молчала, как с другими, никто не знал, но Урм почему-то не сомневался, что она его понимает, и учил ее всем премудростям своего ремесла. Старик знахарь был единственным ее другом.

Но злой рок словно преследовал Тамсин: ее учитель сгорел в своей собственной хижине. Никто не знал, где была девочка, когда начался пожар, может, даже вместе с Урмом, но она успела вовремя выскочить, а он не сумел. А может быть, предчувствуя беду, она прибежала к его дому, когда было уже поздно. Один из соседей увидел в окно, как хижина Урма вспыхнула словно свечка. Он выскочил на улицу, а Тамсин уже стояла там, беспомощно глядя на пламя и прижимая к себе куклу лицом.

— Небось сначала высосала из него все, что он знал, а потом, паршивая девчонка, и подожгла

сама, — высказала предположение одна старуха, но той же зимой ее принялась трепать лихорадка, и до весны она не дожила. И снова никто не осмеливался вымолвить слово против Тамсин.

Следует отдать девочке должное: после того как огонь угас, именно Тамсин пошла на пепелище (деревенские почему-то робели) и отыскивала обгоревшие кости Урма. Она сложила их в сундучок из благородного кедра, и потом его долго можно было видеть в сарае за домом Арнулфа, куда Тамсин стала приносить собранные ею травы. А еще она разыскала на пепелище ковчежец, который Урм всегда носил на шее, и с тех пор он всегда был на кукле Тамсин — еще одна дань памяти ее учителю и другу.

Да, не зря Тамсин проводила столько времени со старым знахарем. Теперь, когда его не стало, она как-то очень естественно заняла его место. Ей не составило труда приготовить мазь и сделать лечебный пластырь для одной из соседок, когда ту замучил кашель. Она даже сама и прилепила этот пластырь ей на спину, ловко управляясь одной рукой. В левой она держала свою куклу. А когда куница повадилась таскать кур у одного крестьянина, живущего на краю деревни, у нее нашлось все необходимое для составления ядовитой приманки, и эта приманка сделала свое дело.

Лишь одним отличались ее методы от методов старого Урма: к удивлению всех, она никогда не брала платы за лечение сразу, она всегда выжидала какое-то время, пока снадобье не подействует, и лишь тогда являлась за вознаграждением. Ну, а свою мачеху она лечила, конечно, даром. Насобирав по болотам каких-то корешков, и вскоре новая микстура была готова. Но что самое поразительное, ей удалось добиться того, чего не сумел

Урм: она таки вылечила несчастную. И при этом не покупала никаких порошков у проезжих торговцев, так что сэкономила Арнульф кучу денег, в доме же наконец воцарился мир и покой.

Официальная религия проявляла гибкость по отношению ко всем этим бесчисленным целителям и знахарям, удовлетворяющим нужды темных невежественных крестьян. Разумеется, все они были обязаны признавать главенство величайшего из богов — бога Амалиаса, но в остальном предоставлены сами себе. У жрецов хватало забот и без них: войны, засухи, мор, а кроме того, толкование видений короля Тифаса, когда он излишне увлекался и бражничал днями напролет, после чего ему начинало мерещиться неизвестно что.

Вот почему жрецы лишь в исключительных случаях проявляли интерес к целителям из глухих деревушек, затерянных в лесах и болотах бескрайней Бритунии. И знахари, и их подопечные в общем и целом предпочитали своих местных богов главному богу страны — Амалиасу. Впрочем, некоторые из целителей для вида носили на себе амулеты и талисманы, наподобие тех, которыми пользовались столичные жрецы, а кроме того, использовали его имя в заклинаниях и заговорах. Другие не утруждали себя и этим, благодаря чему, если возникала нужда, на них всегда можно было свалить любую неприятность и казнить в назидание прочим, для того чтобы отвлечь внимание бритунийцев от какой-нибудь насущной политической или религиозной проблемы. Удобно, когда есть под рукой человек, которого в любой момент можно отправить на костер или повесить.

Представители официальной религии, ее верховные жрецы снисходили до простого люда лишь во время традиционных ежегодных празднеств, одним

из которых был День Наречения. В этот день в деревню приезжал жрец, благословлял всех детей, достигших соответствующего возраста, и вносил их имена в церковные регистры, после чего они считались достигшими совершеннолетия и могли впоследствии вступать в брак.

Когда в местности, где находилась деревушка Содграм, было объявлено о приближении Дня Наречения, законопослушный Арнульф внес имена своих детей, а также имя Тамсин в список. Девочка по-прежнему не разговаривала, поэтому трудно было узнать об ее отношении к этому событию, но, судя по всему, она не имела ничего против и была готова подвергнуться обряду Наречения вместе с другими детьми.

Верховного жреца, осуществляющего надзор над Содграмом и еще полусотней таких же убогих деревушек, звали Эпиминофасом. В его жилах текла кровь благородных коринфийских семейств, он имел бледное одутловатое лицо и смазывал волосы оливковым маслом. Эпиминофас жил в городе Ерваш, столице провинции, и его очень мало волновало, что происходит за городскими стенами. По мере того как доходы его увеличивались, а состояние росло, он все реже и реже отправлялся в утомительные поездки по вверенной ему провинции. Но недавно до него дошел слух, что где-то в глухомани, в одной из поднадзорных деревень, объявилась юная целительница, которая настолько молода, что даже еще не подвергалась церемонии Наречения. А кроме того, с интересом услышал Эпиминофас, что она поразительно хороша собой.

Что ж, ситуация самая обычная: либо эта новоявленная знахарка покорится и подтвердит свою приверженность догматам истинной веры, либо нет, тогда Эпиминофасу придется вразумить упрямцу.

И то и другое его вполне устраивало. В первом случае возвеличивалось имя Амалиаса, ну а во втором... что же, Эпиминофас ничуть не против наставить на путь истинный заблудшую красавицу девственницу, даже если на это понадобится много времени. Он, пожалуй, даже чувствовал в себе к этому призвание.

Поэтому почтенный служитель храма Амалиаса и решил самолично присутствовать на церемонии Наречения в этом отдаленном краю своей провинции. Его несли туда в позолоченном паланкине восемь прислужников, здоровых, крепких парней, натренированных не только для помощи при выполнении религиозных обрядов, но и способных защитить своего господина в случае возникновения каких-либо осложнений.

Местом для проведения ритуала был избран Аббас Долмиум, святое место, находящееся примерно на равном расстоянии от прочих деревушек. Но главным здесь было не удобное расположение храма, а именно его святость. Грубо обтесанные массивные глыбы-колонны стояли на обдуваемом всеми ветрами холме. Колонны эти были плотно подогнаны друг к другу и образовывали невысокую круглую башню с тростниковой крышей-шатром. Люди говорили, что этот храм-башня стоит здесь уже тысячу лет, а может, и больше, и появился он еще в те времена, когда о боге Амалиасе еще и слыхом никто не слыхивал. Но жрецы утверждали, что этот храм посвящен именно Амалиасу, и регулярно совершали здесь свои обряды.

Когда верховного жреца доставили к храму, почти все были уже на месте. Некоторые подошли только что, другие, из более отдаленных деревень, явились накануне и провели ночь в самом храме, согреваясь огнем, разведенным в очаге посередине

башни. Земляной пол был выстлан свежей травой, а крыша починена. Прислужники верховного жреца принялись натягивать у алтаря красивый узорчатый полог, за которым Эпиминофас мог бы облачиться в соответствующее случаю одеяние.

Церемония Наречения проходила гладко. Одного за другим матери и отцы подводили к алтарю своих сыновей и дочерей. Некоторые выходили гордо и смело, другие смущались и робели. Их имена выкликались, потом один из прислужников брал их за правую руку, верховный жрец ритуальным медным ножом делал на пальце надрез, кровь капала в плоский каменный сосуд, а второй прислужник макал в эту кровь перо и заносил имя ребенка в священные свитки, тем самым закрепляя за ним место в этом мире.

Маленькую колдунью Эпиминофас, естественно, оставил напоследок. Он сразу догадался, кто именно из детей она, и по ее необычному виду, и по тому, как на нее смотрели другие. Но вот список, который лежал перед писарем, кончился, вернее, в нем осталось только одно имя. Девочку подвел к алтарю, по-видимому, ее отец. В храме воцарилась такая тишина, что Эпиминофас понял, что здесь нет человека, который бы не знал и не побаивался эту рыжеволосую красавицу. В отличие от других, она не была одета в белую холщовую рубаху до колен, какую принято надевать в День Наречения. Вместо этого на ней красовалось бледно-зеленое платье до пола, которое ей было явно велико. Но это-то еще куда ни шло, но вот то, что она держала в руках самодельную куклу, увешанную разными побрякушками, уже не лезло ни в какие ворота.

В первый момент Эпиминофас собирался указать нахальной девчонке на недопустимость такого

поведения, но потом передумал. Если маленькая колдунья захотела таким способом выделиться из общей массы, что ж, это вполне объяснимо. Во всяком случае, вид у нее вполне пристойный и, пожалуй, даже торжественный. Ну, а если она начнет выкидывать какие-нибудь фокусы, никогда не поздно поставить ее на место.

— Назови свое имя, дитя, — произнес жрец красивым глубоким голосом.

Последовала продолжительная пауза. Эпиминофас перевел взгляд на испуганное лицо обливающегося холодным потом дуралея, которого прочие дуралеи называли не иначе как Арнульф Праведник.

— Святейший, — сказал наконец крестьянин, — мне придется говорить за мою падчерицу. С того дня, как ее родители были убиты, она не вымолвила ни единого...

— Тамсин, — перебил его твердый чистый голос. — Запишите имя Тамсин.

Это произнесла сама девочка и протянула руку над алтарем. По храму волной пролетел возбужденный шепот. Жрец понял, что произошло что-то невероятное, и в тот же миг догадался: маленькая плутовка все эти годы изображала немую, а теперь взяла да и подарила ему возможность сотворить чудо.

— Тамсин... — жрец сделал внушительную паузу, — клянешься ли ты всегда исполнять волю Всевластного бога Амалиаса? — Он специально задал этот вопрос, чтобы уже ни у кого не осталось и тени сомнения, свидетелем какого события они явились.

— Да, я клянусь всегда исполнять волю Всевластного бога, — не задумываясь, ответила девочка.

И опять по храму прошелестел изумленный шепот. Голос Тамсин звучал отчетливо и звонко,

нельзя было усомниться в том, что говорит именно она. Эпиминофас даже почувствовал восхищение перед тем, как ловко она одурачила всех. Он кивнул прислужнику, и тот повернул протянутую руку девочки ладонью вверх. Эпиминофас прикоснулся медным лезвием к пальцу. Он никак не мог потом понять, то ли ему это померещилось, то ли и впрямь капля крови появилась на пальце девочки еще до того, как он сделал надрез. Могла ли она незаметно спрятать где-нибудь нож? Или она способна заставить свою кровь течь одним лишь усилием воли? Нет, наверно, его просто отвлек прямой немигающий взгляд этой девицы — и почудилось невесть что.

— Тамсин из деревни Содграм! — провозгласил жрец, и голос его почему-то дрогнул.

Прислужник-писец тут же взялся за свое гусиное перо и красивым почерком занес имя Тамсин на пергамент.

— Амалиас благословляет тебя! — произнес завершающую формулу ритуала Наречения Эпиминофас и почувствовал, что испытывает немалое облегчение оттого, что эта девица с пронзительными зелеными глазами перестанет наконец смотреть на него. Но она не сдвинулась с места.

— Теперь ты можешь идти, дитя. — И он выразительно глянул на ее приемного отца. По всему его виду было понятно, что он и рад бы оказаться отсюда подальше, но не мог себя заставить прикоснуться к девочке и увести ее. Жрец опять перевел глаза на Тамсин: — Наречение окончено.

— Нет, не окончено, — прозвучал уверенный звонкий голос. — Осталась еще одна ненареченная.

— Еще одна? — с недоумением переспросил жрец. Он бросил вопрошающий взгляд на своего писца, который отрицательно покачал головой.

— Еще одна ненареченная — моя подруга, — заявила Тамсин. — Ее имя тоже должно быть занесено в священные свитки.

Жрец понял, что девочка имеет в виду, когда она протянула вперед свою ужасную куклу в пышном наряде. Она привычным жестом встряхнула ее.

— Нинга, — послышался трескучий голос, слившийся с шорохом сухих семян в тыквенной голове и бренчанием побрякушек, которыми она была увешана. Казалось, говорила сама кукла. — Нареки меня Нинга, Эпиминофас!

Жрецу и раньше приходилось слышать о таких трюках, но просвещенные служители Амалиаса никогда не прибегали ни к чему подобному. То, что изобразила здесь эта девица, — просто кощунственный розыгрыш, святотатство!

— Неблагодарная! — воскликнул Эпиминофас. — Амалиас, величайший из богов, не затем даровал тебе речь, чтобы ты насмеялась в святом храме над его служителем! — Он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы полнее развить эту мысль, но Тамсин заговорила вновь своим собственным чистым голосом:

— Лучше давайте поговорим. — Она метнула быстрый взгляд на узорчатый полог, висящий за алтарем. — Наедине. Вы, я и Нинга. — И она пристально посмотрела на жреца.

После краткого размышления Эпиминофас решил согласиться на предложение Тамсин. Какой бы безумной эта девица ни казалась, она не была полностью лишена здравого смысла, так что, может быть, ему удастся-таки с ней договориться. Или же она настолько разоблачит себя, что немедленное суровое наказание окажется логическим завершением ее возмутительной выходки. А кроме того, он мог

изобразить, что по-прежнему владеет ситуацией, что было тоже немаловажно.

Эпиминофас в сопровождении четырех прислужников повел девочку за узорчатый полог, другие четверо выстроились перед алтарем, не позволяя никому приблизиться, хотя никто об этом и не помышлял. Несчастный родственник девицы, Арнульф Праведник, простерся ниц и в буквальном смысле тряся от страха.

— Вот что я скажу тебе, красавица, — строго проговорил жрец. — Здесь, в этой глухомани, я разрешаю тебе продолжать заниматься врачеванием, но лишь при одном условии: если будешь признавать главенство бога Амалиаса. Можешь ворожить, колдовать, произносить заклинания сама или от имени своей куклы — мне это безразлично. Но только здесь, в этой округе. Если вздумаешь сунуться в Ерваш, попытаешься противопоставлять себя жрецам, порочить их или пятнать имя самого Амалиаса, — пеняй на себя. Тогда уж мы будем разговаривать с тобой по-другому. — Эпиминофас уселся на складной стул, помолчал и продолжил доверительным тоном: — От тебя требуется только официальное признание того, что ты придерживаешься той же веры, что и мы. Веди себя подобающим образом, соблюдай приличия, большего никто от тебя и не требует. А твоя идея внести имя твоей куклы в наши священные свитки не просто нелепа, она кощунственна. Подумай как следует — и ты сама откажешься от этой блажи.

Тамсин посмотрела на жреца с наивным удивлением:

— Твоя речь — это речь человека, который ни во что не верит... Который не верит не только в своего собственного бога, но и во все божественные предначертания, запечатленные в кругах поднебесного мира.

Эпиминофас был поражен гладкостью речи, да и самим выбором слов неграмотной деревенской девочки. Которая еще к тому же столько лет изображала из себя немую. Он рассмеялся, хотя ему почему-то стало неловко.

— Постой, дитя, не будешь ведь ты уверять меня, что сама веришь во все это твое так называемое колдовство? — Он посмотрел на Тамсин и покачал головой: — Кого ты пытаешься обмануть? Да я же тебе в отцы гожусь и, поверь, повидал на своем веку немало таких, как ты. Одумайся, дитя, смирись. От этого ты только выиграешь.

Он протянул унизанную кольцами руку, желая потрепать по плечу эту странную девочку-колдунью, но тут же отшатнулся как ужаленный: Тамсин сунула куклу ему прямо в лицо.

— Так, значит, ты считаешь, что наше волшебство такое же фальшивое, как и твое? — раздался трескучий голос. — Что ж, давай проверим!

Когда Тамсин с жрецом скрылись за узорчатым пологом, Арнульф, простершись перед алтарем, принялся молить Амалиаса о пощаде. Он боялся его гнева, боялся позора и сурового наказания, которое могло навлечь на всех них дерзкое поведение Тамсин. Но больше всего он боялся саму Тамсин. Арнульф тешил себя надеждой, что верховный жрец приструнит и обуздает своевольную девицу, которая забрала уже власть не только над его семьей, но и над всей деревней.

Тамсин совсем недолго пробыла за пологом, как вдруг в храме и вокруг него наступила какая-то странная тишина. Смолкло веселое щебетание птиц, скачущих по соломенной крыше, даже ветер улегся. Ожидающие выхода жреца и Тамсин селяне со

своими детьми тоже притихли и стали с недоумением оглядываться по сторонам. И тогда ЭТО началось: Земля под ногами вздрогнула, а потом стала раскачиваться, сперва едва заметно, потом все сильнее и сильнее. Массивные глыбы-колонны, из которых были составлены стены башни, принялись с ужасающим скрежетом тереться друг о друга. Селяне в ужасе замерли. Они и рады были бы убежать, но для этого им пришлось бы миновать узкий дверной проем, который на их глазах то и дело перекашивало. Уж лучше пусть им на головы свалится соломенная крыша да несколько жердин. Вот почему все, включая Арнульфа и даже четырех прислужников, сгрудились в центре храма.

Прошло немного времени, и раскачивание стало уменьшаться, скрежет трущихся глыб прекратился, и снова все сделалось как раньше. И тогда из-за узорчатого полога появились шестеро и разошлись по своим местам: жрец с прислужниками остановились у алтаря, Тамсин — в почтительной позе перед каменным сосудом, усеянным каплями засыхающей крови. Арнульф поспешил встать рядом с падчерицей и когда приблизился к ней, то увидел, что она повелительным жестом протягивает вперед куклу.

— Нинга, — продребезжал все тот же неживой голос, и верховный жрец послушно повторил:

— Нинга.

Писец обмакнул перо в капельку крови, капнувшей из крохотного кулачка, и Арнульф заметил, что кровь эта черна как ночь. А еще он, да и не он один, заметил, что, когда Тамсин величественно повернулась к ним, на шее ее куклы блестело новое украшение — маленькие медные ножны, в которых хранился священный ритуальный ножичек — обязательная принадлежность верховных жрецов Амалиаса.

После Дня Наречения слава Тамсин начала расти не по дням, а по часам. Благословение жрецов, распространившееся и на куклу, укрепило ее позиции. Тамсин приглашали теперь иногда даже далеко от дома. Она излечивала, ворожила, заговаривала и все равно уже не успевала помочь всем, кому нужна была ее помощь. Тогда она обучила своих названных братьев и сестер кое-каким простейшим приемам. Арлю, старшему из детей, больше всего пришлось по душе лечить домашний скот, а самая младшая, Гурда, умела готовить восхитительный сыр.

Однажды за Тамсин явился гонец из Фаландера: старейшины города просили ее приехать к ним и вернуть воду в иссохший источник, а если это невозможно, найти новый. Все знали, что Тамсин еще никогда такого не делала, но никто не сомневался, что она может все. И вот Тамсин на ослике, которого вел в поводу посланный, с куклой в руках отправилась в далекое путешествие на юг. На ночлег они останавливались в лучших постоялых дворах, и молодая колдунья не упускала случая сотворить между делом какое-нибудь чудо. Молва о ней разносилась во все стороны, а зачастую и опережала ее появление.

Случилось так, что город Фаландер был самым крупным из всех виденных ею до сих пор. На севере, где она жила, городов, в сущности, и не было, только небольшие поселения. Фаландер стоял на холме, и, хоть и не являлся городом-крепостью, его окружали стены, ограждающие имения знатных граждан города. Там даже имелась каменная арка, а за аркой, у подножия холма, теснились жилища простого люда.

Когда-то обильный, источник в последнее время давал все меньше и меньше воды, да и вкус у нее

сделался горьковато-соленый. Состоятельные фаландерцы просто не знали, что делать. По всему выходило, что им придется оставить свои роскошные дома и землю, где они родились, и переехать в какой-нибудь из соседних городов. Те, кто победнее, были, конечно, легче на подъем, но и им не хотелось покидать родные места.

— Чего мы только не испробовали: до хрипоты читали заклинание, составленное специально для нас жрецами из Ерваша, — рассказывал Тамсин седоволосый глава старейшин города, встретившись с ней в таверне. — Наш местный жрец чуть ли не каждый день совершал обряды очищения источника, к нам приезжали жрецы из самой Саргоссы. — Он покачал головой, и золотой диск, знак его верховной власти в городе, негромко звякнул. — Все они твердят, что эта напасть со временем пройдет. Что, скорее всего, это наказание за наши великие грехи, и потому мы должны жертвовать храмам Амалиаса гораздо больше, чем мы делали это раньше. Мне кажется, они сделать ничего не могут, а только вымогают у нас деньги. — Он вздохнул и посмотрел на двух членов совета старейшин, присутствующих при разговоре.

— Что верно — то верно, — хмыкнул лысый городской казначей. — Им лишь бы выкачать из нас побольше, а толку от них все равно никакого.

— А вот о тебе, Тамсин, мы слышали лишь хорошее, — вступил в разговор дородный судья. — Все говорят, что ты умеешь делать то, что не под силу жрецам. Да одним твоим прелестным пальчиком ты способна сотворить чудес больше, чем все эти жрецы, вместе взятые.

— Истинно так, — елеино улыбаясь, закивал глава старейшин. — Вот поэтому, юная госпожа, если ты... я имею в виду, ты вместе со своей

высокочитимой куклой, — поправился он на всякий случай, вспомнив дошедшие до них слухи, — могла бы вернуть в источник воду, мы бы щедро оплатили твой труд. Возврати нашему городу воду, сделай так, чтобы она текла круглый год напролет. А если старый источник иссяк, найди нам новый, мы готовы заплатить тебе и за это...

— Довольно! — перебила его Тамсин молодым звонким голосом. — Вы жалуетесь на жрецов, которые выманивают у вас деньги, не давая ничего взамен. Я же сначала делаю работу, а потом только прошу платы. Вы приготовили то, что мне потребуется?

Отцы города ничуть не возражали прекратить разговор о деньгах. В дверях появился посланник.

— Вот, юная госпожа, в точности как ты просила — только что срезанная ветка с хорошей здоровой рябины.

Лоза, которую принесли Тамсин, была тонкой, какой пользовались все лозоходцы: зеленый прут с развилкой, все три конца косо срезаны острым ножом. Молодая колдунья сунула куклу под мышку и, перекрестив руки, крепко взялась за два конца, образуя угол, направив острие третьего прямо перед собой.

— Идемте, — сказала Тамсин и решительно вышла из таверны.

Она направилась вниз по главной улице. Следующие за ней по пятам горожане не могли понять, ведет ли ее волшебная лоза, или она просто хочет подойти к городскому источнику. На дне каменного водоема, снабжавшего когда-то водой весь город, осталось лишь несколько лужиц, издающих резкий неприятный запах тухлых яиц.

— Этот источник проклят, — уверенно заявила Тамсин. — Его спасти уже невозможно.

Она повернулась и, по-прежнему держа перед собой лозу, пошла дальше, но теперь уже медленно, словно прислушиваясь к чему-то. Путь ее лежал вниз по мощенной булыжником улице, под аркой и затем по пыльной ухабистой дороге под холмом. За ней следовали старейшины и горожане. Дети весело скакали по обочине, радуясь развлечению.

— Она спустилась с холма, как странно, — заметил один лавочник. — Другие-то всегда поднимались наверх.

Не говоря ни слова, Тамсин продолжала идти, влекомая непонятной силой. Оказавшись среди бедных домишек, она оставила дорогу и шла теперь напрямик через небольшие садики и огороды, мимо сараев, курятников, сеновалов и навесов, где дубили кожи.

В очередной раз перепрыгнув через канаву, Тамсин остановилась среди пыльных рытвин, в которых валялись свиньи, и знаком попросила тишины. По приказу старейшины свиней отогнали в сторону и освободили для Тамсин пространство. В сосредоточенном молчании она принялась описывать по площадке все сужающиеся и сужающиеся круги, пока наконец не замерла около угла небольшого каменного дома. Лоза в ее руках согнулась, указывая в землю, с такой силой, что, казалось, вот-вот сломается.

— Здесь, здесь копайте! — слышались возгласы.

Те, кто захватил с собой лопаты и мотыги, тут же принялись долбить землю. Это оказалось длинной историей. Спекшаяся от зноя почва была тверда как камень. Люди обливались потом под полуденным солнцем, работая парами и часто сменяя друг друга. Старейшины Фаландера терпеливо

и невозмутимо наблюдали за происходящим, словно им приходилось видеть такое каждый день. Хозяин дома, напротив, был весь в волнении.

— Пожалуйста, поаккуратнее! — уже в который раз выкрикнул он. — Вы копаете прямо под мой дом! Нельзя ли немного левее?

— Тут корни! — сообщил один из землекопов, когда яма была уже в человеческий рост, и принялся обрубать их, потому что иначе копать стало невозможно.

— Наверно, они протянулись вон от той живой изгороди, — предположил другой, ткнув пальцем в сторону запыленных кустиков, и поднял со дна ямы обрубленный корень. — Смотрите-ка, какой он толстый и... и влажный!

— Появился гравий и мокрый песок! Нет, вода! Потекла вода, вы видите?!

Землекоп со счастливым смехом подбросил пригоршню воды в воздух. Началось всеобщее ликование, все лезли поближе, чтобы лично увидеть, как яма заполняется водой.

— Отличная вода в моем колодце! — воскликнул сияющий владелец дома. — А как ее много! Ее хватит на всех, и плату за нее я установлю чисто символическую. — Он просто не помнил себя от радости.

— Колдунье Тамсин удалось то, чего не сумели другие. Сразу видно, что Амалиас благоволит к ней, — сказал один из горожан.

— Да, она замечательная колдунья, — поддержал его другой. — Как она посрамила всех этих жрецов!

— Блистательная Тамсин! Позволь нам выразить бесконечную благодарность тебе и твоей уважаемой кукле! — провозгласил глава старейшин, простирая руки к Тамсин, но не рискуя прикоснуть-

ся даже к краю ее светло-голубого платья. — Могли я просить тебя оказать мне честь и принять приглашение отдохнуть от твоих великих трудов в моем доме — тебя и твою уважаемую куклу. Я буду счастлив служить вам! А когда ты отдохнешь, то через день-два, после того как мы все убедимся, что новый источник продолжает давать воду, мы щедро заплатим тебе золотом и зерном... — Он бросил быстрый взгляд на казначея. — Насколько я помню, мы постановили заплатить тебе, э-э, пятьдесят золотых монет и тысячу бушелей зерна. — Он замолчал, предчувствуя, что сейчас начнется торг.

— Нет, старейшина, — возразила Тамсин, — мы не согласны. Твое золото и зерно нам не нужны.

— Вот как? — протянул тот и опять взглянул на казначея. — Ты не хочешь брать зерно, я это понимаю. Но, видишь ли, мы не так уж богаты и хотели попросить тебя согласиться на оплату натурой.

— Нас это устраивает, — заявила Тамсин. — Мы с Нингой тоже предпочитаем оплату натурой. — Она как-то совсем по-девчоночьи хихикнула. — Да, в некотором смысле это можно, пожалуй, назвать и так. Ты согласна со мной, Нинга? — Она сделала паузу, словно дожидаясь ответа, а потом продолжила: — За то, что мы нашли для вас новый источник, мы просим только одного — почитания.

— Почитания? — подозрительно переспросил старый интриган. — Какого такого почитания? Что ты имеешь в виду?

— За то, что мы нашли для вас новый источник, — невозмутимо повторила Тамсин, — пока из него будет течь вода, вы должны отказаться от старого бога Амалиаса и всем городом заявить, что отныне будете поклоняться новому божеству, которое возьмет вас под свое покровительство.

— Я не понял, — промямлил потрясенный глава старейшин. — Что ты нам предлагаешь? Кому мы должны теперь поклоняться? Тебе?!

— Нет, не мне. — Тамсин подняла куклу над головой. — Божественная Нинга станет покровительницей Фаландера, а вы поклянетесь почитать ее как единственно истинную богиню.

— Кукла — покровительница Фаландера? Ты говоришь о кукле? — не веря своим ушам, заикаясь, вымолвил глава старейшин. Вокруг него зашумели горожане, невольные свидетели их разговора. — Нет, не может быть! Ты, должно быть, шутишь.

— А что тут такого странного? — рассудительно спросила Тамсин. — Амалиас со своими жрецами ничего для вас не сделали, а я, призвав на помощь Нингу, помогла. Зачем же вам продолжать поклоняться бессильному и никчемному старому богу?

— Но ведь Амалиас все равно остается главным богом Бритунии, — нервно отозвался глава старейшин. — Бесчисленное множество жрецов служит ему, а что еще важнее, они всегда действуют в союзе с королем Тифасом. А кто ж не знает, как суров и быстр на расправу бывает король и какая у него мощная армия.

— Послушай старого человека, дитя мое, — вступил в разговор городской судья. — Даже если старый бог Амалиас потерял свою былую силу и не может поразить нас молнией с небес, неразумно портить отношения с наместниками бога на земле.

— Да-да, — поддержал его казначей, — очень неразумно. Чего доброго, еще объявят нас вероотступниками и зададут жару, чтоб другим неповадно было. Нужны нам эти неприятности!

— А как же источник, который отыскиали для вас мы с Нингой? — Тамсин указала рукой на

яму, вода из которой уже давно перелилась через край и веселыми ручейками растекалась во все стороны. — Разве он не избавляет вас от кучи неприятностей?

— Тамсин, ты ведь не можешь... не станешь отбирать его у нас? — взволновался глава старейшин. — Давай поговорим разумно. Я вижу, твоя кукла Нинга — я не ошибся, ее зовут Нинга? — любит красивые вещи. Давай я подарю ей свой золотой диск — символ верховной власти в городе — в знак уважения к ее высоким достоинствам. — Он снял с шеи ленту, укоротил, сделав посередине узел, и надел диск на куклу. — Теперь Нинга поймет, что хоть мы и не можем поклоняться ей как богине, но любим и почитаем ее. Ты довольна, Тамсин? Я угодил тебе?

Не поблагодарив его за подарок, Тамсин резко повернулась к судье:

— А ты что скажешь? Тебе источник нравится?

— О да, разумеется, безусловно, — смешавшись от неожиданного вопроса, ответил судья. — Мы все искренне благодарны вам с Нингой.

— А тебе, казначей?

— Мне? А-а, ну да, нравится, конечно. Вода чистая, и ее много... пока. Вот если бы еще она вытекала откуда-нибудь с холма, тогда совсем было бы замечательно: мы могли бы провести ее прямо в наши дома. А так придется отряжать целую армию слуг, чтобы они носили воду наверх. Да еще как представишь, сколько сосудов они перебьют... Сплошные убытки. — Он посмотрел вокруг и поморщился. — Даже не знаю, как нам удастся сохранить источник в чистоте. Вон, поглядите, в нем уже свиньи купаются. Но я понимаю, что и самая лучшая колдунья может не все на свете... — Вдруг он заметил выражение лица Тамсин и ощутил

неловкость. — Нет, я не жалуюсь, источник прекрасный, лучше и быть не может. И я совсем не имел в виду, что сомневаюсь в могуществе Нинги. Я очень ей благодарен за источник. — Казначей окончательно запутался.

Тамсин оглядела трех старейшин, горожан, продолжающих стоять вокруг...

— Сколько же вам надо колодцев? — проговорила она и вытащила из-за пояса лозу. Однако на этот раз она выставила перед собой куклу и держала лозу не своими руками, а руками куклы. Всем показалось, что какая-то сила властно потянула Тамсин за собой, так быстро и целеустремленно двинулась она в сторону холма. Горожане во главе со старейшинами заторопились за ней.

Тамсин шла обратно все той же неровной пыльной дорогой мимо убогих домишек простолюдинов, миновала арку и оказалась на мощеной главной улице, не задерживаясь, оставила позади старый иссохший источник, все выше и выше поднимаясь на холм. По обеим сторонам улицы высились стены имений городской знати; толпа, следующая за Тамсин, делалась все больше. Старейшины не переставали шепотом спорить и никак не могли договориться, как им поступить. То ли пойти на то, чтобы признать Нингу полубогиней и согласиться поклоняться ей наряду с Амалиасом, то ли попытаться откупиться от опасной колдуньи еще каким-нибудь способом. Но это, разумеется, лишь в том случае, если Тамсин найдет им еще один источник.

А Тамсин все так же быстро шла дальше. Уже кончилась мостовая из булыжника (нужды в нем больше не было, настолько камениста была здесь земля), и до вершины холма оставалось совсем немного. Наконец Тамсин очутилась на круглой площадке — дальше дороги не было. Перед ней воз-

вышался базальтовый утес, справа стоял большой красивый дом главы старейшин, слева — не менее красивый дом судьи, за спиной был город, а вокруг него голая, выжженная солнцем равнина. Так же как и в первый раз, Тамсин начала описывать круги, влекомая неведомой силой. Куклу она по-прежнему держала перед собой. Богатые горожане подмигивали друг другу и потирали руки в радостном предвкушении.

Вскоре волшебная лоза уперлась в основание наполовину вросшего в землю громадного валуна на краю площадки. Наклонившись, Тамсин поковыряла острым кончиком лозы каменистую почву, потом выпрямилась и топнула ногой. Тут же к ней подскочил крестьянин с киркой, желая поскорее начать долбить. Он высоко поднял кирку, с силой опустил ее и вскрикнул от неожиданности: валун треснул от одного удара. Люди сгрудились вокруг, пытаясь разглядеть, что же все-таки произошло, но тут же отшатнулись. Из тонкой трещины слышалось шипенье, оттуда струей вырывался пепел и гнусно пахнущий дым.

Шипение становилось все громче, затем внутри будто что-то разорвалось — и валун раскололся на две части. Из зияющей трещины с невероятной силой выбросило пар. Босоногие дети принялись подпрыгивать и плакать, так горяча стала земля у них под ногами, которая к тому же начала еще подрагивать. Трещина еще больше расширилась. Из нее летели камни.

— Что это? — в ужасе кричали отступающие все дальше и дальше горожане. — Как могло такое случиться? Это не источник с водой, это огненный зев! Это сам ад разверз свои уста! Тамсин, колдунья Тамсин! Сделай же хоть что-нибудь! Мы не хотели тебя ничем обидеть!

Но Тамсин отвернулась от них и пошла прочь со своей куклой. Волшебная лоза, которую она бросила на землю рядом с валуном, вспыхнула от жара и мгновенно сгорела. Спускаясь с холма, Тамсин ни разу не обернулась, даже когда за ее спиной подземный гул сменился ужасающими взрывами, заглушившими крики несчастных, которые уже не успевали спастись. С вершины холма ввысь рвался столб огня и дыма. Черный пепел покрывал все вокруг толстым слоем. Город горел.

Позже немногие из уцелевших жителей Фаландера рассказывали, что ничего не осталось от их красивого города на холме, и только огнедышащее жерло день за днем продолжает сыпать на землю черный пепел.

Глава шестая

ОХОТНИК НА ХОЛМАХ

Газель вскинула изящную головку с длинными изогнутыми рожками. Над росистым лугом порхали бабочки, в кустах щебетали птицы, все было спокойно. Газель вновь принялась щипать мягкую траву.

Неожиданно одна из кочек изменила форму. Бронзовый от загара человек, с большими ажурными листьями папоротника на голове, бесшумно и быстро скользнул вперед. Ему удалось подобраться совсем близко к ничего не подозревающей газели.

Что-то все же ее встревожило. Скорее всего, это был отблеск луча солнца, отразившийся от грубо обработанной плоскости копейного жала. Пугливое животное сделало один прыжок, другой, но охотник оказался проворнее. Брошенное сильной рукой

копье прервало стремительный бег газели. Она рухнула на траву и забила ногами, пытаясь подняться, но человек преодолел разделяющее их расстояние в несколько прыжков и прекратил ее мучения двумя мощными ударами каменного топора.

Зорко оглядевшись по сторонам, Конан нагнулся, выдернул копье и осмотрел наконецник. К счастью, тот не пострадал. Отложив в сторону копье и топор — позже он смое с них кровь в ближайшем ручье, — Конан достал из-за пояса из кроличьих шкурок длинный, острый как бритва осколок обсидиана, которым он разделял дичь, сделал аккуратный надрез и вывалил внутренности газели на траву. Не заботясь о том, чтобы хотя бы забросать их травой, он взвалил на плечо свою добычу и отправился к реке. Не стоит понапрасну рисковать и слишком долго оставаться на открытом пространстве: Конан не забыл, как несколько дней назад какое-то неизвестное существо похитило у него оленя прямо из-под носа.

Вообще-то тот олень был для него слишком велик. Вряд ли он смог бы даже поднять его целиком — с такими громадными ветвистыми рогами. Да и мяса было бы чересчур много. То ли дело небольшая газель, которую удобно нести на плечах. Из ее шкуры он сделает себе более приличную одежду, чем та, что на нем сейчас, найдет применение рожкам, костям и сухожилиям, не говоря уж о том, что вволю попирует. В свое укрытие Конан возвращался другой дорогой, чтобы не столкнуться ненароком с возможными преследователями.

Его лагерь был удобно расположен и относительно хорошо защищен. Он находился на небольшом островке, на который в это время года, когда вода стояла невысоко, можно было легко перебраться

через узкую протоку. Вода в ней была как раз по грудь Конану. Верхняя оконечность покрытого лесом острова была заметно выше остальных его частей, здесь вздымались скалы, которые Конан еще только собирался исследовать. Возможно, именно там он со временем и обоснуется. Ну а пока прибежищем ему служила неглубокая расщелина на самой опушке, пронизанной лучами яркого солнца, откуда он мог наблюдать за всей округой.

Конан вылез на берег, перекинул тушу газели через нижнюю ветку дуба и направился к скале, где у него хранился трут и щепки для растопки. Он положил на землю длинный плоский кусок дерева с небольшой выемкой на одном конце и натрусил вокруг нее немного сухого мха. Взял заостренную ошкуренную палочку толщиной в палец и специальный лук для разжигания костра. Тетива была сделана из двух скрученных узких полосок сыромятной кожи. Дважды обернув тетиву лука вокруг палочки, Конан вставил острие в лунку, где был мох, а верхний конец палочки прижал камнем с углублением посередине, чтобы острие не выскакивало и плотнее вжималось в лунку. Придерживая ногой плоский кусок дерева, Конан принялся двигать луком вправо-влево. От его быстрых ловких движений — он уже достаточно натренировался за последние дни — палочка завертелась, и вскоре из-под ее острия выбился сизый дымок, а появившиеся вокруг острия коричневые опилки чернели на глазах. Когда дымок побелел и стал плотнее, Конан отложил в сторону лук и палочку, придвинул ближе мох и очень-очень осторожно начал дуть на едва заметные в свете солнечного дня язычки пламени, подкармливая его время от времени тонкими сухими веточками и щепками. Когда огонь разгорелся, он сунул в него заранее приготовленные

толстые сучья и пошел к дубу, чтобы заняться своей добычей.

Конан старательно скреб шкуру острым осколком вулканического стекла. Его нелегко было удерживать в руках, запачканных кровью, но он тщательно выскоблил дюйм за дюймом всю поверхность шкуры и отложил ее в сторону. Теперь он занялся разделкой туши. Используя осколки различной формы, он отделил мясо от костей. Одну из задних ног Конан целиком повесил над огнем, проткнув ее вдоль тонкой палкой, и время от времени поворачивал, чтобы мясо запекалось равномерно и не горело. Впрочем, пламени как такового уже не было, лишь над грудой сияющих жаром углей метались голубоватые огоньки.

Остальное мясо он нарезал узкими полосами. Часть разложил на горячих камнях рядом с костром, часть — на плоских валунах под лучами жаркого солнца. Это вяленое мясо он будет есть зимой, когда дичи станет меньше. Или сможет совершить далекие путешествия, осматривая окрестности, и ему не придется тратить время на добывание пищи.

Конана поражало и радовало изобилие этой благодатной земли. Невероятное количество самой разнообразной дичи, буйная растительность — не то что в его родных горах далеко на севере, где природа была не в пример скуднее этой. Человек мог бы жить здесь легко и привольно, но именно в этом и таилась опасность. Слишком уж хорошо было в этих не тронутых цивилизацией долинах, чтобы можно было надеяться, что люди оставят их в покое. Другая опасность исходила от хищников, которые чувствовали себя тут более чем вольготно. И еще то неизвестное, что так напугало его тогда, когда он охотился на оленя. Да, надо обязательно

обследовать все вокруг, чтобы быть готовым к любым неожиданностям.

А еще невозможно догадаться, какая в этой местности зима, ведь он по-прежнему не имеет ни малейшего представления, где находится. Сейчас здесь много дичи, но киммерийцу приходилось видеть, как в преддверии зимы дикие животные уходят на юг почти в одночасье. И непонятно, что лучше: то ли заготовить побольше еды, выстроить надежное убежище и переждать зиму здесь, то ли уйти вслед за дичью. Этот вопрос предстоит решить.

Но в одном Конан был твердо уверен уже сейчас: ему совершенно не хочется возвращаться к суеде большого мира. Хватит с него человеческой алчности, черствости и жестокости. В конце концов, он был рожден варваром и рос как варвар, и все, чему раньше научился, поможет ему выжить. Он никогда и нигде не изменял принципам, внушенным ему с детства, в какое бы противоречие они ни впадали с законами тех стран, где он успел побывать. Так зачем ему возвращаться? Он прекрасно обойдется без всех этих так называемых благ цивилизации. Что до него, то он век бы не ходил по грязным мостовым зловонных городов.

Мясо на вертеле покрылось золотистой корочкой, оставаясь внутри мягким и сочным. Когда Конан обглодал все кости дочи́ста, он съел испекшиеся в золе коренья, а завершил трапезу несколькими глотками воды из самодельного сосуда, который он сплел три дня назад из ивовых прутьев, обмазал глиной и обжег на костре.

Напившись, Конан поставил горшок на угли и соскреб в оставшуюся там воду спинной и головной мозг газели, потом бросил туда же сухожилия — ими он будет потом сшивать шкуры. Кости и череп

он разложил сушиться рядом с костром. После этого он взял высокобленную шкуру и палку, которой он приспособился копать, и отправился к реке.

Шкура газели была еще слишком свежей, и пока с ней ничего больше делать было нельзя, поэтому Конан собирался закопать ее на несколько дней в мокрый глинистый песок, а пока следовало заняться шкурой косули, которая уже достаточно там полежала. Он выкопал ее и сморщился от неприятного запаха: внешняя ворсистая сторона уже частично разложилась и начала отставать от внутреннего слоя, более крепкой кожи. Конан положил в ямку шкуру газели и зарыл ее.

Расстелив вытащенную из песка шкуру на гладком сосновом чурбаке, с которого облезла кора, он взял высохшее ребро и, как ножом, принялся соскребать короткую шерсть и отстающую кожу. Это заняло у него много времени, и, когда он закончил, день уже начал клониться к вечеру. Конан скинул в воду клочья шерсти и прочие ошметки и вернулся к костру с мягкой шкурой косули в руках.

В глиняном горшке уже давно нагрелась вода, в которую он до того бросил мозг и сухожилия газели. Теперь Конан, сняв горшок с остывающих углей, запихал туда и только что вычищенную им шкуру косули. За ночь шкура отбелится в крепком бульоне и будет пригодна для дальнейшей обработки. Утром он разомнет ее и натянет, чтобы сохла. А позднее проявит над огнем из ивовых веток, тогда она станет еще крепче и приобретет приятный коричневатый оттенок.

Из выделанных таким образом шкур Конан сможет сшить штаны и куртку, а еще обувь. Добротная одежда защитит от ночного холода, укусов насекомых и острых камней. Но что гораздо важнее, у

него появятся крепкие ремни, и он сделает себе более надежный топор и еще одно копье про запас. Еще он смастерит ловушки и западни для зверей, силки для птиц...

С каждым днем он будет жить все лучше и лучше, у него появятся запасы продовольствия, ему не придется каждый день заботиться о пропитании. Все это замечательно, за исключением одного «но»: либо ему придется таскать постоянно на себе все добро, либо он должен найти место, где оно было бы в сохранности на время его отсутствия. Да, пожалуй, прежде всего надо заняться поисками надежного убежища и для себя, и для своих припасов.

После того как он съел на обед целую ногу газели, ужинать ему не хотелось, поэтому Конан ограничился тем, что сгрыз пригоршню лесных орехов и несколько маленьких диких яблочек. То и другое он собрал накануне в сплетенную им корзинку. Поев, он завернул в широкие листья полувysохшее мясо, которое лежало у него весь день на горячих камнях у костра, и закопал в сухой песок, придавив сверху плоскими глыбами. Солнце уже садилось, и Конан занялся изготовлением шила. Он расколол одну из костей, а потом принялся обтачивать и шлифовать самый подходящий обломок. Когда шило приняло удовлетворившую его форму, Конан улегся спать. Было уже совсем темно.

Свою постель киммериец устроил под нависшей скалой, с тем чтобы жар от костра отражался от нее вниз и дополнительно согревал его ночью. Еще у него было одеяло из кроличьих шкурок, которое с каждым днем становилось все длиннее. Костер горел до утра, давая тепло и охраняя его от хищников, и Конан время от времени просыпался, чтобы подбросить в него заранее приготовленные дрова.

Именно ночью посещали его тревожные смутные мысли. Лежа совсем один в тишине перед огнем и не видя за ним ничего в крошечной мгле, он начинал иногда сомневаться в реальности того, что с ним происходило. Эта бескрайняя дикая природа, окружающая его со всех сторон, — действительно ли она существовала в том же мире, откуда он явился? Действительно ли ее можно отыскать на карте Бритунии или какой-нибудь другой из хайборийских стран?

Или, бросившись в воды подземной реки, он покинул реальный мир, мир людей, мир тяжелого труда, корысти и насилия, и оказался вне времени и вне земных границ? Может, он находится в загробном мире? Может, он уже умер и пребывает в раю, небесном или подземном, куда там отправляет своих подопечных суровый северный бог его отцов Кром? Не должен ли он теперь расплачиваться за ошибки и искупать свои земные грехи в этом, как бы его правильно назвать, своего рода чистилище? А что, если эта жизнь (или иллюзия жизни) растянется до беспредельности, превратится в вечность? Как долго сумеет он выносить ее, не сходя с ума?

Кое-кого подобные размышления и впрямь могли бы довести до безумия, но Конан старался не давать им воли и если уж думал о чем-нибудь, то о приятных и хорошо ему известных вещах, например о замечательном аквилонском эле или о сговорчивых красавицах танцовщицах из знойной Заморы.

Под утро Конан все-таки замерз. Он быстро вскочил и разжег почти угасшее пламя, потом отправился на перекаат проверить нехитрую ловушку для рыбы — вбитые в дно колья, образующие конусообразный загон. В ловушке плескалась средних

размеров форель, она была слишком велика, чтобы протиснуться сквозь кольца, и слишком молода, чтобы перескочить через них. Такой форели, поджаренной на костре, будет ему вполне достаточно на завтрак. Она стоит двух форелей, съеденных в сыром виде.

Сегодняшнее утро Конан решил посвятить поискам надежного убежища и исследовать свой остров. Несколько дней назад он всего лишь наскоро оглядел его с ближайшей скалы и знал только, что верхняя оконечность острова представляет собой высоченный куполовидный утес, обрывающийся прямо в реку. Его теперешний лагерь был удобен: близко от воды и от леса и в то же время выше того уровня, где ночами клубится стылый туман. Однако у этого места имелся серьезнейший недостаток: оно было слишком уж доступно для всех и вся, и оставаться на нем дольше — означало просто испытывать судьбу.

Конан обвязался поясом из кроличьих шкурок, взял нож, топор и дротик (от избытка оружия еще пока никто не пострадал, а вот от недостатка — частенько) и был готов отправиться в путь. Он легко прыгал вверх с камня на камень — вот это ему очень нравилось в своем острове: можно неделями ходить по одним и тем же местам и не возникнет никаких следов, на камне их не остается. И дым от костра мгновенно рассеивается на ветру, не то что в какой-нибудь тихой долине. Там он столбом поднимается к небу и стоит так часами. Конан все еще не заметил никаких признаков человеческого присутствия, но хотел узнать о нем раньше, чем будет обнаружен сам.

На полдороге к вершине утеса Конан обнаружил расселину, более или менее подходящую для жилья. Она вся заросла густым кустарником, но его можно

было бы частично срубить, освободив себе достаточное пространство, и отсюда открывался прекрасный вид на окрестности. Можно было бы соорудить на подходах разного рода западни для непрошенных гостей. Ловушки если даже и не остановят пришлецов, то, во всяком случае, дадут время подготовиться к встрече. Но нет, и эта расселина находится слишком уж на виду.

Конан поднялся уже почти до самого верха, так и не отыскав того, что ему требовалось. Ведь его остров, в сущности, очень мал, в ширину всего сотни полторы шагов, трудно надеяться найти здесь идеальное место... Видно, придется все-таки перебираться отсюда, и поскорее, пока он еще не оброс имуществом. Конан совсем уж было собрался повернуть обратно, как вдруг заметил узкий уступ, поросший кустами, который тянулся вдоль обрыва над рекой. Это было уже интересно: сверху и снизу к нему не подобрешься, остается только одна узкая кромка. Впрочем, не такая уж и узкая, как обнаружил Конан, спустившись на нее. Справа от него нависала гладкая темная стена, покрытая пятнами серовато-белесых лишайников, слева по краю обрыва густо росли кусты, уступ был приблизительно шести-восьми футов шириной и плавно уходил под уклон. Конан двинулся по нему, перешагивая через острые обломки породы. Уклон становился круче, а скала все больше нависала над головой. Потом уклон выровнялся, под ногами появился песок. Просто отличное укрытие, лучше не придумаешь, особенно вон там, дальше, за той массивной плитой, упавшей на уступ в какие-то незапамятные времена.

Слишком поздно Конан осознал свою ошибку. Увлечшись, он не сразу обратил внимание на множество белых костей, разбросанных перед плоской

глыбой, загораживающей дальнейший проход. А когда заметил, его барабанные перепонки уже разрывал оглушающий рев пещерного медведя, который с остервенением продирался через узкую щель. Было даже непонятно, как такая махина может протиснуться в нее; Конан инстинктивно отступил на несколько шагов и остановился. Бежать бесполезно.

Он не помнил, чтобы еще когда-нибудь видел подобного гиганта. Густая волнистая шерсть темно-бурого цвета серебрилась на шее белым воротником, огромные когти скрежетали по камням, а когда он заревел еще раз (не рухнули бы скалы от его рыка, мелькнуло в голове у Конана), обнажились клыки в ладонь длиной.

Медведь был разъярен присутствием постороннего на своей территории, так близко от логова, в котором прятались сейчас медведица с медвежатами. И он собирался примерно наказать наглеца, нарушившего его покой.

Только идиот мог попасться так глупо, подумал Конан. Ему следовало бы сообразить, что все достоинства этого места могли показаться привлекательными не только ему. Он так хотел найти надежное убежище от хищников, что попал самому страшному из них прямо в лапы.

Но отступать нет никакого смысла: там дальше уступ расширяется, и медведю будет еще удобнее расправиться с ним. А здесь, в узком месте с нависающей сверху скалой, у киммерийца есть хотя бы маленькое преимущество. Больше всего ему хотелось повернуться и убежать без оглядки, но он даже не позволил себе об этом думать, ведь медведи бегают так быстро, что от них никто не может убежать. Броситься наутек в этой ситуации — верная смерть. Поэтому Конан поднял копьё и, шагнув вперед, ударил медведя в переднюю лапу.

Зверь пришел в такое неистовство, что смотреть было страшно, а его рев мог бы разбудить и мертвых. Обезумев от ярости, он стремительно набросился на копьё Конана, причинившее ему боль, но второпях не рассчитал и налетел головой на выступ скалы. Сильный удар оглушил медведя. Он остановился и потряс головой, совсем как человек. Конан еще раз ударил копьём и слабо ранил его в плечо. Из всех сил он старался, чтобы медведь не схватил копьё лапами, потому что ему было бы тогда не удержать его в руках, и чтобы зверь не поймал копьё пастью. После этого и щепок было бы не собрать, такие мощные у него челюсти. Поэтому Конан лавировал и уворачивался, пытаясь нанести удар посильнее и в то же время избежать острых, как бритва, когтей свирепого хищника.

Соппротивление Конана и легкие раны, которые тот нанес, не только не образумили медведя, а заставили его наступать с еще большим бешенством. Когда же Конан сделал ложный выпад, целясь в брюхо вставшего на дыбы зверя, он и вовсе разъярился. Как раз в этот момент Конану удалось наконец, нырнув под переднюю лапу медведя, вогнуть ему в бок копьё. Наконечник застрял в шкуре, копьё сломалось, а Конан, потеряв равновесие, упал. Зверь взмахнул лапой, прочертив на спине едва успевшего откатиться Конана кровавые полосы. Киммериец мгновенно вскочил на ноги, выдернув из-за пояса топор.

Медведь пошел на Конана, прижимая его к кромке уступа. Мощный удар топором по голове не задержал его ни на миг. Силясь избежать смертельных объятий, Конан отступал все дальше, но медведь достал его длинной лапой, и от этого скользящего удара, вырвавшего у него из бедра кусок мяса, Конан повалился на камни, почти

теряя сознание. Он не успел даже попробовать уклониться, как медведь навалился на него всей массой. Конан почувствовал, что неимоверная тяжесть расплющивает его, он задыхался, не имея возможности вздохнуть. Когда медведь перекатился через него, тяжесть ослабла, но от объятий стальных лап кости варвара трещали, а кожа лопалась там, где в нее впивались страшные когти.

Он находился уже в полубморочном состоянии, когда что-то вдруг изменилось: хватка зверя ослабла — и все вокруг завертелось, земля и небо закружились в сумасшедшем вихре, удар следовал за ударом; Конан оторвался от медведя и только тогда понял, что оба они летят с головокружительной высоты в реку.

Киммериец пришел в чувство на отмели, куда его выбросила река. Он был еле жив от потери крови и холода. С трудом заставив себя приподняться, он ощупал руки и ноги. Кости вроде целы. По-видимому, он опять потерял сознание и река унесла его неизвестно куда. Острова нет и в помине, этих берегов он никогда не видел. Что случилось с медведем, можно только гадать.

Впрочем, какая разница? Ему снова придется начинать все сначала. Только теперь у него нет сил даже для рыбной ловли. Единственное, что ему сейчас остается, — это найти укромное местечко и отлежаться там, пока его раны хоть немного не затянутся. О еде, одежде и оружии он побеспокоится позднее.

Конан огляделся по сторонам. Это место было мало похоже на то, где он был ранее. Ни холмов, ни лужаек, ни подлеска. Вокруг него стояли деревья-великаны, чьи кроны терялись в вышине.

Темная река медленно струила свои тяжелые воды между крутых девственных берегов. Солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву. На всем лежала печать многовековой древности: казалось, что у реки нет конца и нет начала, мощные гладкие стволы уходили в поднебесье, словно колонны величественного храма. Конан постарался стряхнуть с себя наваждение, вызванное, скорее всего, его болезненным состоянием. Таинственность и загадочность леса волновала его не слишком, сейчас ему надо найти какую-нибудь нору, по возможности сухую и поближе к воде, потому что он уже ощущал первые признаки надвигающейся лихорадки.

Еще раз оглядевшись и не заметив ничего угрожающего, Конан двинулся вниз по реке. Ковыляя по узкой галечной полоске вдоль кромки воды, он с удовольствием отметил, что здесь он не оставляет никаких следов. Через некоторое время впереди послышался шум небольшого водопада. Конан приободрился: это было именно то, что нужно, — подняться повыше над уровнем воды, оставаясь в непосредственной к ней близости.

Пройдя еще немного, Конан вышел к широкой мелкой заводи. Падая с высокого уступа, серебристый поток дробил ее зеркальную гладь и вливался далее в реку. Невероятная волшебная картина предстала глазам Конана. Обнаженная юная девушка стояла под сверкающими струями, подняв вверх тонкие руки. Конану она показалась прекрасной. Блики солнца, отраженные от воды, играли на ее гладкой коже. Длинные темные волосы переливались на узкой спине — девушка стояла отвернувшись от Конана, — почти касаясь упругого изгиба бедер. Грациозно повернувшись, она поставила

длинную стройную ногу на камень и принялась обмывать ее водой. Обмыв вторую ногу, она повернулась и неожиданно вышла из-под серебряных струй. Ее глаза скользнули по дальнему краю заводи и остановились на киммерийце.

Конан стоял неподвижно, завороченный дивным зрелищем. Он был настолько потрясен, что в голове у него не осталось никаких мыслей. Он забыл о своих ранах, забыл, что, так же как и на девушке, на нем нет и клочка одежды. Он просто стоял и молча смотрел.

При виде незнакомца девушка не вскрикнула и даже не вздрогнула, не попыталась прикрыть наготу руками. Так же как и Конан, она замерла, рассматривая его. Ее темные глаза разом охватили его статную могучую фигуру, свежие раны, черную гриву прямых волос, резкие черты открытого лица.

Трудно сказать, что именно нарушило их оцепенение. Может, где-то треснула ветка или какая-то птица издала резкий крик, но девушка шагнула в сторону и внезапно бросилась бежать через мелкую заводь прочь от Конана. Совершенно произвольно Конан кинулся за ней, даже не вспомнив, что только недавно едва волочил ноги, плетясь вдоль реки и мечтая лишь о том, чтобы поскорее лечь. В нем вдруг проснулась огромная первобытная сила, он скорее бы умер, чем позволил скрыться неведомой лесной деве, таким странным образом возникшей у него на пути. Конан знал, что никакие быстрые ноги не спасут ее и он догонит ее, чего бы это ему ни стоило.

Однако спустя некоторое время одна здравая мысль мелькнула у него в голове. Эта девушка не может жить в лесу совсем одна, у нее наверняка есть родные, семья, племя, в конце концов. Нельзя

допустить, чтобы она позвала их на помощь, тогда его могут схватить, замучить пытками, убить, даже съесть, как это принято у некоторых диких племен, например пиктов. То, что она бежала молча, отчасти успокаивало его: значит, поблизости нет никого из ее племени. Что именно он сделает, когда поймает ее, и каким образом убедит, что не причинит ей зла и что ей не следует его бояться и звать на помощь, — обо всем этом, нагоняя проворную беглянку, он не думал совсем.

Один раз, взбежав на пригорок, девушка остановилась и обернулась. Она тяжело дышала, пот тек с нее ручьями, но, что поразило Конана, в ней не было заметно ни малейших признаков страха. Она показалась Конану прелестной: в ее лице по-северному крупные черты оживлялись яркими южными красками.

Пауза не продлилась и секунды. Гонка возобновилась вновь. Конан был уже настолько близко, что ощущал запах ее разгоряченного тела. Осталось совсем немного, еще одно последнее усилие... Они бежали через дубовую рощу, под ногами мягко стелился ковер прошлогодних листьев. Впереди деревья слегка расступались. Стараясь выбрать путь покороче, девушка нырнула под раскидистые ветви тысячелетнего дуба, Конан ринулся следом, вот-вот он схватит ее...

Сила, с которой Конан ударился головой о низко свисающую толстую ветку, вполне могла бы убить нормального человека. Но и его самого этот удар почти доконал. В глазах Конана почернело, шатаясь, он сделал один неуверенный маленький шаг, ноги у него подогнулись, он упал на колени. Кровь из рассеченного лба стекала по лицу и капала на грудь. Его качнуло, и, теряя сознание, он рухнул на землю.

Последнее, что он запомнил, перед тем как свет окончательно угас перед глазами, — это склоненное лицо лесной девы и неожиданный резкий удар в бок.

Глава седьмая

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

Зубчатые стены баронского замка, казалось, упирались в серое низкое небо. На них копошились каменщики — ремонтировали и надстраивали, верхняя, новая часть стен выделялась на фоне старой, потемневшей от времени. Зима уже наступила, но работа кипела по-прежнему: слышался скрип промерзшего ворот, звон зубила, окрики надзирающих за работами десятников.

Молодая колдунья Тамсин еще никогда не была в Урбандере — столице самой северной провинции Бритунии. Это был город-крепость, здесь привыкли отражать нападения воинственных соседей из Пограничного Королевства. Тем не менее Урбандер процветал, здесь велась оживленная торговля своим и привозным товаром, а кроме того, жители Урбандера и сами бывали не прочь совершить набег на то же Пограничное Королевство или Гиперборею. Нравы здесь царили суровые, и посему необходима была твердая рука. А вместе с этим король Тифас предоставлял городу больше свобод, нежели другим более южным и более близким к Саргоссе провинциям.

— Господин барон примет тебя немедленно, я в этом уверен, — сказал бритунийский высший офицер, выпрыгнув из заляпанной грязью дорожной кареты, и повернулся, чтобы помочь выйти молодой

девушке. — Сейчас уже почти полдень, господин барон, вероятнее всего, уже проснулся после вчерашнего... э-э... пиршества. В это время дня он обычно больше всего нуждается во врачевателях.

— Я поняла вас, лорд Исэмбард. — Пренебрегая протянутой рукой седовласого офицера, Тамсин по-девичьи легко выпрыгнула из кареты. Как всегда, с ней была кукла, вся увешанная блестящими побрякушками. — Не сомневаюсь, Нинга будет так же счастлива познакомиться с бароном Айнхолцем, как и я.

— Господин барон чрезвычайно нуждается в твоей помощи, — серьезно заметил Исэмбард. — В последнее время ему... э-э... нездоровится. — Он повернулся к начальнику караула: — Пригласите приближенных барона в его покои и поставьте у ворот стражу. Видите, уже собирается толпа. — Он указал рукой на зевак, прослышавших о том, что в замок привезут знаменитую колдунью, и желающих взглянуть на нее хоть одним глазом.

Отдав последние указания, Исэмбард с Тамсин и двумя сопровождающими их стражниками поднялись по широким ступеням и вошли под арку главного входа в замок. Тамсин, выросшей в бедной деревушке, он показался великолепным. Искусные резчики по камню из южных стран покрыли изнутри его стены причудливой резьбой. Убранство было чисто мужским: ряды пик и алебард, луки, блестящие шлемы и каски, вороненая сталь доспехов, по обеим сторонам зала головы кабанов, лосей, медведей и горных козлов. Во всем этом ощущалась какая-то дикая прелесть.

Перед жарко пылающим очагом в большом кресле, окруженный полудюжиной слуг и двумя приближенными, сидел сам Айнхолц. В нем мало что осталось от того крепкого плотного здоровяка, каким

он был когда-то, барон будто высох и скрючился, но воспаленные глаза пронзительно смотрели из-под косматых седых бровей. По тому, как он неловко полулежал в кресле, можно было догадаться, что его мучают боли. На болезненно-желтом лице застыло недовольное брюзгливое выражение.

— Мой господин, — с поклоном обратился к нему Исэмбард, — по вашему приказу я доставил целительницу Тамсин, которая, без сомнения, сумеет облегчить ваши муки. Во всей Бритунии не найдется колдуньи, способной сравниться с ней. — Исэмбард повернулся к девушке и почтительно склонил голову. — Целительница Тамсин прибыла в наш город из своей деревни близ Ерваша и ожидает вашего благосклонного внимания.

— Ожидает моего благосклонного внимания, — повторил старый барон и саркастически усмехнулся. — Если это и вправду так, долго же ей придется его дожидаться. По меньшей мере до завтрашнего вечера, и то не наверняка... Если, конечно, она не сумеет вылечить меня раньше. — Барон явно находился не в духе. Его грубоватая шутка вызвала вежливые смешки приближенных. — Впрочем, целительница, позволяю тебе приблизиться, чтобы я мог видеть тебя, не выворачивая шеи. Она у меня и так болит. О-о, да ты совсем еще дитя! — воскликнул он, слегка оживившись. — Что ни говори, Исэмбард неплохо изучил мой вкус за все эти годы. Ты мне определенно нравишься!

— Господин милорд, — натянуто произнес верховный офицер, — перед вами — известная всей Бритунии целительница и колдунья, а вовсе не то, что вы имеете в виду.

— Да знаю я! — нетерпеливо оборвал его барон и снова обратился к девушке: — Тебя ведь зовут Тамсин? Да, да, конечно, именно Тамсин. Слышал

я о тебе всякие рассказы, но не слишком-то я доверчив. Чего только люди не наболтают. — Он хмыкнул. — Возможно, разумеется, если уж очень сильно припрет, так и поверю. Короче говоря, должен сказать тебе, что я перепробовал уже все: взывал ко всем богам подряд, к бритунийскому Амалиасу, моим собственным немедийским богам — ведь я вообще-то немедиец, — а про этих наших здешних шарлатанов-знахарей я уж и не говорю. Ни один не смог помочь мне даже самую малость! Осталась одна надежда на тебя.

— Господин барон, — Тамсин изящно поклонилась, — мы с Нингой к вашим услугам.

— Какая такая Нинга? Ах да! Ты же та самая девочка-колдунья, которая играет в куклы. — Он скрипуче рассмеялся. — Знала бы ты, чего мне только про твою куклу не наплели! Какая она у тебя волшебница и даже разговаривать умеет! Послушай, Исэмбард, — обратился он к верховному офицеру, — ты действительно не зря привез сюда Тамсин. Она со своей куклой привела меня в веселое настроение. — Тяжело, с присвистом дыша, он вновь откинулся на спинку кресла. — Ну ладно, смех смехом, а скажи мне, девочка, как же ты собираешься помочь мне со своей маленькой подружкой?.. Исэмбард! Что это за шум? Что случилось? — В зал один за другим входили приближенные барона и становились полукругом у очага. — Что случилось, я вас спрашиваю? — повторил барон раздраженно. — Кто вас звал?

— Не гневайтесь, господин барон, — выступил вперед Исэмбард. — Я позволил себе пригласить их от вашего имени, чтобы они явились свидетелями вашего исцеления. Ведь колдунья Тамсин действительно творит чудеса, и я подумал, что будет лучше, если это увидят десяток-другой ваших

верных друзей. Тогда в будущем они смогли бы поведать об этом другим... или опровергнуть ложные слухи, если вдруг таковые возникнут.

— Это очень разумно и очень предусмотрительно с твоей стороны, Исэмбард. — И впрямь, лучше иметь свидетелей, да и лишняя пара рук тоже может пригодиться, случись что. — Он бросил подозрительный взгляд на Тамсин. — Да вот, кстати, я сейчас припоминаю, какие-то мне недавно страсти рассказывали, если, конечно, им можно верить, будто эта самая Тамсин со своей куклой наслала на какой-то южный город огненный смерч и превратила его в развалины, потому что жители отказались платить ей за работу. Ответь мне, колдунья, было ли такое?

— Господин барон, не тревожьтесь, подобная участь вам не грозит, — ответила Тамсин, глядя ему прямо в глаза. — Мы с Нингой не причиним вреда прекрасному городу Урбандеру и не сделаем ничего помимо того, о чем просил нас ваш верховный офицер. Разве не так, Нинга? — Тамсин заботливо пригладила кукле растрепавшиеся волосы. Ее жест был по-детски невинен и трогателен. — А что касается платы за наши услуги, вам тоже совершенно не о чем беспокоиться. Мы не возьмем с вас ничего. Наградой для нас является уже одно то, что вы, такой знатный и могущественный, прибегли к нашей с Нингой помощи.

Непосредственная, искренняя речь Тамсин чем-то не понравилась барону. Непонятно отчего, но он почувствовал в ней угрозу.

— Тебе, значит, не нужна моя плата? — прогремел он. — Не нужна так не нужна, ты ее не получишь. Но смотри, колдунья, если ты не сумеешь меня вылечить, тебе самой придется за это расплатиться! — Он выпрямился и неожиданно ловким

для такого немощного с виду старика движением выхватил из-за пояса саблю. — Не знаю уж, какими там магическими силами ты обладаешь, но как бы моя верная сабля не оказалась сильнее. Почему, ты думаешь, они подчиняются мне? — Широким небрежным жестом он обвел присутствующих. — Вот именно, все дело в стали. Сталь непреодолима. Она победит любое волшебство, надо только уметь с ней обращаться, и уж кто-кто, а я умею. И не говори потом, что я тебя не предупреждал!

Тамсин смиренно склонила голову:

— Да, господин барон, мы с Нингой часто слышали о вас и знаем, что вы не только замечательный воин, но и увенчанный лаврами военачальник. А о вашей удали и отваге, когда вы командовали отрядом немедийских наемников, люди вспоминают до сих пор. Это было еще до того, как король Тифас пожаловал вам титул барона и вы стали правителем этой провинции. Но многие еще помнят те давние славные времена, правда, Нинга?

Айнхолц подозрительно посмотрел на Тамсин и, вкладывая саблю в ножны, сдержанно проговорил:

— Не стану отрицать, времена поистине были тогда героические. Что же до того, что король сделал меня правителем Урбандера... Он, видишь ли, не просто отблагодарил меня за помощь в войне с коринфийцами, когда я скорым маршем прибыл к нему с целым войском отчаянных ребят, хотя без нас он нипочем бы не победил. — Старый вояка воодушевился и явно решил воспользоваться случаем, чтобы произнести речь перед своими приближенными. — Король Тифас всегда знает что делает. Ему нужен был человек, твердый и решительный, на которого он мог бы положиться, для защиты северных пределов Бритунии, и он нашел такого

человека! Так что Тифас совсем не зря отдал мне Урбандер и сделал меня бароном. — Айнхолц выразительно постучал пальцем по массивному на грудному знаку из чистого золота, приколотому на его впалой груди. — Да-а, хлопот у правителя этой северной окраины всегда хватало. Если бы только одни набег! А сколько раз за последние годы возникала опасность крестьянских волнений! Эти простолудины вечно чем-нибудь недовольны. — Он замолчал и прислушался. — Ну вот, накаркал, называется. Слышите, как расшумелись? Из-за чего бы это они сегодня? Или опять из-за налогов? Разогнать немедленно, а кто будет сопротивляться — в каталажку, на хлеб и воду! Ишь вздумали у меня бунтовать!

— Нет, нет, господин барон, это не бунт, — поспешил успокоить Айнхолца верховный офицер. — Это всего-навсего несколько горожан, которые собрались, чтобы увидеть знаменитую колдунью, и которые надеются иметь возможность отпраздновать ваше счастливое избавление от мук. На всякий случай я приказал стражникам не спускать с них глаз, но уверен, что даже это лишняя предосторожность. Пусть себе пошумят немного, вреда от этого никому не будет. А попозже, когда Тамсин вас вылечит, мы можем даже послать им вниз бочонок вина, чтобы они как следует повеселились.

— Гм, ну ладно, я не возражаю. — Барона утомила его собственная длинная речь и последующее волнение, он тяжело откинулся на спинку кресла и переключил внимание на Тамсин. — Итак, девочка-колдунья, вернемся к тому, с чего начали. Как же ты собираешься меня лечить?

Тамсин уставилась на него сосредоточенным пристальным взглядом, свою куклу она держала перед собой.

— Сперва надо определить, чем вы страдаете, господин барон. Думается мне, вы подвержены паралитической трясучке.

— Что верно, то верно, совсем меня замучила, проклятая, — подтвердил барон. — Только эль мне и помогает от нее, а по утрам ну просто никакой мочи нет. — После секундного колебания он поднял вверх руку и показал, как дрожат пальцы.

— Запущенный случай, — констатировала Тамсин. — И, без сомнения, болезнь усугубится, если не начать лечения немедленно. Такая вот трясучка бывает обычно, если человек любит пображничать и не знает меры в ночных кутежах. — Она наклонилась и негромко сказала что-то своей кукле, потом помолчала, будто слушая ответ, и задала следующий вопрос: — Господин барон, а подагра у вас тоже есть?

— И подагра есть, — охотно признался Айнхолц. — Сейчас, правда, ничего, терпимо, но временами, особенно осенью, когда собирают урожай, и во время празднования зимнего солнцестояния, бывает, ноги так распухают, что я почти ходить не могу. — Он скинул одну туфлю и через шелковый чулок стало заметно, что сустав несколько увеличен в размере.

— Да, мы с Нингой видим. Подагрой человек расплачивается за чревоугодие. Разумеется, мясо на вашем столе появляется гораздо чаще, чем в простых домах, как оно и подобает человеку вашего звания, но за это приходится платить здоровьем. А скажите мне, господин барон, болят ли у вас кости?

— Еще как болят! — воскликнул барон, успев позабыть, что поначалу ему не очень хотелось распространяться о своих хворях в присутствии такой толпы народа. — Особенно сильно болят поздней ночью и перед рассветом. Я испробовал

все обычные средства: ставил у самого ложа раскаленную жаровню, выпивал перед сном большую чашу горячего крепкого вина с пряностями, две деревенские девки согревали мне постель, перед тем как я ложился в нее, — ничего не помогает. Если ты, колдунья, сумеешь сделать что-нибудь, облегчить мои муки... я готов передумать, взять свои слова обратно, и тебе не придется жаловаться на мою скупость.

— Мы поняли вас, господин барон. — Продолжая держать перед собой куклу, Тамсин на минуту задумалась, глядя на изборожденное глубокими морщинами землистое лицо Айнхолца, мешки под красными воспаленными глазами, тонкие бесцветные губы и неожиданно крупный шишковатый нос с сизыми прожилками. Все так же не сводя с барона глаз, Тамсин наконец прервала молчание: — Должна огорчить вас, господин барон, ваша болезнь очень трудно поддается лечению. Болезнь эта, поразив человека однажды, уже больше не желает выпускать его из своих когтей, она точит его изнутри, истощает, разрушает мозг и плоть. Можно заболеть ею еще в молодом возрасте, а потом десятки лет немогать, не зная причины.

— Постой-ка, колдунья, что-то я тебя не пойму, — обеспокоенно перебил ее Айнхолц. — О чем это ты толкуешь? Ты не знаешь, как вылечить меня, или просто набиваешь цену? До чего же расшумелись эти негодяи, будь они прокляты! — Он наклонил голову, прислушиваясь к многоголосому гомону и крикам, доносившимся из-за высокого стрельчатого окна, выходящего на ворота и внутренний двор замка.

— Болезнь ваших органов, господин барон, наружных и внутренних, сопротивляется лечению, потому что она пропитала вас насквозь, став вашей

сутью. Она естественное следствие ваших привычек и образа жизни. Вспомните свои молодые годы: стремительные марши, когда вы сутками не сходили с коня, ночевки под открытым небом, жестокие сражения, кутежи и оргии, распутство и блуд, грабежи, насилие, необузданность и жестокость — все то, что вознесло вас на вершины власти. Что же удивительного в том, что теперь у вас костоломка? А подагра и паралитическая трясучка — следствие как раз последних шести-семи лет, когда вы, в соответствии с вашим рангом, получили законное право наслаждаться всеми прелестями жизни — вкусно и много есть, а пить сколько душа пожелает. Как же мы с Нингой, обладая даже всеми нашими способностями и талантами, можем вылечить вас, не изменив полностью вашей сути?

— Ты что позволяешь себе, дерзкая девчонка?! — вскипел старый воин. — Как смеешь ты утверждать, что я, барон Айнхолц, и есть причина моей болезни? Что я кровожадный изверг, беспробудный пропойца, обжора и развратник? Ты у меня поплаতিшься за свою наглость, и немедленно!

Вне себя от ярости, барон вскочил с кресла, молниеносно выхватил саблю и... тут случилось нечто необъяснимое. Стальной клинок, блеснувший в свете пламени очага, внезапно засиял словно пылающее солнце, и сияние это делалось все сильнее и сильнее. Находящиеся в зале закрывали лицо руками и отворачивались, а барон, оказавшийся ближе всех к источнику ослепляющего света, упал на колени и выронил саблю, которая тут же начала тускнеть.

— Я ничего не вижу! О, мои несчастные глаза, они как раскаленные угли! Какая нестерпимая жгучая боль! — Айнхолц на несколько мгновений отнял руки от глаз и, моргая, пытался понять,

окончательно ли он лишился зрения. Присутствующие с ужасом увидели его опаленное неземным жаром лицо и совершенно белые глазные яблоки. — Стража! — вскричал он. — Сию секунду зарубить злодейку-колдунью, а ее труп бросьте на растерзание диким псам, чтобы и воспоминания от нее не осталось! И... и посадите меня обратно в кресло, — неожиданно жалобно закончил он.

По напряженной тишине, царящей в зале, Айнхолц понял, что никто не двинулся с места, чтобы выполнить его приказ. Вместо этого раздался спокойный, размеренный голос Тамсин, как ни в чем не бывало продолжавшей свои обличения, словно и не было никакого перерыва.

— Как мы уже объяснили вам, господин барон, ваши физические недуги являются не только результатом, но и неотъемлемой частью вашей порочной, греховной жизни и посему не поддаются лечению. Однако мы с Нингой, учитывая, что вы обратились к нам, моля о помощи, готовы оказать ее вам, насколько это в наших силах, и избавим вас от логического завершения ваших недомоганий — смерти. Мы даруем вам вечную, нескончаемую жизнь!

С этими словами колдунья шагнула вперед и маленькой ручкой своей куклы легко коснулась плеча барона. Айнхолц дернулся, как от удара, по его телу пробежала дрожь, обхватив себя руками, он, беспомощно сотрясаясь, повалился на каменные плиты, словно терзаемый какой-то злой силой.

— Ну вот, господин барон, теперь вы можете перестать тревожиться: какие бы боли ни терзали вашу плоть, как бы ни изнуряла и ни мучила вас ваша болезнь, она не приведет вас к смертельному исходу, потому что теперь вы никогда не умрете. Даже от такого удара, как этот. Исэмбард!

Повинуясь повелительному окрику и жесту Тамсин, верховный офицер обнажил свой меч и пронзил сжавшегося от страха Айнхолца прямо в сердце. Барон издал душераздирающий вопль, изо рта у него потекла кровь, но, когда Исэмбард выдернул свой клинок, барон по-прежнему продолжал дышать, его пальцы непроизвольно сжимались и разжимались от боли, а на шелковой рубашке расплылось небольшое алое пятно.

— Видите, господин барон, вы получили неопровержимое доказательство того, что я вас не обманула. Надеюсь, вам по душе наш с Нингой дар, во всяком случае, вы сможете насладиться им сполна, времени у вас теперь хватит. Ну а мы хотели бы получить от вас в знак вашей благодарности маленький, чисто символический подарок — вот этот. — Тамсин нагнулась и, избегая слепо шарящих вокруг себя рук барона, сорвала с его груди знак его баронского достоинства. — Я думаю, вам он больше не понадобится, ведь здоровье ваше ухудшается прямо на глазах. — Продолжая говорить, она приколола запятнанный кровью золотой знак на нарядное платье своей куклы, и без того увешанной побрякушками. — Пожалуй, вам стоит удалиться на покой, в какое-нибудь тихое спокойное место, а делами провинции займется пока ваш верховный офицер Исэмбард, что, я не сомневаюсь, будет с радостью воспринято всеми присутствующими.

Бывшие верные друзья и слуги Айнхолца разразились приветственными возгласами, славя своего нового господина, который немедленно занял кресло барона. По его команде двери распахнулись и в зал ввели десяток горожан, отобранных из тех, кто только что горланил под окнами. Недавние возмутители общественного порядка почтительно

преклонили колени перед свежее испеченным правителем, который мановением руки приказал им забрать продолжающего корчиться на полу барона Айнхолца. Они с готовностью уволокли его с собой, и вскоре крики под окнами зазвучали с новой силой.

— Воля народа исполнена, — провозгласила Тамсин, — злодей получит по заслугам. Его можно вешать, колесовать, четвертовать — он никогда не умрет, я ручаюсь за это. Наш добрый друг и ваш повелитель Исэмбард будет управлять провинцией под моим покровительством. В дальнейшем, когда он присягнет божественной Нинге, она позаботится о том, чтобы годы его правления не омрачались смутами и волнениями черни. Сегодня великий день, — продолжила Тамсин, — и, чтобы скрепить наш договор, осталось только одно — совершить жертвоприношение. С согласия Нинги я поклялась, что их будет лишь трое.

Исэмбард встал со своего кресла и подошел к Тамсин.

— Всем встать в круг! — распорядился он.

Колдунья неторопливо повернулась, обводя взглядом неловко застывших воинов, составлявших ранее ближайшее окружение барона Айнхолца.

— Да, вот так хорошо... Для начала я выберу исполнителей моей воли. — Она пристально вгляделась в лица. — Ими будут... ты... и ты. — Те двое, на кого она указала, послушно вышли из ряда и встали за ее спиной. — Ну а теперь будем искать. После стольких лет это очень непросто. — Казалось, Тамсин забыла обо всем и разговаривает сама с собой. Погруженная в свои мысли, она медленно начала обходить круг, держа перед собой куклу. — Да, это очень-очень непросто, — повторила она.

Под ее пронизывающим взглядом все чувствовали себя неудобно, но вскоре стало понятно, что немногих из присутствующих здесь дам Тамсин проходит без остановки, всматриваясь лишь в лица закаленных в боях воинов.

— Твоя память острее моей, Нинга, — бормотала колдунья. — Смотри внимательно, помоги мне, укажи тех, кого мы с тобой видели тогда лишь издалека. Все это было так давно, но мы должны узнать их... А вот и первый! Хватайте его!

То ли на самом деле кукла кивнула головой, издав какой-то звук, то ли у Тамсин непроизвольно дернулась рука, никто не смог бы сказать с уверенностью, но по ее приказу двое шедших за ней воинов схватили ошеломленного офицера, чье лицо украшало немало боевых шрамов, и отвели его в сторону, чтобы приковать у стены. Когда они вернулись, Тамсин вновь возобновила поиск.

— Смотри внимательно, Нинга, не пропусти, — приговаривала колдунья. — Я уверена, здесь должны быть многие из тех, кто когда-то воевал под его знаменами и проходил мимо нашего дома... — Через минуту раздался полузадушенный вскрик, и еще одну сопротивляющуюся жертву отволокли к стене. — Хорошо, Нинга, маленьких лисичек мы с тобой поймали, осталось поймать волка. Конец круга уже близок... Нам нельзя его пропустить.

Тамсин действительно уже почти завершила круг. Внезапно офицер по имени Богемунд, который когда-то был командиром отряда, где служили те двое, кого Тамсин велела приковать у стены, потерял самообладание и закричал:

— Да что же мы — овцы, чтобы безропотно ждать, когда нас поведут на заклание?! Почему мы должны подчиняться этой безумной колдунье с ее отвратительной куклой?!

Он выхватил саблю так резко, что она зазвенела о ножны, но звук этот вместо того, чтобы естественным образом утихнуть, наоборот, стал усиливаться, оглушая всех и каждого. Люди пытались заткнуть уши, а Богемунд бросил саблю на каменные плиты, отчего какофония лишь усугубилась. Богемунд пал на колени, зажимая уши, из которых струилась кровь, и выл от боли. Так же неожиданно, как начался, пронзительно-резкий металлический звук прекратился. Те, кто находился рядом с Тамсин, услышали, как она говорит своей кукле:

— Ну вот и славно! Теперь, я надеюсь, все убедились, что сильнее, сталь или колдовство, правда, Нинга?

Троих несчастных, включая оглохшего, полубезумного от боли Богемунда, разоружили, сорвали с них доспехи, заковали в кандалы и отдали бушующей у ворот толпе.

Когда истошные крики жертв прекратились, колдунья вышла на балкон, чтобы произнести речь перед теснящимися у ворот, возбужденными только что пролитой кровью горожанами. Четыре головы были насажены на колья, и одна из них беззвучно шамкала и кривила в невыносимой агонии рот. Речь Тамсин была коротка и по существу:

— Вы отомстили кровопийце Айнхолцу, чьи бесчисленные преступления ничто по сравнению с беззаконием, творимым королем в далекой Саргоссе. Ваш новый правитель, — она указала на Исэмбарда, которого толпа приветствовала бурными криками восторга, — объявил себя преданным приверженцем богини Нинги и ее союзником в походе против старой религии и тирании короля Тифаса. Отныне в нашей стране начинается новая эра. Ваше восстание закончено, но в Бритунии оно только начинается! Да здравствует Нинга!

Глава восьмая

ТОПОР СПРАВЕДЛИВОСТИ

Как это уже не раз случалось и прежде, смерть не желала выпускать Конана из своих пылких объятий. Она манила его черными бархатными далями, прельщала тишиной и умиротворенностью, нашептывала ночами сладкие сны, сулящие вечный покой. И как же хотелось Конану поддаться этим нежным уговорам, позволить увлечь себя потоку мгlistой реки забвения и никогда больше уже ни о чем не заботиться.

Но нет, не было ему покоя! Кто-то беспрестанно мучил его, кто именно, Конан никак не мог понять, но этот кто-то, казалось, не отходил от него ни на шаг, особенно терзая, когда он уже готов был провалиться в блаженство вечного забытья. Не тут-то было. Каждый раз чьи-то жестокие руки безжалостно хватали его и заставляли вернуться назад, в мучительное полубессознательное состояние. Они лили ему в рот что-то горькое, брызгали на него холодной водой, светили в лицо омерзительно-ярким светом, чем-то шершавым растирали его руки и ноги. Хуже всего было, когда они нарочно копались в его горящих ранах, заставляя его буквально корчиться от боли. Ему было так плохо, что он даже не мог ругаться. А иногда на него напускали какой-то пахучий дым, крутили трещотки и монотонно твердили над ухом странные непонятные слова. И всем этим мукам не было видно конца.

Однако же настал день, когда Конан открыл глаза. Это стоило ему невероятных усилий, веки были словно свинцом налиты. Конан так устал, что засомневался, хватит ли у него когда-нибудь сил снова закрыть глаза.

А пока прямо перед ним ослепительным светом сиял голубой круг. Смотреть на него было больно, и из глаз Конана потекли слезы. В расплывчатой дымке он различил какое-то движение, и наверху возникло чье-то лицо в обрамлении темных волос. По телу Конана пробежала дрожь. Ему показалось, что он уже однажды видел эти небесные черты, хотя никак не мог понять, какому народу принадлежит эта красавица. Ее до смешного скудный наряд тоже не помог разгадать ему эту загадку. В волосы девушки были вплетены деревянные птички, вырезанные из светло-коричневого дерева, на обнаженной груди висели три ожерелья, составленные из тщательно отполированных зубов диких животных, кусочков костей и мыльных камней, на тонкой талии красовалась круглая золотая пластинка, а бедра едва прикрывала символическая юбочка, вернее сказать, бахрома из полосок кожи разной ширины и разных оттенков.

Девушка показалась Конану невыразимо привлекательной. Высокая, гибкая, с благородной осанкой, она встревоженно склонилась над ним, заметив, что он открыл глаза. Конан вдохнул аромат ее бронзовой загорелой кожи, и вновь ему почудилось, будто ему знаком ее запах. В девушке странным образом сочеталась сила и стать северных женщин со смуглым очарованием их южных сестер. По телу Конана вновь пробежала произвольная дрожь.

Девушка схватила какой-то сосуд у изголовья Конана, нажав пальцами на челюсти, принудила его открыть рот и влила туда отвратительную горькую жидкость. Конан с омерзением выплюнул ее.

Незнакомая дева отступила на шаг и с возмущением уставилась на Конана.

— Ювала! — воскликнула она громко.

Конан ожидал, что на ее крик в хижину войдет мужчина, которого она только что, без сомнения, позвала. Вместо этого девушка наклонилась над плетеной корзиной, нетерпеливо порылась там и вытащила пучок несколько подвявших листьев. Повернувшись обратно, она раздраженно потрясла этим пучком перед носом у Конана, повторив три или четыре раза:

— Ювала! Ювала!

Конан смущенно припомнил, что вроде это растение действительно используется иногда в каких-то медицинских целях. Его настаивают, а то и просто жуют, так что ничего страшного в нем нет, просто обычное народное средство спорных достоинств. Еще раз выразительно помахав листьями, девушка взяла один листок, смяла его в маленький комочек и засунула Конану в рот. Киммериец принялся покорно жевать его и через некоторое время проглотил, хотя и не без труда. Девушка тут же подала ему напиток холодной ключевой воды, наливая ее в громоздкую ложку, изготовленную из бутылочной тыквы.

С тех пор он начал доверять Сонге, ибо таково было ее имя, как он выяснил во время ее бесконечных бдений у его ложа. У Сонги оказался легкий, приятный характер, она философски относилась к его временной беспомощности, без лишней суеты обрабатывала его воспаленные, гноящиеся раны и с завидным терпением относилась к тому, что он при каждом удобном случае пытался дотронуться до нее. И только когда он, слегка окрепнув, начал хватать ее за руки, притягивая к себе силой, она начала давать ему более серьезный отпор, решительно отталкивая его, а как-то даже стукнула по голове сосудом из тыквы.

Но даже это получалось у нее весело и не обидно. Усевшись вне досягаемости рук Конана, она спокойно и методично учила его своему языку, показывая на предметы окружающей обстановки и называя их по нескольку раз, чтобы он лучше запомнил.

Сонга с явным уважением относилась к его ранам, сознавая, что нанесены они каким-то опасным хищником. Она с гордостью показала ему шрамы от когтей рыси у себя на бедре.

Родные Сонги и люди из ее племени, по всей видимости, не возражали против того, что она выхаживает чужеземца. Время от времени в дверях конусообразного шатра (напоминающего чум северных кочевых племен), где лежал Конан, останавливался высокий человек, чьи черты смутно напоминали черты Сонги, и заглядывал внутрь. Однако он никогда не входил и ничего не говорил, разве что бурчал себе что-то под нос. От Сонги Конан узнал, что его зовут Аклак.

Если судить по звукам, доносившимся извне, здесь жили не меньше двух-трех десятков людей. Когда Конан попробовал узнать у Сонги, сколько именно, рисуя на земле рядом со своим ложем человечков, чтобы она поняла, о чем он спрашивает, девушка с готовностью принялась декламировать нескончаемый перечень труднопроизносимых имен: Орпа, Эмда, Урга, Экдус, Амавак, Пиливак, Фнан... Конан довольно быстро разобрался, что с числами больше пяти у Сонги начинаются нелады.

Впрочем, она могла нарочно изображать непонимание, потому что хотела скрыть от него действительное количество людей в племени. Когда же она расспрашивала его о том, откуда он пришел, Конан при всем своем желании не мог ей этого объяснить. Он неопределенно махал руками куда-то

вдаль, пытался звуками воспроизвести шум реки, которая принесла его.

Сонга поняла его.

— *Таргокан*, — произнесла она, кивнув головой.

С тех пор Таргока — речной человек — стало вторым именем Конана для соплеменников Сонги.

Язык, которому она учила его, не походил ни на один из тех, что он знал. В нем не было ничего общего с восточными диалектами, в частности с туранским и гирканийским языками, посему он не давал Конану ни малейшей подсказки в отношении того, где живут люди, среди которых он очутился. Судя по всему, племя Сонги никак не было связано с тем большим миром, откуда он явился. К удивлению Конана, это его обрадовало. Насколько он мог понять, народ, к коему принадлежала Сонга, называл себя попросту «атупаны» — люди. Сонгу не особенно интересовали слова, которым в свою очередь учил ее Конан, и даже его собственное, данное ему при рождении имя. Скорее всего, она искренне считала, что на свете нет других языков, кроме их языка, и что Конан, пока не появился у них, не умел разговаривать, а объяснялся жестами и нечленораздельными звуками.

Даже если и так, Конан не собирался ее разубеждать. Он вовсе не хотел привносить цивилизацию в какой бы то ни было форме в эти мирные свободные края. Насколько Конан мог судить по доносившимся до него звукам хозяйственной деятельности, по той еде, которую ему приносили, по виду гордых мужчин и веселых хихикающих женщин, жизнь атупанов была легка и приятна. Он словно вновь вернулся во времена своего детства, в родные киммерийские горы.

С малолетства обученный тому, как уцелеть в любых условиях, Конан не ударил в грязь лицом,

оказавшись выброшенным в чем мать родила на дикий берег. Все шло отлично, пока он не схватился с пещерным медведем. А эти люди, из поколения в поколение передавая накопленный опыт и не зная никакой другой жизни, довели свое умение выживать до уровня искусства и теперь могли бы и Конана поучить уму-разуму. Хотя нельзя забывать, что в горах Киммерии климат намного суровее здешнего, да и дичи тут не счесть, и растительность куда как богаче и разнообразнее. Так что относительное благосостояние атупанов вполне объяснимо.

Нельзя сказать, чтобы Конан осознанно размышлял обо всем этом, скорее, в нем бродили смутные ощущения, не оформляясь в законченные мысли. Да ему вовсе и не хотелось ни о чем думать. Выздоровление его шло полным ходом, раны постепенно затягивались, Конан лежал в хижине и наслаждался покоем. К нему постепенно возвращался его когда-то очень острый слух и способность различать запахи. И то и другое он совершенно осознанно подавил в себе, когда ему пришлось жить в шумных смрадных хайборийских городах.

Теперь Конана интересовали лишь самые простые вещи: жидкая каша из растертых кедровых орехов, сдобренных душистым медом, миски, полные лесных ягод, горшки с тушеной зеленью и, наконец, мясо — оленина, которую он пока еще с усилием, но уже мог понемножку жевать и глотать.

Удовлетворив свои самые насущные потребности, Конан обращался к более высоким целям. Постоянно маячившие перед ним соблазнительные формы Сонги возбуждали в нем аппетит уже другого рода. На все его поползновения Сонга отвечала мягким, но решительным отпором, стараясь без особой надобности не приближаться к его ложу. По мере того как слабость оставляла Конана, росла и

его настойчивость, хотя не в его обычаях было нагло приставать к женщине, домогаясь ее взаимности. Конан предпочитал, чтобы ему с готовностью шли навстречу. Но лукавая Сонга (и где только она этому научилась?!) ухитрялась отказывать ему в такой форме, что у него всегда оставалась надежда. Каждый раз ему казалось, что еще чуть-чуть — и она перестанет упрямиться, однако время шло, а все оставалось по-прежнему.

— Сонга! — позвал ее как-то Конан. — Иди сюда лежать. — Он похлопал рукой по циновке. Ему катастрофически не хватало слов. — Ты лежать со мной. Давай любить-любить. Будет хорошо.

— Нет, Таргока, — рассеянно отозвалась она, несколько раз горизонтально помахав рукой из стороны в сторону — атупанский жест, выражающий категорическое несогласие. По привычке она выговаривала слова медленно и отчетливо, словно разговаривая с ребенком. — Лежать с тобой нет. Таргока больной. Любить-любить нет. Будет плохо.

— Таргока не больной, Таргока здоровый, — упрямо возразил Конан, тыкая пальцем в свой бок, который покрылся наконец толстой коричневой коркой засохшей крови. Он пытался придумать, как бы ему сказать, что, если Сонга не ляжет с ним, вот тогда-то ему и будет плохо, но, так и не придумав, неуклюже закончил: — Будет хорошо.

— Лежать с тобой нет, — еще раз повторила Сонга. — Таргока сильно больной. Туда идти тоже нет. — Она мотнула головой в сторону двери. — Таргока тут — Аклак не убивать Таргоку. — Для наглядности она изобразила удар топором. — Потом Таргока не больной. Таргока идти туда — Аклак убивать. Потом будем любить-любить.

— Что?! — У Конана волосы встали дыбом. Он судорожно силился сообразить, что бы все это

значило. — Аклак убивать Конан... Таргока? — уточнил он.

— Да, Аклак убивать Таргока. Таргока убивать Аклак. — Сонга пожала плечами, явно не придавая итогу схватки никакого значения. — Потом Таргока любить-любить Сонга.

Конан временно выкинул из головы проблему, каким образом ему удастся «любить-любить Сонгу», если Аклак его убьет, и задал следующий животрепещущий вопрос:

— Сонга любить-любить Аклак?

— Нет!!! — Безо всякого предупреждения Сонга, которая, разговаривая с ним, толкла земляные орехи в сосуде из выдолбленной тыквы, запустила в Конана тяжелым деревянным пестом. — Сонга нет любить-любить оонка! Таргока говорить плохо!

— Что значит оонка? — беспомощно спросил Конан.

— Оонка — это оонка! — раздраженно отрезала Сонга. Нагнувшись, она нарисовала на земляном полу двух больших человечков и двух маленьких. Затем, чтобы стало еще понятнее, она показала, как достает из своего чрева ребенка и кормит его грудью. После этого она повторила всю пантомиму и сделала вид, будто кормит второго младенца другой грудью. — Оонка, — повторила она.

— Ах вот что, оонка значит брат, — догадался Конан. — Аклак — оонка. Аклак нет любить-любить Сонга. — Он энергично покивал головой, давая понять, что всецело одобряет это табу. Потом спохватился и подтвердил свое полное согласие с этим основным принципом, помахав рукой вверх-вниз на уровне подбородка, на атупанский манер. Но другой вопрос по-прежнему продолжал волновать его. — Оонка убивать Конан?

— Да, убивать. — Сонга принялась бойко размахивать кулаками, и у Конана гора свалилась с плеч. Он уразумел наконец, что слово, которое, он полагал, означает «убивать», на самом деле значит «драться» или «бороться». Что ж, он не против. Сонга же тем временем заговорила вновь: — Таргока видеть Сонга голая. — Она приняла добродетельно-оскорбленный вид. — Много плохо-плохо. Аклак убивать Таргока. Плохо-плохо уходить. Потом Таргока украсть Сонга. — Она скромно потупила глаза и принялась расправлять бусы на обнаженной груди.

Во время этого разговора Конан не сумел полностью разобраться в тонкостях брачных обычаев атупанов, однако, возвращаясь к той же теме в последующие дни, многое, если не все, стало яснее. Племена, обитающие в окрестностях реки Таргокан, имели обыкновение добывать себе жен у своих соседей, что было очень разумно, если не забывать об их малой численности и строгом запрете на кровосмесительные браки. Конану приходилось встречать людей с признаками вырождения в небольших поселениях, где подобного табу не было, и он понимал жизненную необходимость таких жестких правил. Похищение женщин, как рассказывали Конану, в прежние времена практиковалось и в Киммерии, хотя в годы его детства это сплошь да рядом оказывались не женщины из соседних племен, а томные холеные южные красавицы, отбитые у пришельцев с юга.

В атупанских племенах, как выяснил Конан, существовала негласная договоренность оставлять девушек, достигших брачного возраста и не нашедших себе мужа в своем племени, в определенных местах в известное время, где они совершали ритуальные омовения. Девушки предпочитали, чтобы их

похищали не поодиночке, а целыми группами, так было легче пережить неизбежное расставание со своими близкими. Поскольку принято было красть лишь незамужних, никаких недоразумений, не говоря уже о войнах, среди этих племен никогда не бывало, тем более что им до сих пор оставалось неизвестным такое «благо» цивилизации, как рабство.

Что же касалось самой Сонги, то здесь случай был в некотором смысле исключительный. Подходящей для нее пары в племени не нашлось, а она решительно отказывалась уходить в чужое племя, потому что была очень привязана к брату и матери. Отца она лишилась еще в детском возрасте, когда он погиб во время охоты на бизонов.

В тот день, когда Сонга впервые увидела Конана, она совершенно не ожидала встретить в лесу (где, насколько ей было известно, не должно было быть никаких других племен) израненного чужеземца и уж тем более быть похищенной им. Когда же он потерял сознание, она позвала своих соплеменников, которые и принесли киммерийца в шатер. Только теперь Конан понял причину веселья женщин, то и дело заглядывающих в дверь: их сместило, что Сонга «украла» у чужого племени такого могучего воина.

Нагота девушек во время ритуального омовения не имела ничего общего с наготой Сонги, когда он ненароком увидел ее. По непонятным для Конана мотивам, в одном случае это почему-то считалось нормальным, а в другом — страшным грехом, который следовало искупить.

Не менее нелепым Конан находил представление атупанов о приличиях. По его мнению, одетая Сонга мало чем отличалась от раздетой. Ее смехотворная юбчонка из полосок оленьей кожи не столько скрывала, сколько подчеркивала ее пре-

лести. Конан готов был хохотать над этим, вот только боялся, что у него раскроются его едва поджившие раны. Однако, судя по всему, в скором времени его ожидал поединок с Аклаком, желавшим непременно удовлетворить свои оскорбленные чувства брата. Конан объяснял такое отношение простой ревностью.

В последнее время поведение Аклака становилось все более задиристым. Иногда он нарочито громко пенял сестре, что та берет для чужеземца слишком много еды, иногда останавливался у шатра и делал Сонге замечание, если считал, что она проводит с ним чересчур много времени. А однажды вечером во время очередного урока языка Аклак просунул голову в открытую дверь и, насколько Конан сумел его понять, сказал приблизительно следующее: «Учи его получше, сестра, чтобы он смог молить меня о пощаде, когда я начну превращать его в рыбу икру, перед тем как бросить обратно в реку!»

Терпение Конана лопнуло. Он сорвался со своего убогого ложа и ринулся к двери. Как бы не так — Сонга раскинула в стороны руки, заслоняя выход и строго велела Конану немедленно ложиться обратно. Спорить с ней было бесполезно. Конан огляделся, выбрал наименее прочную с виду стенку, прошиб ее плечом и оказался снаружи. Сломанные и вывороченные из земли жерди шатра попадали в разные стороны.

Перед киммерийцем стоял дюжий дикарь, разинув от изумления рот. Помимо набедренной повязки на Аклаке были сандалии из грубой бизоньей кожи, бусы и какая-то металлическая безделушка, усыпанная самоцветами.

Не в привычках Конана было медлить и раздумывать перед схваткой, тем более что он надеялся

обойтись без оружия и таким образом уменьшить вероятность смертельного исхода для дорогого брата своей возлюбленной. Поэтому Конан без лишних слов занес кулак, чтобы свалить того наземь.

К его немалому удивлению, Аклак оказался проворнее. С непостижимой быстротой он увернулся, и не только увернулся, а левой ногой сумел нанести Конану ощутимый удар в бок. У киммерийца почернело в глазах от острой боли, пронзившей его, — Аклак угодил пяткой совсем рядом с еще не вполне зажившей раной. Но времени приходиться в себя не было, Аклак сам бросился в атаку. Его ноги, руки, сжатые кулаки слились в одно стремительное движение. Все выпады совершались будто сами по себе, казалось, этот бой для него — простая забава, он прыгал туда-сюда, как кузнечик. Жесткие сандалии еще больше увеличивали силу удара. Проведя целую серию таких ударов, причем добрая их половина достигла цели, торжествующий Аклак весело ускорил к костру. Вокруг собралось уже едва ли не все племя, громкими криками приветствовавшее каждый удачный выпад. Конан стоял пошатываясь, он ощущал тошноту и слабость, но не собирался сдаваться.

И вновь Аклак, приплясывая, вился вокруг него, налетая то с одной стороны, то с другой, успевая достать Конана ногой, коленом, кулаком... В какой-то момент Конан сумел перехватить инициативу, и Аклак потерял некоторую долю своей жизнерадостности.

На этот раз ему понадобилось больше времени, чтобы возобновить атаку, но и Конан успел лучше подготовиться. Он поймал Аклака за ногу, не дав ему нанести удар в свой раненый бок, но гибкий, как ящерица, дикарь резко откинулся назад и каким-то чудом вывернулся из рук киммерийца, который

успел-таки вдогонку поддать ему ногой. Не дожидаясь, пока Аклак восстановит равновесие, Конан накинулся на него с кулаками. Точный удар заставил Аклака пошатнуться. Воспользовавшись этим, великан-варвар обхватил его руками и сжал в могучем объятии. Но Аклак еще не исчерпал все свои резервы, он резко двинул головой — и Конан так прикусил себе язык, что у него рот сразу же наполнился кровью. Однако киммериец был уже настолько привычен к боли, что ни на мгновение не ослабил кольцо своих железных рук. Разозлившись всерьез, он поднял Аклака и с силой швырнул его через костер, около которого они дрались, на сооружение из кольев и жердей, где сохли выделанные шкуры. В поднявшемся гомоне киммериец безошибочно различил ликующий возглас Сонги. Это кричала она, он не мог ошибиться.

Употребляя неизвестные Конану проклятия, но, судя по выражению его лица, ругаясь на чем свет стоит, Аклак выбрался из мешанины жердей, шкур и неизвестно откуда взявшихся глиняных горшков. Поднимаясь на ноги, он подобрал с земли нечто заслуживающее внимания — большой каменный топор на длинной рукоятке, вполне пригодный для охоты на кабана или быка. Издавая воинственные кличи, Аклак направлялся вокруг костра к Конану, вращая над головой свой ужасный топор.

Киммериец наскоро осмотрелся, но не нашел ничего подходящего для обороны, поэтому он остался стоять на месте, понимая, что может рассчитывать только на свою реакцию. Никто из атупанов не собирался ему ничем помочь, но Конан не собирался спасаться бегством. Он приготовился к худшему, все его мышцы были напряжены, а мозг работал как никогда четко. Вдруг чья-то женская рука твердо взяла его за плечо, удерживая

на месте. Неужели Сонга в последний момент решила помочь брату расправиться с ним и так вероломно предала его?..

Тем временем Аклак, остановившись в нескольких шагах от Конана, продолжал с бешеной скоростью вертеть топором, но вдруг он сделал неумолимое движение рукой — и топор полетел прямо в костер, воткнувшись в толстое полустгоревшее бревно и рассыпав при этом несметное множество искр. Дикари вокруг Конана радостно взвыли, подскочили к нему и принялись дружелюбно хлопать по спине, выражая свой восторг. Несмотря на то что тумакι эти были достаточно ощутимы, киммерец воспринял их правильно, как поздравление с победой.

Теперь он понял наконец, что кричат атупаны:

— Аклак сжег свой топор! Речной человек прощен! Он прощен и свободен!

Такое событие, разумеется, следовало отметить. В одну минуту соплеменники Сонги и Аклака натащили к костру всевозможной еды, поставили на огонь воду для чая и разложили на земле подстилки, чтобы можно было удобно сидеть. Пока женщины занимались всем этим делом, мужчины и дети собрались в кружок, обсуждая различные моменты только что состоявшегося боя и даже изображая его в лицах. То и дело они принимались хохотать и опять хлопали по спине Конана и Аклака.

Конан стоял среди веселых смеющихся людей, скрывая боль от растревоженных ран и невероятную усталость. Эта схватка истощала его пока еще невеликие силы. Он тихо радовался, что племя Сонги приняло его к себе, что его откармливали не для того, чтобы съесть во время какого-нибудь праздника, что они не собираются принести его в

жертву своим кровавым богам. Можно надеяться, теперь с большим основанием, что у них и богов-то таких нет. В общем, все хорошо, что хорошо кончается.

Аклак и статная седая женщина подвели к Конану Сонгу, которая выглядела очень скромно и застенчиво. Но как только она разглядела, что рана у Конана опять открылась и оттуда сочится кровь, она гневно повернулась к брату, сказала ему что-то резкое и даже ударила его в бок твердым кулачком. Аклак поймал ее за руку и в первый раз обратился прямо к Конану.

— Сонга чересчур груба и слишком много себе позволяет, — сказал он торжественно-печальным тоном. — Она не умеет уважать настоящего охотника, мужчину. Она сердита тебя, потому что плохо обращалась с тобой. — Аклак скорчил на удивление ханжескую физиономию. — Ударь ее, чтобы она знала свое место и вела себя в дальнейшем прилично, как подобает женщине.

Слушая его, люди примолкли и обратились во внимание. Сонга смотрела на Конана настороженными глазами. Он чувствовал, что все это неспроста, но не мог догадаться, какого ответа от него ждут. После некоторого колебания он сказал:

— Много дней Сонга ухаживала за мной. Она вылечила меня и научила вашему языку. Она обращалась со мной как нельзя лучше. Я не могу упрекнуть ее ни в чем.

— Чепуха, — возразил Аклак. — Она плохо обращалась с тобой. Это все знают. Она пнула тебя ногой в тот день, когда вы встретились, перед тем как позвала людей, чтобы они принесли тебя сюда. Она сама рассказала об этом.

Конан упрямо тряхнул черной гривой:

— Все равно я не ударю ее. Я обязан ей жизнью.

Аклак бросил ему с насмешкой:

— Речные люди боятся своих женщин. Посмотрите на него, он боится Сонги!

Атупаны начали хихикать и подталкивать друг друга локтями. Неожиданно в разговор вступила Сонга.

— О да! Таргокины братья позволяют своим женщинам обижать их, — язвительно проговорила она. — Мужчины его племени никогда не бранят их, даже когда они провинятся. Вот, глядите, я вам покажу. — Приблизившись к Конану, она ударила его несколько раз в грудь. — Видите, он боится меня! — Она подняла руку и сильно царапнула его ногтями по щеке.

Легким молниеносным движением Конан ударил ее по лицу, но, как ни слаб был удар, он сразу остановил ее. Сонга покачнулась и, обняв Конана за плечи, прижалась щекой к его груди.

В толпе раздалось:

— Он ударил ее! Теперь они муж и жена.

Так говорили мужчины. Женщины были более эмоциональны:

— Он любит ее! Все видели, он доказал это!

Аклак с широкой улыбкой на лице обнял Конана и продолжающую прижиматься к нему Сонгу:

— Добро пожаловать, брат!

Вот теперь праздник начался по-настоящему. К костру вышли танцоры. Они изгибались, притоптывали ногами и подпрыгивали на месте. Конан и Сонга сидели на почетных местах, и им приходилось пробовать из каждого блюда, прежде чем его передавали другим. Когда все насытились, певцы-сказители принялись петь о том, как духи животных сотворили небо и землю. Конан плохо понимал их пенье, хотя ничего странного в самой идее для него не было. В Киммерии почитали Крома, но

детям рассказывали примерно такие же сказки про зверей.

Еда была прекрасной, атупаны веселились вовсю. Сонга казалась очень счастливой, она нежно прижималась к Конану и не сводила с него глаз.

Когда огонь стал угасать, люди начали расходиться по своим хижинам. Этой ночью Сонга так же мало обращала внимание на ужасные раны Конана, как и ее брат несколько часов назад.

Глава девятая

ОГОНЬ И КРОВЬ

Подобно взбесившейся реке, толпа хлынула на улицы столицы. Нет, даже не река, скорее, потоки бурлящей лавы, нечто вроде того священного огня, которым всемогущая богиня Нинга очистила и уничтожила погрязший в неверии южный город Фаландер. Эти людские потоки, как и любое другое стихийное бедствие, оставляли на своем пути опустошение и разорение: алчное, всепожирающее пламя, руины и обуглившиеся трупы упорствующих в своем заблуждении.

Быстрее огня распространялось священное пламя восстания по Бритунии, от родной долины Тамсин до Урбандера и сотен маленьких городков и деревень, а теперь с неотвратимой неизбежностью оно охватило и Саргоссу. Раздуваемое ветрами смуты и недовольством старыми богами, священное пламя грозило уничтожить теперь и храм Амалиаса, и императорский дворец, и даже легендарный Трон Грифона, с восседающим на нем королем Тифасом Лукавым.

Беснующаяся толпа ворвалась на площадь, и в центре ее в легкой коляске ехала хрупкая девушка

в свободном бледно-зеленом платье с роскошно разодетой куклой в руках. Ее окружал двойной ряд копьеносцев, а сзади прикрывали всадники. Коляска с ее вооруженной охраной свободно перемещалась среди всего этого хаоса, фанатичные приверженцы новой веры с обожанием и страхом смотрели на девушку, ведь это была сама Тамсин, великая и непогрешимая верховная жрица, а на ее руках всемогущая богиня Нинга. В толпе не было человека, который бы не слышал о том, что именно хранится в новом, посвященном Нинге храме, об этом красноречивом доказательстве ее всесилия — отрубленной голове, из которой не текла кровь, которая не дышала, но тем не менее жила, претерпевая ежесекундно мучительные муки, на которые обрекла ее Нинга... И никогда-никогда не умирала...

Во всей Бритунии остался неразрушенным лишь один храм Амалиаса, главный храм столицы, последний и самый мощный бастион старой веры. И его верховный жрец поклялся остановить вздымающуюся волну ереси... а если понадобится — вступить в единоборство с самой ведьмой Тамсин.

Именно здесь король Тифас разместил свои лучшие войска. Еще до появления Тамсин вблизи столицы он заявил своим генералам: «Пусть беснуются сколько хотят, пусть перебеют друг друга в хмельном раже, пусть даже разрушают на своем пути храмы. Мои гвардейцы сумеют их остановить, а очистив от этих негодяев главную площадь, сокрушат их окончательно».

И все же королевские гвардейцы с алебардами в руках продолжали ожидать приказа смести зарвавшихся мятежников с лица земли. Король Тифас, со свойственной ему практичностью, не хотел рисковать армией, когда, возможно, и одного

человека окажется достаточно. Он стоял на самой высокой башне своего дворца, прилегающего к храму, и наблюдал за происходящим внизу. Рядом с ним неподвижно замерли двое сигнальщиков с флажками.

Двери храма распахнулись, и перед толпой, запрудившей площадь, появился белобородый Эпиминофас. Верховный жрец сильно изменился с тех пор, как несколько лет тому назад впервые встретил Тамсин. Его широкая борода поседела, он заметно осунулся, лицо потеряло былую холеность и пухлость, в нем появилось даже какое-то аскетическое благородство. Легкими уверенными шагами он прошел вперед и остановился у края верхней ступени. Вместо расшитых золотом риз, которые он носил раньше, на нем было простое серое одеяние без каких-либо украшений.

Эпиминофас не стал спускаться вниз и подвергать себя риску быть схваченным буйными приверженцами новой веры. За его спиной выстроился ряд опоясанных мечами воинов, вполне достаточное прикрытие, если толпа вздумает штурмовать ступени. Сами ступени, для того чтобы подчеркнуть величие Амалиаса и показать ничтожность поклоняющихся ему, были высотой в половину человеческого роста, и взобраться по ним стоило немалого труда. Эпиминофас стоял на верхней, десятой ступени, откуда ему была видна вся площадь, в то же время не подвергая себя непосредственной опасности.

Смотреть отсюда — и то было страшно: море людских голов угрожающе колебалось, вздымались руки, потрясая самодельным оружием, реяли на ветру знамена. Кроме того, здесь было несколько длинных транспарантов, которые несли человек двадцать, а то и больше. На этих транспарантах

было изображено разрушение Фаландера огнедышащими вулканами, сцены избиения фанатичными поклонниками Нинги непокорных жрецов и тому подобные леденящие кровь картины. Однако они казались вполне уместными на фоне разграбленного, пылающего города.

На дальнем конце площади появилась коляска, в которой ехала Тамсин, но Эпиминофас не стал дожидаться ее приближения.

— Дети Амалиаса! — Его звучный голос перекрыл грозный рокот толпы и эхом отразился от зданий, окаймляющих площадь. — Заблудшие сыновья и дочери, приветствую вас у стен обители вашего Отца и его слуг.

Мятежники, пораженные его приветливым тоном, смолкли и начали прислушиваться, вскоре установилась тишина, нарушаемая лишь конским ржанием и шарканьем ног по мостовой. Эпиминофас достиг того, что казалось абсолютно невозможным: его согласились выслушать.

— Знаю, что некоторые из вас потеряли веру в священное могущество своего Доброго Отца Амалиаса и, как неразумные дети, отказываются покориться и выполнить волю своего родителя. Другие желали бы сровнять с землей сию святую обитель — его храм. Многие позволили сомнению и ереси проникнуть в их сердца. — Эпиминофас широким жестом обвел рукою площадь, показывая, что взывает ко всем присутствующим. Не обращая внимания на шиканье и улюлюканье, он продолжил: — Вот почему я рад, что вы пришли сюда.

Из толпы заорали:

— Нинга — наша богиня!

Будто не слыша, Эпиминофас повторил:

— Я рад, потому что Добрый Отец Амалиас излечит ~~ваши~~ пораженные ~~сомнением~~ души и примет

вас в свои объятия. Его храм — обитель мира и благодати. Никто не знает этого лучше, чем я... ведь еще недавно я ничем не отличался от вас! Я тоже страдал неверием!

Услышав такое небывалое признание, смолкли последние буяны. Верховный жрец не преминул воспользоваться наступившей тишиной:

— Узнайте же, братья бритунийцы, что мой грех и моя вина намного больше вашей, ибо даже тогда, когда я внутренне отвергал Отца нашего Амалиаса, я продолжал облачаться в священные одежды его слуг и преклонять колени у его алтарей. Во мне не было веры, но я не заявил об этом открыто, а скрывал сию тайну под покровом благочестия. Я лицемерно притворялся, будто следую заповедям Амалиаса, а сам боялся лишь одного — лишиться своего положения, власти и накопленных богатств.

Снизу кто-то закричал:

— Каков каналья! Да ты и сейчас делаешь то же самое! Зачем притворяться?

Его поддержал другой:

— Все они нас обкрадывают! На костер их!

Эпиминофас воскликнул:

— Да, мои проповеди были пусты! Мои цели — преступны, признаю! — Его искренняя страстность заставила крикунов умолкнуть. — Моя двуличность способствовала тому, что в ваших душах были посеяны семена ереси. Я скорблю об этом! Я горько скорблю об этом!

— Нинга — наша богиня! — вновь послышалось с площади.

Эпиминофас переждал, пока стихнут крики, и заговорил опять:

— Что же преобразило меня? Выслушайте, бритунийцы, мой рассказ. Видя силу врагов Амалиаса,

я задал себе вопрос: воистину ли велика их сила? Я спросил себя и теперь спрашиваю, братья, вас: неужели этот грандиозный храм, — театральным жестом жрец указал на исполинские стены за своей спиной, — основан на ложной вере? Неужели заблуждались бесчисленные поборники сей веры?

— Да, заблуждались! — закричали внизу.

— Нет, не заблуждались! — горячо возразил Эпиминофас. — И я докажу вам это! Но для начала я спрошу вас, возможно ли, что все учение Амалиаса, его заповеди, пророчества и откровения — не что иное, как пустые бредни? Возможно ли, что из поколения в поколение мы учили своих детей мнимым истинам? — Предусмотрительно не дожидаясь ответа, верховный жрец со всей убедительностью провозгласил: — Нет, этого не может быть! И если боги существуют, значит, существует и Амалиас — величайший из богов! Бритунийцы, говорю вам, я спускался в катакомбы, тайные подземные кладбища, изучал там петроглифы, корпел в храминах над пергаменами, столь древними, что они рассыпались под моим взглядом. Я докопался до самых глубинных корней нашей с вами религии, и я торжественно заявляю вам: Амалиас был, есть и будет!

— Чушь! Чепуха! Вздор! — завопили мятежники. — Хватит нести околесицу!

— Это наша Нинга вернула тебе веру, а не твой старый мертвый бог! — прокричал кто-то из первых рядов.

— Готов согласиться, — откликнулся Эпиминофас, — я в долгу перед колдуньей Тамсин и ее куклой Нингой за то, что они доказали мне существование магических чародейских сил, во что я уже и верить-то перестал. Мы все в долгу перед ними за то, что они пробудили нас ото сна...

— Посмотрите на него хорошенько, приверженцы истинной веры! — перебил его какой-то насмешник. — Именно благодаря ему наша Нинга прошла обряд Наречения! Запомните его — он трус!

По толпе прокатился хохот, но Эпиминофас не собирался сдаваться.

— Да, запомните меня, потому что я первый понял божественный промысл Амалиаса, который решил вот таким путем очистить и возродить наше религиозное рвение. Настанет час — и Амалиас явит свое могущество. Вот тогда Нинга и все другие боги содрогнутся и отступят. Знайте же, бритунийцы, вам на роду написано оставаться в старой, чистой вере, а не прельщаться суесловными посулами колдуньи Тамсин. — Он направил указующий перст на легкую коляску, которая наконец приблизилась и остановилась у ступеней храма. — Поймите, бог — не истрепанная метла, которую бросают в огонь, когда она отслужит свой срок, и заменяют новой! Подумайте, чего вы лишитесь, отказавшись от заступничества Амалиаса, и что приобретете, поклоняясь омерзительной кукле, возникшей неизвестно откуда, словно поганка на навозной куче!

Толпа взревела от ярости, услышав последнюю фразу жреца. В него полетели камни, но он не ходил слишком высоко и далеко и посему не мог пострадать от них серьезно. Вся масса людей разом прихлынула к храму, так что некоторые оказались даже придавлены, другим удалось вскарабкаться на первую ступень, и они полезли вверх, воодушевляемые воинственными криками своих сограждан.

— Он оскорбил Божественную Нингу! — орал какой-то фанатик. — Смерть богохульнику!

Эпиминофас не обращал на них внимания. Преклонив колена, он принялся истово молиться.

— О небесный Отец наш Амалиас! О величайший из великих! — взывал он, простирая руки к грозовым тучам над головой. — Если услышишь ты своего смиренного слугу, будь милостив ко мне, ничтожному, подай знак, пошли на землю дождь!

— Смерть ему! — слышалось из толпы. — Заткните ему глотку! Хватит морочить нам голову мертвым продажным богом!

Но именно в этот момент, будто отвечая мольбе верховного жреца, над площадью глухо прогремел гром. Звук был слабый и отдаленный, словно где-то далеко в вышине открылась какая-то небесная дверь. Спустя несколько мгновений закапал мелкий робкий дождик, потом он усилился, и на землю полились прямые тяжелые потоки. Вдали опять приглушенно загрохотало, но мятежники ничуть не оробели.

— Эй, старый болван! Мы тебе все равно не верим! Это наша Нинга принесла дождь, а не твой никчемный Амалиас! Наша Нинга сильнее всех богов, вместе взятых! Она смеется над тобой!

Не слушая их, Эпиминофас воскликнул:

— О благодарю тебя, всемилостивый Амалиас, за твой знак! Я просил тебя о дожде, и ты послал дождь, ты ответил мне! Запомните же, люди, сей великий день! А теперь, молю тебя, о величайший из великих, яви нам еще раз свое могущество, пусть грянет гром и сверкнет молния!

Едва Эпиминофас успел договорить, как на западе вновь глухо зарокотало, в отдалении блеснула молния, потом еще раз, уже совсем рядом. Гроза приближалась к городу.

— О всевластный Отец наш! — возвысил голос верховный жрец, впадая в священный экстаз. — Заклинаю тебя, помоги мне открыть глаза сомневающимся! Заклинаю, срази неверующих!

Но ничто уже не могло образумить неистовствующую толпу. Бешеная атака на храм не только не прекратилась, а стала еще более ожесточенной. Мятежники добрались до верхней ступени и напали на воинов, охраняющих Эпиминофаса.

— Шарлатан! Обманщик! — кричали мятежники. — Твой немощный Амалиас только и годен на то, чтобы сверкнуть в небе раз-другой какой-то убогой молнией, а наша Нинга топит города в море огня!

Восставшие еще больше воспряли духом, когда длинные широкие транспаранты с нарисованными на них картинами победоносного шествия Нинги и Тамсин по Бритунии опустились. Защитникам храма стало понятно теперь их назначение: транспаранты эти прикрывали собой шеренгу всадников в полном вооружении. В них не сложно было угадать отборных солдат наместника северной провинции, тем более что почти сразу над ними взвился стяг с гербом мятежного лорда Исэмбарда.

— Виват кавалерии! — слышались крики. — Нинга или смерть!

— Ха-ха, умирающий бог послал дождь, думает, оружие наших бойцов заржавеет! — проорал какой-то шутник, но не успел его голос смолкнуть, как дождь стал затихать, а вскоре и вовсе прекратился.

— Великий Амалиас! Настала минута, когда... а-а-а!.. — Договорить верховный жрец не успел. Стрела арбалета со свистом пронеслась над толпой и вонзилась прямо в его сердце. Эпиминофас рухнул как подкошенный и умер на месте.

— Радуйтесь, бритунийцы! Лжепророк мертв! Наша Нинга опять победила! — И, словно подтверждая эти слова, где-то далеко замолкли последние отголоски грома.

Король Тифас, стоя на башне со своей немногочисленной свитой, увидел, как погиб верховный жрец. Немедленно прозвучал приказ, и замелькали семафорные флажки. Уже спустя несколько секунд гвардейцы короля выдвинулись вперед и заняли позиции, преграждая путь ко дворцу.

Кто же победит в этой битве? Отлично обученные, дисциплинированные гвардейцы на прекрасных лошадях, с великолепным вооружением и огромным опытом подавления уличных беспорядков или относительно малочисленные, но не менее закаленные северные воины, за спиной у которых бушевало море разъяренных фанатиков? Никто не решился бы предугадать исход такого сражения. Зато любому было ясно, какой ущерб будет нанесен дворцу, храму, садам и всем прилегающим усадьбам знатных горожан. И король Тифас предложил Тамсин заключить временное перемирие.

Парламентаром был послан командующий дворцовой стражей, который пригласил Тамсин и Исэмбарда пожаловать во дворец на переговоры с королем. С ними отправился названный брат Тамсин Арль и трое знатных вельмож с севера, приближенных Исэмбарда.

Толпу, оставшуюся на площади перед храмом, обуревали смешанные чувства: ликование, разочарование, подозрительность и страх. Гроза, вызванная Эпиминофасом, ушла к югу. Большинство мятежников втайне радовались, что Нинга удовлетворилась простой арбалетной стрелой, а не своим наводящим ужас колдовством и великой битвы между старым богом и новой богиней не состоялось. Другие же были несколько разочарованы, лишившись такого эффектного зрелища, и считали, что их попросту мадули. Правда, еще неизвестно было, чем закончатся переговоры во дворце, возможно, схват-

ка между бойцами-северянами, сторонниками Тамсин, и королевскими гвардейцами еще возобновится. Пока же те и другие выжидали, стоя друг против друга в полной боевой готовности. Ну, а толпа meantime развлекалась, бесчинствуя в храме: срывала со стен расшитые золотом драгоценные ткани, опрокидывала статуи и вылавливала немногих оставшихся жрецов — ведь вскоре должны были состояться публичные казни тех, кто откажется отречься от старого бога Амалиаса.

Беспокоились бунтовщики лишь об одном: как бы подлый и коварный король Тифас, несмотря на всю защиту Божественной Нинги, не захватил в плен Тамсин с ее маленькой свитой. А ведь он может попытаться даже убить ее! Или, что тоже вполне вероятно, вдруг они опрометчиво согласятся пойти на какой-нибудь непродуманный компромисс с тираном и все их восстание окажется напрасным? Но нет, это невозможно, Нинга ни в коем случае не допустит такого несчастья...

Маленькая процессия во главе с Тамсин переступила порог дворца. Они шли по запутанному лабиринту коридоров, с поднимающимися при их подходе заградительными решетками, через вестибюли с множеством дверей, ведущих неизвестно куда, пока наконец не пришли в главный Тронный зал. Король специально выбрал его для данного случая, желая поразить мятежников его великолепием. В гигантских сводчатых палатах под восьмиугольным окном изумительной красоты, составленным из десяти тысяч разноцветных прозрачных драгоценных камней, вставленных в тончайшую металлическую решетку, стоял знаменитый Трон Грифона.

Во всей Бритунии не нашлось бы человека, который не слышал о нем. Трон был высечен из единой глыбы черного как ночь камня в виде крылатого

льва с орлиной головой, сидящего на задних лапах. Клюв его был из чистого золота, острые когти вырезаны из громадных изумрудов, рубиновые глаза горели кроваво-красным пламенем. Полураспростертые платиновые крылья покрывала мозаика из перламутра. Король сидел на пышной подушке между передних лап чудо-зверя, которые упирались в задние, и над ним, словно балдахин, нависала орлиная голова с золотым клювом.

Сам король в простом пурпурном камзоле, отделанном узким золотым кантом, с золотой перевязью для сабли и тонким золотым обручем-короной на лысеющей голове выглядел гораздо менее внушительно, чем его трон. Тифас погрузнел в последние годы: когда-то стальные, мускулы стали дряблыми, обветренная бронзовая кожа ветерана многих кампаний побледнела, в лице появилась одутловатость, прямая выправка победителя сменилась сутулостью, естественной для человека, которому приходится подписывать бесчисленное множество указов и целыми днями просиживать на приемах и советах. Однако быстрый, цепкий взгляд короля говорил о том, что Тифас отнюдь не потерял своей былой изобретательности и энергии.

Когда Тамсин в сопровождении своих сторонников и одного из вельмож вошла в зал, придворный церемониймейстер торжественно объявил:

— Ваше величество! Первый советник королевства Бритунии спрашивает вашего милостивого решения представить вам мятежного лорда Исэмбарда, нынешнего правителя северной провинции и Урбандера, объявленную вне закона колдунью по имени Тамсин, ее названного брата, колдуна по имени Арль, и трех объявленных вне закона лейб-гвардейцев из северной провинции.

— Пусть приблизятся.

Повинуясь жесту короля, церемониймейстер подвел Тамсин, Исэмбарда и первого советника к подножию трона. Арль с лейб-гвардейцами остался стоять в небольшой толпе придворных и верховных офицеров короля. Приблизившись к возвышению, на котором находился трон, первый советник преклонил колена и низко поклонился — этим знаком уважения и покорности мятежники подчеркнуто пренебрегли.

— Мы вынуждены упрекнуть нашего придворного церемониймейстера, — любезным тоном произнес Тифас, — впрочем, наверное, его следует сварить в кипящем масле, как это стало модным в последнее время, — за то, что он по преступной небрежности не упомянул среди присутствующих имя богини Нинги. Я исправлю его ошибку: привет тебе, Нинга, вдохновительница восстания северных провинций, восстания столь грандиозного, что оно даже привлекло наше королевское внимание.

По выражению лица Тифаса невозможно было догадаться, то ли он иронизирует, то ли, по своему обыкновению, ведет какую-то хитрую игру. Церемониймейстер, судя по мертвенной бледности блестящего от пота лица, склонен был серьезно отнестись к словам своего господина и повелителя. Подозрительный и обидчивый лорд Исэмбард неуверенно посмотрел на Тамсин, не зная, как расценить слова короля.

Тамсин же, в отличие от него, нисколько не колеблясь, ответила сразу:

— Благодарю тебя, Тифас, за то, что ты первым из своего окружения воздал должное Нинге. Твои подданные уже давно осознали ее божественную сущность.

На короля ее прямой бесхитростный ответ произвел должное впечатление. Он поморгал, приходя в себя, и все так же приветливо произнес:

— Сидя во дворце, за высокими стенами, не всегда легко угадать, чем может кончиться волнение, охватившее какой-нибудь далекий маленький город.

— А хоть бы и так, — вмешался в разговор Исэмбард, явно желая вставить и свое слово. — Довольно-таки, знаете ли, неудобно королю заявлять, будто он ни о чем не догадывается, когда в стране происходят невиданные чудеса, исполняются древние пророчества, сотрясаются троны — и старого, никчемного бога сменяет новая, единственно истинная богиня.

— Лорд Исэмбард, я требую, чтобы вы проявляли подобающее почтение, разговаривая...

Король махнул рукой, приказывая своему первому советнику замолчать. Он терпеливо ответил Исэмбарду, не проявляя ни раздражения, ни гнева.

— Когда простолюдины начинают рассказывать о невероятных происшествиях, трудно относиться к этому серьезно, ведь они необразованны и простодушны, любой при желании может их одурачить. Нам ли этого не знать, — усмехнулся Тифас. — Ну, а что касается сотрясающихся тронов, то, уверяю тебя, мой так называемый наместник, тебе незачем беспокоиться о троне Бритунии, он не про твою честь и стоит так же незыблемо, как и раньше. Мы призвали вас на эти переговоры исключительно потому, что *нам так удобно*, а не потому, что боялись за свою королевскую власть. А вот тебе, Исэмбард, мы бы посоветовали быть поосторожнее, чтобы ненароком не лишиться того, что ты имеешь сейчас.

— Король осознает божественную сущность Нинги, но сомневается в том, что она способна творить чудеса, — заметила Тамсин. — Мне это странно. Знай же, Тифас, Нинга не жалует маловеров.

— Полно, госпожа колдунья, — непринужденно улыбаясь, обратился к ней король, — не пытайся убедить нас в том, чего просто не может быть! И не морочь нам голову рассказами о сверхъестественных силах, якобы присущих твоей кукле, мы тебе, извини, не поверим! Да если бы я принимал все это за чистую монету, мы сейчас не беседовали бы тут так мирно, да тебе бы и нужды в этом не было, разве не так? Будь же благоразумна и выслушай, что я скажу. За годы моего правления, когда мне постоянно приходилось иметь дело со жрецами Амалиаса, я успел неплохо разобраться в том, что они собой представляют, так что не будем дурачить друг друга, а поговорим здраво. Я уверен, мы сможем договориться.

— Если ты хочешь сказать, что Божественная Нинга ничем не лучше этого слабого, никчемного Амалиаса, — снова вмешался Исэмбард, — тогда ты оскорбляешь нашу веру!

— Нет, нет, ничего подобного я не имел в виду, — спокойно ответил ему Тифас, продолжая не сводить глаз с Тамсин. — Как может идти речь о какой-либо слабости, когда ваши сторонники разгромили уже не один город и стоят буквально на пороге моего дворца. Нет, я прекрасно сознаю, что ваша Нинга очень и очень сильна. Именно этим она мне так нравится. Однако, — продолжил король, — вы не можете не признать, что во время недавнего диспута с ныне покойным верховным жрецом Эпиминофасом богиня Нинга проявила изрядный здравый смысл, понадеявшись больше на стальной наконечник стрелы арбалета, чем на чудодейственные силы. Она не превратила храм в груды развалин своим взглядом, не сожгла небесным огнем и не развеяла прах по ветру. Вместо этого она приказала арбалетчику целиться лучше. В итоге была

истрачена всего одна стрела. Мне по душе такая бережливость! Вот почему, перед лицом неопровержимых фактов, свидетельствующих как об уме, так и о могуществе богини Нинги, — король вновь заговорил официальным тоном, — мы предполагаем воспользоваться всей силой королевской власти, дабы поддержать новую истинную веру и сокрушить окончательно неблагоприятных почитателей старого бога Амалиаса, если таковые обнаружатся. Мы готовы незамедлительно объявить народу о принятом нами решении и лично принять участие в отправлении соответствующих религиозных обрядов, естественно при условии, что они не будут унижать наше королевское достоинство. Богиня Нинга станет главной среди богов Бритунии.

Находящиеся в зале слушали речь короля в полном молчании: стражники с непроницаемыми лицами, придворные настороженно, некоторых верховных офицеров явно обуревали двойственные чувства, церемониймейстер и первый советник просто не могли прийти в себя от изумления. Исэмбард, еще несколько минут тому назад кипевший от ярости, теперь злорадно усмехался. И лишь Тамсин не утратила своей безмятежности, — казалось, она ничуть не удивлена.

— Итак, Тифас, ты предлагаешь Божественной Нинге занять место старого, скверного бога Амалиаса, а бритунийцам по-прежнему остаться под твоим гнусным правлением, вместо того чтобы начать новую светлую и добродетельную жизнь. Я тебя правильно понял?

Приближенные короля буквально ахнули, услышав столь дерзкую речь, Тифас же только едва заметно помрачнел.

— Выбирай выражения, жрица!.. Впрочем, трудно было бы ожидать чего-то другого от тебя,

раздувшей весь этот мятеж. — Он покачал головой и нахмурился. — Но я готов сделать вид, что ничего не слышал, и попробовать еще раз обратиться к твоему разуму. Вынужден напомнить тебе, что в своем нежном возрасте ты не имеешь никакого представления о том, как трудно управлять таким обширным королевством, как Бритуния. Для этого нужен в первую очередь большой опыт, и то постоянно возникают проблемы столь сложные, что даже у искушенного государственного мужа голова может пойти кругом. — К королю, в жизни которого еще не было случая, чтобы он не сумел повернуть дело к собственной выгоде, вернулось самообладание, и он даже улыбнулся Тамсин. Уж кто-кто, а Тифас умел владеть собой. — Пойми, дитя, как бы ты не жаждала власти, это бремя не для твоих слабых девичьих плеч, хотя ты, конечно, уже успела проявить себя незаурядным стратегом и тактиком. Нет, Тамсин, такой юной прелестной девушке, как ты, вовсе ни к чему мой жесткий, неудобный трон, он будет тебе в тягость.

— Да, ты прав, — неожиданно для всех поддакнула королю Тамсин. — Твой трон уродлив. Такой тяжелый, черный... он совсем не годится для этого красивого зала, ты согласна со мной, Нинга? И вид у него какой-то угрожающий...

Завороженные странными словами колдуньи, все усталились на Трон Грифона и обомлели от неожиданности: живой огонь вспыхнул в рубиновых глазах чудо-зверя, он втянул свои жуткие когти и снова выпустил их, его передние лапы пришли в движение.

— Да, этот Грифон мне положительно не нравится, — объявила Нинга. — Пусть уберется отсюда... вместе с тобой, Тифас!

Король, пребывавший до этого момента в непонятном оцепенении, встрепенулся и хотел соскочить

с трона, но не тут-то было: крылатый лев уже сжимал его каменными лапами, острые изумрудные когти все сильнее и сильнее впились в грудь несчастного короля, который принялся отчаянно кричать:

— Тамсин, пощади! Великая богиня Нинга, я не хотел тебя обидеть, отпусти меня! Ай! Ой! Ой-ой-ой!

Стражники, стоящие по обеим сторонам от трона, выхватили мечи и набросились на Грифона, пытаясь спасти своего короля, но что могли они сделать с каменным чудовищем! Один лишь удар длинного хвоста — и оба покатались кубарем, звеня о мозаичный пол своими доспехами.

Не выпуская извивающегося, вопящего Тифаса из когтистых лап, Грифон расправил платиновые крылья. Перламутр засверкал на них всеми цветами радуги в бликах, падающих из восьмиугольного окна-витража. Затем произошло и вовсе невероятное: лев с орлиной головой взмахнул крыльями раз, другой, поднялся в воздух и сделал круг над онемевшими от ужаса людьми, а затем устремился прямо в окно, обсыпав стоящих внизу миллионом разноцветных осколков.

Толпящиеся на площади перед храмом мятежники увидели невиданное зрелище: из дворцового окна вылетел страшный черный демон, похожий на священного Грифона, в когтях он нес самого короля Тифаса, который не переставая кричал, потому что острые когти и клюв терзали его плоть даже на лету. Грифон поднимался все выше и выше, пока не исчез за тяжелыми свинцовыми облаками.

А в это время придворные и стражники в Тронном зале не смели двинуться с места, опасаясь, что Тамсин, а вернее, богиня Нинга еще не окончила своих кровавых забав. Первый советник после секундного колебания упал на колени и склонил голову, демонстрируя свое смирение и покорность.

Лорд Исэмбард пребывал в нерешительности чуть дольше, потом с трудом отвел глаза от лежащей на полу королевской короны и последовал примеру первого советника.

Тамсин не обратила на них никакого внимания. Она тоже заметила корону, легкими шагами подбежала к ней и схватила, воскликнув с детской непосредственностью:

— Ой, Нинга, ты посмотри только, какая красивенькая!

И с той же непосредственностью она водрузила золотой обруч — олицетворение королевской власти — на свою светлую головку, а не на тыквенную голову куклы.

Глава десятая

ПОЖИРАТЕЛЬ ДЕРЕВЬЕВ

Находясь среди атупанов, Конан скоро позабыл, что жил когда-то другой жизнью. Он любил бродяжничать и всегда был легок на подъем. Таковы были и атупаны. Они часто кочевали с места на место, перемещаясь вслед за мигрирующими стадами. В прежние годы в своих многочисленных странствиях Конан как-то даже и не успевал тосковать по родине, но сейчас ему казалось, будто он вернулся домой, настолько близко были ему веселые, дружелюбные атупаны, настолько нравилась простая и естественная жизнь, в которую он окупнулся.

Конану пришлось перенести настоящий допрос на совете старейшин, куда он был призван. В самой большой хижине собрались мудрейшие из мудрых, а также сказители, которые тоже считались

достойными этой чести. Посередине горел огонь, в который время от времени подбрасывали пахучие травы, дабы еще больше увеличить остроту и так всеми признаваемого ума высокого собрания. Была здесь и Нуна, мать Сонги, которая когда-то не уступала лучшим охотникам племени.

Старейшины одобрительно хмыкали, разглядывая Конана, им понравился этот рослый богатырь, способный постоять за себя, и они с уважением отнеслись к его шрамам, однако, когда они принялись задавать ему вопросы, для того чтобы оценить его знания о происхождении земли и тому подобных вещах, веселью не было предела. Старейшины хохотали до слез, слушая, как он запинаясь и путается в самых простых, по их мнению, ответах. Конан злился и краснел, но вытерпел эту процедуру, потому что сознавал, что его собственные соплеменники отнеслись бы к чужестранцу примерно так же, а кроме того, Сонга была рядом с ним и то и дело клала ему на плечо добрую ласковую руку. Поэтому киммериец стойко вынес допрос и согласился разобратся в священных для атупанов небесных демонах и духах зверей, сотворивших леса и землю.

Конан легко и естественно вошел в жизнь племени. Терпеливо сносил стишки-дразнилки, которыми его любили преследовать юные девицы, еще не нашедшие себе пары. Они относились к киммерийцу с большим интересом, явно завидуя Сонге. Малолетки, если только не играли во что-нибудь или не слушали истории сказителей, тоже не оставляли его своим вниманием. Он ходил на охоту, помогал выделывать шкуры, иногда принимал участие в забавах молодых атупанов, всегда готовых помериться силой и ловкостью. В этих развлечениях не последними были охотницы, включая нескольких недавно украденных девушек из соседнего племени.

Атупаны хорошо относились к Конану. Они довольно скоро привыкли к его иноземному облику и снисходительно посмеивались, видя его прямо-таки ненормальную любовь к Сонге. Правильнее сказать, эта любовь их настолько забавляла, что в стойбище им было никуда не деться от любопытных глаз. Конан же в Киммерии привык к более сдержанным и скромным манерам, а также более солидным стенам из бревен, — впрочем, не исключено, что его испортили годы, проведенные в цивилизованных странах. Так или иначе, Конан частенько отправлялся вместе с Сонгой на весь день на охоту. Когда они в сумерках возвращались домой, вид у них был счастливый, но похвастаться им, как правило, было нечем: несколько рыбешек или небольшая связка белок — вот и все, что они приносили. Атупаны улыбались и молчали.

Благодаря природной силе и смекалке Конан без труда завоевал себе уважение. Ему уже было известно многое из того, что необходимо для жизни в лесах, и он с готовностью учился новому. Конан узнал, где и как добывать соль, кремь, глину для горшков, красящие вещества, твердую древесину, луб, лыко, он выучил названия и мог распознать десятки съедобных и целебных растений. Атупаны показали неведомые ему способы делать ловушки, строить жилища, разводить огонь. Чем больше он узнавал, тем большим уважением проникался к своим новым соплеменникам.

Однажды в лесу он вспомнил о том, что его давно тревожило, и спросил у Аклака, предводителя их маленького отряда: кто бы это мог украсть из-под носа матерого оленя и не оставить после себя никаких следов. Зверь или демон?

Аклак, который до того спокойно сидел опершись на громадный валун, пробурчал что-то невнятное, встал на ноги и внимательно осмотрелся, втянув в себя несколько раз воздух. Сонга и два молодых охотника, Глубал и Джад, глядели на него тревожными глазами. Наконец Аклак заговорил, в голосе его звучала покорность судьбе:

— Об этом нельзя спрашивать, это нельзя вспоминать или называть по имени, иначе всех нас постигнет ужасный конец. Потому лучше молчи.

Конан, уже привыкший к простой жизни среди атуанов, приспособился и к их простым законам, одним из главных среди которых являлось беспрекословное послушание старшему. Посему он, не говоря ни слова, пожал плечами и отправился вслед за другими. Правда, теперь он шел еще осторожнее, чем раньше.

Сегодня, как сказали Конану еще утром, предстояло нечто совершенно исключительное. Конан так и не понял, что именно. Путь был неблизким, и атуаны не обращали внимания на крупную дичь, попадавшуюся им по дороге, подстрелив только пару птиц да нескольких белок, которые, можно сказать, прямо шли в руки, и только последний болван стал бы упускать легкую добычу. Ну, а средних размеров антилопа беспрепятственно скрылась в лесу, ведь, убив ее, пришлось бы вернуться в стойбище. Конан подумал, что дело, ради которого они идут, должно быть действительно чем-то особенным, раз они пропустили такую отличную антилопу.

Их путь лежал через неглубокие лощины и пологие холмы. Если бы они продолжали идти на восток достаточно долго, то они дошли бы до более крутых и высоких гор, видневшихся на горизонте. Кругом простирались леса. Иногда деревья росли очень густо, главным образом на дне лощин и на

вершинах холмов, иногда на каменистых осыпях пропадали совсем, но везде дорога была очень плохая: подлесок, лежавшие на земле стволы, множество валунов. Если бы не звериные тропы, продираться сквозь заросли было бы еще труднее.

В привычном молчании людей, привыкших к долгой и быстрой ходьбе, маленький отряд двигался вперед, к неизвестной Конану цели. Через несколько часов пути они дошли до подножия высокой скалы, сложенной базальтами. Пока они огибали ее, Конан все время подозрительно посматривал вверх. Ему казалось невероятным, что все эти многогранные столбы, четко вырисовывающиеся на фоне неба, могли образоваться без участия человеческих рук. Слишком уж у них был правильный вид, хотя, с другой стороны, никакие люди не смогли бы обтесать такое множество столбов, да и зачем? Скорее, тут не обошлось без богов. Конану очень не нравились ни сами столбы, ни массивные шестиугольные плиты, потрескавшиеся от времени. Если такая машина, соскользнув сверху, врежется в дерево — снесет любое.

Выбравшись из очередного бурелома, Конан взглянул вперед и буквально обомлел. Прямо из чащи леса к небу поднималась высокая круглая башня, сужающаяся кверху. Она была светлая, намного светлее серых базальтовых скал и, по всей видимости, не имела к ним никакого отношения. Приглядевшись, Конан заметил под обвивающими ее ползучими растениями сплошную каменную резьбу. Ни окон, ни бойниц на башне видно не было.

— Кром! — вырвалось у Конана. Посмотрев на своих товарищей, он понял, что для них странная башня не явилась неожиданностью. Скорее, их интересовала его реакция.

— Дивись, речной человек! — Аклак покровительственно улыбнулся киммерийцу. — Перед тобой Великое Каменное Дерево, его сотворил дух белки Шуксы, чтобы прятать орехи, украденные у барсука Твика. А Твик сделал подкоп и забрал все орехи, но он сильно рассердился и запретил Шуксе спускаться на землю. С тех пор все белки живут только на деревьях. Однако Каменное Дерево он не сломал, а оставил как напоминание. Пошли, подойдем поближе, я покажу тебе еще кое-что.

Они начали продираться сквозь густую поросль. Какое-то слабое подобие тропинки указывало на то, что люди хоть и редко, но все же здесь бывали, если только это не звериная тропа. Вполне вероятно, где-то тут находились еще и другие руины, но лес разросся так густо, что найти их было уже невозможно. Кроме того, Конану пришло в голову, что нельзя оценить также истинную высоту башни, ведь она стояла у самой скалы, и неизвестно, сколько обломков свалилось сверху и на какую глубину завалено ее основание. Если судить по тому, что никакого входа в башню не было видно, так оно, скорее всего, и случилось.

— Видишь стену? — спросил Аклак, подводя Конана к самой башне. — Любой охотник — любой смелый атупанский охотник — может взобраться по ней наверх.

Оглядев повнимательнее поверхность стены, Конан лишь хмыкнул. Для него, прирожденного скалолаза, влезть даже на столь высокую башню не составит особого труда. Задачу облегчают стыки между камнями, из которых она сложена, выпуклая резьба, крепкие плети каких-то вьющихся растений, похожих на лианы. Пожалуй, это будет легче, чем взобраться на дерево такой же высоты.

Аклак заговорил вновь:

— Каждый атупанский юноша, а при желании и девушка, подвергаются этому испытанию. Только тогда они считаются настоящими охотниками — или гибнут, если оказываются недостаточно ловкими и сильными. Духи зверей всегда наблюдают за ними в сей великий час.

Конан выслушал своего сводного брата, посмотрел сначала на Глубала и Джада, потом перевел взгляд на Сонгу. Та кивнула:

— Мы все туда взбирались, и я тоже. И моя мама, — добавила неизвестно зачем.

Аклак подвел итог разговора:

— Ты поднимешься на башню, спустишься внутрь до самого низа и принесешь нам оттуда что-нибудь в доказательство, что ты там был. Мы будем ждать тебя здесь, а если ты упадешь, отнесем домой твой труп.

На этот раз Конан лишь посмотрел на Аклака и промолчал. Он положил на землю копье и топор, сбросил сандалии, подошел к каменной стене и с силой подергал свисающую плеть, чтобы определить ее прочность. Конан ни на секунду не сомневался в своей способности забраться на башню, зря, что ли, он столько лазил в детстве по скалам, однако киммериец прекрасно понимал, что тяжелое испытание на силу и ловкость атупаны держали еще в отроческом возрасте, когда были легки и проворны, как обезьяны. Его же собственный вес могучего воина может только помешать: не так уж прочны эти лозы, да и выветренный от времени и непогоды камень может запросто обломиться. Хотелось бы знать, понимают ли истинную опасность его новые друзья и Сонга? Выкинув из головы эти праздные, бесполезные мысли, Конан шагнул вперед и поставил ногу на выступ.

Лезть, как он и предполагал, оказалось не так уж сложно. О том, что башня обвалится, он не беспокоился. Уж раз она сумела выстоять столько веков, пережила бури и штормы, сезонные колебания температур, то и его вес она как-нибудь выдержит. Резьба — хоть Конану и было трудно разглядеть что-либо отчетливо, прикасаясь к ней чуть ли не носом, — несомненно, сделана руками искусных мастеров. Сохранилась она великолепно, иногда Конан даже чувствовал остатки полированной поверхности. Но это не могло обмануть киммерийца: башня, безусловно, воздвигнута в невероятно древние времена, просто ее построили из прекрасного и чрезвычайно прочного камня. Карабкаясь все выше и выше, Конан поглядывал иногда вокруг. Его не переставал мучить вопрос: как же это изумительное сооружение вообще могло очутиться здесь, между базальтовой скалой и лесом? Даже если считать, что деревьям не надо слишком много времени, чтобы вырасти, то уж скала-то выглядела так, словно была здесь всегда, а башня казалась тут ну просто ни к селу ни к городу. Весь ее облик был фантастичен и не сочетался абсолютно ни с чем. Да и манера резьбы, сколько Конан ни напрягал память, даже смутно не напоминала ничего из виденного им в хайборийских странах.

Вне всякого сомнения, башня была возведена в честь какой-то победы. В самом низу на всех без исключения камнях изображались разнообразные батальные сцены с участием либо сухопутных войск, либо кораблей, пылали города, захватывались крепости при помощи таранов и осадных машин, тонули корабли... Конану все эти картины сражений показались странными и нелепыми, может быть, даже, правильнее сказать, *чуждыми* — настолько далек был он сейчас от того мира, где происходили по-

добные вещи, настолько глубоко проникся он простой и естественной жизнью обитателя лесов, охотника и рыбака.

Конана очень интересовало, что его друзья-атуяны думают по поводу этих картинок из камня, если, конечно, их нетренированные, вернее, не привыкшие к такому глаза способны были в них разобраться. Где уж по-младенчески невинным дикарям понять, что значат эти, с их точки зрения нелепые, уродливые сооружения, ведь они никогда не видели ничего похожего. Наверное, они кажутся им какими-то диковинными узорами и все, а всадники на конях — кем или чем могут казаться они? Может быть, неизвестными насекомыми? В любом случае, даже если бы они и поняли, что в настенных изображениях люди убивают людей, какой бредовой несообразной глупостью сочли бы они саму эту идею.

Когда Конан поднялся достаточно высоко, картинки исчезли, сменившись грубым геометрическим орнаментом. Впрочем, действительно, какой от них прок, если их невозможно разглядеть с земли? Конан старался не смотреть больше вниз, чтобы не закружилась голова. Здесь, у самого верха, лиан стало значительно меньше, а их стебли сделались тоньше. Теперь Конан если и рассматривал каменные узоры, то лишь с другой точки зрения: куда лучше поставить ногу и за что лучше схватиться рукой. Хорошо еще, что не оправдались его худшие опасения насчет крепости камня, он продолжал оставаться прочным и надежным.

Вскоре Конан оказался над кронами деревьев, и на освещенной ярким солнцем стене стало попадаться все больше и больше цветущих растений. Потом Конан сообразил, что жужжание, которое он уже некоторое время слышит, издают множество пчел,

перелетающих с одного цветка на другой. Конана даже в пот бросило, когда он представил себе, что с ним будет, если они всем скопом на него налетят, но, к счастью, пчелы занимались своим делом и не обращали на великана-варвара никакого внимания. Как он будет спускаться вниз, Конан старался не задумываться.

Ну, а пока он был уже совсем близко от вершины башни, и вот уже ее зубчатый, полуобвалившийся край очутился прямо над его головой. Конан встал поустойчивее и, держась одной рукой за выступ, поднял свободную руку и взялся за массивный с виду камень, пробуя его надежность. Совершенно неожиданно тот легко подался, выскользнул из своего гнезда и сорвался вниз. Конан едва успел отшатнуться, и камень пролетел мимо, лишь слегка ободрав бедро. С земли послышались веселые ободряющие крики — Сонга и остальные атупаны, по-видимому, радовались тому, что он уже почти у цели. По счастью, никто из них не пострадал от упавшего камня.

Еще осторожнее, чем раньше, Конан предпринял новую попытку подняться наверх, и ему это удалось. Как он и ожидал, стена здесь была совсем тонкая и потому непрочная. Конан посмотрел по сторонам — нигде никаких признаков других руин. Внутри башни ничего видно не было. Сидя верхом на ее краю, Конан не торопился спускаться. Кто знает, какие еще сюрпризы его там ожидают: напуганные мечущиеся птицы, летучие мыши, громадные пауки, а может, и духи строителей этой башни. Впрочем, торчать здесь без толку смысла тоже не было. Со слов Аклака Конан понял, что каким-то образом слезть вниз все-таки можно, поэтому он нащупал ногой выступ внутри башни и со вздохом перенес туда же вторую ногу.

Спустившись на несколько футов, киммериец помедлил, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку. Прежде тут была винтовая лестница, еще и теперь сохранились ее остатки, ступеньки шириною в ладонь, а иногда и побольше. Скорее всего, она обвалилась, когда обрушилась крыша и верхняя часть стен. Начав осторожно спускаться, Конан вскоре обнаружил, что в некоторых местах ступеньки отсутствуют. Временами ему приходилось повисать на руках, нащупывая следующую. Опять он подумал о том, что обратный путь будет труднее. Так или иначе, спуск занял у него мало времени, и немного погодя он уже стоял на гряде битых камней. Тьма здесь стояла кромешная, и Конан обругал себя, что не догадался захватить мешочек с кремнем и огнивом. Киммериец сполз по куче вниз, у противоположной стены оказалась полуразрушенная арка, которая вела куда-то еще глубже. Конан не мог понять, находится ли он уже на уровне земли или еще нет. Наконец каменное крошево под ногами превратилось в подобие более или менее ровного пола. Конан потихоньку пробирался вдоль стены, раздумывая, что делать дальше.

Внезапно на сводчатых стенах и потолке возникли непонятные и от этого пугающие желтоватые блики. Киммериец выхватил из-за пояса обсидиановый нож, с которым не расставался никогда, и замер. Холодящие кровь душераздирающие крики разорвали тишину... и вдруг сменились неудержимым хохотом. Сонга, Аклак и молодые воины выступили из бокового коридора с факелами в руках.

Сжав зубы, Конан терпеливо ожидал окончания приступа веселья атупанов: они разве что не катались от смеха. Усилием воли он заставлял успокоиться свое бешено бьющееся сердце. Больше всего ему хотелось задать этим взрослым детям хорошую

трепку. Если бы они только могли представить себе, какой невыразимый ужас приходилось ему переживать в местах, подобных этому.

Конан широким вздохнул и сунул нож обратно за пояс. Пусть их, ведь они ничегошеньки не знают ни о войнах, ни о колдовстве, и уж кто-кто, а Конан не собирается просвещать их.

— Ты, Конан, хороший охотник, — выговорил наконец Аклак, утирая слезы. — Ты не позволил страху овладеть тобой. За это тебе полагается награда. Посмотри вокруг и выбери, что больше понравится.

Сонга подошла к мужу и виновато обняла его, продолжая всхлипывать от смеха. Она подняла факел повыше, и лишь теперь Конан разглядел, что в стены вделаны кристаллы драгоценных камней. Вернее, не сами кристаллы, а кристаллы, вправленные в металлические пластины. А в одном углу украшения были свалены просто в кучу. Киммериец поманил за собой Сонгу и принялся перебирать ожерелья, кольца, разного рода амулеты и талисманы, которые вывалились из разбитых каменных сосудов, стоявших, по-видимому, когда-то вдоль стен на низенькой полочке. Здесь не было привычных Конану рубинов, сапфиров и изумрудов. В красновато-желтый металл, напоминающий по виду червонное золото, были вставлены полупрозрачные, главным образом дымчатые опалы. Сами по себе все эти украшения производили какое-то странное впечатление, то ли манерой исполнения, грубой, но в то же самое время выразительной, то ли... Конан даже не поверил сначала глазам: мало того, что браслеты и кольца были намного больше размером, чем руки и пальцы у нормального человека, они отличались еще и формой — ярко выраженной овальной формой! Да кто же они,

те, что построили башню и носили эти украшения? Может, они и не люди вовсе?

— Да тут настоящий склад, — недоверчиво проговорил Конан. — Почему он все еще здесь?

Аклак не понял вопроса:

— Как почему? Видно, этого хотят великие духи. Почему растут деревья, почему течет вода?

— Да нет, я не о том... — Конан запнулся, он не знал, как выразить свою мысль, поскольку в языке атупанов не существовало слова «богатство». — Сюда легко забраться. Вы ведь без труда пробрались внутрь через какую-то дыру? Так почему же никто не пришел и не завладел всем этим добром?

— Ты, что ли, не понимаешь? — не выдержала Сонга. — Аклак же объяснил тебе: мы все приходили сюда и все брали эти украшения. Вот, посмотри! — Она выразительно покачала бедрами, круглая иластинка с молочно-голубоватым опалом заколыхалась у нее на животе. — Каждый охотник нашего племени один раз в жизни проделывал то, что ты сделал сегодня, и каждый выбрал себе амулет, в знак того, что посвящен в охотники.

— Другие племена тоже знают это место, — подтвердил Аклак, — они почитают его, как и мы.

— Наверно, вы имеете в виду... — Конан даже потряс головой, ему никак было не найти нужных слов. — Наверно, на этой башне лежит проклятье, и поэтому никто не смеет взять больше одного амулета. Иначе кто-нибудь наверняка бы утащил все эти украшения.

— Проклятье? — недоумевающе переспросил Глубал. — Какое еще проклятье?

— У тебя, Таргока, видно, что-то с головой случилось, пока ты лез на башню! — воскликнул Аклак. — Ты сам подумай, ну зачем одному

охотнику все украшения? Что он будет с ними делать? Разве один охотник станет убивать всю дичь в лесу, ведь он же не сможет ее съесть. Разве одно племя захватит себе гору, где мы все берем обсидиан, ведь им же столько не надо. — Аклак даже засмеялся, такой нелепой показалась ему эта мысль. — И что же тогда делать другим, если у них кончится обсидиан?

— А еще, — вставил юный Джад, — зачем человеку больше одного амулета? Если их будет два, они же начнут биться друг о друга и стучать. Того и гляди, дичь распугаешь. Да и потом, от них ведь никакого проку! Они не согреют тебя, если будет холодно, и не накормят, когда ты захочешь есть.

Конан так и сел, потрясенный простодушием атупанов.

— Поверьте мне, в мире есть люди, которые хотели бы заграбастать все, что тут есть, и владеть этим, не делаясь ни с кем. А если бы для этого понадобилось убить нас, они, не задумываясь, убили бы.

На Аклака серьезный тон Конана произвел сильное впечатление.

— Я не притворяюсь, будто знаю, где есть такие люди, о которых ты говоришь. Но, поверь мне, они безумцы.

В конце концов Конан выбрал себе пояс из круглых золотых пластин. В самую крупную из них были вставлены темно-красные камни неправильной формы, напоминающие сердолики. Сонга сама надела пояс на Конана, вид у нее был чрезвычайно торжественный, но потом она не удержалась и крепко обняла его. Остальные тоже горячо поздравили Конана. Затем они прошли по коридору и выбрались наружу через полузасыпан-

ный вход, заросший высокой травой. Значит, помещение, в котором они только что были, находилось ниже теперешнего уровня земли.

Когда они возвращались домой, Аклак с молодыми охотниками решили поохотиться на оленя. Конан и Сонга, не сговариваясь, повернули в сторону реки. Они уже давно облюбовали там одно местечко, где в сравнительно безлесой долине было много песчаных кос, а мелкие перекааты чередовались с глубокими заводями. Им нравилось там, потому что они могли издали заметить приближение человека или хищника.

Конану и Сонге было привольно в этой райской долине. Они купались, лежали на горячем песке, разговаривали обо всем на свете, а когда проголодались, подбили двух жирных голубей и поджарили их на костре. Кроме того, Сонга накопила съедобных клубней, а потом они ели ягоды, в изобилии росшие на склонах долины.

После обеда они почему-то очень развеселились и принялись гоняться друг за другом по берегу. Быстрая Сонга, вначале довольно ловко уворачиваясь от Конана, когда поняла, что ей не убежать, обернулась и, неожиданно обхватив его руками, уронила вместе с собой в воду. Выбравшись обратно на берег, они улеглись на песок, не размыкая объятий. Солнце светило уже не так жарко, близился вечер.

— Над нами будут смеяться и говорить, что мы плохие охотники, — заметил Конан немного позже, стряхивая с себя песок. — Сегодня я впервые надел амулет охотника и не хочу возвращаться с пустыми руками.

— Не беспокойся, — утешила его Сонга, отправляясь к реке, чтобы умыться. — Я скажу им, что ты неутомимо гонялся за своей дичью и сделал все,

что мог. — Она засмеялась тихим счастливым смехом.

— Так-то оно, может, и так, но предъявить мне им будет все-таки нечего.

— Это не имеет никакого значения, — откликнулась Сонга, выходя из воды и начиная одеваться. — Ты уже поймал хитроумную быстроногую дичь, за которой многие охотились, но она никому не далась в руки. — Сонга подошла к Конану и прижалась к нему всем телом. — Тебе и так многие завидуют.

Конан любовно и нежно обнял ее. Ему очень не хотелось уходить из этой мирной долины, но пора было отправляться в стойбище, чтобы не пришлось потом спотыкаться в темноте.

— Никто не сомневается в том, что ты замечательная охотница, — сказал Конан, — но вот мне лучше бы поскорее как-то проявить себя, пока атупаны не решили, что я даром ем хлеб.

— Случай представится, — уверила его Сонга, привязывая к ногам сандалии. — Я тоже хочу поохотиться на крупную дичь, потому что собираюсь стать такой же великой охотницей, как и моя мать.

— Не сомневаюсь, что ты на это способна, Рыбачка. — Прозвище «Рыбачка» прямо-таки прилепилось к Сонге, после того как она нашла киммерийца у реки. — Но ведь Нуна завоевала славу великой охотницы уже после гибели твоего отца, когда вы с Аклаком уже подросли.

— Да, потому я так хорошо и помню это, — подтвердила Сонга.

— Но как же ты собираешься охотиться, когда у тебя будет большой живот, а потом маленькие дети, которых надо все время кормить грудью? — в недоумении спросил Конан.

— Ой какой ты глупый, Конан, — рассмеялась Сонга. — Из какой страны ты пришел, что не имеешь понятия даже о самых простых вещах? Неужели никто никогда не объяснял тебе, что маленькие дети рождаются от Луны — духа Совы? Если женщина не ляжет с мужчиной под полной Луной, никаких детей у нее не будет. — Она мягко погладила его по плечу. — Ты только подумай, что было бы, если бы женщины этого не знали. Они все время ходили бы с толстыми животами, а в лесу детей стало бы больше, чем деревьев.

— Ты уверена, что это правило действует? — недоверчиво спросил Конан.

— Ну, разумеется, действует! — снисходительно усмеялась Сонга. — Это известно всем атупанам. — Она подняла голову и посмотрела на поднявшийся над горизонтом огромный диск луны в ее третьей четверти. — Вот почему в стойбище есть специальная хижина для замужних женщин, где в конце каждого месяца ночуют те, кто не хочет сейчас иметь детей. Ты знаешь, Конан, — она еще раз взглянула на луну, — через несколько дней и мне придется туда отправиться. — Она робко подняла на него глаза. — Давай пока не будем заводить детей. Сначала я хочу вдоволь поохотиться и вместе с тобой добиться славы.

— Как скажешь, Сонга. Если ты этого хочешь, значит, и я хочу. А сейчас пошли-ка поскорее домой, пока ночь не настала.

И следующий месяц в племени атупанов почти ничем не отличался от предыдущего. Дичи в лесах и лугах было много, и нужды менять место стоянки не возникало. Охотники из соседнего племени похитили трех атупанских девиц, когда те совершали

ритуальные омовения в небольшом озерце, довольно далеко от стойбища. «Несчастные кричали, сопротивлялись и звали на помощь» — так, во всяком случае, с негодованием говорили друг другу охотники, обсуждая у вечернего костра это событие. (Ночью Сонга по секрету рассказала Конану, что одна из девушек находилась в тайном сговоре с юношей из другого племени и уговорила своих подруг отправиться к озерцу вместе с ней.)

Как бы то ни было, пять молодых охотников, пылая праведным гневом, решили незамедлительно отомстить за честь племени и уже на следующее утро, разукрасив соответствующим образом щеки и грудь красной глиной, отправились в поход. Через несколько дней они вернулись, с торжеством ведя за собой четырех девиц, самый молодой юноша прогулялся напрасно, на этот раз ему жены не досталось. По виду девиц из чужого племени трудно было предположить, что они огорчены своей судьбой, каждая принесла какие-то свои вещички, связанные в узелок. Вскоре девицы уже весело щебетали у костра, ничем не отличаясь от других женщин племени.

Как это ни странно, но теперь Конан чувствовал себя у атупанов еще лучше, чем раньше. По-видимому, оттого, что теперь, когда все становище дышало молодой любовью, его собственная страсть уже не так бросалась в глаза. После того как в племени появились четыре новые женатые пары, они с Сонгой уже гораздо реже удалялись в лес, чтобы вдаль от всех насладиться близостью друг друга, а намного больше времени проводили вместе с молодежью. Это были тихие прекрасные вечера, когда они все лежали у костра на мягких пушистых шкурах, смеялись и дурачились, предвкушая интимные радости грядущей ночи.

Однажды все стойбище пришло в волнение: на холмах заметили какое-то существо, которое называлось *югвубва*. Сначала Конан даже не понял, обрадовались атупаны этому сообщению или испугались. Сонга объяснила ему, что грядет великая охота, и если она будет удачной, то им удастся сделать большой запас мяса на зиму. Ну, а кроме того, каждый принявший участие в этой охоте имеет шанс покрыть себя на веки вечные неувыдаемой славой. Однако Сонга так и не сумела растолковать ему, как этот самый *югвубва* выглядит.

Идти собрались не только все взрослые охотники, но и совсем молодые ребята, которые должны были помогать выслеживать зверя. Как всегда, Аклака назначили главным. Охотники несли с собой по два копья. К одному из них была привязана небольшая шкура, этим копьём подавали друг другу сигналы, а также отвлекали зверя.

Отряд, состоящий из двух десятков мужчин и нескольких женщин, вышел из становища на рассвете. Впереди налегке бежали юноши, которые разведывали дорогу. Двигаясь быстрым темпом, охотники шли и шли. Остановились лишь тогда, когда солнце поднялось уже высоко. Именно где-то здесь и видели *югвубву*. Местность представляла собой плоскую возвышенность, изрезанную глубокими оврагами и ущельями.

Аклак отвел в сторону старших по возрасту охотников, чтобы посоветоваться. Вернувшись, он разделил отряд на две части, отобрав себе нескольких юнцов (включая Джада и Глубала), желавших прославиться во что бы то ни стало, двух молодых женщин, похищенных у чужого племени, и Конана с Сонгой. Велев всем молчать и смотреть в оба, Аклак повел их напрямик через плато, забирая немного влево. Вскоре к ним подбежал один из

юношей-разведчиков и повел их за собой. На опушке молодого леса он показал им свежий помет — большую плоскую лепешку, примявшую высокую траву.

— Что же это за чудище такое? — воскликнул Конан, подойдя поближе. — Клянусь Кромом, ваш югвуба, должно быть, сам размером с гору, раз способен наложить такую кучу!

— С виду — югвуба, — серьезно проговорил разведчик, который привел отряд на это место. Он сел на корточки и приложил ладонь к лепешке. Потом отковырнул кусочек коричневатой массы и, растирая ее между пальцами, глубокомысленно понюхал. — По запаху — югвуба.

— Да, да, — согласились с ним присутствующие, морща носы и отворачиваясь.

Разведчик лизнул пальцы и, подняв глаза к небу, задумчиво почмокал языком.

— На вкус — югвуба. Значит, югвуба, — объявил он наконец.

— Ты уверен? — не удержался от шутки Конан, но осекся, потому что разведчик, не поднимаясь с колен, зачерпнул полную горсть полужидкого помета и бросил прямо в грудь Конана. — Ты... да ты что это... — рванулся вперед Конан, вне себя от ярости, но почему-то все бросились туда же, к куче, еще даже чуть раньше его, принялись черпать из нее пригоршнями и кидаться друг в друга. Только тут Конан сообразил, в чем тут дело: охотники отбивали свой собственный запах этим старым, давно испытанным способом, заодно превратив малоприятное занятие в веселую забаву.

Конан позволил Сонге натереть себя пометом и великодушно оказал ей ту же любезность. Когда он кончил, все уже начали выстраиваться в цепочку, для того чтобы двигаться дальше. Разведчик тро-

нулся в путь первым. Вскоре, однако, его острые глаза и быстрые ноги уже не были нужны. Из небольшого леса, лежащего у них на пути, послышался такой хруст и треск, что ошибиться было невозможно — они нашли-таки югвубу. Конану показалось, что зверюга не просто обламывает ветки, а валит и крушит сами деревья.

Аклак повел их в обход, чтобы подобраться к югвубе с тыла. Через прогалины в леске Конану удалось несколько раз увидеть зверя. Он был невероятных размеров, выше самого высокого стигийского слона, хотя и не такой грузный и неуклюжий. Массивные ноги — не ноги, а толстые бревна! — поддерживали мускулистое тело, покрытое пучками грубых рыжих волос. Шкура зверя напоминала кору старого дуба, она показалась Конану непроницаемой ни для оружия, ни для острых зубов хищников. Задние ноги были значительно длиннее передних, снабженных короткими загнутыми когтями.

— Это отшельник, — прошептал Аклак. — Югвуба в расцвете сил. Ни самок, ни детенышей. Да, эту охоту мы будем долго вспоминать.

В этот момент раздался жуткий треск: югвуба, который терзал в этот момент очередное дерево, расщепил его вдоль и с новыми силами набросился на кусок ствола, лежащий на земле. Конан увидел теперь его голову, уродливую, плоскую, почти без шеи переходящую в туловище. На широкой тупой морде возвышался не один и не два рога (в Куше Конану приходилось видеть носорогов), а целых шесть. Их основания, сросшиеся воедино, образовывали сплошную пластину, по краям которой блестели злобные подслеповатые глазки.

— Будь осторожен, — шепнул Аклак Конану, — югвубу легко рассердить. Мы будем действовать

так, — продолжил он, обращаясь к остальным, — постараемся ранить его, а потом будем заманивать в ловушку, туда, где находятся остальные охотники. Мы с Конаном начнем. Да помогут нам духи животных.

Югвубва уже покончил с куском ствола, лежащего на земле, и принялся объедать ветки, оставшиеся на расщепленном дереве. Стоя на задних ногах, зверь тянулся к самым верхним веткам, но что-то его, по-видимому, раздражало: короткий хвост с кистью темно-бурых волос на конце непрерывно подергивался.

Конан с Аклаком осторожно подобрался к югвубве на расстояние броска копья. Их товарищи следовали за ними справа и слева, прячась в зарослях кустарника. Медленно-медленно Аклак выпрямился, держа наготове дротик, и в тот момент, когда югвубва, словно заподозрив опасность, начал поворачивать голову в их сторону, с силой метнул его, целя в глаз зверя. Наконечник копья разлетелся вдребезги, попав в край роговой пластины. Конана также постигла неудача. Ему показалось, что складки кожи на том месте, где должна быть шея, наиболее уязвимы, однако его копье ударило в широкую грудь животного, не причинив ему особого вреда.

Конан решил сначала, что югвубва даже не почувствовал ударов, но, видно, все-таки наконечник копья Конана, застрявший в грубой шкуре (само копье сломалось), сердил зверя, потому что он издал дикий рев и бросился на обидчиков.

— Беги, Конан! — прозвенел испуганный крик Сонги откуда-то справа.

У Аклака и Конана оставалось еще по копью, но использовать их по назначению пока не представлялось никакой возможности, и оба охотника

стремглав бросились наутек, преследуемые разъяренным животным. Молодые атупаны тоже бросили в югвубву по копью, но зверь не обратил на них никакого внимания, он не замедлил бега и не свернул в сторону, его интересовали лишь Аклак с Конаном. Вскоре те выбежали из леса и оказались на просторном зеленом лугу.

— Это и есть твой план? — задыхаясь от быстрого бега, спросил Конан. — По-твоему, это называется «заманивать»?

— Все идет как надо, — шумно дыша, отозвался Аклак. — Мы должны привести его туда, откуда пришли. Если он перестанет гнаться за нами, раззадорь его вторым копьем.

Последнее замечание Аклака прозвучало для Конана смехотворно, учитывая слепую безрассудную ярость, с которой зверь их преследовал. Может быть, скорость чудовища и была чуть поменьше, чем у кушитских носорогов (те все же значительно уступали ему в весе), но даже на открытом пространстве удирать приходилось что есть мочи. Один раз Конан обернулся и увидел, что все, кроме Сонги, начали отставать. Его это ничуть не удивило, ведь страхолудина не наступала им на пятки, угрожая каждую секунду растоптать.

Конан довольно смутно представлял себе, куда они должны заманить югвубву, поэтому он старался держаться поближе к Аклаку, который, судя по всему, знал эти места. Однако, когда они очутились в зарослях кустарника, им волей-неволей пришлось разделиться. Как Конан и предвидел, быстрота их продвижения вперед резко снизилась, чего нельзя было сказать о югвубве. Ведь ему не приходилось огибать кусты или подныривать под их ветки, он бежал напролом. По какой-то причине, возможно, потому, что Конан из-за своего высокого роста был

заметнее, зверь последовал именно за ним. Земля содрогалась от громового топота, ужасающий треск сучьев становился все ближе. Прямо перед Конаном возникла такая густая полоса кустов, что не было смысла искать прохода, не говоря уже о том, что не было времени: югвубва дышал ему буквально в спину.

Киммериец вжал голову в плечи и, как таран, врезался в заросли... В следующую секунду земля ушла у него из-под ног, и он, уже падая, успел ухватиться за свисающий вниз толстый корень, избежав тем самым участи югвубвы, который с ревом рухнул прямо с крутого откоса, чуть-чуть не задев Конана. По зверю не было заметно, что он пострадал при падении, скорее, оно разъярило его окончательно. Ловко поднявшись на ноги, югвубва как безумный вновь кинулся на Конана, который торопливо карабкался обратно на край обрыва. Осыпавшийся песок помешал зверю успеть поддеть Конана рогом, под неимоверным весом склон обрушился, и югвубва съехал обратно на дно глубокого оврага, куда, по видимому, и хотел заманить его Аклак. Атупаны радостно вопили, потрясая копьями, а Сонга подбегала к Конану, у которого тряслись ноги от пережитого напряжения.

— Конан! Я так боялась за тебя с Аклаком! — Она порывисто обняла его. — Какое жуткое чудовище, правда? — Сонга нагнулась и заглянула в овраг. — Я убью его, клянусь всеми звериными богами, я убью его!

— Надо убить его поскорее, пока он не нашел дороги наверх, — подтвердил Аклак. — Если он захочет выбраться, колите его копьями! — крикнул он, обращаясь к охотникам.

Как могли, атупаны выполняли его приказание, хотя смешно было даже предполагать, что их копья

способны остановить обезумевшее чудовище. Если бы не рыхлый осыпавшийся песок, не дающий югвубве никакой опоры, охотникам пришлось бы совсем плохо. Ну, а кроме того, иступленное бешенство не давало животному осознать, что вовсе не за чем кидаться на этот крутой склон, когда так легко выбраться из оврага с другой стороны. На ровном месте люди лишились бы своего единственного преимущества.

— Сюда, югвубва! Ко мне, югвубва! Попробуй, укуси меня! — кричали молодые охотники, желавшие показать, какие они смелые, в то время как люди постарше выжидали момента, чтобы поразить зверя в какое-нибудь из немногих уязвимых мест. Некоторые бросали в югвубву свои копья, но каменные наконечники лишь слегка оцарапали его кожу.

Глубал, стараясь поточнее попасть зверю в шею, высунулся слишком далеко над краем и тут же чуть не поплатился за это жизнью: югвубва поддел своими рогами несчастного, чей воинственный крик сразу превратился в жалобный вопль, и, дико взревев, отшвырнул обмякшее тело в заросли кустов.

— Убийца! — вскричала Сонга. — Иди сюда, я тебе покажу! — Она взгромоздилась на камень, нависающий над оврагом, и размахивала копьем, пытаясь обратить на себя внимание югвубвы. Ей это удалось, более того, ее позиция оказалась очень удачной, потому что зверь, как ни старался, не мог достать ее, однако она не подумала о другой опасности: стремясь добраться до своей мучительницы, которая изо всей силы тыкала копьем ему в морду, югвубва подрывал стену оврага как раз под камнем. Конан заметил это и крикнул:

— Осторожно, Сонга!..

Однако было уже поздно. Камень начал оседать, Сонга отпрянула назад, но глыба увлекла за собой

часть склона, и смелая охотница исчезла в клубах пыли, поднятых обвалом.

— Айа-а! — взревел Конан.

Пущенное могучей рукой копьё вонзилось в загривок, из ранки вытекла тоненькая струйка крови. Зверь фыркнул и мотнул головой. Конан тем временем метался как безумный в поисках другого оружия. Его взгляд упал на остроугольный обломок, торчащий из земли на кромке обрыва. Варвар раскачал и вывернул его, затем он пробежал несколько шагов вдоль полуобвалившегося края и, очутившись над югвубвой, прыгнул ему на спину, не выпуская из рук увесистого обломка камня. Крепко сжимая коленями его бока, киммериец продвигался к голове зверя, который принялся метаться из стороны в сторону, пытаясь сбросить своего седока.

Удержаться на спине югвубвы помогли Конану копьё, застрявшие в толстой шкуре животного. Когда Конан достиг шеи, вернее, того места, где у любого другого животного должна быть шея, он уперся ногами в два таких копьё и почувствовал себя несколько увереннее. Югвубва не прекращал попыток сбросить седока, но Конан сидел прочно и колотил своим обломком по краю роговой пластины, как раз за ухом зверя, единственному месту, куда он мог дотянуться. Югвубва изменил тактику, теперь он с размаху бросался боком на стенку оврага, чтобы сбить Конана со спины, но склон был для этого недостаточно крут.

Пыль, вызванная обвалом, слегка улеглась, и Конан, к своей невероятной радости, увидел Сонгу, живую и невредимую, которая размахивала копьем вне досягаемости страшных рогов югвубвы. Другие атупаны тоже спустились в овраг и подступали к мечущемуся чудовищу со всех сторон.

Конан с новой силой заколотил по роговой пластине и вдруг почувствовал, что она треснула и проломилась внутрь. Из раны неудержимым потоком заструилась кровь. Конан отбросил камень, выдернул один из дротиков, застрявших в шкуре, и что было сил вонзил его в рану. В тот же самый момент он услышал, что рев животного стал каким-то прерывистым, булькающим. Взглянув вниз, он увидел Сонгу, повисшую на древке своего копьё, которое ей удалось всадить в самое горло югвубвы.

Трудно сказать, какая из ран оказалась смертельной, но зверь пошатнулся, сделал еще несколько неуверенных шагов и внезапно повалился на бок, придавив Конана, который не сумел вовремя соскочить. По телу животного пробежали судороги, гулкие удары его сердца казались Конану невероятно громкими. Но вот югвубва в последний раз дернулся — и в овраге воцарилась подозрительная тишина. Затем со всех сторон разом зазвучал хор жалобных причитаний:

— Югвубва умер! О, горе!

— Наш большой друг, Пожиратель Деревьев, ушел от нас навеки!

— Атупанам никогда не пережить эту потерю! Что будет с нами, несчастными!

— О, горький ужасный час! Не стало нашего любимого друга!

Последний голос принадлежал Сонге, и этого Конан уже не мог вынести. Он с трудом высвободился и встал на ноги. Первой, кого он увидел, была Сонга, склонившаяся в почтительном поклоне с выражением скорби на лице.

— Во имя Крома, ответь мне, что значит это глупое нытье? Ты совершила подвиг, а главное, осталась жива. Мерзкое чудовище убито. Из-за чего вы горюете, не возьму в толк?

— Ну как же, Конан, ты не понимаешь?! Случилось ужасное несчастье, наш горячо любимый друг покинул нас! Его большое сердце перестало биться. Горе нам, горе!..

— Однако кое в чем речной человек прав, — перебил ее Аклак. — Моя сестра совершила великий подвиг. И никто из нас не погиб. Теперь у племени будет достаточно мяса на зиму, а это очень хорошо. Давайте праздновать нашу победу и радоваться!

— О счастье! О радость! — с готовностью возопили атупаны.

— У нас есть еда! Югвуба мертв!

— Слава отважной Сонге!

Настроение атупанов переменилось настолько резко, что Конан просто рот разинул. Охотники шумно ликовали, обнимались, хлопали друг друга по спине. На верхней кромке оврага появился Глубал и тоже принялся кричать и размахивать руками, однако делал он это лежа — видно, ноги у него были сломаны.

Откуда-то была извлечена ритуальная чаша, которую подставили под струю крови, лившуюся из раны, нанесенной Сонгой. Все охотники, начиная с Сонги, торжественно отпили из этой чаши по глотку.

В этот момент наверху в кустах появились новые лица: женщины и дети последовали утром за охотниками, но они не могли двигаться так же быстро, поэтому лишь сейчас присоединились к соплеменникам. Взаимной радости не было предела. Разделка туши превратилась во всеобщий праздник. С югвубы содрали шкуру и разрезали ее на куски приемлемого размера, часть длинных полосок мяса повесили вялиться под горячим полуденным солнцем, другую часть расположили вблизи разведенных костров, на которых одновременно жарили, пекли и варили для предстоящего праздника. Когда сверху,

кроме костей, уже ничего не осталось, атупаны объединенными усилиями перевернули голый костяк и срезали внизу то мясо, которое до того было недоступно.

На другой день после пира старейшины племени решили, что нет смысла возвращаться на старую стоянку и тащить туда весь запас мяса, а лучше сразу идти на место их следующего становища. К реке, где Конан прожил с атупанами два месяца, отправились несколько маленьких отрядов, которые привели все в порядок и принесли оттуда необходимые вещи. Через неделю племя двинулось в сторону юга, чтобы, готовясь к зиме, прожить там осенние месяцы. Как ни странно, Конану было немного жаль покидать эти уже ставшие родными места.

Переход занял три дня, и чем дальше, тем больше Конану не нравился низкий комариный край, в который они все дальше и дальше углублялись. Он никак не мог понять, почему нельзя провести зиму на прекрасных холмах у реки, но остальные радовались и спешили туда.

Их путь закончился, когда они пересекли ровное широкое поле и очутились на песчаном берегу голубого, как небо, озера, с трех сторон которого росли высокие деревья. На земле виднелись большие круги — в прошлом году здесь стояли шатры, тут и там чернели старые кострища. На ближайших деревьях висели легкие лодочки, их гнутые каркасы обтягивали шкуры.

Почему-то никто из атупанов здесь не задержался. Сбросив на землю груз, все торопились к какому-то маленькому пригорку, находящемуся на некотором расстоянии от озера. Сонга взяла Конана за руку и повела туда же.

— Не отходи от меня и смотри, куда ступаешь, — предостерегла она его.

Когда они подошли туда, где столпилось уже почти все племя, Конан с удивлением увидел, что атупаны стоят и смотрят на голую глинистую площадку. Аклак осторожно приблизился к ее краю и встал на колени, кто-то подал ему палку, которой копали землю. Быстрым резким движением Аклак трижды вонзил острие в твердую глину, неожиданно легко протыкая ее. Затем он отбросил палку и аккуратно вынул отломанный кусок. Резкий знакомый запах ударил Конану в ноздри. Атупаны радостно заулыбались, лишь сейчас Конан заметил, что каждый держит в руках ковш или сосуд из выдолбленной тыквы.

— Оно готово! — вскричал Аклак. — В этом году получилось прекрасно! Только не подходите к краю, еще обвалитесь внутрь! Давайте ваши черпалки — я всем налью.

— Конан, Конан, — возбужденно дергала мужа за руку Сонга, — вот увидишь, тебе оно понравится! Ты ведь никогда не пробовал... — И тут она назвала слово, которое Конану приходилось слышать и раньше, только он никогда не обращал на него внимания, не зная его значения. — Да нет, конечно, ты никак не мог его пробовать, ведь мы сами его изобрели. Откуда же тебе знать о пиве?

Глава одиннадцатая

КОРОЛЕВА ТАМСИН И БОГИНЯ НИНГА

Коронация Тамсин не отличалась пышностью и многолюдьем. Теперь, когда мятежники одержали сокрушительную победу над Тифасом и его сторонниками, а бритунийцы, все, как один, отреклись от старого бога Амалиаса, было решено, что ни к чему

Тамсин лишний раз показываться на людях и соприкасаться с чернью. Гораздо лучше, если сразу обозначить отчетливую дистанцию, ведь Тамсин теперь уже не простая колдунья и не только жрица богини Нинги, а будущая королева страны. Вот почему коронация проходила в очень узком кругу ближайших соратников, а также некоторых прежних придворных Тифаса, поспешивших присягнуть новой королеве, которым было даровано милостивое прощение за былые заблуждения.

На площади перед храмом, для ублажения простолудинов и поддержания их энтузиазма, осуществлялись пытки и казни последних из оставшихся в живых жрецов Амалиаса, некоторых бывших советников, верховных офицеров и кое-каких вельмож, близких друзей покойного короля. Распоряжался всем этим, а также надзирал за порядком на площади новый старший военный советник Бритунии лорд Исэмбард.

Большой тронный зал дворца, в котором происходила коронация, был приведен в порядок и превращен в святилище богини Нинги, а на возвышении, где раньше находился Трон Грифона, сооружен алтарь. По завершении официальной церемонии состоялись ритуальные танцы в честь главной бритунийской богини, исполняемые придворными дамами и кавалерами. Танцы эти, хоть и были изобретены специально к данному торжеству, весьма напоминали деревенские хороводы и пляски и, видимо, поэтому пришлись по нраву девочке-королеве. В этот праздничный день ее облачение сияло державным величием, но убранство богини Нинги было еще пышнее.

— Теперь, я полагаю, Басифер, все имели возможность убедиться, к чему приводит плохое управление страной и пренебрежение интересами своих

подданных, — проговорила Тамсин, обращаясь к камергеру, который почтительно стоял рядом с ней. — Любому терпению приходит конец, а король Тифас при всей своей хитрости и изворотливости не понимал такой простой вещи.

Ведающий всем дворцовым хозяйством, главный камергер Басифер, который со свойственными ему деликатностью и тактом являлся в некотором смысле наставником юной красавицы королевы, выглядел рядом с ней по меньшей мере странно. Он был высок ростом, полнотел, с крупными чертами безволосого лица, его спину, руки и голову покрывали рубцы и шрамы — в детстве его часто били, — а сама кожа казалась темнее, чем есть (он постоянно мазался бальзамом из орехового масла, как это было принято среди оскопленных слуг). Но при всем при том, умудренный житейским опытом, Басифер был всегда уравновешен и сдержан, отлично знал дворцовое хозяйство, умело распоряжался многочисленными слугами, которые относились к нему с уважением, а также являлся знатоком придворного этикета и церемониала, поэтому в смутное время никто лучше него не смог бы поддержать во дворце порядок.

— Вы абсолютно правы, моя королева, — острожно ответил Басифер. — Тифас частенько бывал неблагоразумен и упрям и почти никогда не следовал моим добрым советам. — Как всегда, он постарался, с одной стороны, подчеркнуть свою роль в управлении страной и в то же время снять с себя всякую ответственность за то, что творилось раньше. Не забывал он и о лести. — Какое счастье, что Ваше Величество так мудры и дальновидны, а богиня Нинга столь могущественна. Уж вы-то сумеете быстро навести в Бритунии порядок, ведь народ любит вас беспредельно!

— Справедливость всегда рано или поздно торжествует. — Тамсин взглянула на него своими загадочными зелеными глазами. — А знаешь ли ты, Басифер... впрочем, откуда тебе знать... почему Божественная Нинга занялась делами простых смертных, зачем ей понадобилось сражаться с Тифасом, уничтожать его? А все это из-за того, что когда-то много лет назад убили людей, к которым она была благосклонна... которых она любила. Очень любила. — Девочка-королева нежно посмотрела на свою куклу, всю увешанную драгоценностями. Казалось, Тамсин уже была готова рассказывать дальше, но неожиданно передумала. — Одним словом, я хочу сказать, что жажда мести — мощная, неодолимая сила. И когда ей дают волю, тогда рушатся не только империи, но и старые верования.

— Да, моя королева. — Басифер, как ни старался, не мог догадаться, о чем это только что говорила Тамсин. Как с ней непросто, она еще так молода, и у нее так резко меняется настроение. Хорошо еще, она пока что его слушается. Однако было бы куда лучше, если бы ее внимание не сосредоточивалось только на нем. — Знаете, Ваше Величество, мне безмерно жаль, что на вашей коронации не было одного знатного вельможи. — Басифер сокрушенно покачал головой, изображая легкое смущение. — Его, разумеется, пригласили, но, боюсь, путь сюда столь долог, что он не смог поспеть вовремя. Ведь Коринфия далеко от нас, а кроме того, вероятно, возникли какие-то дипломатические сложности, и, чтобы их уладить, понадобилось определенное время.

— Ты имеешь в виду этого лишенного наследства принца, как бишь его?

— Да, я говорю о принце Клевине, исключительно толковом для его возраста государственном деятеле. Он всегда быстро и точно разбирается в

обстановке, и его суждения, как правило, безошибочны. Красив, эффектен, хорошо воспитан, а еще, как бы это выразиться... романтичен.

— Посол Бритунии в Коринфии со времен перемирия, я знаю, — безо всякого интереса сказала Тамсин, продолжая следить за все еще продолжающимися ритуальными танцами. — Или его держали там в качестве заложника? Так или иначе, Тифас предпочитал, чтобы этот Клевин находился не при дворе, а где-нибудь подальше.

— Истинная правда, моя королева, — закивал камергер. — Его здесь при старом режиме всегда не любили, вы правильно догадались. Вот что значит проницательность! Ну, а как посол в Коринфии он был чрезвычайно полезен, установил там ценные для страны контакты и вообще... — Басифер откашлялся. — Ваше Величество, естественно, понимает, что принц не связан никакими кровными узами с покойным королем, ведь Тифас захватил власть в результате военного переворота.

— А потерял власть в результате религиозного переворота. У Тифаса не осталось никаких родственников, это точно?

— Никаких, — подтвердил Басифер. — Пока Тифас двадцать лет сидел на троне, все поумирили, а принцу Клевину он не разрешал даже просто вернуться в Саргоссу. Однако не забудьте, что принца в Бритунии помнят и любят. Он всегда был популярен при дворе, а кроме того, в его жилах течет благородная кровь прежних королей и королев. — Камергер снова откашлялся. — Добрые отношения с таким влиятельным человеком, как принц, могли бы еще больше усилить вашу власть, хотя, разумеется, она и без того...

— Довольно, Басифер! — сверкнула глазами девочка-королева. — По-моему, ты намекаешь на то,

что моя власть недостаточно сильна и нуждается в каких-то подпорках в виде принцев. Или того хуже, ты вознамерился выдать меня за Клевина замуж. Остерегись, камергер! Ты переходишь все границы, и я этого не потерплю! — Тамсин прямо-таки задохнулась от возмущения.

— Нет, нет, королева, вы неправильно меня поняли, простите великодушно, я немного увлекся. Я совершенно не имел этого в виду. — Опытный царедворец сразу пошел на попятный. — Я желал лишь обратить ваше особое внимание на человека во всех отношениях приятного, чьи знакомства и связи могли бы оказаться полезными и...

— Потому что, Басифер, — не слушая его оправданий, проговорила Тамсин, — нас с Нингой никогда не интересовали преходящие радости жизни и ее соблазны. — Глядя в наивное ясное лицо своей королевы, главный камергер нисколько в этом не сомневался. Тамсин тем временем продолжала: — Наш взор всегда был обращен в духовные сферы... и на те объекты этого мира, которые делают возможным сношения с высшим миром. Как правило, они накапливают свою силу веками, делая избранных еще сильнее, а простых смертных губят. Я хочу, чтобы ты понял. — Она поднялась со своего простого стула с прямой спинкой. — Пойдем, я покажу тебе вещи, о которых говорила.

Ритуальные танцы закончились, и придворные толпились в зале, не зная, чего еще хочет от них новая королева, однако она решительно направилась к двери, не обращая на своих гостей никакого внимания. Следуя за госпожой, Басифер размышлял о том, что, возможно, в будущем Тамсин и станет когда-нибудь замечательной королевой, но пока что она даже не хочет думать об обязанностях,

налагаемых на нее ее положением. Счастье еще, что уцелело достаточно сановников и дворцовой прислуги, и дела как в королевстве, так и во дворце продолжают идти своим ходом, словно власть не переменилась. Басифер шел за девочкой-королевой, держащей под мышкой свою куклу, королевой, которая покидала свой собственный праздник восхождения на трон, не удосуживаясь даже проявить к своим гостям обыкновенную вежливость. Им оставалось только почтительно поклониться ей вслед и ждать дальнейших распоряжений, если таковые последуют.

Провожаемая взглядами прислуги и дворцовых стражников, Тамсин вела главного камергера через анфиладу комнат, затем они поднялись вверх по винтовой лестнице и очутились в покоях королевы. Бывший кабинет Тифаса, в котором раньше по стенам размещалась тщательно подобранная коллекция кинжалов, мечей и сабель (одно из главных увлечений покойного короля), встретил Басифера не блеском полированной стали на голых деревянных стенах, а экзотическим ароматом благовоний, приглушенным сиянием светильников, коврами и бархатными портьерами.

— Когда я еще только начала заниматься врачеванием, — сказала юная королева, — я заметила, что лечение идет быстрее и легче, если уметь пользоваться, ну например, амулетами. — Тамсин подошла к высокому шкафу из темного дерева, который стоял в глубине комнаты. — Даже всемогущая богиня и та предпочитает иметь под рукой что-нибудь осязаемое, когда собирается употребить свою власть. Что-нибудь вроде этого. — Тамсин распахнула дверцы, и в глазах у Басифера заребрило от множества драгоценных безделушек. — Такие вот броши, ожерелья, бусы часто заключают

в себе великую магическую силу, иногда она добрая, иногда злая, смотря какой ее наделят. Но уж когда это произойдет, тогда она сохраняется в них навеки, надо только уметь ее извлечь, а это дается очень немногим. — Тамсин протянула руку и бережно сняла с позолоченного крючка простенький браслет из ракушек, нанизанных на нитку. — Посмотри, вроде бы ничего особенного, а на самом деле с его помощью я могу творить чудеса. Это первый амулет, который попал мне в руки, и именно через него мне впервые удалось выразить волю богини Нинги. Он излечил мою мачеху от изнуряющего нервного заболевания — сейчас она стала во главе ордена весталок, который я недавно учредила, достойная, благочестивая женщина, не в пример моему неродному отцу, которого тупоголовые односельчане называли почему-то Арнульф Праведник. — Тамсин нахмурилась и замолчала. Потом протянула Басиферу браслет: — Хочешь испытать на себе его силу?

Главного камергера прошиб холодный пот.

— О моя королева, я...

Слова замерли у него на устах, отказаться он не посмел. Басиферу уже раз пришлось быть свидетелем колдовства Тамсин, и теперь он прилагал все усилия, чтобы скрыть сотрясающую его дрожь. Он вытянул перед собой руку, повинувшись жесту Тамсин, и она положила на нее браслет, но не в раскрытую ладонь, а на запястье, и сейчас же Басифер ощутил в этом месте легкое покалывание. Он не сводил с ракушек глаз, вдруг ему помешало, что от них заструилось слабое голубое мерцание, контуры их начали расплываться, словно он смотрел на них через слой воды. Покалывание там, где они касались его кожи, усилилось, и вдруг — о чудо! — крохотные обитатели моря

Вилайт непонятным образом ожили и поползли по его руке, шевеля малюсенькими рожками, волоча свои домики на спине. Ему казалось, что нитка не удерживает их больше вместе, что они двигаются вполне самостоятельно, вновь и вновь опоясывая кругами его руку и оставляя после себя ни на что не похожее ощущение.

— На первый раз хватит, — сказала Тамсин и одним движением стрелы волшебные ракушки, которые тут же вновь превратились в обыкновенный браслет. — Если бы я позволила им поползти по всему телу... Но сейчас не время. Такие серьезные вмешательства в человеческий организм требуют великой осторожности.

Басифер смотрел на свою кисть и не верил глазам. Куда исчезли все шрамы? Его кожа была чиста и нежна, как у младенца. Особенно заметен стал контраст, когда он сравнил левую и правую руки: правая словно помолодела на три десятка лет.

— Ваше Величество... — едва сумел выговорить Басифер, сердце его колотилось как безумное.

— Запомни, — сказала Тамсин, — эти ракушки, если Нинга того захочет, способны вылечить любого человека *от чего угодно*. Для них не имеет значения, сколько лет назад нанесены раны, они могут вернуть молодость и цельность всему телу. — Басифер вздрогнул, слова Тамсин, ее полувывысканное обещание прожгли его насквозь, и в душе родилась беспредельная преданность и любовь к своей королеве. Она продолжала: — Для того чтобы излечиться, нужно лишь одно — верить в Нингу. Я тронута твоей благодарностью и вижу, что твою веру никогда и ничто не сможет поколебать. Если бы таких, как ты, было бы больше,

а таких, как упрямец Арнульф Праведник, — меньше, то Нинге не пришлось бы столь часто проявлять свою суровость. Но это дело прошлое, — беззаботно продолжила она, — сейчас нас с Нингой интересует совсем другое. Теперь, когда я стала королевой Бритунии, мы хотим расширить нашу власть во внеземных сферах, а для этого надо увеличить запас талисманов, амулетов — короче говоря, всего, в чем дремлет дикая магия, а уж мы с Нингой сумеем ее разбудить и приручить, если потребуется. Как владычице страны, мне принадлежит королевская сокровищница, которая находится прямо здесь, во дворце, и драгоценности бывших храмов Амалиаса. Ну а кроме того, разумеется, все, что извлекают из земных недр, — я говорю о золоте и самоцветах. Мощь Бритунии неизмеримо возрастет, если мне удастся накопить достаточно вещей, подобных этой. — Тамсин аккуратно повесила в шкаф грубо отполированный прозрачный желтый камень, вставленный в овал из тусклого серебра. — Эта подвеска привезена откуда-то из дремучих лесов вблизи наших восточных границ.

Не успела Тамсин договорить последнюю фразу, как в открытую дверь комнаты робко вошел один из стражников личной охраны, стоявший все это время в коридоре. Воин замер в нерешительности, не зная, рассердится ли королева за то, что он вмешивается в ее разговор с главным камергером.

— Покорнейше прошу меня простить, Ваше Величество, — извиняющимся тоном начал он, — мне было приказано немедленно доложить о прибытии принца Клевина. Он только что явился во дворец и ожидает чести быть принятым вашей милостью.

— Понятно. Это главный камергер отдал такое распоряжение?

Стражник несмело кивнул, и Тамсин перевела взгляд на Басифера. Камергер еще не вполне пришел в себя от пережитого потрясения.

— Да, моя королева, это я позволил себе такую смелость...

Тамсин перебила его.

— Пусть войдет, — приказала она стражнику и заговорила со своей куклой: — Сейчас поглядим, Нинга, как нам понравится этот прекрасный принц, которого тут только что перевозносил до небес наш главный камергер. — В ее голосе слышалось явное раздражение.

Спустя несколько секунд в комнате появился человек в коротком дорожном плаще и шляпе с перьями. Тамсин далеко не сразу подняла голову, продолжая разговаривать с куклой, а когда наконец взглянула на вошедшего, лицо ее выражало поистине королевскую неприступность, сменившуюся, однако, нескрываемым удивлением. Принц подошел к ней быстрыми шагами, опустился на одно колено и поцеловал руку. Удивление королевы было вполне объяснимо. Перед ней склонился в поклоне хорошо одетый худощавый вельможа весьма преклонных лет с абсолютно седыми волосами и такой же седой острой козлиной бородкой. Когда он выпрямился, Тамсин увидела обаятельнейшую улыбку на тонком аристократическом лице, испещренном множеством морщин.

— Королева Тамсин, — произнес он приятным мелодичным голосом, — Бритуния никогда еще не знала столь юной и столь прекрасной правительницы, даже если вспомнить о моей двоюродной бабушке по материнской линии королеве Лидите, со дня смерти которой миновало уже пятьдесят зим. — Принц еще раз поцеловал руку Тамсин и провозгласил: — Королева и жрица, клянусь тебе в своей

вечной любви и преданности. — Затем он посмотрел на куклу: — Верховная богиня Нинга... нет, единственно истинная богиня Нинга. — Принц вновь опустился на одно колено и склонил голову перед куклой: — Ваше священство, вы именно такая, как я и ожидал, и даже более того.

— Принц Клевин, если я не ошибаюсь? — с неожиданной теплотой произнесла Тамсин. — Мы с Нингой слышали о тебе, хотя и не слишком интересовались потомками королевской династии. Я не ожидала, что...

— Что я так стар и так скромн? — Клевин ласково сжал руку Тамсин в своих теплых сухих ладонях. — Моя добрая королева, не пойми меня превратно, ведь я и дожил-то до седых волос только благодаря своей безобидности и тому, что никогда не стремился выделиться, быть в центре внимания. А уж во времена правления Тифаса я и вовсе был тише воды ниже травы. Теперь же, когда на троне такая добродетельная, мудрая и благочестивая королева, к тому же обожаемая своими подданными, единственное мое желание — окончить дни быстро текущей жизни здесь, у твоих ног, в любимой мною Саргоссе. О моя королева, если бы я мог надеяться, что ты позволишь мне греться в лучах твоего небесного великолепия, твоего и твоей божественной покровительницы Нинги, — счастьем моему не будет предела. Я служил бы тебе в меру своих сил всем своим опытом, приобретенным за долгие годы изгнания. О, позволь мне остаться, несравненная! — Принц говорил с непритворной искренностью, глядя прямо в глаза Тамсин и продолжая поглаживать ее руку. — Я прошу даровать мне эту милость, само собой разумеется, лишь в том случае, если это не причинит тебе, моя королева, ни малейшего беспокойства или неудобства. Я смиренно припадаю к

твоим ногам и с благодарностью приму любое твое решение.

— Гм, что ж, мой любезный принц, оставайся, если хочешь. — Тамсин ничуть не смутила изысканные манеры принца и расточаемые им похвалы ее добродетелям. — Здесь, при дворе, много таких, кто не слишком жаждет находиться при нас, опасаясь прозорливости Божественной Нинги и ее строгого, но справедливого суда. Разве не так, Нинга? — спросила она куклу и вновь обратилась к принцу: — Твоя просьба делает тебе честь, принц Клевин. А тебе, Басифер, скажу, что ты был прав, отзываясь о принце в столь лестных выражениях. Я довольна тобой.

Басифер, который все еще продолжал прислушиваться к своим внутренним ощущениям, ответил тем не менее сразу:

— Покорно благодарю вашу милость.

— Как раз перед твоим приходом, дорогой принц, я показывала Басиферу свои амулеты и талисманы. А недавно у меня появилась одна странная вещица, взгляни на нее. — Тамсин взяла из рук Басифера серебряную подвеску с драгоценным камнем и протянула Клевино. — Может быть, за годы странствий тебе приходилось видеть нечто подобное?

— Пожалуй, да, — немного неуверенно ответил принц. — Да, сейчас я припоминаю, что такие несколько необычные украшения привозили иногда в старые времена бродячие торговцы. Но, моя королева, эта подвеска не стоит твоей красоты, вон какой она грубой работы, тебе требуется нечто гораздо более изысканное...

— Нинга сказала мне, что она дошла до нас из глубины веков. Я тоже ощущаю в ней первобытную силу, хотя Нинге придется еще объяснить мне, как ее извлекать. Я думаю, эта подвеска — частица ка-

кого-то древнегоклада, который, возможно, уже разграблен дикими племенами. Я хочу, чтобы обыскали всю страну и нашли этот клад. Я хочу, чтобы кто-нибудь занялся этим немедленно.

Клевин кивнул:

— Да, такие люди найдутся. Во всяком случае, раньше находились. Они могут отправиться куда им прикажут, обследовать любые, самые дикие места.

— Меня это ничуть не удивляет. — Тамсин повернулась к главному камергеру: — Басифер, ты сможешь подыскать мне подходящих людей?

Басифер упал на одно колено, склонившись в глубоком поклоне:

— Только прикажите, Ваше королевское Величество, и я сделаю все, чтобы вы остались довольны. Ради королевы Бритунии я готов, если потребуется, перевернуть хоть всю страну!

Глава двенадцатая

СУДЬБА ДИКРЕЙ

Из чащи леса выскочил лось. Посередине поляны он остановился, его бока тяжело вздымались, из ноздрей вырывался пар — по утрам теперь часто бывало холодно. Лось настороженно повернул голову, украшенную тяжелыми ветвистыми рогами. На поляне никого, кроме него, не было, деревья и кусты на опушке стояли неподвижно.

Внезапно в лесу раздался шорох. Сбивая на лету каменным наконечником листья, в воздухе засвистело короткое копьё и, немного не долетев, вонзилось в землю у самых ног лоса. В ту же секунду он пересек поляну несколькими большими прыжками

и скрылся в чащобе. Лишь треск ломающихся веток указывал его дорогу.

— Эх ты! — воскликнул Джад, выскакивая из зарослей. — Пора бы уж тебе, Конан, научиться пользоваться бросателем.

— Ты не прав, Джад, — ответил ему Аклак, выбегая за ним вместе с киммерийцем. — Конан сделал все как надо, просто ветки помешали.

Конан свернул в сторону, чтобы подобрать свой дротик. Не останавливаясь, он зарядил им приспособление, которое Джад назвал бросателем, — толстый прут, изогнутый на конце крючком. Дротик, брошенный с помощью такого прута, летел намного дальше и точнее.

— Смотрите, — крикнул один из молодых охотников, — сохатый побежал к северу, к холмам! Я же говорил тебе, Аклак, надо было позволить нам окружить его, отрезать ему дорогу, а потом уже начинать гнать.

— Да, это очень хороший способ, — подтвердила одна из охотниц. — Молодые гонят зверя на опытных охотников, а те убивают его.

— Все это правильно, — терпеливо отозвался Аклак. Они бежали не слишком быстро, поэтому у него хватало дыхания на то, чтобы учить молодежь уму-разуму. — Отрезать-то дорогу вы ему, конечно, отрезали бы, но хватило ли бы у вас сил устоять, если бы обезумевший от страха сохатый бросился на вас? Ведь в начале охоты он свеж, не утомлен бегом и не ранен. Большой крепкий лось или олень страшны в своей ярости. Мало кто способен справиться с таким зверем.

Охотники бежали ровно и размеренно. Они знали, что рано или поздно настигнут лося, который делал короткие рывки, а затем замедлял скорость или вообще останавливался передохнуть.

— До чего вредный сохатый нам попался, — заметил Джад, взбираясь вместе с остальными на холм, усеянный камнями. — Из-за него мы устанем вдвойне: сначала пока за ним гонимся, а потом когда потащим обратно его тушу.

Немного позже Аклак прошипел:

— Тише! Лось отдыхает вон в том леске. Если бы он побежал дальше, мы бы увидели его на склоне.

Конан молчаливо согласился. Действительно, они обязательно увидели бы лося среди редкого кустарника, которым порос каменистый косогор, начинающийся сразу за лесочком. Искать его надо именно там, может быть, он решил даже не бежать дальше, а вступить наконец с ними в бой.

— Ну ладно, — проговорил шепотом Аклак, — давайте окружим его.

Молодая охотница первой направилась вдоль края зарослей. Повинуясь жесту Аклака, Джад и еще один юноша, такой же нетерпеливый, как и охотница, отправились за ней следом. Конан со своим названным братом пошли другим путем, забирая круче в гору.

— Будь начеку, Конан. Дай им время занять свои места. И пожалуйста, не швыряй копье, если что-то зашевелится в кустах, убедись сперва, что это не один из наших торопыг.

Двигаясь плавно и бесшумно, Конан с Аклаком задерживались у каждой прогалины и, прячась либо за стволом дерева, либо за камнем, осторожно высматривали лося. Конан поглядывал еще и назад, разыскивая глазами Джада, который был ближайшим в их цепочке. Сначала охотники находились далеко друг от друга, но, постепенно углубляясь в заросли, начали сближаться.

И вот наконец примерно в полусотне шагов от себя Конан с Аклаком увидели зверя. Лось безза-

ботно щипал траву на небольшой лужайке, словно позабыв, что за ним гонятся люди. Конан приготовился бросать дротик, но Аклак остановил его движением руки и заставил ждать, пока неизвестно по каким признакам не решил, что теперь все находятся там, где надо. В конце концов он кивнул Конану. Два копья взлетели в воздух одновременно и устремились к единой цели.

Один дротик ударил лося в бок и застрял там, другой, чуть-чуть недолетев, упал в кусты. Когда лось с опозданием кинулся бежать, еще одно копьё — копьё Джада — догнало его и хоть и не вонзилось, но слегка подранило.

Пока молодой охотник громко радовался своей ловкости, Конан с Аклаком подошли к дротику, не достигшему цели. Аклак поднял его и тут же повернулся к Конану.

— Это мой, — серьезно проговорил он. — Твой бросок, брат, был точнее.

— Только потому, что ты так хорошо учил меня, брат, — отозвался Конан. Он подобрал копьё Джада и, осмотрев наконечник, бросил копьё молодому охотнику, затем вынул из-за пояса топор. — Придется мне теперь обходиться вот этим. — И он засунул на его место пока бесполезную палку-бросатель.

Все трое быстрыми пружинистыми шагами двинулись по следам лося. Теперь их не трудно было находить — капли крови отмечали его неверный путь. Судя по всему, копьё Конана причиняло зверю сильные страдания, и киммериец спешил вперед, как всегда желая поскорее прекратить его муки.

— Кэя! Кэя! Кэя! — покрикивали охотники, пугая лося и в то же время давая знать своим товарищам, что они гонятся за раненым зверем.

Конан вырвался вперед. Аклак окликнул его:

— Конан, когда догоним сохатого, не кидайся на него сразу, сначала дай мне бросить копьё!

Вскоре они выбрались из зарослей и на голом склоне увидели лося, который, торопясь и оступаясь, прыгал по камням. В боку у него по-прежнему торчал дротик. Вид зверя был жалкий, казалось, он вот-вот рухнет без сил. Однако не успели атупаны приблизиться к нему на расстояние, достаточное для надежного броска (и Аклак, и Джад боялись лишиться наконечников копий, если промажут и попадут в камень), как лось скрылся за кромкой гребня.

Когда же охотники, держа оружие наготове, тоже выскочили на вершину, они никого там не увидели. Обзор во все стороны был прекрасный, лось не мог никуда спрятаться, а если бы он побежал дальше, его невозможно было бы не заметить, и все-таки он исчез, словно сквозь землю провалился. От него не осталось ничего, кроме лужицы крови.

— Видел я уже такое, — мрачно заметил Конан, не переставая оглядываться по сторонам.

— Охота окончена, ничего не поделаешь. — Аклак понуро опустил дротик. — Значит, не судьба нам убить этого лося.

— Да, — огорченно проговорил молодой охотник, — если этого желают великие духи...

— Духи духами, только я не собираюсь терять свое копьё, — раздраженно заявил Конан. Он подошел к краю гребня, где на камнях виднелась одна-единственная капля крови, и посмотрел вниз. — Оставайтесь здесь, а я спущусь туда.

— Ну уж нет, речной человек! — воскликнула молодая охотница и встала рядом с Конаном. — Я пойду с тобой и помогу тебе вернуть твоё копьё и нашего лося. Пусть даже его украл сам Великий Барсук!

— И я! Я тоже пойду с вами! — сразу заторопился Джад. — Я пробежал сегодня слишком много, чтобы поворачивать несолоно хлебавши обратно. Ну а ты, Аклак? Боишься, что опять промажешь?

Некоторое время Аклак хмуро размышлял и вдруг решил:

— Я тоже пойду. Пора уже решить эту загадку.

Конан первым двинулся вдоль гребня и через два десятка шагов остановился на крутом обрыве. Только отсюда можно было осмотреть невидимый раньше участок склона. Ужасающее зрелище предстало его глазам.

Исполинская желтовато-серебристая рысь (больше всего это фантастическое существо походило на рысь, и потому Конан именно так назвал ее в уме) терзала тушу злополучного лося, придерживая его гигантскими лапами. В это трудно было поверить, но она казалась намного крупнее своей жертвы. Круглая кошачья голова с острой мордой, запачканной кровью, кисточки на ушах, гибкий, сердито подрагивающий хвост — все было таких чудовищных размеров, что не могло привидеться и в страшном сне. Но всего ужаснее выглядели ее зубы — длинные и острые, как кривые заморийские сабли.

Когда, потрясенный, киммериец замер на краю обрыва, исполинская кошка едва глянула на него. Лишь шерсть на загривке приподнялась немного, да хвост метнулся из стороны в сторону. Судя по всему, люди не особенно интересовали ее — слишком мелкая добыча, такой не наешься, и невелика угроза, да и какая угроза может исходить от этих ничтожных двуногих?

Теперь, когда Конан воочию увидел врага, он не знал, что делать. Его оцепенение длилось бесконечно долго, так ему, во всяком случае, представлялось,

время словно остановило свой бег, а варвар не в силах был сдвинуться и отвести взгляд от страшного хищника. К чувствам его вернул свист дротика, направленного твердой рукой. Это был идеальный бросок, острие неминуемо должно было вонзиться прямо в сердце, если бы рысь не отбросила копьё лапой еще в полете.

Перехватив поудобнее топор, киммериец обернулся. Аклак безучастно смотрел на свой дротик, превратившийся в щепки от удара о валун. В глазах названного брата Конан прочел какую-то странную обреченность. Три молодых охотника, уже готовых издать торжествующий вопль, замерли, молча сжимая в руках копьё.

Мгновение спустя рысь оставила окровавленную тушу лося и в несколько прыжков очутилась среди атупанов.

Конан попытался раскроить ей голову, вложив в удар всю свою могучую силу, но из-за дьявольской быстроты проклятой твари оружие лишь скользнуло по шерсти, зато Конана так отбросило в сторону, что он едва не потерял сознание, стукнувшись головой о камень.

Поднимаясь на ноги, Конан увидел, что рысь, вместо того чтобы сразу вцепиться в своих врагов когтями и зубами, как сделала бы на ее месте любая другая, подбирается к ним как-то бочком, пожалуй, даже медленно, не торопясь. Ее первая жертва — смелая молодая охотница — даже не успела метнуть дротик: один мощный взмах лапы — и окровавленное тело девушки, пролетев в воздухе с десятков футов, рухнуло на камни со сломанной шеей.

Следующим оказался Джад. Издав воинственный клич, он направил копьё в шею зверя, но невероятно гибкая рысь с легкостью увернулась и,

как показалось Конану со стороны, несильно боднула Джада головой. Дико закричав, он выронил дротик, упал на колени и согнулся, зажимая руками распоротый клыками живот, из которого вываливались кишки.

Через секунду и другого молодого охотника постигла та же участь. Он тоже не успел пустить в ход оружие. Острые зубы расплосовали беднягу почище длинного клинка, который в ходу у гирканийских всадников. Молодой охотник не издал ни звука, должно быть, клыки гигантской кошки достали до самого сердца.

Едва придя в себя после падения, Конан нанес сокрушительный удар по задней лапе хищника, которая была к нему в этот момент ближе всего, но топор срикошетил и отскочил, однако он, по-видимому, причинил рыси боль, потому что она с маху хлестнула хвостом, задев им Конана. Киммериец потерял равновесие и отступил на несколько шагов, что, очевидно, спасло его от смерти: острые, как ножи, когти задела гриву его волос, голова Конана резко дернулась, по плечам потекла кровь. Он не понял — своя или чужая.

В этот момент животный вой Джада оборвался. Аклак исполнил свой долг и прекратил агонию ударом топора — каждый атупанский охотник давал в этом клятву. Потом он обернулся и приготовился встретить зверя. На этот раз рысь не медлила ни секунды, она бросилась прямо на Аклака. Тот успел ранить исполинскую тварь в ухо, но уже в следующий миг рысь широко разинула пасть и попросту откусила охотнику голову.

Полуослепшему от крови Конану даже не пришлось в голову, что он может спастись бегством. Слова «жизнь» и «смерть» потеряли для него всякое значение. Он хотел лишь одного, — перед тем как по-

гибнет сам, возможно сильнее ранить ненавистную убийцу своих друзей и названного брата.

Конан поднял топор, но рысь уже повернула к нему оскаленную морду, запачканную кровью. Ее глаза были так ужасны, что киммерийцу показалось, что она может убить его одним взглядом. Горячее смрадное дыхание хищника опалило ему лицо... Топор Конана вонзился прямо в надвигающуюся на него разинутую пасть и застрял там, не давая зверю сомкнуть челюсти. Гигантская кошка попыталась вытащить лапой причиняющий ей нестерпимую боль предмет, но топор плотно засел между ее передними клыками и у нее ничего не получилось. Тогда она попробовала вытолкнуть его языком, но сперва тоже ничего не выходило.

Тем временем Конан увидел свой дротик, который, по-видимому, в какой-то момент вывалился из туши лося. Древко было скользким от крови, но варвар крепко сжал его в руках и выставил перед собой, упершись тупым концом в камень. Позади него был огромный валун, и он не смог бы убежать, даже если бы и захотел.

Наконец рыси удалось выпихнуть из пасти топор, и она обрушилась на Конана всем своим весом. Продолжая сжимать древко, киммериец пригнулся, и рысь со всего размаха напоролась на его копые. Страшные когти вонзились в Конана, и он почувствовал, что умирает.

К тому времени, когда Конан пришел в себя и выбрался из-под уже начавшей остывать рыси, солнце стояло совсем низко. Он посмотрел на свое копые и понял, что оно, должно быть, пронзило сердце гигантской кошки — и она испустила дух почти мгновенно. Ничем иным нельзя было объяснить

того, что он до сих пор жив и даже способен передвигаться.

Конан не стал задерживаться на месте трагедии, подходить к погибшим друзьям, отгонять хищников, желавших полакомиться мертвечиной, или считать собственные раны, он сразу заторопился в сторону стойбища. В том, что он единственный из всех уцелел, была какая-то несправедливость. Ведь не кто иной, как он, явился причиной несчастья, он не послушался Аклака, который был на охоте главным, и повел других за собой. Как теперь он скажет Сонге, что из-за него погиб ее любимый брат и остальные охотники?

Дорога назад была трудна. Конан шел, не останавливаясь и не давая себе даже минутной передышки: он боялся, что если присядет, то уже не сможет подняться. Ночь застала его еще в малознакомых местах, и, пока не взошла луна, он несколько раз сбивался с пути. Окружающий его черный лес вполне соответствовал его страшным черным мыслям, однако то, что он застал в стойбище, оказалось еще страшнее.

Когда Конан вышел на луг, он не увидел горящих во тьме костров, хотя до него доносился сильный запах дыма, паленой шерсти или шкуры. Некоторые шатры все еще курились, и по озеру расстилалась белая полоса то ли дыма, то ли тумана. Подойдя поближе, Конан увидел, что площадка у костра и земля между шатрами усеяны трупами атупан.

Их всех убили стрелами, Конан понял это сразу, а раненых прирезали кинжалами и мечами. Конан поднял сломанную стрелу — отличной работы стрела со стальным наконечником, — именно такие входили в вооружение бритунийских воинов.

Конан обошел стойбище. Погибли все или почти все. Их либо окружили, либо каким-то образом об-

манули. Вот лежит мать Сонги, сжимая в руках дубинку. Вот хромой Глубал, рядом с ним его охотничье копье... Три десятка мужчин, женщин, детей. Всё его племя. Атупаны сражались храбро, во всяком случае, пытались сопротивляться... Но что они могли противопоставить опытным воинам? И как ни странно, ни одного мертвого из напавших.

И никаких следов Сонги.

Как ему ни хотелось немедленно броситься на поиски бандитов, пришлось дожидаться утра. Конан вернулся в лес и провел там остаток ночи без сна, окруженный призраками погибших друзей.

С рассветом Сонга не вернулась, и никто не откликнулся на его зов — у Конана была слабая надежда, что кто-нибудь все-таки успел убежать и спрятаться в лесу. Внимательно осмотрев поле сражения, а вернее сказать, кровавой бойни, Конан обнаружил еще одну странность: из стойбища ничего не пропало, кроме старинных амулетов, знака доблести охотников племени, тех амулетов, что они вы брали себе когда-то, доказав сначала свою силу и ловкость, взобравшись на древнюю башню.

Что ж, если все племя вырезано из-за дюжины бесполезных побрякушек, тогда ему ясно, где искать Сонгу.

Даже если бы Конан не догадался, куда двинулся отряд бандитов, он все равно без труда смог бы найти их. Такая большая группа людей, тем более людей из цивилизованного мира, не могла не оставить множества следов. И следы эти показались Конану отвратительными. Прежде всего, бритунийцы — если это действительно были бритунийцы — не умели даже правильно ходить. Шаги их были тяжелыми и неровными, походка развалиста. Они бездумно ломали ветки, сшибали мечами головки цветов. Следы рассказали Конану, что эти люди

бессердечны, черствы и жестоки. Но еще хуже был их запах — мерзкий запах цивилизации, который они принесли с собой.

Перед тем как отправиться в погоню, Конан быстро смыл с себя в озере свою и чужую кровь, а затем так же быстро и уверенно нанес разноцветной глиной на лицо и грудь раскраску, означающую «большую охоту». Он разыскал топор Сонги и взял тяжелое короткое копье, которое бросают просто рукой. Больше он ничего в стойбище трогать не стал, пусть все остается как есть и послужит предупреждением другим племенам.

Следы бандитов вели на северо-запад, туда, где атупань охотились в летние месяцы. Убийцы двигались скорым шагом, почти без остановок. По-видимому, они опасались мести случайно избежавших смерти охотников племени, а может, и мести охотников из других племен. По всей видимости, у бандитов был предводитель и они преследовали вполне определенную цель, не отвлекаясь ни на что. Они даже ели на ходу сушеные фиги и овсяные лепешки — Конан постоянно находил брошенные огрызки и крошки, которые они роняли. Еще они пробовали охотиться, но без особого успеха, если судить по тому количеству костей, которые остались у их вечернего костра.

Пересекая реку, Конан нашел на глинистом берегу то, что показалось ему дорожке всех сокровищ мира, — ясный и отчетливый след узкой ступни Сонги. Значит, она жива и ее используют как проводника к старой башне.

После того как Конан убедился, что правильно разгадал замысел бандитов, он удвоил скорость, где только можно сокращая путь и останавливаясь лишь на миг на вершинах холмов, чтобы оглядеть

окрестности и сориентироваться. Он не охотился и, позабыв о своих ранах, старался нагнать упущенное время. В этом ему помогало то, что Сонга выбирала, напротив, самый длинный путь, а иногда намеренно сбивалась с дороги.

Однако их командира было трудно обмануть, вероятно, он не спускал с Сонги глаз и сразу замечал все ее хитрости. И все же она старалась как могла замедлить продвижение отряда. Конечно же, Сонга знала, что Конан, Аклак и другие охотники бросятся в погоню за убийцами. И опять Конан проклял злосчастную судьбу и свою глупость, которая привела к гибели названного брата и других атупан.

Но если бы ему удалось отбить свою подругу у бандитов, то они могли бы бежать к другим племенам, среди которых у Сонги было много друзей, а потом организовать налет на бандитов. Ни один из них не вернулся бы домой... А Конан мог бы снова начать жить с Сонгой в одном из племен.

Однако сначала следовало догнать бандитов. Их предводитель не давал им передышки и гнал вперед с максимальной скоростью. Некоторые уже заметно хромали, когда Конан наконец настиг их, и случилось это уже у башни — цели их пути. Наступали сумерки, но подобраться близко было нелегко: сухие листья шуршали под ногами, выдавая его.

Возле башни не было никого, кроме двух караульных, поставленных по обе стороны входа. Все остальные находились, по-видимому, внутри. Караульные выглядели как обычные бродяги, таких бывает много в приграничных областях. На обоих были дурно сшитые кожаные штаны и куртки. На одном красовалась меховая шапка, зато ноги были обуты в полуразвалившиеся городские башмаки. Конан

часто видел его следы и еще раньше подумал, что ходок он неважный. Башмаки у другого казались чуть покрепче, а одет он был в облезлую безрукавку, из которой мех лез клочьями. Конан не раз замечал их по пути.

Караульные стояли неподвижно, опершись на секиры, и время от времени переговаривались на простонародном бритунийском наречии. По виду бандитов Конан понял, что им почему-то не по себе. Когда киммериец подполз ближе, он догадался почему: прямо перед ними на земле лежали три трупа.

У двух одетых как бродяги были раскроены головы, из третьего торчало несколько стрел... Это была Сонга.

— Дьяволица, истинная дьяволица, — сказал караульный в меховой шапке. — Всю-то дорогу притворялась тихой, спокойной... А на самом деле вон что замышляла. Хитра, ничего не скажешь. — Ему явно хотелось поговорить. — А Долфас никому к ней притронуться не позволял.

— Для себя берёт, — буркнул другой караульный.

Первый пожал плечами:

— Оно, может, и так. — Он замолчал, но ненадолго. — Ты только подумай, пришли мы сюда, понятное дело, ребята захотели с ней поразвлечься, ну вроде как отпраздновать, что наконец пришли, так она хватает топор и раз — одного по башке, раз — другого! Никогда не видел, чтобы женщина впадала в такую ярость. — Он изумленно покачал головой. — Да она могла бы всех нас порубить, если бы не наши луки!

— А я считаю, это чистое позорище, — проворчал бандит в безрукавке. — Не могли справиться с девкой — это же курам на смех! Зря ее убили. Надо было попробовать связать ее.

— Да мне тоже жалко, что убили, — проговорил первый караульный, после некоторого размышления. — Но ты же сам видел, какая зверюга, бр-р-р, даже вспомнить страшно! — Он опасливо глянул в сторону трупов.

— Эй, там! Что за разговоры на посту? — Из полуобвалившегося входа высунулась голова, и оба караульных подскочили от неожиданности.

— Нет, нет, капитан Долфас, мы не разговариваем, так, перекинулись двумя словами, и все.

— Смотрите у меня, — строго произнес Долфас. — Ну а в лесу что? За лесом-то вы следите, как я вам велел? — Взгляд капитана уперся в Конана, но он не видел его в наступившей темноте.

— Следим, капитан, конечно, следим. Тихо все. Да у нас мышь мимо не пробежит. А скажите, капитан, скоро ли ужин?

— Скоро. Котелок уже на огне. — Долфас вышел наружу и, пройдя несколько шагов, обернулся и посмотрел на караульных. — Ночь мы проведем здесь, так что торопиться особенно некуда, тем более что все драгоценности уже сложены в мешки. Утром тронемся в обратный путь.

— Хорошо, капитан.

Долфас прошел вперед, даже не взглянув на трупы, и, зайдя за кусты, принялся расстегивать пояс. Топор Конана несильно ударил его в висок, и капитан повалился без чувств. Несмотря на то что Конан успел подхватить его, сухие листья зашелестели, когда он клал тело Долфаса на землю.

— Эй, капитан, что случилось?

— С вами все в порядке, капитан Долфас? — всполошились караульные, но, когда из кустов вышел Конан, они приняли его в темноте за Долфаса.

Одного бандита Конан пронзил копьем в горло, другому разрубил череп вместе с его меховой шапкой.

— Долфас, ты скоро? — позвал кто-то из башни. — Иди сюда! Твоя очередь бросать кости! Ну где ты там запропастился?

Конан молча поднял секиру, но из проема никто не вышел, и он прислонился к стене, разглядывая оружие. Отличная секира, наточена совсем недавно. С ней он может стоять здесь у входа и убивать бандитов одного за другим, пока они не догадаются взобраться на верх башни и скинуть ему на голову камень потяжелее.

Конан ощупал длинный плоский камень, который не давал входу в башню обвалиться окончательно. Ему показалось, что камень слегка шевелится. Конан уперся острым концом секиры в наиболее изъеденный временем и непогодой край и надавил. Камень, скрипнув, чуть сдвинулся с места. Конан надавил еще сильнее. Полдюйма, дюйм... Камень двигался!

— Капитан! Ну сколько можно тебя ждать?! — В проеме показалась чья-то фигура, и Конан нажал изо всех сил...

Бандит даже не успел вскрикнуть: громадный камень ударил его прямо в голову. Следом начали осыпаться и другие камни. Грохот все увеличивался.

Конан быстро подхватил свое оружие и стремглав бросился в лес. Он успел как раз вовремя. Еще несколько мгновений — и башня погребла бы и его в своих развалинах. За шумом падающих камней криков почти не было слышно. Впрочем, когда грохот прекратился, никто уже не кричал.

Позже, когда взошла луна, она осветила гигантскую грудку камней и поваленные деревья. Все вокруг было засыпано мелкой белой пылью. Глухая

первозданная тишина леса нарушалась лишь чьи-то слабыми стонами.

— Капитан Долфас. — Над человеком, придавленным стволом дерева, склонилась чья-то тень.

— Кто... кто ты? — хрипло спросил раненый, и его рука непроизвольно скользнула к пустому поясу.

— Нет, это я спрашиваю тебя, кто ты? — Полуобнаженный мускулистый человек опустился на колени рядом с капитаном.

— Ты говоришь по-бритунийски! Ты не дикарь! Почему ты так раскрашен?

— Отвечай на вопросы. Почему ты здесь? Кто тебя отправил сюда и зачем?

— Никто меня не отправлял. Я обыкновенный искатель приключений, путешествую по диким местам. А где мои друзья? Они живы?

— Хватит лгать! — К горлу беспомощно расprostертого Долфаса прикоснулось острое копьё. — Что ты здесь делаешь? Говори!

— Ну ладно, убери копьё, я скажу. — Капитан слабо махнул рукой куда-то назад. — Знаешь ли ты, что в тех вон руинах находятся несметные сокровища? Вытащи меня из-под дерева, и я покажу тебе, где они.

— Говоришь, сокровища? — Схватив Долфаса за руку, Конан повернул ее к лунному свету. — Какие сокровища? Такие, как это? — Он ткнул пальцем в золотое кольцо. Наклонившись пониже, взгляделся в него. С внешней стороны оно казалось совсем обыкновенным, но со стороны ладони на кольце был выгравирован грифон. — Ах вот оно что! Кольцо-печатка с символом королевской власти. Это становится интересно. — Конан грубо сорвал кольцо с руки Долфаса. Тот вскрикнул от боли. — Перестань кричать, Долфас, сейчас ты ответишь на все мои вопросы.

Снежные вершины Кезанкийских гор видны были в Шихаре отовсюду. Этот небольшой городок, окруженный частоколом из толстых заостренных сверху бревен, располагался у самых восточных границ Бритунии. Деревянные низкие домишки, крытые дранкой, теснились вдоль грязных узких улочек, на которых редко появлялись чужие.

Вообще-то в сторону гор вели кое-какие дороги, проложенные в незапамятные времена давно забытой ныне расой, но ими пользовались лишь старатели и охотники, среди которых ходили легенды о пробитых в горах проходах на ту сторону неприступных Кезанкийских гор. Память о набегах с востока сохранилась лишь в преданиях, и крепкие ограды вокруг палисадников свидетельствовали всегонавсего о том, что горожане опасаются своих местных бандитов и воров, а отнюдь не жестоких и коварных иноземцев. Если что и беспокоило жителей с востока, так это бурные потоки и сели, сходящие весной с крутых склонов.

Вот почему гандер по имени Регнард был удивлен, когда заметил одинокого путника, пересекающего росистый луг, за которым уже, собственно, и начинались отроги Кезанкийских гор. Даже на расстоянии путник показался ему каким-то странным. Он не был похож ни на охотника, ни на золотоискателя, возвращающегося в обжитые места после окончания сезона. Незнакомец, единственной одеждой которого, казалось, была медвежья шкура, по-видимому, не страдал от ветра с гор, ледящего кожу. В руках он нес дротик и каменный топор.

Регнард решил, что это, должно быть, настоящий дикарь из тех самых первобытных племен, о которых ему приходилось не раз слышать за кубком доброго вина в местных трактирах. Зачем он решил спуститься с гор в цивилизованный мир, оставалось только гадать.

Регнард неспроста занял пост у открытых восточных ворот. Невысокий, но крепкий светловолосый гандер с рыжеватыми усами сидел на солнышке, прислонившись к стене, а у его ног стоял большой кувшин с восхитительным душистым сидром. Регнард поджидал усталого охотника или старателя, истомленного одиночеством, который будет счастлив переложить часть своих проблем по продаже добытого за долгие месяцы на широкое плечи добросердечного гандера. Уж кто-кто, а Регнард будет только счастлив предложить ему свою дружбу, глоток другой отличного сидра и крышу над головой. Конечно, основная прибыль достанется не ему, а перекупщикам, но и те крохи, что ему перепадут, лучше, чем ничего. Этим он, собственно, и жил, прилепляясь время от времени к тем, кто оказывался удачливее его, но не мог тягаться с ним в изворотливости.

Что же касается именно этого странного дикаря, наверняка незнакомого с укладом жизни в городе, не говоря уже о стране, пожалуй, он тоже может представлять определенный интерес. Гандер задумчиво прихлебывал из кувшина, внимательно наблюдая за приближением незнакомца. Да, здесь, несомненно, таилась какая-то загадка, и он приложит все силы, чтобы ее разгадать. Возможно, даже окажется в состоянии решить кое-какие свои наболевшие проблемы.

А проблемы эти сводились к тому, что он уже давно мечтал выбраться из Шихара. Регнард явился сюда, надеясь быстро разбогатеть, все, казалось,

говорило в пользу этой идеи: власти озабочены осложнениями, возникшими в результате гражданской войны, цены на золото и драгоценные камни подскочили, а, судя по упорным слухам, именно в этой провинции имелось несколько карьеров и шахт, где как раз таки добывалось золото и драгоценные камни.

Тем не менее все оказалось гораздо сложнее. В этом гнусном захолустье власть военных была сильна, как никогда. Они сумели настолько прибрать к рукам местных жителей, что те, даже если и знали что-то о таящихся в горах богатствах, не смели и рта раскрыть, опасаясь жестокого наказания за разглашение государственного секрета: разработка карьеров и шахт издавна являлась монополией правителей страны. Более того, через Шихар даже не провозили добытое в горах, а разузнать, где и по какой дороге везут, тоже оказалось невозможным. Дисциплина при новой королеве стала еще жестче, чем раньше при Тифасе. Уже началась осень, и Регнард просто дурно становилось от одной только мысли, что придется провести бесконечно долгую зиму в этом медвежьем углу.

Когда дикарь приблизился, гандер поднялся на ноги и пошел ему навстречу.

— Привет тебе, незнакомец, — поздоровался он с ним, стараясь произносить слова как можно понятнее. — Должно быть, у тебя в горле пересохло после такого длинного пути. Хочешь, напейся из моего кувшина.

С непроницаемым лицом оглядев гандера с головы до ног, дикарь, видимо, решил принять предложение. Он переложил свое короткое копье с накопником из камня в другую руку и принял кувшин, который с приветливой улыбкой протягивал ему Регнард. При этом накинута на плечи шкура слегка распахнулась, и гандер (кстати, ему не доводилось

еще видеть столь великолепного, мускулистого тела — ну и богатырь!) успел заметить на талии незнакомца удивительный пояс из полированных пластин, в самую крупную из которых были вставлены какие-то блестящие камни. Дикарю сидр не понравился, и он его выплюнул. Регнард забрал у него кувшин и демонстративно сделал большой глоток.

— Хороший сидр — крепкий. — Он протянул кувшин обратно незнакомцу. — Выпей, тебе понравится! — Дикарь раздраженно потряс гривой черных прямых волос. Гандер не стал настаивать. — Ну как хочешь. Скажи, друг, ты пришел из-за гор?

Тот кивнул и неопределенно махнул рукой назад.

— А где твое племя? Они пришли с тобой?

Незнакомец неразборчиво проворчал что-то и отрицательно покачал головой.

— Один, значит. — Не переставая говорить, Регнард мягко увлек черноволосого великана в сторону городских ворот. — Тяжело, должно быть, странствовать в одиночку. Я слышал, что в этих горах терялись и пропадали даже большие вооруженные отряды.

Дикарь промышчал что-то в ответ. Гандер никак не мог уяснить себе, понимает ли тот что-нибудь из того, о чем он ему толкует, но это, в общем-то, пока не имело особенного значения. Главное, что гигант безропотно идет с ним в город. Стражники у ворот не удосужились спуститься вниз со своей обзорной площадки, чтобы допросить вновь прибывшего, вероятно, их не заинтересовал этот полуголый дикарь. Презрительно глянув на его примитивное оружие и медвежью шкуру, они не сочли его опасным, тем более что по всему было видно, что гандер за ним присмотрит и не позволит ввязаться в какую-либо историю. В этот ранний час улицы Шихара были пустынные, и глазеть на диковинного незнакомца оказалось

некому. Сам же он проявлял к новому для себя окружению на редкость мало любопытства.

— Я знаю город... У тебя есть что-нибудь на продажу? — Дикарь взглянул на Регнарда безо всякого выражения, и тот попробовал объясниться еще раз: — Меняется, мена, понимаешь? — И он универсальным жестом потер пальцы, сложив их щепоткой. Не получив никакого отклика и на этот раз, гандер с притворным равнодушием пожал плечами: — Ладно, ничего. Идем, я тебя и так покормлю.

Гандер привел своего спутника в ближайшую открытую таверну. На утоптанном земляном полу довольно большого зала стояли деревянные столы на козлах и скамейки, на которых сидели несколько первых посетителей. Они удивленно воззрились на дикаря в медвежьей шкуре, но, оценив его мощное сложение, не выказали никакого недовольствия, напротив, стали поглядывать на него с интересом, а женщины даже с восхищением. Регnard велел лысому хозяину таверны принести им поесть и усадил своего нового приятеля за дальний от двери стол, настояв на том, чтобы тот выпустил наконец из рук дротик и топор и поставил бы их рядом с собой у стены. Подали вино и сидр — дикарь отказал от того и другого. От эля он не отказался, но выпил лишь один глоток. Когда на столе появилась соленая рыба, вареная свинина и тушеная брюква, Регnard от души принялся за еду, приглашая к тому же своего гостя. Тот покорно съел все, что было у него на тарелке, но так и не промолвил ни единого слова.

Гандер считал, что, путешествуя по окраинам Хайбории, он прекрасно изучил дикие племена и научился понимать души этих чистых наивных людей. Взять, к примеру, этого богатыря, который сидит сейчас с ним за одним столом. Несмотря на весь его внушительный вид и необыкновенную серьезность,

мозг у него как у малого ребенка. Такой вот варвар, доверчивый и бесхитростный, просто не в состоянии понять законы нового для него мира. Такие, как он, привыкли жить в диких лесах, бороться с силами природы и удовлетворять по возможности свои убогие потребности, считая за счастье, что им удалось просуществовать еще один день. Этот гигант, только что спустившийся с гор, выглядит великолепно, но что станет с ним через месяц? Без покровителя, который указывал бы ему, что делать и как себя вести, он заболит, растеряется и пропадет, беспомощный жалкий горемыка. И все потому, что дикарь он и есть дикарь и не способен выжить в цивилизованном мире.

Регnard, разумеется, не мог допустить, чтобы такая печальная судьба постигла его нового друга. Подбирая кусочком хлеба соус с тарелки, он сказал:

— Теперь, когда мы поели за одним столом, может быть, ты, дружище, скажешь, как твое имя?

— Конан, — ответил тот и опять замолчал.

— Конан, — повторил гандер. — Так что ж ты, Конан, ищешь здесь, в Шихаре? Ума-разума? — Он выразительно постучал себя по голове. — Любимых приключений? — Регnard игриво подмигнул, указав кивком на женщин, сидящих в отгороженной части зала. — Или денег? Кстати, за такую шкуру, как на тебе, можно получить немало, не говоря уже о твоём золотом поясе. — Дикарь не ответил ни слова, но глаза его сузились, что гандер считал за проявление интереса. — Да, меха нынче в цене, ведь охота уже не та, что раньше. Зверь ушел далеко в горы. Между прочим, не знаешь ли ты случайно, где еще есть такие пояса или что-нибудь в этом роде? — Конан покачал головой. — Не знаешь? Ну ладно, это не важно. — Регnard улыбнулся со всей дружелюбностью, на какую был способен. — Ну а люди из твоего племени? Может, они знают?

Дикарь ответил бесстрастно:

— Мои люди мертвы.

— Мертвы? Да что ты! Заболели и умерли? — Гандер не слишком удивился: из своего обширного опыта он знал, что грязные невежественные дикари то и дело мрут как мухи.

Черноволосый гигант пристально посмотрел на него:

— Да, заболели и умерли.

— Ай-ай-ай, какое несчастье, — с деланным сочувствием отозвался Регнард. За себя он не волновался — во время своих странствий он уже переболел всем, чем только можно. Авось этот дикарь его не заразит. — Так, значит, ты пришел в Бритунию искать счастья? Хочешь разбогатеть?

Конан пробормотал что-то в знак согласия.

— Мудрое решение. В городе жить намного удобнее, чем в лесу, ясное дело. Знай, что этот захудалый Шихар и городом-то назвать трудно, так, считай, пустое место. Но большие бритунийские города — вот это да! Ты и представить себе не можешь, какие возможности они таят, какая там роскошная жизнь, какое великолепие, какой блеск! Я тебе все подробно опишу при случае, но имей в виду, эти горожане — народ ушлый, обведут вокруг пальца, не успеешь и глазом моргнуть, поэтому единственный для тебя выход — обзавестись надежным другом, который помог бы тебе на первых порах, пока ты сам не разберешься, что к чему.

Последняя фраза гандера, судя по всему, дикаря заинтересовала.

— Ты хочешь мне помочь?

Регнард после короткого колебания кивнул:

— Что ж, пожалуй, я тебе действительно помогу. Но только если сам с этого буду что-нибудь иметь. Понимаешь, в городах никто ничего не делает даром.

— Что ты хочешь?

Регнард на минуту призадумался, поглаживая рыжеватые усы.

— Видишь ли, приятель, какое дело... Мне этот Шихар осточертел хуже горькой редьки, и я собираюсь в ближайшее время отправиться в более обжитые и приятные места. Сдается мне, что и тебе бы стоило это сделать. Во всяком случае, в большом городе ты смог бы выгоднее продать то, что у тебя есть. — Гандер не был вполне уверен, что дикарь его понимает, но уже не мог остановиться. — Так вот, если продать здесь ну хотя бы твою медвежью шкуру, тогда мы могли бы купить себе теплую шерстяную одежду и у нас осталось бы достаточно денег, чтобы добраться до какого-нибудь большого города. А уж там мы бы развернулись. Ты мог бы получить кучу денег за свой золотой пояс, а я...

— Какой город?

— Какой город? — повторил гандер. — Какой город... А давай махнем в Саргоссу — отсюда до нее всего две недели ходу. Если уж мы выбираем из больших городов, почему бы не выбрать самый большой? Саргосса — столица всей Бритунии, — объяснил он дикарю.

— Саргосса — хорошо, — сразу согласился тот, встал и, сняв с себя шкуру, положил ее на стол.

Могучий торс и перекатывающиеся бугры мускулов вызвали откровенное восхищение служанок. Они подошли поближе, словно для того, чтобы потрогать густой медвежий мех, но взгляды, которые они бросали на богатыря-незнакомца, говорили сами за себя. Однако их откровенные авансы не поколебали его бесстрастности, он был все так же холоден и безразличен. И опять это ничуть не удивило бывшего гандера: ему ли не знать, что у суеверных

дикарей всяческих запретов и табу больше, чем даже у стигийских жрецов. Безыскусные дети гор и лесов и понятия-то не имеют, как развлекаются в приличном обществе! Но при этом надменны и заносчивы, как аристократы. Особенно опасно оскорблять их чувства: в два счета проломают голову. Ему-то, разумеется, такое не грозит, он умеет обращаться с варварами.

Довольный собой, Регнард взял со стола шкуру и, оставив своего подопечного в мрачном раздумье над кружкой эля, отправился продавать мех. Когда гандер вернулся, кошель на его поясе был туго набит. Не вдаваясь в детали, он объявил, что теперь у них достаточно денег для путешествия в Саргоссу, и, если они хотят выйти завтра утром, надо срочно заняться покупкой одежды и продовольствия.

В Бритунии стояла осень, самая благодатная пора года. На полях копошились селяне, собирая богатый, как никогда, урожай, сладковатые дымки тянулись к небу, это жгли ботву и солому. Амбары и погреба ломились от запасов, и люди были веселы. Гражданская война закончилась быстро, не успев нанести особого ущерба, новая королева взошла на престол совсем недавно, и бритунийцы еще не успели ощутить ее твердой руки. Всюду царила умиротворенность и спокойствие.

На ночь Регнард и Конан останавливались обычно в придорожных трактирах. Общительный гандер не упускал случая повеселиться в компании таких же, как он, путников, а его угрюмый приятель, как правило, сразу же после обильной трапезы (сытной и дешевой еды всегда было вдоволь) отправлялся спать на сеновал. Иногда после таких дружеских попок Регнард мог едва переставлять утром ноги,

тогда Конан нес и свою и его поклажу. К счастью, он оказался вынослив и неприхотлив, а его сила не раз выручала гандера, когда он вязывался в пьяные драки. А когда на них как-то напали, бандитам пришлось горько об этом пожалеть.

В целом же их путешествие проходило весьма приятно. Погода стояла великолепная, люди были приветливы и доброжелательны. Регнард постоянно находился в веселом, приподнятом настроении, но ничто не могло вывести гиганта-дикаря из его тягостных размышлений. Одним богам было известно, что за горести томили его дикарскую душу, — Регнарда это не слишком интересовало.

Глава четырнадцатая

МАЛЕНЬКАЯ УЗУРПАТОРША

Принц Клевин направлялся к королеве со своим обязательным утренним визитом. Его продвижение по бесконечной анфиладе комнат дворца было затруднено не его преклонным возрастом и не старческой немощью, а тем, что он ежеминутно оставался для того, чтобы обменяться любезностями с каждым, кто встречался ему на пути. Он давно уже осознал великую истину: хочешь выжить — будь учтив и обходителен даже с последним лакеем.

Положение принца при дворе никак нельзя было назвать прочным. Да и каким оно еще могло быть у лишнего наследника аристократа, в жилах которого текла королевская кровь и который когда-то в незапамятные времена претендовал на престол? Однако сейчас ему благоволила сама королева Тамсин, — и все, от придворных до слуг, стремились проявить к нему внимание. Вот почему таким долгим

был путь принца от своей спальни до покоев королевы: вельможи, советники, верховные офицеры, простые стражники, жрецы, дипломатические посланники, эмиссары, слуги, рабы — все стремились перекинуться с принцем Клевином хотя бы словечком, что вполне соответствовало его собственным интересам. Ему скорее даже нравилось лавировать в полных опасностей дворцовых подводных течениях, он привык к этому с рождения и в гуще придворных интриг чувствовал себя в своей родной стихии, как рыба в воде. Второй раз в жизни принц оказался в центре событий, у подножия вершин власти, в своей любимой Саргоссе, городе, где он когда-то родился, — и он был счастлив.

Когда принц достиг наконец покоев королевы, слуга попросил его немного обождать и скрылся за золоченой дверью. Через несколько мгновений он появился вновь (на лице его было какое-то странное выражение, казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не впасть в истерику) и жестом пригласил принца войти.

Клевин переступил порог и очутился в спальне королевы Тамсин. Лучи яркого утреннего солнца врываются в окно с откинутыми в сторону шелковыми занавесями, освещая высокое ложе из черного дерева под кружевным пологом. У дальней из стен, обитых темно-синей тканью, в почтительном молчании замерли несколько приближенных королевы. Рядом с ними и у дверей стояли слуги-евнухи. Был здесь и главный камергер Басифер, не сводящий с королевы преданного взгляда. Сама же Тамсин в изысканной ночной сорочке продолжала сладко спать — принц сразу это понял по ее позе и закрытым глазам. Однако тогда было непонятно, чей же голос раздается с постели. Можно было даже подумать, что это говорит кукла, сидящая на подушке рядом с Тамсин.

— Приветствую тебя, принц Клевин, и добро пожаловать, — послышался неживой трескучий голос. — Тебя-то как раз и не хватает среди первых смертных, удостоившихся услышать, как я сама отдаю приказы, не пользуясь устами моей верховной жрицы.

— Премного благодарен, достопочтенная госпожа моя, Божественная Нинга, — внезапно охрипшим голосом произнес принц и замер в наипочтительнейшем поклоне, чтобы иметь время скрыть свое смятение. Он совершенно спокойно относился к тому, что Тамсин, как ему представлялось, иногда делала вид, словно разговаривает со своей куклой, и считал себя очень ловким, притворяясь, будто верит ее штучкам. Но теперь он просто не знал, что и думать. Может, Тамсин находится в трансе и говорит не своим голосом? Впервые в жизни опытный царедворец растерялся и не знал, что сказать. — Искренне благодарю тебя, Божественная Нинга, за твои добрые слова, — выдавил он из себя.

— Ты, принц, — продолжила кукла королевы, — волею судеб предназначен выполнять мои веления здесь, во дворце, а главный камергер будет делать то же самое в городе и стране.

Басифер отвесил глубокий поклон, не проявляя ни малейшего удивления.

— Буду счастлив исполнить любое ваше приказание, ваше священство!

Евнух был фанатически предан Тамсин и ее кукле-богине. Возможно, это явилось результатом какого-то частного соглашения между ними, которое было выше понимания Клевина. Во всяком случае, никакие романтические чувства здесь не могли быть замешаны, учитывая физическую неполноценность Басифера. И вообще, принц уже успел обратить

внимание, что юная королева лучше всего чувствовала себя в обществе якобы мужчин — либо подобных евнухов, либо таких старых, как он.

— Внимать тебе — блаженство, о богиня, — обрел наконец Клевин дар речи, — но я льщу себя надеждой, что мы не лишимся также и общества королевы. За последнее время я успел привыкнуть к ее сладостному присутствию.

— Не беспокойся, принц. Моя прислужница, чьим голосом я говорила с вами до сих пор, скоро проснется. Она легко утомляется, нелегко в ее юном возрасте занимать то высокое положение, на которое я ее возвела. — Покровительственный тон тряпичной куклы с тыквенной головой показался Клевино просто абсурдным. — Вот почему, — продолжила Нинга, — мне и пришлось, так сказать, возвысить свой собственный голос, дабы навести порядок в государственных делах.

— Я понимаю, достопочтенная богиня, — поддакнул принц как можно любезнее, — государственные дела требуют каждодневного контроля, приходится решать столько проблем...

— Нет, ты меня не понял, — не дала договорить ему кукла. — Речь идет не о каждодневной рутине, а о кардинальном изменении и государственной системы, и религиозной.

— Я... э-э... — Принц опять не мог найти слов. — Я хочу сказать... сейчас, когда еще не утихли страсти после восстания...

— Восстания необходимы, и более того — полезны, — с апломбом продребезжала Нинга. — Хорошо организованный хаос производит очищающее и освежающее действие. Важно только проследить, чтобы потом все снова не вернулось к тому же, а именно это и происходит сейчас в Бритунии.

— Милостивая госпожа, — попытался вставить слово принц, — Божественная Нинга, Бритуния очистилась от скверных, когда вы с Тамсин уничтожили Амалиаса и свергли Тифаса. Ныне наше государство здорово, как никогда...

— Нет, Клевин, — опять перебила его кукла, — вслед за кратким периодом очищения болезнь вновь взяла свое. — В ее трескучем голосе звучала суровая убежденность. — Если посмотреть на страну, можно подумать, что вообще никакой революции не было, что по-прежнему правит этот гнусный, продажный Тифас, а заправляет всем бездарный Амалиас. Что же случилось с нашей священной миссией? Какой толк от не имеющего себе равных единства королевской и церковной власти? — Кукла безо всякого видимого содействия со стороны Тамсин, которая продолжала невинно спать, махнула тряпичной рукой в сторону окна, где с высоты открывался вид на город. — Посмотри туда! Ты увидишь, что торговцы обманывают так же, как и раньше, жрецы несут вздор, только несколькими другими словами, простолюдины работают до полного изнеможения и пресмыкаются перед вышестоящими. Что изменилось? Их жизни все те же, цели не стали выше, религиозное сознание не проснулось. Объясни мне, принц, зачем им вообще понадобилось менять хозяев?

— Почтеннейшая Нинга, подданные страны стали гораздо счастливее, они испытывают удовлетворение, находясь под твоим божественным покровительством...

— Вот именно, Клевин, испытывают удовлетворение! — проверещала Нинга. — Они самодовольны, тупы и ограничены! Где, спрашиваю я тебя, священный экстаз? Где священный ужас? Где усердное служение единственно истинной богине? Ничего этого нет и в помине! Но через вас, мои помощники,

я наведу в стране достойный порядок. Отныне подданные Бритунии будут караться за не соответствующие моим предписаниям мысли и поступки. Наказание — смерть. Кроме того, пожалуй, стоит наложить на них дополнительную повинность.

Принц Клевин ожидал продолжения, лоб его блестел от пота.

— Какую дополнительную повинность, о Божественная?

— Как какую? Разумеется, человеческие жертвоприношения! Насколько я понимаю, это чрезвычайно эффективное средство для возбуждения религиозного рвения. Ежемесячно каждый пятисотый в Саргоссе и прочих городах Бритунии будет приноситься в жертву. Избирать того, кто будет удостоен такой чести, можно по жребию. На главных площадях городов начнем возводить священные пирамиды из черепов. А подземелья под храмами послужат для успокоения тел избранных. Вместо голов им будут прилаживать раскрашенные тыквы — в мою честь. Ну, как вам нравится моя идея?

После нескольких мгновений напряженной тишины Клевин произнес сдавленным голосом:

— У меня нет слов.

— Благодарю, принц, — ответила кукла.

— Воля богини — закон для нас, — произнес Басифер твердым голосом, в котором не было и тени сомнения.

— Э-э, да, священный долг, святая обязанность, — еле слышно донеслось из группы придворных, ожидающих пробуждения Тамсин. Все они были бледны как смерть.

Королева пошевелилась, открыла глаза и зевнула. Нинга сразу замолчала и от движения Тамсин, как обычная кукла, опрокинулась назад. Королева зевнула еще раз и огляделась:

— О, мои друзья уже здесь! Доброе утро! Полагаю, вы не скучали, Нинга развлекала вас разговором, пока я спала. Она такая прелесть!

Тамсин притянула к себе куклу и с чувством поцеловала в голову. Потом с деловым видом поправила на ней платье и пригладила волосы.

— Божественная Нинга, — откашлявшись, начал принц, — поведала нам о своих планах, кхм-кхм, о некоторых, я бы сказал, новых формах отправления религиозных обрядов...

— Замечательно! — воскликнула королева. — Не сомневаюсь, она может на вас положиться, вы сделаете все, что она хочет.

— Иначе и быть не может, — проговорил главный камергер, преклоняя колено. — Я немедленно отправлюсь в храм и сообщу о распоряжении богини — и вашем, моя королева — жрецам. Они безотлагательно приступят к осуществлению всех ее повелений. А в другие города мы разошлем гонцов.

— Вот и славно. — Тамсин отвернулась от Басифера, который, пятась и кланяясь, начал отходить к двери. — Но вы, мой дорогой принц, вы останетесь со мной, ведь правда? — Она протянула ему руку, и Клевин поцеловал ее сухими старческими губами. — Составьте мне компанию, пока я завтракаю и одеваюсь.

Она махнула рукой — и тотчас же приблизились слуги, держа в руках подносы, уставленные чайниками, чашками, блюдами со свежайшими булочками и разнообразными вареньями, однако королева съела очень мало и почти сразу отослала их прочь, призвав на их место служанок, которые должны были одевать и причесывать их с Нингой. Все это время принц поддерживал легкую приятную беседу. Затем Тамсин повела его к своему столу, где были разложены ее самые любимые амулеты и талисманы,

и стала показывать их ему один за другим, поворачивая каждый в лучах яркого утреннего солнца, лившихся из раскрытого окна.

Глава пятнадцатая

МЕСТЬ

В одно ясное осеннее утро, когда в воздухе уже чувствовалось дыхание первых заморозков, Регнард и Конан приблизились к легендарной Саргоссе. Накануне гандер допоздна играл в кости и пил с торговцами и контрабандистами в грязном постоялом дворе — последнем их пристанище на пути в столицу Бритунии. Однако сегодня он был бодр, как никогда.

— погоди, — обратился он к своему утрюмому спутнику. — Возьми-ка и мой мешок тоже. Я думаю, будет лучше, если мы сделаем вид, что ты мой слуга-варвар. — Он привязал свою нетяжелую поклажу к мешку Конана, который, как всегда, нес большую часть их имущества. — Стражникам у ворот это покажется более естественным. Помни, мы сейчас войдем в богатейший из городов, где царят свои законы жизни. Многое покажется тебе странным, но ты не бойся и никуда не отходи от меня. Верь мне, все будет хорошо.

Избитая, разьеженная дорога сменилась булыжной, и вскоре перед ними выросла высокая городская стена. Через равные интервалы на ней располагались внушительных размеров башни, позолоченные зубцы которых сияли в лучах восходящего солнца. Ворота, представшие перед путниками, поражали великолепием. К счастью, они нисколько не пострадали от недавних волнений. Разноцветная мозаика, украшающая арку ворот, составляла замысловатый узор,

а на самом верху был изображен стоящий на задних лапах грозный Грифон — символ власти бритунийских королей.

В карауле у поднятой решетки ворот стояли стражники, надзирающие за порядком. Целая вереница пестро одетых путников, всадников, торговцев на повозках, купцов из дальних стран, паломников и просто жителей из окрестных деревень выстроилась перед входом в город. Регнард не встал в медленно продвигающуюся очередь, а отвел Конана в сторону.

— Знаешь, здесь такая строгая охрана, — сказал он. — Боюсь, они не разрешат тебе войти, если будут думать, что ты станешь самостоятельно бродить по городу — уж очень у тебя дикий вид, приятель, они могут счесть тебя опасным. Но ты не беспокойся, я уже все продумал. Вот, смотри. — И он достал из небольшого мешочка короткую, но крепкую бронзовую цепь, оба конца которой кончались толстыми раскрытыми браслетами. — Ты временно наденешь эту штуку на руки, и стражники нас спокойно пропустят: они подумают, что ты мой раб, а я твой хозяин и, значит, за тебя отвечаю. Вот и все, что надо сделать, зато ты сможешь увидеть чудеса Саргоссы собственными глазами.

Конан покорно позволил отвести себя к кузнецу, расположившемуся неподалеку от ворот — он подковывал лошадей деревенских жителей, чтобы бедные животные не сбили себе копыта на непривычной каменной мостовой. Так же безропотно он позволил заковать себя в ручные кандалы.

— Нет-нет, руки должны быть сзади, здесь так принято, мой друг, — суетился вокруг него гандер. — А насчет поклажи не беспокойся, мы повесим тебе ее на шею. Вот видишь, как хорошо! А я понесу за тебя оружие.

Так они и прошли ворота. Регнард пыжился, изображая из себя хозяина, он толкал Конана в спину и то и дело приказывал пошевеливаться. Когда же они отошли от городской стены на некоторое расстояние, гандер заявил, что, пожалуй, разумнее будет продолжить маскарад еще на какое-то время.

— Ты только посмотри, ну не изумительное ли это зрелище! — то и дело восклицал он, ведя Конана по узкой грязной улочке. — Громадные дома — ты таких никогда не видел! А люди! Ты небось и представить себе не мог в своих горах, что бывает столько людей сразу. А как они пышно одеты! Нет, парень, тебе действительно здорово повезло, что ты попал в Саргоссу. Это я тебя сюда привел, помни мою доброту. А вот здесь мы свернем вправо: рынок должен быть вон в той стороне.

Они продвигались по лабиринту извилистых улочек. Кого здесь только не было: торговцы, попрошайки-нищие, размалеванные проститутки, бритые жрецы, ремесленники, стражники, какие-то подозрительные личности с воровато бегающими глазами, слуги и служанки... Наконец они добрались до площади, где раскинулся шумный базар. Если на улицах было много народу, то тут оказалось просто не протолкнуться.

— Ну, Конан, вот мы и пришли... Если хочешь что-нибудь продать, надо продавать именно здесь. Чего ради мы должны позволять наживаться перекупщикам? Мы сами продадим и сами получим все деньги. Иди за мной, не отставай. — И гандер стал пробираться сквозь толпу.

Через головы людей Конан видел, что в центре площади происходит аукцион. Вот на каменный помост поднялась стройная молодая женщина, кожа ее была бронзового цвета. Курчавый коринфиец в феске сдернул с нее накидку, под которой практи-

чески ничего не было, и стал расхваливать обнаженную красавицу восторженной толпе покупателей. Тут же ожидал своей очереди абсолютно черный кушит, чьи цепи были намного толще, чем цепи Конана. Рядом с ним стоял гиперборей с очень светлыми, почти пепельными волосами, его руки стягивала веревка, привязанная к деревянной колодке на шее. За всеми ними присматривали два здоровенных стражника с тяжелыми кнутами, на головах у них тоже красовались фески того же оранжевого цвета, что и у аукциониста.

— Обольстительная красавица, грациозная и гибкая, — продолжал разливать соловьем коринфиец. — Прелестнейшая из дочерей солнечной Заморы, изумительная танцовщица, божественно играет на флейте. Она из Шадизара, друзья мои, где даже ночью воздух тепл и нежен, где зреют громадные дыни, а медовые финики тают на языке...

— Регнард, неужели ты действительно считаешь меня таким дураком? — устало произнес Конан. — Любому ясно, что это не базар, где торгуют драгоценностями, а невольничий рынок.

— Ради всех богов, друг мой, не волнуйся, — затараторил гандер. — Я ведь тебе уже говорил, со временем ты во всем разберешься. Вот послушай, сейчас я выставлю тебя на продажу вместе с твоим замечательным поясом. Все, конечно, сразу захотят тебя купить. Я получу денежки и спрячу их для нас с тобой. А потом, может, даже сегодня же ночью, проберусь туда, где ты будешь спать, и освобожу тебя. И мы оба будем богаты и... Конан, стой, ты что делаешь?!

Не веря своим глазам, Регнард смотрел, как его приятель-дикарь усилием одних только рук освобождается от кандалов, надетых на него по всем правилам сегодня утром. Разогнув толстые медные

браслеты, он поймал за плечо очнувшегося от столбняка гандера, который попытался спастись бегством.

— А вот теперь мы посмотрим, как тебе подойдут твои собственные наручники и сколько времени понадобится тебе, чтобы освободиться от них, — приговаривал Конан, оборачивая бронзовую цепь дважды вокруг шеи своего недавнего спутника и зажимая медные кольца у него на затылке.

Цепь была настолько коротка, что гандер сразу начал задыхаться и ловить ртом воздух. Кричать он не мог. В нарастающей панике он тщетно дергал за цепь, но все было напрасно. Стоящие рядом наконец заметили: происходит неладное, но не сразу разобрались, что именно.

— Он корчится? Его пырнули ножом?

— Нет, это раб взбунтовался!

— Да помогите же ему кто-нибудь! Он же задохнется!

— Ты что, ослеп? Не видишь, что это не бритунец? Задохнется иноземец-купец, значит, туда ему и дорога. Ловите лучше этого негодяя-раба, пока другие тоже не взбунтовались!

В возникшей сутолоке Конан схватил свое оружие и попробовал пробить себе дорогу на волю. Он размахивал каменным топором как безумный, и все в ужасе отшатывались от него. Два стражника, надзиравшие за торгами, выдвинулись вперед, желая схватить Конана, но не успели они взмахнуть своими кнутами, как один из них получил несильный удар копьём в живот, плюхнулся на мостовую, согнувшись в три погибели, и завыл от боли. Другому досталось топором по голове, он рухнул как подкошенный, лицо его было залито кровью.

— Берегитесь, дикарь взбесился!

— Он вооружен! Городскую стражу сюда!

Вокруг Конан образовалось пустое пространство, но положение его по-прежнему оставалось тяжелым, слишком уж много вокруг него было людей, и все они не сводили с него глаз. Тогда в отчаянии он ринулся на помост, где стояли рабы, предназначенные для продажи. Ударом каменного топора он перерубил веревку, которой были связаны руки молодого гиперборея, юноша, издав восторженный вопль, принялся вытаскивать шипы, скрепляющие деревянную колодку, и через несколько мгновений сбросил ее с шеи. В это время Конан уже рассекал другую веревку, ею были прикручены друг к другу два каторжника, попутно он ткнул копьём тюремного сторожа, который находился при них. Чернокожий кушит не стал дожидаться помощи Конана. Он накинуд цепь от своих кандалов на горло аукциониста и дернул с такой силой, что тот повалился без чувств. Не теряя времени попусту, кушит сорвал с его пояса связку ключей и, ринувшись в толпу, растворился в ней. Даже танцовщица из Заморы не растерялась, а, спрятав под накидкой чей-то оброненный кинжал, прыгнула с помоста и тоже куда-то исчезла.

Воспользовавшись суматохой, беготней и неразберихой, когда все только кричали и никто не знал, что делать, Конан сумел пробиться сквозь толчею к ближайшей улочке. Поняв, что никто его не преследует, Конан пошел спокойно, направляясь в сторону дворца. После месяцев, проведенных в лесах, шумный зловонный город показался ему отвратительным. Почти сразу он сообразил, что не стоит и пытаться выдать себя за обычного гостя столицы, уж слишком он бросается в глаза, даже в такой разношерстной толпе. Посему Конан избрал другой способ добраться до цели: он побежал, и побежал быстро, словно преследуя дичь на охоте. Разумеется, на него обращали еще больше внимания, чем раньше

(да и как не обратить внимание на великана с черной гривой волос, в руках у которого каменный топор и дротик с каменным наконечником?). Зато теперь Конан сильно выигрывал в скорости, а это было главное: успеть добраться до дворца, пока туда не дошли вести о бунте рабов на базарной площади.

Постепенно грязные лабиринты извилистых улочек в многолюдных кварталах бедноты сменились широкими тенистыми улицами, по обе стороны которых за крепкими оградами возвышались особняки знати. Людей здесь было несравненно меньше, и они успевали посторониться при виде могучего варвара с грубым оружием в руках, который с невероятной быстротой несся неизвестно куда. Однако здесь возникла дополнительная опасность. Прежде всего Конана мог сбить с ног и затоптать лошадьми первый встречный отряд всадников, а кроме того, любому стражнику с луком могла прийти в голову светлая мысль — пустить в него стрелу, находясь в безопасности на крыше какого-либо храма.

И Конан опять сменил тактику: высмотрев легкую коляску, которой управлял богато одетый аристократ, киммериец вскочил в нее на ходу и скинул незадачливого франта, перехватив поводья. Он подхлестнул быстроногих вороных коней, и те понеслись вскачь. Конана оцепеняла эта стремительная езда, с каждой секундой она приближала его к цели. Наконец коляска вылетела на большую безлюдную площадь перед храмом, впереди уже виднелись ворота королевского дворца. К счастью, они оказались открыты. Часовые, попытавшиеся было преградить Конану путь, шарахнулись в обе стороны, едва избежав тяжелых копыт его скакунов, которые в мгновение ока пронеслись через внутренний двор. Все так же погоняя их, Конан попытался въехать вверх по широким пологим ступеням прямо к главному

входу во дворец, однако хрупкая коляска разлетелась уже от первого удара. По-прежнему не выпуская из рук своего оружия, Конан вовремя соскочил с нее и, прыгая через три ступеньки, бросился к высоким дубовым дверям, одна створка которых была отворена.

— Стой, варвар! Под страхом смерти запрещаю тебе приближаться!

Два стражника с секирами наперевес преградили ему вход во дворец. Конан будто их не слышал и не видел.

— Стой, тебе сказано! Ты что, глухой? Или языка не понимаешь? Ну ничего, моя секира тебе сейчас все разъяснит!

Не добежав нескольких шагов до стражника, Конан остановился как вкопанный, переложил свое оружие в одну руку, а другой достал из-за пояса мешочек, из которого извлек маленький блестящий предмет.

— Может, теперь вы поймете, кто я? — проговорил он по-бритунийски с сильным акцентом. — Эту штуку дал мне некто по имени Долфас на восточной границе.

Повинуясь приказу, младший из стражников приблизился к Конану, принял из его рук массивное золотое кольцо и передал его старшему. Тот поднес кольцо к глазам, затем подозрительно посмотрел на Конана.

— Кольцо настоящее, спору нет, и печатка на месте, но неужели ты думаешь, я поверю, что ты один из разведчиков Долфаса? Это же не лезет ни в какие ворота!

— У меня срочное послание от Долфаса вашей королеве, предназначенное только для ее ушей. Мне необходимо немедленно передать его, — внушительно произнес Конан.

— Ну и ну! Быстрый какой нашелся! — Продолжая не сводить с Конана недоверчивого взгляда, офицер досадливо махнул стражникам, прибежавшим от ворот, чтобы шли на место. — Подождешь здесь, в этом деле надо разобраться. Лорд Басифер уже вернулся? — спросил он молодого стражника.

— Да, капитан. Несколько минут назад он прошел из храма во дворец.

— Хорошо, тогда сделаем так. Ты, варвар, садись сюда и жди. — Он указал Конану на скамью у входа. — Да и положи ты наконец свое дурацкое оружие! И веди себя прилично. Здесь тебе не лесные дебри, а как-никак дворец. Ворвался тут, будто к себе домой! — И раздражительный офицер, продолжая бурчать что-то себе под нос, удалился с золотым кольцом в руках.

Под бдительным взглядом молодого стражника Конан прислонил к стене копьё и топор. Садиться он не стал, несмотря на приказ вышедшего вскоре на замену капитану офицера, а продолжал топтаться рядом со своим оружием. Он прикинул, не попробовать ли прорваться во дворец силой, но отказался от этой мысли, когда увидел, что в обширном вестибюле находится по меньшей мере два десятка вооруженных воинов дворцовой стражи. Наступил момент, когда, как и во всякой охоте, следует терпеть и ждать, являя не силу, а хитрость. Сначала надо приблизиться к логову зверя, а уж потом начинать махать топором. Эту истину Конан уже успел хорошо усвоить.

Неожиданно от ворот донесся шум. По-видимому, туда прибыл кто-то, чтобы сообщить о том, что произошло на невольничьем рынке, и о разбежавшихся рабах. Конан сел на холодную каменную скамью, копьё и топор находились от него на расстоянии вытянутой руки. Он молча ждал. Немного по-

годя он увидел, что в ворота пропустили всадника. Стражники у дверей следили за его приближением, перестав обращать внимание на Конана. Внезапно из дворца торопливо выбежал капитан.

— Быстро иди за мной. Главный камергер желает немедленно поговорить с принесшим кольцо Долфаса.

— Капитан, кажется, в городе что-то случилось. Сюда скачет гонец... — сообщил один из солдат.

— Придется ему подождать, — перебил его капитан, — ибо у этого варвара дело государственной важности. Я скоро вернусь, а пока никому ни слова о нем.

Кожаные сандалии Конана были почти не слышны на полированных каменных плитах. Стражники с напряженными лицами, спешащие куда-то слуги, разодетые вельможи — Конану казалось, будто он видит дурной сон, а когда проснется, вновь очутится в лесу, на приволье. Но нет, это был не сон. Капитан распахнул золоченые двери и прямо-таки втокнул Конана в богато убранную комнату. Там их ждал, нетерпеливо прохаживаясь взад-вперед, полный безбородый человек в платье восточного евнуха и феске. Он резко остановился, когда на пороге показался Конан со своим провожатым.

— Лорд Басифер, вот тот, кто принес кольцо...

— Да-да, я вижу, — прервал его евнух и, не дожидаясь, пока Конан приблизится, набросился на него с вопросами: — Что с Долфасом? Говори, почему он не вернулся сам? А ты? Оказывается, ты ничего не принес! Как это понимать? Разве Долфас не выполнил приказания королевы?

— Не выполнил и не выполнит! — прорычал Конан и ринулся на Басифера. — А ты с королевой больше не будешь их отдавать!

Капитан попытался помешать Конану, но тот легко увернулся от острой секиры и, в свою очередь, со всего размаху ударил его кремневым топором по стальному шлему. От шлема полетели искры, капитан выронил секиру и рухнул, хватаясь за голову, по его лбу текла кровь.

— Как ты посмел, варвар? Стража, хватайте убийцу!

Вместо того чтобы молить о пощаде или попробовать убежать, главный камергер Басифер, не в силах сдерживать свой гнев, шагнул навстречу Конану — копьё вонзилось ему прямо в середину груди. Надо отдать ему должное: после первого невольного вскрика Басифер не издал больше ни звука. Он упал на колени, потом повалился на бок. Несмотря на свое облачение, Басифер не пресмыкался и не визжал, как евнух, — он умер как подобает мужчине.

В дальнем конце комнаты находилась еще одна золоченая дверь, которую охраняли два стражника. Когда главный камергер позвал их, они устремились к нему, но опоздали. Теперь же они оказались в двух шагах от Конана, и он уже не успевал выдернуть свое копьё из груди Басифера. Киммерийцу ничего не оставалось, как броситься напролом. Он уклонился от одного меча и скрестил топор со вторым: стальное лезвие отломилось у самой рукоятки. Воспользовавшись замешательством стражника, Конан сумел ранить его в ногу. В этот момент первый стражник сделал молниеносный выпад, но поспешил, и его меч скользнул по золотому поясу Конана, не причинив варвару никакого вреда. Следующий удар был за Конаном, и киммериец, как всегда, не промахнулся.

Оставив после себя четыре трупа, Конан в один миг очутился в дальнем конце комнаты и ногой распахнул золоченую дверь. Его встретил аромат бла-

говоний и неяркий свет масляных ламп. Окна были занавешены бархатными портьерами. Вдоль стен стояли придворные, а в центре пожилой вельможа в элегантных одеждах разговаривал с бледной молодой женщиной с уродливой тряпичной куклой в руках.

— Так вот ты где, бритунийская королева! — свирепо вскричал Конан. — Королева, которая правит страной с помощью слепых стихий! Королева, которая сделала свою куклу богиней и уничтожает целые племена ради бесполезных побрякушек!

— Тебя не касается, чем занимаемся мы с Нингой, — возразила ему Тамсин. — Кроме того, ты зря тратишь время на угрозы. Оружие смертных против нас бессильно. Сталь плавится при нашем прикосновении. — Она указала рукой на открытый шкаф с амулетами и талисманами. — То, что ты называешь побрякушками, сильнее любого оружия.

— Ах ты гадина! — окончательно разъярился Конан при виде драгоценностей. — Неужели ты думаешь, я испугаюсь какого-то поганого колдовства! — И, подняв над головой топор, он кинулся вперед.

В этот момент несколько событий произошли практически одновременно. Услышав крики, из коридора в комнату ворвались стражники. Слуги, повинуясь жесту принца Клевина, погасили лампы. А Конан уже в темноте опустил свой топор туда, где стояла королева Тамсин.

Шум, топот, глухие удары, проклятья и крики внезапно смолкли. На полу посередине комнаты возникло странное, неестественное голубое сияние. Оно исходило от осколков разбитой вдребезги высохшей тыквы. Безжизненный мерцающий отблеск упал на испуганные, потрясенные лица. Неожиданно в полной тишине раздался жалобный детский плач.

— Помогите, ну помогите же мне кто-нибудь. — На том месте, где еще только что стояла гордая королева Тамсин, оказалась маленькая светловолосая девочка. — Плохие люди, они ударили папочку! Они убили его! — душераздирающим голосом причитала девочка, заходясь от рыданий. В одной руке она держала тряпичную куклу. Несколько осколков тыквы — бывшая кукольная голова — светились тем самым жутким голубоватым светом. — Они приехали на лошадях и сожгли наш дом... Мама!.. О, моя мама! — Девочка бросила куклу на пол и, захлебываясь от слез, закрыла лицо руками.

В комнате никто не двигался, все словно окаменело. Голубое сияние постепенно угасало, но детский плач не утихал. Казалось, девочка никогда не перестанет плакать. Первым опомнился принц Клевин и приказал зажечь лампы. При их свете присутствующие обнаружили, что варвар-гигант бесследно исчез. Либо он незаметно ускользнул в темноте, либо Нинга уничтожила его своим последним колдовством. Два стражника, которые ворвались из коридора в комнату, лежали на полу, один без чувств, а второй пытался сесть, но ему это не удавалось. Неизвестно куда делся каменный топор варвара, драгоценности из шкафа Тамсин и сама королева Тамсин. Осталось лишь безутешное всхлипывающее дитя со светлыми волосами и зелеными глазами. Когда зажегся свет, девочка подняла голову и потрясенно уставилась на незнакомые взрослые лица.

Принц Клевин обрел присутствие духа, встал на колени и обнял заплаканного ребенка. Его доброе лицо кривилось от искренней жалости.

— Ну, ну, маленькая, перестань плакать. Все будет хорошо. Я с тобой. Я защищу тебя. Не плачь, моя голубка.

Эпилог

ВСТРЕЧА В НОЧИ

— Эй ты, варвар, как тебя там, пошел вон! Я закрываю таверну, никакого больше эля тебе не будет, ты и так уже последний остался, выметайся! А ну, давай пошевеливайся, напился тут почти до потери сознания, того и гляди, придется тебя отсюда волоком вытаскивать, а кто ж тебя, такого здорового, вытащит? Все, все, хватит, проваливай!

Конану пришло в голову, что хозяин таверны не слишком с ним любезен и, может быть, стоит указать ему на это, но потом решил: пропади все пропадом, какой смысл оскорбляться? Будешь ли ты молча проклинать свою участь или возьмешь в руки оружие и сразишься со злом, которое завладело миром, конец все равно один и тот же. Если смертный попытается воспротивиться тому, что ему на роду написано, боги так или иначе одержат верх, сначала обманут, помянут несбыточной мечтой, а потом сбросят с небес прямо в грязь.

Хмельной эль несет с собой хоть какую-то легкость, смягчает душу, притупляет боль. Воспоминания, летучие образы, проносящиеся в мозгу, постепенно становятся не такими яркими, не такими живыми. Кажется, что они из далекого прошлого, из другого века, из другого мира: едва колышущиеся под утренним ветерком ветки пихт и елей; луч солнца, упавший на спокойную гладь голубого озера; тихие голоса у вечернего костра...

— Ладно, северянин, не горюй. Давай налью тебе еще кувшин, только изволь забрать его с собой. Ты ведь в любом случае опять заявишься с самого утра. А теперь ступай, мочи моей больше нет смотреть на тебя!

Получив свой эль, Конан понуро потащился наверх по каменной лестнице к выходу. Вообще-то у него было где ночевать — соломенный тюфяк на каком-то грязном постоялом дворе, если только он сумеет его отыскать, а потом добудиться хозяина, чтобы тот впустил в этот поздний час.

На деньги, вырученные от продажи золотого пояса и драгоценностей, упавших в последнее время в цене, он снял себе комнату, купил меч с ножнами и пояс, но самое главное — они дали ему возможность пить беспробудно с утра до вечера, что он и делал вот уже который день, заливая свое горе. После того как Конан увидел невероятное превращение королевы Тамсин в маленькую девочку, он поспешил скрыться, продал пояс и побрякушки и изменил как мог свою внешность (купил новую, не привлекающую внимание одежду). Затем вернулся туда, где его арестовали несколько месяцев тому назад, на окраину города, куда стекались воры, бандиты и контрабандисты со всей Бритунии. Нельзя сказать, чтобы кто-то заметил его почти полугодовое отсутствие в притонах саргосских трущоб.

Как ни странно, никакого особенного шума по поводу необъяснимого исчезновения королевы не было, и убийцу не искали. Может быть, оттого, что и трупа-то никакого не было? Теперь бритунийцев призвали воздавать почести и поклоняться чародейной девочке Тамсин, пережившей второе рождение, земному воплощению их доблестной королевы и ее покровительницы Божественной Нинги. Было объявлено, что безгрешное дитя Тамсин будет управлять страной, следуя мудрым советам принца Клевина, и приведет их всех к более чистой и благостной жизни. В Саргоссе теперь почти ежедневно проходили празднества: ликующие горожане надевали яркие одежды, украшали себя венками и танцевали

на улицах, взявшись за руки и распевая детские песни в честь девочки-королевы. Кровавая резня недавней смуты странным образом переросла в простодушное бесхитростное веселье.

Ничто, однако, не могло вывести киммерийца из мрачного настроения. Всеобщая жизнерадостность еще сильнее отделяла его от других, заставляла чувствовать себя чужаком. О том, что же, собственно, произошло во дворце, каким образом он стал причиной перерождения безумной правительницы Бритунии в семи-восьмилетнего невинного ребенка, Конан по-прежнему не имел никакого представления. Варвар сделал то, что обязан был сделать, — отомстил. Остальное его не интересовало.

Конан толкнул тяжелую дубовую дверь и вышел на улицу. Хозяин таверны с облегчением задвинул за ним железный засов, радуясь, что избавился наконец от непонятно о чем тоскующего северянина. Снаружи было совсем темно. Лишь звезды, отражающиеся в многочисленных лужах, создавали какое-то подобие света. Промозглый сырой воздух пробирал до костей.

Внезапно сбоку раздался шорох, звякнуло металлом о металл, неясная фигура отделилась от стены и направилась вниз по грязной кривой улочке.

— Эй, постой! Я тебя вроде бы знаю! — Пьяный хмель мгновенно выветрился из головы Конана. Он устремился за удаляющимся человеком. Тот тоже ускорил шаги. Дорога под ногами была настолько отвратительна, что не только бежать, а даже быстро идти оказалось трудно. Невозможно угадать, сколько бы это еще продолжалось, если бы неизвестный не свернул нечаянно в тупик — небольшой двор, в котором стояли две или три повозки. Понимая, что дальше дороги нет, преследуемый остановился, повернулся лицом к киммерийцу и вытащил меч из ножен.

— Немедленно бросай оружие и сдавайся, именем Бритунии! — несколько запоздало решил проявить власть тот, кто оказался на поверку городским стражником.

— Ага, теперь я тебя точно узнал! — воскликнул Конан. — Как же было не запомнить твой противный скрипучий голос! Ты важная птица, командир одного из отрядов городских стражников, разве не так?

— Ну вот видишь! — приободрился стражник. — Все знают, с властями спорить не годится. Но, пожалуй, чужестранец, я отпущу тебя на этот раз, иди своей дорогой, пользуйся моей добротой...

— Да, да, я понял, — прервал его великан-варвар, — ты решил меня не арестовывать. Наверно, потому, что с тобой нет твоих цепных псов, которые всегда ходят в черном с наручниками наготове.

— Ночью по городу ходить не разрешается... — начал стражник.

— Но сегодня, — продолжал Конан, — ты один. А одному с крупной дичью не справиться. — Он выразительно коснулся рукоятки меча, продолжая загораживать собой выход из тупика. — Не припоминешь ли ты, как однажды со своей сворой встретил северянина, обобрал его, бросил в тюрьму, одурманил порошком лотоса и послал на «золотой» карьер?

— Но... но это невозможно! С карьера никто не возвращался...

— Есть лишь одно место, откуда никто не возвращается. Кром свидетель, один из нас отправится туда!

Киммериец выдернул меч из ножен, сделал шаг вперед — и звон стали нарушил ночную тишину Саргоссы.

ИЗГНАНИК

РОМАН

Пролог

Когда в восьмой день восьмого месяца восьмого цикла царствования на седьмом году величайшей засухи, поразившей город, король Сарка Анаксимандр проснулся, перед его глазами возникло видение.

Король словно вынырнул из мрака тяжелого забвения без снов. По ярким лучам, пробивавшимся сквозь резные узоры ставней его спальни, он понял, что проснулся позже обычного часа. Анаксимандр почувствовал себя отдохнувшим и бодрым; свою роль в этом, несомненно, сыграли и большие опахала, непрерывно покачивающиеся в изголовье и охлаждающие монаршее тело легким ветерком.

Две рабыни — красивые светлокожие, обнаженные по пояс девушки из Заморы — покачивали опахалами в полнейшем молчании. Малейший шорох или легкий шепот — что бы ни побеспокоило монарха во время отдыха или бессонной ночи, пошевелило бы хоть один из завитков одного-единственного волоса его длинной курчавой бороды — означал бы мучительную смерть под пыткой виновной рабыни, а скорее всего, и ее напарницы. Король Анаксимандр считал, что только таким способом можно заставить раба делать порученное ему дело с должной эффективностью.

В то утро, вместо того чтобы, щелкнув пальцами, вызвать слуг или наложниц, как это было заведено, король поступил по-другому. Поднявшись с жесткого прохладного ложа, он прикрыл свою царственную наготу, завернувшись в легкое шелковое покрывало. Не обращая внимания на почтительно склонившихся вдоль стен слуг, он с истинно королевской решительностью направился к прикрытому занавесами выходу на террасу. Не дожидаясь бросившихся ему на помощь рабов, он сам распахнул портьеры и шагнул вперед, в яркий, слепящий солнечный свет.

Внизу под террасой не было ничего нового: тот же дворцовый двор, безлюдный в такую жару. Лишь несколько париев и нищих спрятались в узкой полосе тени вдоль северной стены дворца. С высоты было трудно отличить тех, кто уже умер от жажды, от тех, кто просто впал в забытие. За дворцом виднелись черепичные крыши казарм стражи; за ними — городская стена, толстая и мощная, с торчащими, как гигантский гребень, зубьями. Как всегда, на стене несли службу часовые в бронзовых доспехах, конических шлемах, с длинными, сверкающими бронзой наконечников копьями наперевес.

Однако, скользнув по стене, взгляд короля уперся во что-то необыкновенное. Анаксимандр ожидал увидеть привычный пейзаж: иссохшую равнину, пересеченную пустыми руслами рек, покрытую коричневыми пятнами пересохших полей, и облака пыли, поднятой раскаленным ветром. Но вместо этого прямо за стеной перед окнами дворца стоял город, выросший словно из-под земли за одну ночь, пока Анаксимандр спал. Город или призрак города.

Огромный, освещенный ярким солнцем город казался реальной самой реальности. Величественный

город с черепичными крышами, окруженный высокой стеной. Над ней возвышались богатые виллы, белоснежные купола и зиккураты. Белые птицы кружили над городом, садясь на коньки крыши и густые кроны деревьев. Посреди главной стены были открыты главные ворота — широкий проход, заполненный входящими и выходящими жителями. Мимо бронзовых створок ворот в город неторопливо входил караван. Погонщики почтительно склоняли головы при въезде. Другой караван недалеко от стены ждал своей очереди. Его груз внимательно осматривали таможенные офицеры.

Но самым восхитительным зрелищем было голубое мерцание воды под солнцем. Прямо за воротами, извиваясь, тек широкий поток, обрамленный изумрудными зарослями кустов. Пришедшие из пустыни погонщики верблюдов благоговейно наполняли водой свои кувшины. Ниже по течению прачки не торопясь возились с бельем.

Так мог выглядеть и Сарк — город, где царствовал Анаксимандр. Но не сейчас, а много лет назад: до того, как великий и всемогущий бог Вотанта по неизвестной причине отвернулся от города, — города, в котором жили верные своему богу люди, в котором царствовал усердный слуга Вотанты — король Анаксимандр.

В то утро король был не единственным, кто увидел прекрасное видение. Он понял это по удивленным возгласам и жестам стражи на стене. Король мог бы вызвать начальника охраны и приказать ему наказать нарушителей покоя, но тот наверняка и сам прибежал бы с выпученными от удивления глазами. Король лишь поморгал и прикрыл глаза руками.

Когда он снова взглянул на таинственный город, тот постепенно начал таять в воздухе. Его купола и стены задрожали, поплыли на невидимых волнах,

и сквозь них начала проступать выжженная земля — собственное царство Анаксимандра.

Не дожидаясь, когда безрадостный реальный пейзаж снова явственно предстанет перед его взором, король резко повернулся и вошел обратно в спальню. Замершему в почтении и страхе перед повелителем начальнику стражи был отдан короткий приказ: немедленно вызвать Верховного жреца Куманоса.

Когда через несколько минут жрец, затаив дыхание, предстал перед монархом, Анаксимандр уже сидел на золоченом троне, облаченный в церемониальный наряд — украшенную драгоценными камнями рубаху и длинную, вышитую золотом юбку. Над ногтями рук и ног короля трудились слуги, доводя до совершенства маникюр.

Король взглянул на Куманоса — стройного, высокого, загорелого человека, непривычно молодого для столь высокой должности. Во взгляде Анаксимандра поблескивал инквизиторский огонь.

— Ты уже слышал о видении, посланном мне нашим богом? Или, быть может, видел его сам?

Верховный жрец лишь кивнул в ответ.

— Это был призрак нашего давнего торгового соперника, — продолжил король, — проклятого города Оджары. Он находится далеко отсюда, на северо-востоке, но волею Вотанты его образ был перенесен сюда. Тот город выглядел богатым и процветающим. Много воды, караванов. Несомненно, почитаемая его жителями богиня явно благосклонна к ним.

Это уже был камень в огород Куманоса. Кому, как не ему, было известно, что жреческая каста Сарка в последние годы была очень виновата перед городом и королем. Жрецам так и не удалось упротисить небо послать дождь — напоить живительной

влажгой город. И хотя король города-государства Сарка считался главой не только светской власти, но и жречества, разумеется, вина не могла пасть на него. Вот почему жрецам приходилось принимать на себя гнев народа и монарха и приносить порой себя в искупительную жертву.

Молодой жрец не сделал попытки оправдаться или защититься. Он торжественно и величественно склонил голову и произнес:

— Повелитель, это видение — явный знак, посланный нам всем великим Вотантой. Пророчество или предупреждение. Если вы пожелаете, я и мои астрологи могли бы подробно истолковать его...

— Нет, жрец. Я, я сам дам толкование этого чуда. И оно будет самым истинным и обязательным для всех.

Король, несмотря на всю свою власть, все же с почтением и опаской относился к высшему клану жрецов. Он помолчал, глядя, как две рабыни расчесывают и укладывают его бороду, и доверительно добавил:

— Ты первый узнаешь это, Верховный жрец: я сам несу часть ответственности за то, что произошло с нашим городом. Я был небрежен, слишком увлекся обустройством своего двора и проморгал тот миг, когда сравнение с соседними городами стало не в нашу пользу.

Верховный жрец набрал в легкие побольше воздуха и — даже с чуть подозрительной готовностью — сказал:

— Да, Повелитель, если говорить честно, то нужны решительные шаги, чтобы...

— Но хватит. — Анаксимандр, казалось, не заметил обращенной к нему фразы. — Несомненно, наш бог требует жертвы. Настоящей жертвы. Не какая-то там дюжина младенцев или девственников,

убитых на вершине зиккурата, не окропление колодцев кровью пленных кочевников... Нет, великая жертва должна быть принесена Вотанте. Жертва, достойная древних легенд. Сам Вотанта, послав нам это видение, назвал достойную для искупления жертву — город. Богатый, цветущий город. Целиком. И божественный выбор пал на Оджару!

Король встал с трона, возвышаясь над павшими на колени слугами.

— Я вижу, что после этой жертвы великая милость падет на наш город. Дожди пройдут над горами, наполнив реки, колодцы, наши бассейны и напоив поля. Караваны снова будут заходить в Сарк, а не в Оджару, принося нам доходы от торговли и таможи. Вотанта снова повернется к нам лицом, пошлет нам удачу во всем: в торговле, в погоде, в войне.

— Мой Повелитель! — Куманос, не осмеливавшийся до сих пор прервать экзотическую тираду своего монарха, наконец не выдержал: — Если вы предлагаете войну, то вспомните: ведь Оджара — хорошо укрепленный город. Известно, что его защищает каста воинов — верных жрецов-воинов их богини. Такая осада может быть долгой и дорогостоящей...

— Осада? Я не имею в виду осаду. И ты, Куманос, лучше, чем кто-либо другой, должен понимать меня. — Король резко повернулся к жрецу и ткнул в него пальцем. — Жрецы хранят свои древние тайны не менее крепко, чем королевские династии — свои.

Он повернулся спиной к Верховному жрецу и подошел к окну, выходящему на террасу. На этот раз из него открывался привычный вид на выжженную солнцем равнину и склоны гор на горизонте.

— Легенды нашего города рассказывают об империях в восточных пустынях, которые были уничтожены. Уничтожены волей бога, нашего бога — Вотанты, который в те времена куда больше страшил чужаков, чем сейчас.

Эти города из древних преданий — Песк, Эльгаши и Иб-на-Эдамите — были уничтожены божественным громом, обрушившимся на них за их грех и богохульство. Насколько я помню историю, большинство их грехов было связано с непочтительным отношением к нашему гордому городу Сарку и моим царственным предкам.

Анаксимандр повернулся лицом к Куманосу, который мог видеть лишь темный силуэт короля на фоне яркого света.

— В каждом из этих случаев, — продолжал король, — жрецы Вотанты проклинали нечестивые города. Каждая стрела с неба усиливала веру в нашего могучего бога. И после каждого разрушения соперника наш город вступал в эпоху благоденствия и процветания. — Король помолчал. — Ты сам видишь, Куманос, наш бог извещает нас, что пришло время для нового чуда.

— Да будет так. — Голос Верховного жреца стал хрипловатым. — Надеюсь, мы с моим королем в равной мере осознаем значение этого события. Это будет не просто жертва, не просто демонстрация силы нашего бога. Нет, такое случается раз в тысячелетие. Лишь пришествие Вотанты на землю может быть значительнее и величественнее...

— Ну что ж, отлично, — холодно оборвал его Анаксимандр. — Рад, что мы поняли друг друга. Я лишь хочу напомнить тебе, что трое твоих предшественников на посту Верховного жреца — люди куда более опытные и умудренные годами — за последние шесть лет окончили свои дни, пролив свою

кровь на вершине Большого Зиккурата. И все три великие жертвы оказались напрасными. Засуха так и не прекратилась. Вот почему я настаиваю на том, что ты сам предложил. Пусть это будет не чем иным, как пришествием бога на землю.

Король отошел от окна и встал так, чтобы собеседник мог видеть его лицо.

— Я понимаю, — продолжил он, — что для такого дела понадобятся серьезные приготовления. Понятно, что потребуются расходы, которые, уверен, ты постараешься сделать минимальными. Я уже подумывал о таком решении, но, ты сам понимаешь, после виденного сегодня утром — для сомнений нет места. — Он подошел к Куманосу и положил руку ему на плечо. — Жрец, я приказываю тебе начать.

— Слушаюсь и повинуюсь. Да будет так.

Поклонившись королю, Куманос повернулся и направился к дверям. Он шел осторожно, при каждом шаге стараясь скрыть, преодолеть почти парализующий его страх.

Глава 1

НЕЧИСТЫЙ

Затопленная низина вдоль реки была тиха и неподвижна. Невдалеке в полуденном мареве дрожали золотистые стены Оджары. Ни сигнал тревоги, ни даже случайное бряцание оружия не нарушали тишины. В воздухе над зеркалом воды летали стрекозы, жуки и мухи. Но их жужжание лишь подчеркивало звенящую тишину вокруг.

В одной из заводей, наклонившись и подставив солнцу загорелую спину, почти по пояс в воде

стоял человек. Он увлеченно охотился за подводными обитателями, не издавая при этом ни единого звука. Вдруг его рука, словно молния, метнулась к воде, направив в глубину самодельный трезубец. Лишь легкий всплеск раздался над зарослями. Секунду спустя вода забурлила, человек сильным движением перехватил обеими руками и вытащил на поверхность длинное скользкое зелено-коричневое существо, продолжавшее извиваться в его мертвой хватке.

Человек быстро направился к тенистому берегу, где, привязанный к свисающим в воду корням деревьев, наполовину притопленный, висел полотняный мешок, уже основательно наполненный подобной добычей. Туда последовал и последний трофей, после чего веревки у горловины мешка были крепко завязаны.

Затем охотник остановился, чтобы выжать воду из гривы черных волос. Откуда-то из-за коряги он вытащил плащ-накидку и пояс, на котором висел очень длинный кинжал. Одним привычным движением человек затянул пояс и поправил клинок. Провдев древко трезубца в петлю у горловины мешка, он взвалил добычу на плечо и зашагал вдоль берега заводи в тени деревьев.

Чуть дальше по течению он вышел к своему лагерю, расположенному на небольшом песчаном пляже, прикрытом от зноя тенью от раскидистых кустов. Неподалеку слышалось журчание основного потока реки, стекавшей по каменистому руслу к подножию холма. Здесь одинокий отшельник остановился, опустил на землю мешок и занялся хозяйством, если так можно было назвать его скромные пожитки.

Сначала он добавил хворосту в костер, превратившийся было в кучу еле тлеющих углей посреди

грубого каменного очага. Затем он наполнил чистой водой закопченный бронзовый шлем, служивший ему котелком. Ловкими, привычными движениями он вытащил из мешка часть добычи, а затем выпотрошил и вычистил ее на плоском бревне, служившем столом.

Несмотря на занятость хозяйством, любителя одиночества не подвел инстинкт охотника и воина. Посторонний запах, принесенный ветерком, ударил ему в ноздри. Легкий шорох листьев и ветвей в кустах — явно не тот, который производил ветер, — коснулся его ушей. Наконец его глаза нащупали неясную тень в кустах по другую сторону костра — явно не птица и не ветка.

Не показывая никакого беспокойства, человек встал и подошел к огню, чтобы подбросить дров. Медленно, даже небрежно его сине-стальные глаза обшаривали заросли вокруг. Вдруг неимоверно быстрым движением, быстрее, чем во время рыбалки, он метнулся в кусты, и в тот же миг одна его рука схватила непрошеного наблюдателя, а вторая поднесла нож к самому его горлу. При ближайшем рассмотрении плененный соглядатай оказался худым, дочерна загорелым полуголым мальчишкой.

— Ну, что мы тут имеем? — пробурчал победитель в явно неравной схватке, откладывая в сторону нож. — Вообще-то я уже поймал достаточно лягушек и всяких болотных тварей и больше охотиться не собирался. — Он говорил на одном из шемитских диалектов, обычном в этих восточных пустынях.

— Отпусти его. — Голос, говоривший на том же языке, принадлежал другому подростку, чуть постарше, вылезшему из кустов и требовательно взмахнувшего рукой. — Если ты попытаешься съесть его,

я тебя предупреждаю: мы повесим твою кожу на городской стене!

Он крепко сжимал в кулаке маленький кремневый нож. За его спиной маячили еще две детские фигуры.

— Съесть его? С какой стати? Нет, с какой стати я буду рисковать своим желудком, если, конечно, кое-какие сорванцы не украдут мою еду? — Чуть ослабив железную хватку, он все же продолжал держать вырывающегося мальчишку за руку. — А он что, и вправду думает, что я его съем?

— Ты же тролль, разве не так? — спросил старший мальчишка. — Злой великан с севера!

— Никакой я не тролль. Я — Конан из Киммерии. И вовсе не великан среди моего народа. А злой я бываю только когда голова раскалывается после вчерашней пирушки.

— Так я и думал. Ясное дело, все киммерийцы и другие северяне — людоеды. Это каждый дурак знает. — При этом парень махнул рукой в сторону шлема, установленного между камней над огнем и бурно шипевшего. — Ну, в лучшем случае ты — джинн и пожиратель нечистой пищи.

— Сожрать этого засранца — вот уж действительно было бы поеданием нечистой еды.

Конан отпустил мальчишку, и тот мгновенно спрятался за спины приятелей, уже оттуда продолжая подозрительно следить за незнакомцем.

— Я тут, кстати, и так достаточно приготовил. Мог бы и поделиться.

Подняв с песка нож и вытерев его о штаны, Конан воспользовался им, чтобы снять котелок с огня.

— А что это... что у тебя там? — спросил один из спрятавшихся за спиной старшего.

— Как что? Восхитительная уха из раков и речных угрей.

Киммериец выудил ножом из дымящейся жидкости одного из раков и показал его детям, а затем снова бросил его в котелок.

— Нечистая еда! — воскликнул один из мальчишек. — Жрецы Истинной Богини двадцать раз отрубили бы тебе голову на алтаре, если бы застукали, когда ты ешь таких червяков. Даже если бы только признался в этом.

— Чушь, — бросил северянин. — Вы, горожане, просто идиоты, если не едите отличную речную пищу или не засаливаете ее впрок. Ведь тяжелые дни бывают у каждого. Что у человека, что у города. А вы где живете? Там, за стенами Оджары?

— Да, — ответил самый младший. — Меня зовут Ябед. Мой отец, Япет, торгует верблюдами, хотя... несколько лет назад... — лицо мальчика стало грустным, — он уехал в путешествие, чтобы купить стадо верблюдов, и до сих пор не вернулся. А моя мама плетет тростниковые корзины, чтобы прокормить нас, а потом вернется отец, и мы станем богатыми. По дороге домой я нарежу ей тростника, — закончил он, гордо показывая собственный кремневый ножик, удобный, чтобы продираться сквозь кусты.

— Мой отец был кровельщиком и разбился, упав с крыши, — сказал старший из компании. — Мама тоже плетет корзины, и я ей помогаю. Но когда-нибудь я стану воином. Воином-жрецом Единственной Истинной Богини!

Он продемонстрировал свой кремневый нож (чуть длиннее, чем у его приятеля) и убрал его в петлю на ремне таким важным жестом, словно вкладывал в ножны благородный стальной клинок.

— Когда-нибудь я даже стану таким же знаменитым воином, как Занус Победитель.

Киммериец рассмеялся:

— Ваши храмовые воины — хорошо снаряженная и отлично вымуштрованная компания. Хотя я сказал бы, что их боевая техника несколько однообразна. Еще бы, она связана большими табу, чем их питание.

— Дюжина храмовых воинов может в пух и прах разделать сотню грязных диких кочевников, можешь быть уверен, — горячо запротестовал мальчишка.

Конан не стал вступать в спор, а лишь взглянул на него и спросил:

— А разве сын кровельщика или корзинщицы может войти в это благородное братство?

— Конечно, да, — уверенно ответил парень. — Вступление в жреческую касту зависит только от знаний, полученных в храмовой школе... от крепости духа и от успехов в играх и занятиях, — закончил он, словно наизусть ответил урок.

— Тогда ладно, — кивнул киммериец. — Может быть, и есть надежда. А как тебя зовут, приятель?

— Я — Эзрель, — ответил подросток, а затем, показывая пальцем, представил своих спутников: — Ябед, Фелидамон и... — он повернулся к прячущемуся позади всех недавнему пленнику Конана, — и Инос.

Конан молча кивнул. Ему показалось, что Фелидамон — скорее всего девчонка, хотя телосложением она ничем не отличалась от Ябеда, а их одинаковые длинные широкие рубахи делали и вовсе невозможным определить это.

— А ты тоже воин? — спросил Ябед. — Что у тебя за оружие?

— Это, — сказал Конан, вытаскивая из-за спины клинок, — это добрый, длинный нож с Ильбарских гор, захваченный в... э-э... полученный в обмен при торговле с горными племенами южнее моря Вилайет.

Видишь, лезвие становится толще к концу. Это компенсирует его малую длину, когда приходится... ну, например, рубить хворост для костра. Хорошее оружие. С ним удобно пробираться сквозь густые заросли, можно даже копать — разрывать норы зверей, можно разделывать любое мясо и рыбу, а можно даже использовать как вертел, чтобы поджарить то, что разделал. И после всего этого он будет еще таким острым, что хоть брейся. Такую штуку нужно всегда иметь под рукой. — Он наклонился и сунул острое клинка в горячие угли костра. — Никогда не знаешь, что поймашь с его помощью.

Вытащив нож из углей и сдув пепел, Конан показал детям то, что было наколото на острое: что-то округлое, дымящееся, завернутое в обуглившиеся листья, явно съедобное.

— Ты смотри-ка, сладкие печеные клубни земляной груши. Кто бы мог подумать! — весело улыбаясь, демонстративно удивился Конан. — А еще тут болотный редис и лук.

Поковырявшись в костре, он достал остальные деликатесы. Дети не заставили себя долго упрашивать оценить качество приготовления. Но попробовать рыбную уху — это стоило больших усилий. Первым набрался смелости Эзрель.

— Ой, горячо, и перец жжется, — пожаловался он, однако не стал отказываться от основательной деревянной миски, протянутой ему Конаном. Остальные последовали примеру своего старшего приятеля. Даже напуганный Инос присоединился к общей трапезе и вскоре уже лихо вытаскивал куски мяса из-под панциря раков. Дети ели с удовольствием, даже жадно. Конан сделал вид, что не заметил, как и большая часть его доли супа оказалась съеденной не избалованными обильной едой гостями.

— Ты, должно быть, много путешествовал, — вступила в разговор Фелидамон. — А ты бывал в городах, которые больше Оджары?

— Да, я бывал в Аграпуре, Бельверусе, Тарантии, они намного больше Оджары. Ближайший отсюда — Шадизар. Наверное, туда я и отправлюсь, когда откроются северные перевалы, если подвернется попутный караван.

— Шадизар Проклятый, так ведь его называют? — спросил Ябед. — Но в храмовой школе нам не говорят, почему так. Расскажи, Конан.

— Это место, где сходятся великое богатство и самая страшная нищета. Мужчины и женщины без гроша в кармане умирают с голоду, моля о подавании, валяясь в ногах у богатых, сытых щеголей.

— Как же так? — искренне удивилась Фелидамон. — А разве жрецы не следят за тем, чтобы богатые делились с теми, у кого ничего нет?

Конан рассмеялся:

— Ну да, жрецы богаче всех остальных и хуже всех других богачей. Еще Шадизар — огромный рынок рабов. Работорговцы — жестокие люди, те, кто покупает рабов, — немногим лучше, но многие свободные люди живут там хуже, чем самые жалкие из рабов. Многие достойные, здоровые, даже честные люди становятся ворами. В Шадизаре есть даже Гильдия Воров. Забавно?

— В нашем городе говорят, что одинокий чужеземец, такой, как ты, обязательно вор. — Взгляд Эзреля, как всегда, был бесстрашен, слова — четки. — Ты поэтому собираешься в Шадизар?

Конан расхохотался:

— Ну, по правде говоря, если предположить, что я вор, то лучшего места, чем Шадизар, мне не найти. Ты только подумай, сколько там богатых

купцов, аристократов, всяких гадалелей и колдунов. — Он собрал объедки и бросил их в костер. — Лучше уж воровать в таком месте. А что можно украсть здесь, в Оджаре? Верблюжью поилку?

— В Оджаре вообще не стоит воровать, — сказал Эзрель. — Храмовые воины тебя в лапшу искрошат. Но если ты пообещаешь, что не похитишь ничего, то тебе разрешат жить там, по ту сторону стены. Тогда тебе не придется спать под открытым небом, — парень кивнул в сторону свернутых одеял, лежащих в тени под кустами.

Конан лишь покачал головой:

— Нет, дружище, я не думаю, что взрослые впустят меня в город, по крайней мере дальше караванного квартала. Доказать им мою честность будет не легче, чем в одиночку справиться с дюжиной противников в бою. Так что я лучше останусь там, где я привык, — за стенами города.

— Но, Конан, — пропищала Фелидамон, — ты мог бы обосноваться в Оджаре и заняться каким-нибудь полезным делом, например торговать чем-нибудь... верблюжьей упряжкой... или... — тут ее взгляд упал на догорающий костер и обуглившиеся панцири раков, — или стал бы поваром в одном из караван-сараев.

— Ты имеешь в виду — готовить еду для путешественников и брать за это деньги? И делать только это, и ничего другого? — Конан, прищурившись, посмотрел на нее: — А что потом, когда мне это надоест? А мне это наверняка надоест. Я ведь не раб, чтобы приковывать себя навеки к одному месту. Да, и еще. Я ведь не поклоняюсь богине вашего города — Садите, так что и с этим у меня будут проблемы. Нет, лучше уж мне уехать отсюда ради пущего спокойствия вашего города. — Конан бросил взгляд на удлинившиеся тени деревьев: — Э, уже

поздно. Не забудьте вымыть тарелки перед тем, как уйдете.

Эзрель тоже посмотрел на солнце и, покачив головой, стал собираться.

— Значит, ты все-таки хочешь уехать в Шадизар? — неожиданно заговорил Инос. — А что тебе больше нравится — Оджара или Шадизар?

Конан с легким сожалением взглянул на мальчонку и сказал:

— Для таких людей, как я, Шадизар — лучшее место. Но прежде чем отправиться туда, когда вырастешь, хорошенько подумай, приятель. Умей ценить то, что имеешь. — Помолчав, он положил руку на плечо мальчишки и добавил: — Не стоит уезжать из Оджары в Шадизар Проклятый. И моли свою богиню, чтобы тебя когда-нибудь не привезли туда в караване работоторговца.

Глава 2

ОГНЕННАЯ ДОЛИНА

Верховный жрец Куманос шел по каменистой пустыне, и душа его содрогалась от страха. Сторонний наблюдатель, скорее всего, ничего бы не заметил, но самого себя жрец обмануть не мог. Одна лишь жара не могла наполнить такой тяжестью руки и ноги молодого, выносливого уроженца этих пустынных мест. Не одно лишь солнце выдавливало струйки пота, стекавшие по затылку за воротник туники. И не от многодневной жажды пересохло во рту. Но Куманос шел и шел вперед, не обращая внимания на жару и неприветливый пейзаж. Все физические страдания были лишь слабым отражением тех мучений, которые испытывала его душа.

Задыхаясь в тисках страха, Куманос все же пытался осмыслить то, что с ним произошло. Выходило, что лишь один человек мог помочь ему разрешить сомнения, указать нужный путь. Солон. Старый, старше любого из живущих, мудрее самой мудрости, святой отшельник. Он ушел в пустыню еще до того, как родился отец Куманоса. Не бог, конечно, но и не простой смертный. С давних пор жрецы Сарка спрашивали его совета в самых трудных делах. Его мнение приравнивалось к пророчеству, к слову бога, произнесенному устами человека.

Куманос остановился, чтобы передохнуть в узкой полоске тени, тянувшейся вдоль северного обрывистого склона высохшего русла реки. Он не знал, правильный ли путь был избран, чтобы найти Солона. Не знал даже, есть ли вообще такой путь, да и жив ли сам Солон. Но предания говорили, что если идти ~~вверх~~ по руслу, берущему свое начало где-то в безымянных горах, то можно найти убежище старого отшельника.

Похоже, что направление было избрано верно: предания гласили, что Солон живет в Долине Огня, а та территория, по которой пробирался сейчас Куманос, больше всего напоминала застывшие языки пламени. Столбы и стены старого песчаника поднимались справа и слева, извиваясь и сгибаясь, словно пламя гигантского костра. Желтый песок под ногами сменялся красными булыжниками. И то и другое, словно раскаленные угли, жгло ноги сквозь подошвы сандалий. Жалкая растительность — сухие, ключие кустики и пучки травы — лишь робко выглядывала из узких трещин по склонам русла, словно боясь подставить лишний стебель испепеляющему солнцу.

Ничто вокруг не напоминало о присутствии человека. Оставалось лишь надеяться на удачу и про-

должать этот путь, словно внутри гончарной печи для обжига.

Неожиданно для себя Куманос обнаружил, что русло преграждает некое подобие дамбы. Видимо, когда-то во время наводнения река подмыла один из склонов и оползень перекрыл ее течение. Теперь же перед путником стояла дилемма: повернуть назад или карабкаться по бесформенным глыбам на высоту пяти-шести человеческих ростов. Не так высоко, чтобы, сорвавшись, погибнуть, но достаточно, чтобы переломать кости и остаться лежать в этом пекле без всякой надежды на помощь, что, в общем-то, тоже было равносильно смерти, только более долгой и мучительной.

Но для воодушевленного жреца это препятствие, эта опасность была лишь вызовом, проверкой крепости веры. Потуже затянув ремни, удерживающие за спиной кожаный бурдюк с водой, Куманос легким прыжком вскочил на ближайшую глыбу. Подошвы сандалий прочно встали на каменную твердь, ладони крепко вцепились в горячие, неровные грани обломков скалы, и Верховный жрец начал свое восхождение.

Уже почти на самом верху Куманоса подстерегало настоящее испытание. На какой-то миг он даже подумал, что Вотанта решил прибрать его душу, посчитав испытания достаточными. Под рукой слышался треск и шуршание рассыпавшегося выступа песчаника. Куманос прижался к раскаленной глыбе крепче, чем младенец прижимается к матери. Таким образом он надеялся сохранить равновесие, пока не найдет более надежная опора. В следующий миг звонкое постукивание одинокого камня по склону слышалось снизу, и нога, на которую жрец опирался почти всем своим весом, повисла в воздухе. Спуститься? Об этом нечего было и мечтать. Не

имея возможности опустить глаза и рассмотреть склон под собой, человек не смог бы нащупать нужную опору. Куманос понял, что он или сорвется, или, с помощью великого Вотанты, сможет выбраться на гребень этого обрыва.

Надежды на это было мало. Единственное, на чем остановился взгляд Куманоса, — это на небольшом выступе размером чуть меньше кулака, подтянувшись на котором можно было бы перевалиться через гребень. Все было бы просто замечательно, если бы этот выступ оказался в досягаемости свободной руки. Но, к сожалению, чтобы схватиться за него, нужно было отпустить вторую руку, которой Куманос еле-еле удерживал равновесие. Не схвати он в тот же миг спасительный выступ или обломись тот так же, как предыдущий, — и падение неизбежно.

Что ж, еще одно испытание веры... Поколебавшись и прочитав еще одну страстную молитву Вотанте, Куманос резко выбросил вверх руку...

Источенный ветрами песчаник в пыль рассыпался под пальцами, но в последней отчаянной хватке кулак сомкнулся на корне куста, росшего в трещине обрыва. Жесткие, сильные корни, способные пробивать трещины в скалах, оказались надежнее камня. Грязь и мелкие камни посыпались на голову Куманосу, засыпая ему рот и глаза. Но жрец, словно не чувствуя их, упорно продолжал подтягивать на одной руке свое тело, обдирая грудь и живот о шершавую поверхность камня. Вот уже вторая рука нашла себе опору, ноги согнулись в коленях, и последним усилием Куманос перевалился через край глыбы, оказавшись на вершине этой созданной самой природой плотины.

Перед ним лежал небольшой, сравнительно ровный участок сухого солонцового песка. Дальше

русло продолжало уходить в горы, все более глубоко врезаясь в склоны. Но все это уже не интересовало Куманоса.

Невдалеке, на одном из склонов каньона, виднелось темное пятно — вход в пещеру. Перед ним небольшая ровная площадка, от которой в разные стороны расходились следы человеческой деятельности — работы по углублению пещеры. Тут и там виднелись горки свежерытой земли с кусками костей и обломками кустов, торчащими из них. А перед самым входом сидел скрестив ноги неопрятный, нечесанный человек в грязной, бывшей когда-то белой тунике.

Несомненно, это был Солон. Куманос, чувствуя себя дважды благословенным своим богом (за чудесное спасение и за удачное завершение поисков), упал на колени и некоторое время простоял так, воздавая благодарные молитвы великому Вотанте. Когда он наконец вновь поднял взгляд, то увидел, что человек у пещеры встал и нетерпеливо показывает руками в одну сторону. Куманос догадался, что тот имеет в виду тропу, вившуюся по гребню и заканчивавшуюся у входа в пещеру.

Куманос поспешил исполнить повеление отшельника. Следовало признать, что тропой явно пользовались не часто. Путнику пришлось прыгать с камня на камень и продираться сквозь почти загородившие ее кусты. Ближе к пещере по бокам тропы стали попадаться огрызки кактусовых шишек, шкуры и кости змей и ящериц и всякие другие объедки. Кое-где валялись и более крупные кости совершенно незнакомой формы. Эта странная тропа шла от подножия до середины монолитной скалы, взметнувшейся в небо, словно яркий язык пламени.

У самой площадки перед входом в пещеру Куманос, встретившись лицом к лицу с ее обитателем,

остановился в нерешительности. Слишком уж гротескное зрелище представлял вблизи старый отшельник: сгорбленный, высохший, с неизвестно сколько не стриженными ногтями, с потрескавшимися, измороженными морщинами руками и ногами. Его череп был абсолютно лыс, не считая нескольких прядей на затылке. Улыбка открывала взгляду почти беззубую полость с несколькими гнилыми обломками, похожими на сточенные клыки. Но при всем этом движения мудреца были по-прежнему ловки и быстры, что заставляло отбросить всякую мысль о старческой немощи. На лице отшельника, бронзовом от загара, отражалось жизнелюбие, никак не вяжущееся с его возрастом.

— О Старейший, — начал Куманос, — я пришел к твоей обители в поисках мудреца, ушедшего в пустыню...

— Солон — это я, — оборвал его старик, кивая и ухмыляясь. — Я уже с полудня наблюдаю за твоим приближением. Можно было бы подсказать тебе безопасный путь в обход обрыва, но я давно уже дал зарок не помогать тем, кто приходит ко мне. То, что ты смог попасть сюда, не сорвавшись, доказывает крепость твоей веры в Вотанту.

Старик говорил много и с удовольствием, явно радуясь человеческому обществу.

— Давно, давно уже высшие жрецы не покидали город, чтобы навестить меня. Ладно, посмотрим, что ты мне принес в подарок.

— О Приближенный к Вотанте! — начал Куманос, падая на колени и кланяясь отшельнику до земли. Затем, увидев нетерпение старца, он достал из заплечного мешка сверток, завернутый в кусок золотистой парчи. — Я предлагаю тебе отведать вкуснейшие дары наших лучших мастеров — засахаренные яйца соловьев, фарширован-

ные зеленые финики, медовую халву и многое другое.

Он еще не успел закончить, как старик выхватил из его рук сверток и быстро направился к пещере. Куманос хотел было последовать за ним в тень сводчатого входа, но отшельник не удостоил его своим приглашением. Жрецу ничего не оставалось делать, как стоять на солнцепеке в ожидании. Немного помедлив, он собрался с силами и заговорил:

— О Совершенный, я был бы счастлив, если бы мог с уверенностью сказать, что моя вера крепка. Но греховные страхи и сомнения не дают мне покоя.

— Тогда ты правильно поступил, отправившись в путь по пустыне. — Слова Солона были едва различимы, так как рот его был забит деликатесами, которые он перетирал беззубыми деснами, помогая себе костлявыми пальцами. Проглотив очередной кусок, старый мудрец продолжил: — Знаешь ли ты, что эта труднопроходимая территория — место, где собрано все таинственное и даже священное? Пилигримы приходят сюда, чтобы найти жесткую, неприкрашенную реальность, а обнаруживают, что у реальности больше одеяний и масок, чем у труппы коринтийских комедиантов. Эта пустыня — страна миражей, галлюцинаций, призраков и бредовых видений. Здесь мало съедобных растений, а те, что можно съесть, не отравив тело, отравляют душу и разум. Все эти грибы, кактусовые соки, корешки — все они открывают новое, внутреннее зрение.

Старик снова начала жевать, и опять его слова превратились в непонятную кашу.

— К тому же настоящий мистик знает, что нет лучшего наркотика для вызова демонов и духов, чем боль, страдания, усталость, голод и жажда. А уж Вотанта постарался, чтобы этого добра здесь

хватало. Это место само провоцирует в человеке все то, что может помочь вызвать призрак или демона.

Поглотив все принесенное до крошки, не предложив ничего гостю, Солон вытер губы золотой парчой.

— Здесь, где не бывает ненужных соглядатаев, сама земля обнажает себя. Да что там — она раскрывается до самых костей и внутренностей. — Махнув рукой, Солон нырнул в тень пещеры.

Поняв жест старика как приглашение, Куманос последовал за ним. После яркого солнечного света его глаза долго не могли привыкнуть к темноте. Несколько раз жрец довольно больно ударялся головой о какие-то выступы, спускавшиеся с и без того невысокого потолка туннеля. Когда зрение вновь вернулось к Куманосу, он различил, что эти странные штуковины светлее, чем остальная часть потолка. При ближайшем рассмотрении они оказались гигантскими костями — твердыми и массивными, будто гранитными. По крайней мере, они были явно прочнее окружавшего их песчаника, словно выкопанного вокруг них, чтобы дать возможность увидеть весь скелет.

Продвигаясь вслед за Солоном, Куманос добрался до сравнительно просторного помещения, где можно было стоять в полный рост. Из всех стен торчали фрагменты скелетов, в которых угадывались похожие на змей рыбы, ящероподобные птицы и другие создания, о которых Куманос даже не слышал. Пещера имела какой-то зловещий вид, словно порождение кошмара, особенно в кроваво-красном свете садящегося солнца, пробивающегося через туннель от входа. Привыкнув к полумраку, Верховный жрец смог различить множество деталей. Например, он заметил, что старик повязал себе парчовую тряпицу вокруг шеи, на манер

шарфа, дополнив таким образом свой скудный гардероб. При этом отшельник не переставал говорить:

— Как видишь, некогда это место было чем-то вроде кладбища драконов. Хотя, возможно, все эти кости принесло сюда каким-нибудь оползнем или наводнением.

Он с гордостью показал на огромный позвоночник, распластанный под потолком пещеры, на ребра, спускавшиеся от него вниз наподобие колонн. Шея неведомого исполина спускалась к дальнему концу пещеры, где из стены торчал шипастый череп с усеянными острыми зубами челюстями. Один из шипов опасно торчал прямо из тела, словно длинный кинжал. В общем, это чудовище напоминало гигантскую длиннохвостую и длинношеюю рыбу, в желудке которой могли запросто поместиться несколько человек.

— Такие существа населяли эту пустыню многие годы назад, — произнес старик, — и кто знает, быть может, придет тот день, когда волей богов они снова оживут. Смотри, — показал он на плоские и острые осколки костей, прислоненные к стене, — при помощи этих инструментов я расширил пещеру, заодно облегчая будущую работу богов. А здесь, в самом дальнем конце моего убежища, — источник моих сил и награда за работу.

Подведя Куманоса к нише в дальней стене, отшельник откинул грязную тряпку, служившую занавеской. За ней в глубине ниши оказался источник. Капли воды стекали по свисавшей с потолка широкой кости и звонко падали в подставленный перевернутый череп одного из чудовищных пещерных созданий. Солон опустил в воду сложенные вместе ладони и одним большим глотком осушил почти весь сосуд. Затем он кивнул на оставшуюся

воду, предлагая Куманосу освежить горло. Жрец скромно отказался, повернувшись спиной к источнику.

— О Совершенный, — сказал он, — я пришел не для того, чтобы утолить жажду, осушив твои скудные запасы влаги, но утолить жажду мудрости. Наш великий Вотанта, устами короля Анаксимандра, поставил передо мной трудную задачу... а я не уверен, что нахожусь на истинном пути к ее решению.

— Я понимаю твои страхи и сомнения. Сами небеса сейчас вступили в войну. Знамения говорят, что близится тот час, когда сам Вотанта вновь спустится к нам на землю. Не каждому из сотен поколений выпадает такая честь — встретиться своими смертными глазами со взглядом спустившегося с небес божества. Конечно, такая встреча будет означать смерть для каждого, удостоившегося такого лицезрения.

Опустившись на четвереньки, отшельник заполз в дальний угол, где сел, поджав ноги, на засаленную грязную циновку.

— Не смерть, как таковая, страшит меня, — сказал Куманос, падая перед старцем на колени. — После встречи с Великим я вряд ли буду цепляться за свою бренную жизнь. Но... как он будет выглядеть во плоти, смогу ли я, ничтожный, достойно встретить его? И главное... — он опустил бритую голову к ногам отшельника, — а что будет с теми смертными, чья вера в Вотанту не столь сильна, кто цепляется за земную жизнь? А ведь есть еще и чужеземцы, которые, не ведая, что творят, верят в своих собственных, ничтожных божков. — Лицо молодого жреца исказилось в страдании. — Ведь они ни за что не смогут оценить величия и славы того, что они оказались...

— Принесенными в жертву? — скорее утвердительно, чем вопросительно закончил фразу Солон. — Ты имеешь в виду жителей того города, который должен быть принесен богу как искупительная жертва?

— Да, — признал Куманос, не поднимая взгляда, — Оджара. Город, волею Вотанты запрошенный ему в жертву. Быть может, приняв ее, Вотанта снова напоит дождями нашу землю и направит к нам караваны.

— Город неверующих, — пробормотал Солон.

— Да, это верно, — кивнул Куманос. — Я мало знаю о том городе, но почему-то представляю его похожим на Сарк: селяне и торговцы, мужчины, женщины, дети...

— Этот город — лишь часть пустыни. Думаю, я понял твои сомнения. Ты не хочешь, чтобы они умерли, не приняв веру в Вотанту, не осознав того величия, которое будет сопутствовать их гибели. Похвальные размышления, дитя мое, — отшельник глухо рассмеялся, — но думаю, ответ прост. Странно, что ты сам не пришел к нему. Предложи этим людям перейти в нашу веру, пошли к ним храмовых миссионеров. Надо дать им шанс перед смертью.

Куманос покачал головой:

— Многие не поменяют веру. По крайней мере, это делается не в один день. Большинство городов Шемитского союза имеет собственных богов, в данном случае — богиню. По неведению жители Оджары будут упорствовать в своей вере...

— Это уже не имеет значения, — грубо оборвал его Солон, ковыряясь пальцами в остатках зубов. — С того момента, как ты им предложишь выбор, вся ответственность ляжет на их головы. И если упрямство окажется сильнее, то эти безумцы

вполне заслужат мучительные пытки в загробной жизни.

— Но, Совершенный! Разве ты не понимаешь? Они же невиновны! — В голосе Куманоса слышались истинные мучения. Слезы выступили на его глазах. — Здоровые, благородные мужи, молодые девушки, матери с младенцами! Имею ли я право отдавать их под карающий меч ярости Воплощенного Бога? Неужели нельзя отпустить их с миром, а задобрить Вотанту по-другому?

— Я тебя понял, Куманос, — не отрывая от жреца взгляда, сказал Солон. — Твой грех действительно страшен. В глубине твоей души нет достаточной для Верховного жреца веры. Понятно. Ты еще молод, и в тебе нет нужного почтения к огню и мечу. Ты слишком привязан к земной жизни, к ее радостям — красоте природы, наградам за честную работу, плотской любви. Ты еще не прожил столько, чтобы быть сжигаемым только яростным огнем веры.

Отшельник отвернулся и стал копаться в груде каких-то явно магических таинственных предметов, лежавших под дальним углом его циновки.

— Да, тяжкий грех. Серьезное падение. Но, впрочем, вполне объяснимое. Здесь у меня есть средство, которое облегчит твои страдания.

— Правда? Это возможно? — взмолился Куманос, глядя на старика полными слез глазами.

— Конечно.

Откуда-то из-за спины Солон извлек древнюю реликвию — издали этот предмет напоминал обломанный короткий нож.

— Эта штука разрежет болезненные путы юности и разрубит цепи, приковывающие тебя к ненужным ценностям.

Когда старик вылез из темного угла и встал около стены на фоне скелета длиннохвостой птицы, Кума-

нос рассмотрел, что за талисман держал в руках отшельник. Когда-то это был меч или длинный тяжелый кинжал, обломанный почти у самой бронзовой рукоятки. Обрубок клинка потемнел и покрылся ржавчиной. Он явно не мог быть очень острым, однако Солон держал его так, словно у него в руке было полновесное оружие.

— Что ты собираешься делать этой штукой? — забеспокоился Куманос.

— Что? — переспросил, приближаясь к нему, Солон. — Ты разве не знаешь, что это такое? Это ведь Меч Онотимантоса. Известно ли тебе его могущество?

— Нет. — Чувствуя неосознанный панический ужас, Куманос начал отходить назад шаг за шагом. — В чем оно заключается?

— Ничего особенного. Он убьет твою юную душу, освободив ее от ненужных мучений. — Солон не торопясь занял позицию между Куманосом и выходом из пещеры. — Не бойся. Это будет огромным облегчением для тебя. Твой разум и твоё тело будут свободны. Свободны для великой работы, предстоящей тебе.

— Ты... ты хочешь убить лишь часть меня. Но разве это возможно? — Верховный жрец, явно не желая становиться участником колдовского ритуала, нервно задвигался, пытаясь избежать приближения старого отшельника.

— Все возможно, если крепка вера в Вотанту, — сказал Солон и, улучив момент, нанес удар. — А все стоящее бывает болезненно.

Куманос, ожидавший тычка коротким обрубком, не успел отскочить или уклониться от энергичного укола, достойного дворцового фехтовальщика. Отшельник не стал дотягиваться до тела жреца коротким куском лезвия. Удар был нанесен издалика.

Невидимый клинок пронзил тело вынучившего глаза Куманоса, заставив его забиться в агонии.

Клинок-призрак вошел точно в сердце. В первые мгновения после удара лицо жреца было искажено невыносимой болью. Но к тому времени, как невидимое острие вышло из тела (не оставив, кстати, никакой раны), лицо Куманоса ничем не отличалось от посмертной маски. Душа Верховного жреца была убита.

— Я понял. — Верховный жрец заговорил холодно и четко, обращаясь к убийце его души, глядя при этом на свою не разрезанную на груди тунуку: — Ты был прав. Теперь мне все ясно. — Он опустился перед Солоном на колени и протянул к отшельнику руки. — А сейчас ты должен мне объяснить кое-какие детали предстоящего дела.

Солон, отложив магическое оружие, сел скрестив ноги. Он подробно объяснил Куманосу, что тот должен будет сделать для выполнения божественной воли. Рассказ был долог. Солнце спустилось совсем низко, заливая долину золотом и багрянцем. В пещере стусились сумерки, и Солону даже пришлось зажечь факел, чтобы его ученик мог рассмотреть рисунки, начертанные отшельником на полу углем. Дрожащий свет факела заставил прятать по стенам тени свисавших с потолка костей, отчего скелеты задвигались, как живые.

— Это нужно сделать так, и только так, — говорил Солон. — Малейшая ошибка — и божественный гнев обрушится на твою голову. Запомни: идол — вот ключ ко всему делу.

— Я понял, — сказал Куманос, вставая. — Скажи, Солон, как ты стал хранителем такого тайного знания?

— Я был одним из жрецов в Сарке, едва ли не моложе тебя, когда наш бог спустился на город Иб.

Я не был Верховным жрецом, тот погиб вместе с принесенными в жертву. Но я был его помощником и наблюдал за городом издалека, чтобы быстрее принести в Сарк весть о пришествии Вотанты. И весь ритуал я запомнил наизусть.

— Город Иб был разрушен семь веков назад, Солон.

— Может быть. Что мне до этого? Принеся новость в Сарк, я, обезумев, долго бродил по пустыне, а затем набрел на эту пещеру, где и лег, истощенный до смерти. Знай, что и во мне была слабость веры, такая же, как и в тебе. Меня спас Меч Онотимантеса.

— Ты тоже бездушен благодаря его силе?

— Наверное. Мне пришлось это сделать самому. Может быть, я чуть ошибся, и сейчас я подозреваю, что часть души вернулась в меня, как плохо выполотые сорняки возвращаются на поле. Как видишь, отсутствие души ничем не повредило мне. Скорее наоборот. Милостью Вотанты я прожил долгую жизнь.

— Достаточно долгую. Даже слишком.

Неожиданно бросившись вперед, Куманос схватил старика за горло и за плечо, подняв легкое тело на высоту своих глаз.

— Теперь, когда ты перелил мне чашу своей мудрости, придется покончить с твоей бесполезной жизнью.

Повернувшись, Верховный жрец размахнулся и бросил сопротивляющегося отшельника на оскалившийся череп у стены. Один из острых шипов глубоко вошел в голову Солона, палетевшего на него затылком.

Отвернувшись от дергающегося в агонии тела, Куманос собрал нужные предметы из наследия своего учителя и вышел в ночную тьму. Теперь,

обретя за прошедший день столь многое, Верховный жрец не видел никаких трудностей на пути к достижению своей цели — служению великому богу Вотанте.

Глава 3

КАРАВАН-САРАЙ

Босая танцовщица, изгибаясь и извиваясь, двигалась по песчаной площадке перед большим костром. Неуловимым движением руки с ярко накрашенными ногтями одна из тонких, почти прозрачных шелковых накидок, скрывавших тело девушки, была брошена в огонь. Легкий всплеск яркого пламени — и от куска ткани не осталось даже пепла. Лишь облако невесомого дыма поднялось к черному ночному небу.

Танец Шарлы и сам по себе напоминал пульсирующее пламя. Так, по крайней мере, казалось Конану, наблюдавшему за нею. Легкие шажки, быстрые пируэты, прыжки — четко в такт все ускоряющемуся ритму цимбал. Сидя рядом с костром, киммериец ясно видел, как сквозь оставшийся шелк блестит вспотевшая кожа на животе девушки. Чтобы и самому не взмокнуть от жара пламени и танца, Конан передвинул свой стул подальше под навес.

Караванный квартал Оджары представлял собой лабиринт низких строений и проходов между ними, сходящихся к большому центральному двору прямо за Таможенными воротами. Здесь был колодец и стойла, а места хватило бы для верблюдов и лошадей полудюжины больших караванов и для палаток и шатров их погонщиков. Караван-сарай и

трактиры, обслуживающие караванный квартал, были построены в форме открытых в одну сторону зданий. Перед отсутствующей стеной лежал каменный очаг. Во время песчаных бурь помещения закрывались тяжелыми войлочными шторами.

Эту ночь лишь один караван проводил в Оджаре: что поделать — не сезон. Да и груз этой процессии, направлявшейся дальше на запад, был не самым выгодным для городской казны — соль. Пожалуй, лишь в Стигии этот товар был настолько редок, что ради такого каравана иной правитель мог поднять целый отряд своих воинов. Со своего места Конан мог видеть черное небо, мерцающие звезды, чей слабый свет вырисовывал городскую стену, чуть ниже отделявшую сам город от караванного квартала.

Танец приближался к своей кульминации. Это можно было почувствовать по возбуждению среди зрителей — погонщиков верблюдов, все ближе и ближе подбиравшихся к центральному костру. Но Шарла хорошо знала свое дело. Она легко ускользала от тянущихся к ней рук, а когда от толпы отделялась и направлялась к ней очередная нетвердо стоящая на ногах фигура, легким движением ноги девушка отправляла в глаза слишком нетерпеливому зрителю облако песка.

Еще одно покрывало полетело в костер и взметнулось к небу легким языком пламени. Оставались еще два из первоначальных семи. По крайней мере, так казалось Конану, если, конечно, он не сбился со счета, перепутав покрывала танцовщицы и кружки крепкого аррака, выпитые им за вечер.

Представление шло к концу. Изголодавшиеся без женщин кочевники стеной приближались к танцовщице. Но Шарле пока удавалось держаться на расстоянии от жадно тянущихся к ней рук.

В какой-то миг последнее покрывало вспыхнуло в костре, осветив обнаженные плечи и грудь девушки и застонавших зрителей. Но в следующую секунду Шарла уже исчезла за крепкой дверью комнаты танцовщиц. Раздался лишь звонкий стук закрывающегося засова.

Когда некоторое время спустя она вновь появилась во дворе, прикрыв наготу новым шелковым одеянием, ее преследователи уже поостыли, успокоенные вином и обществом других девушек — пусть не таких талантливых, но зато куда более покладистых. Шарла направилась в сторону Конана, сидевшего за длинным столом под навесом.

— Эй, виночерпий, — крикнула она, — мне чего-нибудь прохладного, а этому чужеземцу — больше ни капли аррака! — С этими словами она обвила руками шею Конана. — Ему нужно протрезветь до ночи, чтобы к утру я осталась довольна.

Она легко опустилась на соседний с Конаном стул, не отпрянув, когда его могучая рука обняла ее за талию. Наоборот, ее глаза с вызовом глядели на остальных клиентов. Девушка ощущала себя под защитой могучего пришельца из далекой северной страны.

— Ну, Конан, — спросила Шарла, поворачиваясь к нему, — как тебе понравился мой танец? Это похоже на то, что ты видел в кабаках далекого Шадизара Проклятого?

Конан рассмеялся:

— Ну, положим, в Шадизаре публика еще больше увлеклась бы участием в действе. Эти глупцы бросились бы друг на друга с ножами и кулаками, даже не дождавшись финала. Эти кочевники пустыни вели себя куда более сдержанно.

Рука киммерийца скользнула по спине девушки вверх и погладила ее шею.

— Ты танцевала просто великолепно... Здесь, в этом захолустье... такой танец. Что-то невероятное.

— Правда? Я ведь танцевала специально для тебя!

Шарла, просто тая от удовольствия, повернулась и взяла из рук подошедшего виночерпия свою чашу.

— Детка, твой танец был подобен лучу звезды, рассекшему ночное небо, — раздался еще один голос. — Он сравним с галопом легкого верблюда из Афгулистана! Кстати, меня зовут Мемчуб.

Обладатель голоса оказался толстым человеком с короткой бородой, в шелковом одеянии, типичном для восточного Шема. Наверное, старший погонщик каравана, остановившегося на ночь в Оджаре, подумал Конан. Подойдя к танцовщице сзади, кочевник сжал пальцами ее плечо:

— Если посидишь со мной, я скажу тебе еще много о твоём танце. Сами звезды застынут, слушая мой восторженный рассказ...

— Нет, спасибо за похвалу. Но лучше пойди и расскажи, что хочешь, другим девушкам. Их тут в караван-сарай полно. Я артистка, а не шлюха. Когда-нибудь я буду танцевать в Храме Единственной Богини или в благородном городе Шадизаре. Кроме того, сегодня я не одна. — Шарла кивнула головой в сторону Конана.

— Не одна? А, понимаю. Молодой, крепкий бычок. Я таких уже много нанимал. Мог бы и еще кое-кого работой обеспечить. Караван у меня большой. — Небрежно оглядев киммерийца, шемит вновь повернулся к Шарле: — Ты же артистка. Тебе нужно нечто более возвышенное. Изящное обращение, тонкая беседа с умным человеком, приятные подарки и тонкое вино. — Отодвинув полу плаща, купец показал плотно набитый кошелек, висевший

на поясе. — Да и несколько золотых монет из дальних государств тебе тоже не помешают.

— Слушай, ты, — рявкнул Конан, одной рукой сжав плечо купца так, что у того захрустели кости, — девушка хочет, чтобы ее оставили в покое.

— Он прав, — сказала Шарла, глядя на чужака, — но, Конан, не забывай: Анаксу, хозяину караван-сарая, не нравится, когда ты без нужды уродишь его клиентов. Можешь отпустить этого несчастного, если он пообещает вести себя хорошо. — Повернувшись к Мемчубу, она предложила: — А если тебе скучно одному, я уверена, что милашка Бабета будет счастлива скрасить твоё одиночество.

Бабета, услышав своё имя, вспорхнула с колен менее удачливого погонщика и подбежала к Мемчубу.

— Ещё бы, для меня большая честь разделить общество такого благородного аристократа, — зашебетала она, вытянув для поцелуя ярко накрашенные губы. — Какое удовольствие пообщаться с человеком, который, ухаживая за девушкой, по крайней мере отвлекается от чистки верблюда.

Мемчуб, массируя ноющее плечо, несколько тоскливо смотрел на Бабету, не решаясь больше поднимать глаза на Шарлу. Та потратила ещё несколько мгновений на то, чтобы представить их друг другу и отвести купца и кабацкую шлюху к маленькому столику в углу. Затем она вернулась к Конану, который за время её отсутствия разжился очередной порцией выпивки.

— О чём задумался? — спросила Шарла, присаживаясь рядом. — Опять вспомнил свою далекую северную страну? Думаю, по сравнению с тем, что ты видел в своих странствиях, наш город — просто дыра.

Она положила свои бледные ладони на его бронзовые от загара плечи. Тонкие пальцы скользнули под короткие рукава его грубой куртки.

— Но если ты будешь ближе принимать к сердцу жизнь Оджары, она тебе покажется очень даже сносным местом. Слушай, Конан. Давай сегодня ночью не пойдем в поля за стенами, в тень пальм оазиса. Почему бы нам не провести одну ночь в моем доме внутри городских стен? Меня каждый раз дрожь колотит, когда я вспоминаю, как ты возвращаешься в темноте в свое логово у реки после того, как мы расстаемся.

В ответ Конан лишь благодарно промурлыкал что-то по поводу ласковых пальцев, скользивших по его плечам и шее, но затем возразил:

— Нет, девочка. Я как-то лучше себя чувствую там, за стеной. В душе я, наверное, бедуин... Песок — моя постель, звезды — мое одеяло... — Он покосился на сидевшего в отдалении Мемчуба. — А кроме того, — добавил Конан менее поэтично, — если я остановлюсь у тебя, злые языки разнесут, что ты меня содержишь. Это не улучшит твою репутацию. Да и мою. Не забывай, Шарла, я — перекати-поле, вольный меч. С первым же караваном, идущим на север, я покину этот город.

— Да, конечно. Я все понимаю. Ты, безусловно, прав.

Шарла сняла руки с плеч Конана и отодвинулась. Вскоре она затеяла разговор с Анаксом, хозяином караван-сарая, предоставив киммерийцу размышлять о том, насколько сильно он обидел ее. Однако киммериец вряд ли хоть на миг усомнился в своей правоте.

Постепенно пары аррака, купленного на деньги, заработанные при сопровождении последнего каравана, совсем прогнали его нерадостные мысли.

Вскоре он даже забыл о Шарле: его внимание привлекла другая женщина, сидевшая в одном из углов заведения и поочередно беседовавшая с разными посетителями.

В центре караван-сарая стояли длинные столы со скамьями вдоль них. Около стен расположились небольшие столики со стульями и табуретами. Несколько подушек и низких столиков стояли снаружи у входа — для тех, кто не представлял себе ночевки или отдыха без звездного неба над головой. В глубине несколько каменных ступенек вели в верхние комнаты — спальни. Вот около этой лестницы за маленьким столиком, освещенным свечой, и сидела заинтересовавшая Конана девушка.

Она была одета, как большинство здешних женщин, в длинное темное платье с капюшоном. Ее нос и рот были прикрыты чадрой, но из-под капюшона все равно были видны тонкие изящные брови и глаза, сверкающие, словно пятна на перьях павлина. Она потягивала время от времени какой-то напиток и говорила по очереди с разными людьми. Большинство из них были местными — обслугой караван-сарая, которых Конан знал в лицо. Они усаживались напротив девушки по одному или парами и говорили о чем-то. Со стороны это было похоже на какой-то хорошо отработанный ритуал, что-то вроде обмена. Но ни деньги, ни товары не переходили из рук в руки. Иногда можно было разобрать голос девушки, доносившийся сквозь взрывы хохота, громкие разговоры и звуки флейт музыкантов.

Подчас Конан ловил на себе ее взгляд. Похоже, девушке трудно было удержаться от того, чтобы не смотреть в его сторону. И похоже, после каждого такого взгляда ее щеки заливались румянцем. По-

считав себя приглашенным, Конан подождал, пока очередной собеседник отойдет от стола со свечой, и занял место напротив девушки.

— Я Конан, путешественник. Приехал сюда из дальних краев. — Усаживаясь поудобнее, он улыбнулся загадочным глазам. — Похоже, ты тут всех знаешь, а я тебя вижу впервые. Вот я и подумал, что нам следует познакомиться. Скажи, когда все эти люди подсаживаются и говорят с тобой, — что все это значит?

Она моргнула и снова покраснела. Конан был в этом уверен, хотя большая часть лица девушки была скрыта.

— Что это значит? Ну, я предсказываю их судьбу.

— А, ведьма.

На какой-то миг Конана затрясло в ознобе, его спина покрылась холодным потом. Слишком много раз всякого рода колдуны и шаманы пытались заколдовать и убить его. Но он быстро овладел собой. В конце концов, разве могла эта молодая женщина, столь нежная и стеснительная, принести ему хоть какой-то вред?

Улыбнувшись, он наклонился над столом и спросил:

— А почему ты ничего не берешь за свои услуги?

— Брать с людей деньги? — улыбнулась она в ответ. — Нет, ведь для меня это только развлечение. Я не настолько хорошо владею своим даром и не хотела бы, чтобы люди слишком всерьез принимали мои гадания.

— Значит, это скорее шутка, — кивнул Конан. — Хорошо, потому что колдовство... в общем, ладно. А как тебя зовут?

— Что? Ах да, мое имя Инара.

— Понимаешь, Инара, я считаю, что слишком точное предсказание обязательно будет нести изрядную долю предстоящих несчастий и трагедий.

— Да, — с готовностью согласилась она. — Я уже видела такое. К счастью, судьбы большинства жителей Оджары, по крайней мере в ближайшем будущем, ну... скажем, ничем не примечательны.

Она говорила чуть взволнованно, все еще избегая смотреть на своего нового знакомого.

— Я рассказываю им то, что вижу, скорее поэтики ради, да и чтобы попрактиковаться. Я не прошу платы, но время от времени... — она двумя пальцами приподняла вуаль и пригубила из своего почти пустого кубка, — иногда кто-нибудь угощает меня кубком нарцента, который поддерживает меня в форме.

— Нарцент — вино из лепестков жасмина? — Конан взял ее чашу большим и указательным пальцами и понюхал янтарную жидкость. — Крепкая штука, однако.

Он щелкнул пальцами и крикнул хозяину:

— Анакс, еще два нарцента!

— Это будет второй кубок за вечер. Я никогда не пью больше двух. Приходится приходить сюда, там, у меня дома... на ферме, нет таких напитков. А именно нарцент пробуждает мое внутреннее зрение и дар предвидения.

— Что? Ты утверждаешь, что нарцент позволяет тебе предсказывать будущее? — Конан потряс головой. — Никогда не слышал о таком эффекте. Вино, безусловно, может стереть прошлое, но приоткрыть будущее...

— Я не читаю будущее, как по свиткам, и не вижу его картинки, словно в волшебном зеркале или сосуде. Но именно нарцент приносит мне мои ощущения...

— А какие они, эти твои ощущения?

Инара задумчиво покачала головой:

— Я вижу какие-то вещи рядом с людьми. Чувствую, как они будут связаны с их будущим.

— Какие вещи ты видишь?

— Мне нужно время, чтобы сосредоточиться и всмотреться. Ну, например, видишь того человека... ну того, который смотрит за игроками в кости?

— А, тот туранец.

— Да, в зеленом тюрбане. Так вот, вокруг его шеи сомкнулся ошейник раба.

— Нет на нем ничего. — Конан перевел взгляд с туранца на девушку. — А мы про одного человека говорим?

— Я тебе говорю, что вижу вокруг его шеи бронзовый ошейник. — Инара пригубила вино. — Значит, он когда-то был рабом.

— Или будет?

— Нет, ошейник стар и выношен. Я скорее склонна думать, что это след прошлого... Если бы он блестел, тогда видение могло бы относиться и к будущему. — Глаза Инары сверкнули из-под вуали. — Конан, дело в том, что я уже говорила с ним сегодня. Он показал мне шрамы и рубец от ошейника и рассказал, что долгие годы дожидался свободы.

Конан хмыкнул:

— Ну, это нам ничего не доказывает. Нам не нужны предсказатели прошлого, особенно нашего личного прошлого, которое многие хотели бы сохранить в тайне.

— Для меня это доказывает многое, подтверждая правильность моих предчувствий.

— Ну, это понятно. А как ты отличаешь то, что реально есть на человеке, от того, что тебе только

грезится? Ну, например, этот ошейник и тюрбан на голове того парня?

— Вокруг моих видений всегда какое-то легкое сияние. Я могу их видеть только с определенных точек и только под воздействием этого пьянящего напитка.

— А что ты скажешь о парне, играющем в кости? Вон, смотри, сидит рядом с тем, в тюрбане. У него еще такой злой взгляд, да еще и шрам на шее.

— Его здесь нет. — На удивленный взгляд Конана она ответила: — Я вижу стакан и кости, но лишь свечение в виде рук заставляет их двигаться. А от человека остался лишь слабый, чуть видный контур. Он погибнет. Погибнет или пропадет без вести. И очень скоро. Он уже почти исчез из мира моих грез.

— Да, печально. — Все еще не веря, Конан настойчиво спросил: — А женщина, которая держит его под руку и смеется?

— Она ждет ребенка. А еще — ее глаза полны слез, светящиеся капли оставляют следы, скатываясь по ее щекам.

— Неплохо, однако. Твой дар может быть очень полезен, — задумчиво произнес Конан и вдруг, резко повернувшись к Инаре, спросил: — А что же ты видишь, глядя на меня? Что так смущает тебя?

— Да ничего. — Видя, что ее ответ не удовлетворил собеседника, Инара пояснила: — Вообще эти вещи не так уж важны. Иногда они вовсе ничего не значат... Так, пустяки. — Она отвернулась.

— Ладно тебе, девочка, — подбодрил ее Конан. — Я столько мрачных предсказаний пережил, да и столько предсказателей...

— Ну, когда... когда я смотрю на тебя, я вижу тебя в боевом снаряжении. В доспехах... и все, ничего больше.

— В доспехах? — пробурчал Конан. — Надеюсь, набор полный?

— Нет, — признала она, покраснев до ушей и уставившись в стол. — Только грудная пластина, налокотники и щитки на голени... Ну и золотой шлем с большим плюмажем. Позолоченный меч... Все оружие так сверкает!

— Ну... — Неожиданно для себя Конан обнаружил, что стыдливый румянец может быть заразительным. Прокашлявшись, он постарался убрать лицо за круг света, падавшего от свечи, и, скрестив руки на груди, задумчиво сказал: — Ничего стыдного в общем-то в этом нет. В некоторых коринфийских городах аристократы сражаются именно в таком виде, по крайней мере так говорят. Может быть, все это означает только то, что я вскоре отправлюсь на север и добьюсь там высокого положения...

В этот миг их глаза случайно встретились, и оба не смогли удержаться от смеха. Громко чокнувшись, они осушили свои кубки под заинтересованными взглядами остальных посетителей. Молодая девушка откинулась на стуле, чуть не опрокинувшись назад. Конану пришлось схватить ее за руку, чтобы удержать от падения. Отпуская ее, он осторожно разжал пальцы, словно выпуская на волю хрупкую птицу.

— Ну, Инара, — наконец Конан смог продолжить разговор, — а что думают о твоих талантах дома, на твоей ферме? Что говорят соседи?

— Они и не знают об этом. Моя семья — верные почитатели Истинной Богини, и у нас в доме и речи не может идти о всяких призраках и другой мистике. Когда мне это надоедает, я прихожу сюда, чтобы пообщаться с друзьями.

— Понятно.

— А кроме того, — добавила Инара, — здесь, в караван-сараях, у людей куда более интересные судьбы.

Конан осмотрел помещение, словно желая выяснить, не продолжает ли кто-нибудь подсматривать за ним и его собеседницей. Похоже, все занимались своими делами. Даже Шарла, обидевшись, ушла в тот угол, где сидел Мемчуб, ранее отвергнутый ею. Словно желая отомстить Конану, она что-то нашептывала на ухо купцу, полуобняв его. Бабета сидела рядом, не понимая, что происходит.

— Инара, скажи, что ты видишь в судьбе того купца, хозяина каравана, который сейчас беседует с танцовщицей и ее подружкой?

— Я не вижу там человека, — весело и не задумываясь ответила Инара. — Шарла прижимается к брюху толстого, увешанного золотой сбруей, но все равно пропахшего навозом верблюда.

Вновь из-за столика у лестницы раздался взрыв хохота. На этот раз он оборвался неожиданно. Инара резко схватила Конана за руку.

— Ой, там вооруженные люди, воины храма. Они не должны видеть меня здесь.

Конан увидел стражников в их традиционных синих туниках — высокие, ловкие воины с мечами, укрепленными за спиной так, что рукоять длинного клинка торчала из-за спины. Они стояли вшестером в одну линию по другую сторону коистра. Затем они двинулись вперед, между посетителями таверны, останавливаясь лишь чтобы приглядеться повнимательнее к некоторым из них или задать пару коротких вопросов. В их движениях сквозила дисциплина и самоуверенность. На них не было никаких доспехов, лишь небольшие серебряные шлемы, плотно сидящие на головах.

Глаза Инары наполнились страхом, она вжалась в угол, стараясь слиться со стеной. Конан негромко сказал ей:

— Не волнуйся, сейчас я устрою здесь шум, а ты выжди момент и смывайся.

Не торопясь поднявшись со стула, Конан спокойно направился в сторону Шарлы, обходя других посетителей.

— Ну, Конан, — ехидно спросила танцовщица, когда он подошел поближе, — познакомился с Инарой? Что же тебе напела эта великая предсказательница?

Конан, не обращая на нее внимания, отодвинул девушку от Мемчуба, слегка оттолкнул ее, а затем крепко взял в охапку толстого купца.

— Ну, мерзавец, — заревел Конан, — сейчас ты у меня узнаешь. Еще что надумал! Приставать к женщине — это посерьезнее, чем верблюдов воровать!

Перехватив поудобнее несчастного купца, киммериец запустил его, словно камень, в сторону стола, где вовсю шла игра в кости. Немедленно раздались раздраженные крики игроков и зрителей, затем — крики остальных посетителей, желавших восстановить порядок. Послышались и требовательные команды храмовых воинов.

— Прекратить! — самый властный окрик заставил Конана обернуться. Киммериец ожидал, что стражники выхватят мечи, но они лишь отстегнули свои ножны, чьи металлические канты не хуже дубинок обрушились на возбужденных, орущих посетителей таверны.

Двое из стражников явно направлялись в сторону Конана. От первого киммериец отделался легко. В последний момент он шагнул в сторону и, резко развернувшись, словно случайно ткнул локтем в

грудь воину. Этот толчок отбросил беднягу на стол, где и без того уже шла оживленная дискуссия по поводу перевернутой кем-то кружки.

Второй воин был явно сильнее и опытнее. Золоченый шлем выдавал его более высокое звание. Его движения были ловки, быстры и точны. В какой-то миг тяжелые ножны его меча даже поцарапали плечо Конана, упорно не желавшего замечать присутствия представителей власти.

Киммериец делал свое дело, двигаясь по периметру помещения и поднимая все больший шум. Стоило кому-нибудь из грубо задетых им посетителей возмутиться и попытаться выяснить отношения, как он тотчас укладывал очередного постанывающего несчастного между собой и преследователями. Неожиданно эпицентр беспорядка перенесся в другое место. Раздались возмущенные крики, слышалась возня. Оборвал все властный окрик одного из стражей: «Умри, вор!» — и последовавший за ним короткий стон.

Конан развернулся и, растолкав застывших драчунов, подобрался поближе к месту происшествия. Там на полу лежал ничком один из посетителей. В его спине зияла глубокая рана. Вина погибшего была очевидна: в одной руке он все еще сжимал кинжал, в другой — полный монет кошелек, срезанный с чьего-то пояса.

Воин в золотом шлеме стоял над трупом. С его меча еще стекала кровь. Не нагибаясь, он носком сапога перевернул лежащее тело, чтобы убедиться в том, что оно безжизненно. Затем он вытер меч о платок, стянутый с шеи убитого, и вернул клинок в ножны. Мемчуб, бормоча благодарности, нагнулся и поднял свой кошелек. Погибшим вором оказался тот самый человек со шрамом на шее, чью короткую жизнь предрекла Инара.

— Вот таковы последствия беспорядка и лишних скандалов. Виновный понес наказание, — говоря эти слова, воин внимательно осматривал толпу, — но есть и другие виновные. Ты, чужеземец, не привыкший к цивилизованным способам решения споров. Будь осторожнее и вежливее здесь, в Оджаре! — Его холодные серые глаза впились в Конана.

— Слушай ты, болтун, победитель карманников, — взорвался Конан. — Осмелишься ли ты угрожать мне кулаком или клинком, а не сотрясать воздух пустыми словами?

— Хватит! — рявкнул воин-жрец, оборвав киммерийца. — Одной смерти достаточно, чтобы навести порядок на вечер и ночь. Хотя вы, пришлые варвары, — сказал он, обращаясь уже ко всем посетителям караван-сарая, — не умеете ценить покой и порядок. Значит, так. Здесь не собираться, займитесь своими делами и не вздумайте привязываться к нашим гражданам.

К удивлению Конана, большая часть толпы, состоявшая из местных жителей, радостно приветствовала эти слова:

— Слава Занусу, величайшему из всех храмовых воинов! Слава Великой Богине Садите! Слава!

Толпа, выполняя приказ, разошлась. До слуха Конана долетели обрывки фраз:

— Видел? У вора был кинжал. Он хотел убить Зануса!

— Это уже двадцатый человек, убитый Занусом. Да, Занус станет величайшим воином всех времен и народов.

Конан, подумав, не стал вступать в спор с местными жителями. Он поискал глазами Инару и не нашел ее. Значит, цель была достигнута. На память пришло ее пророчество о скорой смерти человека

со шрамом. Значит, ее слова — не просто шуточки. Киммериец повернулся, чтобы уйти, и тут фраза, сказанная одним из воинов, словно громом поразила его:

— Значит, слухи оказались враньем. Принцессы Африандры здесь нет.

Глава 4

РАБЫ ИЗ ШАРТОУМА

Тулбар Гирканиец очнулся от тяжелого сна. Он лежал молча, прислушиваясь к дыханию лежащих вокруг и к шевелящемуся на ночном ветру холсту палатки. Точного времени он не знал, но по крайней мере луна еще не взошла. Но если инстинкт не обманывал его, то ночное светило должно было вот-вот показаться из-за хребта на востоке. Тогда можно будет действовать.

С детства лунный свет заменял Тулбару солнечный. Не случайно Улла — Луна слыла покровительницей его клана, клана воров и авантюристов. Обшаривал ли Тулбар соседние огороды или вычищал сокровищницу замка — всюду и везде луна освещала его путь и благословляла его дела. Всегда, когда остальным людям ситуация казалась черной и неудачной, он находил в ней для себя пользу, действуя при лунном свете.

Его друг Хекла наверняка тоже услышал этот немой призыв. Наверняка этот маленький ворюшка уже проснулся и так же тихо лежит под своим одеялом в дальнем углу палатки. Цепи не сковывали их, не было ни решеток, ни стен. А эти двое были не из тех, кого целой толпой можно гнать, словно стадо, под охраной нескольких солдат. Сейчас-сейчас,

стоит луне взойти и осветить им путь, — как их и след простынет.

Тулбар даже не мог поверить в то, как ему и Хекле повезло, когда их взял в плен шейх Шартоума. Налеты на караваны не считались большим преступлением в южных пустынях. Главной виной Тулбара было то, что он посмел действовать в тех местах, которые шейх считал своими охотничьими угодьями. Неизвестно почему Тулбар и его приятель были оставлены в живых в качестве пленников — видимо, шейх решил при случае использовать их.

Такой случай представился довольно быстро. К шейху прибыл из какого-то Сарка отряд воинов, сопровождавших мрачного жреца Куманоса и двух его помощников. Идею продать в рабство собственных подданных шейх принял еще спокойнее, чем воровство. Больше двух сотен селян были согнаны со своих полей и огородов и уведены под конвоем саркадийских воинов в восточные горы.

Тулбар, Хекла и другие пленники были включены в сделку. Сначала гирканийцы осыпали проклятиями своих новых хозяев и отказывались нести продовольствие, лопаты и ломы, свернутые палатки, которыми нагружали их солдаты. Не однажды у приятелей уже была возможность украсть лошадей или верблюдов и скрыться в пустыне. Но с некоторых пор от такого отчаянного шага их удерживал слух, прошедший среди рабов. Поговаривали, что их ведут на рудники в горах, где они будут добывать драгоценные камни для обогащения Анаксимандра — короля далекого города-государства Сарка.

Эти новости примирили приятелей-гирканийцев даже с необходимостью тащить на себе груз воды и еды. Интересно, многие ли кладоискатели были так

удачливы, как они? Выяснив местоположение рудников, они нагружат свои мешки добычей и исчезнут, чтобы вернуться туда позднее. Может статься, с собственной командой копателей и охраной. Путь был тяжел. Некоторые — особенно пожилые люди и женщины — не выдержали его и умерли по дороге. Но Тульбар и Хекла были полны надежд, что придавало им дополнительные силы.

Пейзаж вокруг их процессии менялся день ото дня. Холмы стали выше, а земля из выжженной пыли превратилась в плодородную почву. Многочисленные мелкие речушки сливались в большие потоки, несшие свои воды вниз по долинам. Повсюду зеленела трава, кусты, попадались и деревья. Ни рыбы, ни птицы не обитали в этих местах, по крайней мере путникам они не встретились. Но зато долины и луга кишели сусликами, другими грызунами, жабами, черепахами и разными насекомыми. Частенько всем, даже рабам, доставалось на ужин мясо подстреленных из луков зверей. И хотя зачастую трудно было определить, на кого больше походила добыча — на кролика, сурка или водяную крысу, никто не возражал против наличия в рационе свежего, ароматного мяса.

Росшие в этой местности растения тоже были достаточно странными: ветви привычных деревьев и кустарников изгибались самым причудливым образом, подставляя солнцу невиданных размеров листья. Самые невероятные формы принимали кактусы. Тульбар заметил, как перед некоторыми из них Куманос опускался на колени и читал какие-то молитвы.

Во всяком случае, дорога в этих местах, где было много воды, растительной и даже мясной пищи, была намного легче, чем в пустыне. Ущелья становились все уже, все выше вставали склоны

гор, но обильные потоки все еще сбегали по их склонам.

Их питали, как оказалось, горячие ключи. Древняя тропа, по которой двигался отряд, проходила мимо одного из таких источников — узкой щели в склоне горы, наподобие оскаленной желтозубой пасти. К ее губам примыкал горячий бассейн с зеленоватой водой, покрытой бурой пеной. Ручей, стекавший по камням от бассейна, на каждом уступе выбрасывал в воздух струйку пара. Как показалось Тульбару, все растения, облепившие источник, шевелили ветвями и листьями даже без малейшего намека на дуновение ветра.

Однако вода оказалась неплохой на вкус, что облегчало отряду дальнейший путь.

Наконец они добрались до древних рудников, расположенных в более безжизненном, мрачном месте у самого подножия хребта. Похоже, первые рудокопы появились здесь за много веков до того, хотя выработанная порода не напоминала Тульбару ни об одном известном ему драгоценном металле или камне. Сами шахты были закупорены огромными глыбами камня и символически залиты воском и опечатаны магическими печатями. После торжественной молитвы и снятия восковых печатей потребовались усилия всех рабов, чтобы, впрягшись в веревки, сдвинуть эти глыбы и освободить вход в шахты.

Один из гигантских камней, выкатившись из горловины шахты, прокатился дальше вниз по склону, задавив по пути двух рабочих. Куманос обратил на это происшествие не больше внимания, чем на мелкие неурядицы, постоянно возникавшие во время экспедиции. Правда, один из его помощников исполнил ритуал прощания с душами погибших.

Всего шахт было три. Входы в них разделялись несколькими сотнями шагов вдоль склона. После вскрытия был произведен их беглый осмотр. Выяснилось, что лишь ближайшие к выходу крепежные бревна были источены личинками огромных пауков, шарахнувшихся во все стороны при первых лучах света. В глубине все подпорки и балки оказались сухими и прочными, что существенно облегчило работу экспедиции, так как в долине было мало подходящих деревьев.

Впервые попав в шахту, рабочие сделали странное открытие: по мере продвижения в глубь горы дневной свет постепенно становился слабее и слабее, но на смену ему вместо темноты приходило зеленоватое свечение, шедшее прямо из самой скалы. Ярче всего сверкали свежестолотые куски руды. Это было зловещее зрелище — мерцающие зеленым огнем камни, теплые на ощупь, постепенно становившиеся обычными серыми обломками по мере приближения к выходу.

Этот природный источник света позволил рудокопам отказаться от коптящих и ненадежных масляных ламп. В первый же день началась работа. Мужчины орудовали кирками и лопатами в забоях, а женщины выносили корзины с рудой на поверхность. Руда шла толстыми жилами, и требовалось лишь слегка обкопать ее от окружающей породы. Кое-где в природных трещинах и пустотах рабочие обнаруживали прозрачные зеленоватые кристаллы, не терявшие своего цвета при попадании на открытый воздух.

Даже приблизительный подсчет показывал, что, судя по затратам, король Анаксимандр рассчитывал накопать здесь металл необычайной ценности. Этот факт в сочетании со сравнительной легкостью копания ставил перед Тульбаром вопрос: почему тогда

эти рудники не были выработаны много столетий назад? Например, что мешало тем же жителям Шартоума выкопать эту руду для себя? Частичный ответ гирканиец нашел в предположении, что обогащение этой руды и выплавка металла, видимо, достаточно сложны и жители государств пустыни, типа Шартоума, просто были не в состоянии осуществить эти процессы.

Кроме того, наверняка эти рудники были объявлены своего рода монопольной собственностью монархов Сарка. Эту монополию поддерживали магические проклятия, заклинания, а также военная угроза. Таким образом, рудники становились наследуемым складом сокровищ саркадийских правителей. Какую-то роль здесь играла и мистика. Например, руда из всех трех тоннелей ничем не отличалась друг от друга. Но под страхом смерти Куманос запретил смешивать разные руды. Руда упаковывалась в заплечные корзины с крышками разных цветов — черными, красными и желтыми. Малейшая небрежность и любая попытка воровства карались немедленной смертью.

Старший жрец Куманос произвел на Тульбара впечатление холодного, жесткого лидера. Со своими помощниками — двумя младшими жрецами — он говорил на гортанном, жестком саркадийском наречии. Эти двое, хоть и старались во всем следовать своему повелителю, проявляли нормальные человеческие черты и слабости: они бывали сердиты и довольны, злились на рабочих, а подчас, видя хорошую работу, явно выражали свою симпатию. Куманос же, напротив, делал все абсолютно бесстрастно, будь то молитва или исполнение во всех деталях какого-либо другого ритуала. Единственный из всех саркадийцев, владеющий диалектом шартоумских бедуинов, он очень

редко говорил с рабами и ни разу не обратился к ним всем, чтобы пообещать награду или дать какую-то надежду. Мотивы, заставившие его войти в эту экспедицию, были предметом постоянных размышлений Тульбара.

Еще большее внимание всех привлек к себе Куманос, когда среди рабов стали распространяться разные болезни. Сначала тела многих из них покрылись какими-то язвочками и струпьями. Малейшие ранки не поддавались лечению. Никто не мог понять, в чем дело. Работа была вполне терпимой, питание — более чем сносным. Воды было в избытке даже для мытья. Тульбара и Хеклу эти неприятности до поры до времени миновали, а вот измучившиеся шартоумцы несколько раз посылали делегации к Куманосу с просьбой о помощи.

Помощи не последовало, хотя и предложить было действительно нечего. Куманос объяснил это укусами пауков, водившихся в шахтах. То же объяснение он дал и когда более тяжелые болезни стали валить с ног одного рабочего за другим.

Тульбар вспомнил все это и вздрогнул. Ну ничего, теперь всему этому скоро конец. Восточный край палатки осветился серебристым лунным светом. Этого было достаточно, чтобы пройти между спящими, не поднимая шума. Хекла наверняка уже готов, прижимает к себе мешок с добычей — зелеными кристаллами, — результатом долгой практики в различном воровстве. Тульбар тихо поднялся и направился к постели друга.

Перешагнув одного за другим двенадцать спящих, он остановился. В палатке не было слышно ни звука, кроме дыхания спящих и храпа. Опасаться особо было нечего: рабы так выматывались за день, что вряд ли проснулись бы от легкого шороха его шагов. Часовые наверняка тоже спят, привыкнув к

покорности их подопечных. Тульбар сделал последний шаг и нагнулся над циновкой, на которой спал Хекла.

Приятель, похоже, не слышал его приближения. Хекла лежал, натянув на голову верблюжье одеяло. На него это было не похоже. Может быть, маленький воришка заболел? Аккуратно, чтобы не напугать друга, Тульбар положил руку ему на плечо. Что-то заставило его заволноваться, и гирканиец, приподняв угол одеяла, заглянул под него.

Свет!.. От неожиданности и со страху гирканиец дернул одеяло на себя и отбросил его.

Камни — кристаллы, выкраденные им в шахте и отданные Хекле на хранение, — ярко светились в ночной темноте. Они прожгли насквозь все тряпки и мешки, в которые были завернуты. Но они прожгли и нечто другое. В самом центре изумрудного сияния тело Хеклы было выжжено вплоть до костей. Ключья паленого мяса свисали с краев раны. Отвратительный запах горелой плоти поплыл по палатке, жжение камней заставило Тульбара отдернуть руку.

Его кашель и изумрудное сверканье разбудили остальных. Они сгрудились вокруг полусожженного скелета, одни молясь, другие — со стонами отчаяния. Чуть позже появились стражники, загнавшие всех рабов в один угол, а затем вытащившие наружу полусожженные останки и ворованные камни-убийцы.

Тульбар был схвачен как друг вора и соучастник. Его привели к Куманосу, который, против ожидания, встретил его без злости и раздражения.

— Тебе тяжело среди нас, — сказал жрец дрожащему вору. — Ты ведь не из шартоумцев. А теперь у тебя и друзей не осталось. Тяжесть ноши, возложенной Вотантой на твои плечи, чрезмерна. Я понимаю тебя и сочувствую.

Жрец снял с шеи свой амулет — обломок бронзового клинка, висевший на шнурке.

— Я могу помочь тебе, облегчить тяжесть испытаний, выпавших на твою долю.

Направив обломок ножа на Тульбара, Куманос подошел поближе...

Глава 5

ВЫЗОВ ПРИ ЛУНЕ

Храмовые танцовщицы, покачиваясь в такт музыке, двигались хороводом у подножия статуи Единственной Истинной Богини Садиты. Ступая босыми ногами по мраморному с синими прожилками полу, они держали безупречный круг. Каждая по очереди делала шаг вперед, к центру круга, и исполняла свой особый танец.

Дневная жара смягчалась глубокими тенями колоннады храмового портика. В глубине храма стояла главная святыня — скульптура высокой и стройной женщины-воина с копьем. Ее лицо было столь же бесстрастным, как забрало шлема. В центре танцовщицы обступили небольшой бассейн. За статуей виднелась покрытая изящной резьбой массивная деревянная дверь, ведущая во внутренние помещения храма. В другом конце портика стоял большой стол, заваленный фруктами, сыром и лепешками — угощением для любого, пришедшего лицезреть священный танец и вознести хвалу богине.

Конан стоял неподалеку от стола, прислонившись к стене, прикрытой бархатной занавесью. Киммериец старался держаться чуть позади остальных прихожан. Хотя официально храм провозглашался открытым для любого, он не был уверен, что граждане

Оджары с удовольствием увидят в своем святилище чужеземца. А лишних скандалов ему не хотелось. Храмовые воины несли свою службу, охраняя входы и выходы. Внутри храма собрались представители высшего общества города, никогда не появлявшиеся в караванном квартале. Все присутствующие были увлечены зрелищем танца. Поэтому никто, кроме Конана, не заметил, как чья-то ладонь легла на его руку, не требовательно или повелительно, а скорее нежно и просительно.

— Я вижу, ты скинул с себя облачение воина и пришел сюда в приличной одежде; — произнес женский голос.

— А ты, девочка, я вижу, не прикладывалась сегодня к нарцинту... Кром! — вырвалось у Конана.

Он с первых же слов вспомнил голос девушки из караван-сарая. Но женщина, стоявшая рядом с ним, — она выглядела совсем по-другому.

— А, так, значит, это правда, — собрался с духом Конан, — ты не Инара, а принцесса Аф... Афри...

— Африандра, — помогла ему вспомнить девушка. — А что привело тебя сюда, Конан-чужеземец? Неужели ты решил принести клятву верности Единственной Истинной Богине?

Киммериец не торопился с ответом, внимательно разглядывая оказавшуюся так близко от него принцессу, так не похожую на девушку с вуалью за угловым столиком караван-сарая. Вместо темного платья на ней была голубая туника, вышитая золотой нитью и перехваченная на плече и у колен золотыми заклочками. Каштановые волосы были подняты в высокую прическу, украшенную бутонами синих цветов. Обнаженные предплечья перехватывались золотыми браслетами, золоченые же ремешки сандалий поднимались по икрам. Она стояла просто, но

с достоинством, подобающим принцессе или королеве, сжимая ладонью руку Конана в ожидании ответа.

— Я пришел, чтобы посмотреть, как впервые танцует в храме одна из знакомых девушек, танцевавшая раньше в караван-сараяе, — пробурчал он наконец, кивая на танцующих жриц. — Ты наверняка ее тоже знаешь. Это Шарла.

Конан настороженно огляделся, но, похоже, никто и вправду не обращал на его беседу с принцессой внимания — настолько все были поглощены танцем.

— Боюсь, я не настолько близко с ней знакома, как ты. — Наблюдая за танцовщицами из-за плеча Конана, принцесса озорно улыбнулась: — Не волнуйся, ее примут в жрицы первой ступени. Сначала всегда так. А затем — все зависит только от ее веры и усердия. — Принцесса помолчала. — Недавно я увидела ее в одеяниях жрицы высокого ранга и рассказала ей об этом.

— Ну, тогда хорошо, — кивнул Конан, а затем, помолчав, решился на нескромный вопрос: — А жрицы Садиты не обязательно должны быть... э-э... девушками?

— Нет. Невинность не является требованием для вступления в касту жриц. Ведь жрицы не отказываются от общения с мужчинами. Наоборот, любовь жрицы — это частица божественной любви, получаемой смертным мужчиной.

Африандра привстала на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть танцовщиц.

— Шарла отлично танцует, но эта ее манера вилять бедрами! Понятно, что ей долго приходилось танцевать в тавернах. Ничего, мама отучит ее, когда начнет заниматься с молодыми жрицами.

— Мама? Королева? — переспросил Конан, оглядываясь.

— Моя мать — еще и Верховная жрица Садиты, да будет тебе известно! — Африандра кивнула в сторону солидной матроны, стоявшей рядом с музыкантами и руководившей танцем. — В традициях Оджары — свадьба короля и высшего иерарха храма. Этот пост всегда занимает женщина.

Конан нахмурился, внимательно следя за подобной статуе женщиной.

— А втягивать честных чужеземцев в опасные игры — тоже в традициях Оджары? Ведь, связавшись с тобой, я пересекаюсь не только со светской, но и с религиозной властью. Да, ничего себе Инара — крестьянская дочка...

— Да, так получилось. И я тем более благодарна тебе за помощь. Если бы стало известно, что принцесса Оджары такая авантюристка, скандал не удержался бы в дворцовом квартале... Я знаю, что, говоря с тобой, могу быть уверена в сохранности секрета, если, конечно, это все еще секрет. Ты, похоже, не очень-то удивился, встретив меня здесь. Наверное, город уже полон слухов.

— Я слышал, как об этом говорил один из храмовых воинов. Но даже они не принимают этого всерьез. — Конан говорил едва ли не шепотом, не желая привлекать ничьего внимания к себе и своей собеседнице.

— Прекрасно. А то ведь моим похождениям конец, стоит Занусу узнать об этом.

— Этот твой Занус, похоже, приставлен к тебе охранником. По мне, так он просто самоуверенный пустомеля.

— Он не просто охранник. Родители пообещали ему мою руку.

— Что? — Конану даже не удалось скрыть своего удивления. — Ты утверждаешь, что король

Семиархос и королева Регула доверят свою дочь и город этому чванливому болвану?

— Я же сказала, что это традиция. Кровь королевской династии обновляется в каждом поколении. Следят за этим церковные иерархи. У моих родителей нет наследника-мужчины. Значит, мне суждено выйти замуж за старшего офицера, лучшего воина из жрецов храма.

— А настоящая власть перейдет к тебе или к нему?

— Его будут называть королем... — Африандро тряхнула головой. — Но я должна всем доказать, что могу править сама. Мать и отец не во всем понимают меня, но они поддержат мои стремления. Хотя в истории нашего города не так уж много примеров управления женщинами. С помощью Садиты я надеюсь сохранить власть нашей семьи.

— А твой дар предсказательницы? — шепотом прервал ее Конан. — Что ты видишь, глядя на Зануса?

— Я никогда не видела его, находясь под воздействием нарцинта. Тогда в караван-сараях я избегала останавливать свой взгляд на нем: боялась, что он узнает меня.

— А он хоть любит тебя? — спросил Конан.

Африандро пожала плечами:

— Ты же видел Зануса. Может ли он любить кого-нибудь, кроме себя самого?

Неожиданно ее ладонь, долго неподвижно лежавшая на его локте, ласково погладила предплечье киммерийца.

— Конан, мне нужно с тобой поговорить. Давай увидимся... сегодня ночью! Ты знаешь двор с западной стороны дворца? Он граничит с внешней стеной. Ну тот, с фонтаном... — Ее голос стал хриплым, интонации — требовательными и одновремен-

но умоляющими. — Конан, приходи, когда взойдет луна. Я буду тебя ждать, честное слово.

Бросив осторожный взгляд вокруг, киммериец подозрительно прищурил глаза:

— Ты хочешь, чтобы я принес тебе стаканчик другой твоего любимого нарцинта? Ну уж нет, в посыльные не нанимался...

— Да нет же, глупый! Принеси лишь себя. Если мне захочется вновь увидеть тебя в доспехах, я сама принесу шлем и наколенники... Ну, это же шутка, не обижайся. Понимаешь, там я смогу более свободно говорить о многом, что беспокоит меня.

Ее рука скользнула по его плечу, обняла киммерийца за шею, и в следующий миг губы принцессы встретились в поцелуе с губами чужеземца.

— Придешь? Правда?

Луна медленно взошла над холмами к востоку от города. Ее свет, словно светящаяся жидкость, лился на посеребренные склоны, на стены города, на крыши его зданий. Он отражался и от глади большого фонтана, резко очерчивая листья лилий и высвечивая прекрасные цветы.

В этом волшебном свете молча двигалась одинокая фигура. Отражение грациозной, стройной женщины мелькало в окнах, оставленных лилиями у ограды фонтана. Заколотые волосы девушки казались серебристыми, бледная кожа словно светилась. В любой другой стране, кроме этой пустыни, ее приняли бы за водяную нимфу.

Девушка присела на каменную ограду фонтана прямо под толстой веткой оливкового дерева. Опустив одну руку в воду, она стала ждать, время от времени поглядывая вокруг и тяжело вздыхая.

Прямо над нею, в ветвях дерева, сгустилось темное пятно. Оно медленно двигалось ближе и ближе и наконец оказалось точно над головой девушки, закрыв луну и отбросив бесформенную тень на гладь пруда. Затем, все так же беззвучно, оно опустилось на камни рядом с сидящей девушкой.

— Африандра! Тихо, девочка, не кричи. Не бойся, это я.

Положив руку принцессе на плечо, человек удержал ее, не дав вскочить.

— Конан? Но где... как ты пробрался сюда? — спросила она, обнимая его.

— Пришлось прийти до восхода луны, чтобы проскочить мимо стражи в разных воротах. Не так-то легко передвигаться по твоему городу, не вызвав подозрений.

— Еще бы, ты ведь прошел в город с оружием, что запрещено иноземцам. Ты что, боишься попасть в ловушку? — спросила она, прикоснувшись кончиками пальцев к тяжелому ножу Конана.

— Нет, не боюсь. Но я бы не хотел пасть жертвой представления о справедливости вашей храмовой братии. Если понадобится, я воспользуюсь этой штукой по назначению, — ответил киммериец.

— Значит, поэтому ты и живешь за стеной? Не хочешь сдавать оружие при входе в город?

— Наверное, это одна из причин, — сказал Конан, осматриваясь вокруг. — А кроме того, я ведь жду только первого каравана на север, в Замору. Я надеялся избежать конфликтов с властями этого города... но, похоже, меня втягивают в весьма сомнительную историю.

— Ой, Конан, пожалуйста, не бойся, — сказала принцесса, глядя его плечо. — Я не выдам тебя и не буду удерживать, когда придет твой караван. — Африандра плотнее прижалась к нему. — Понима-

ешь, я так мало встречалась с людьми из других стран, с путешественниками. Человек с таким опытом, как у тебя, может быть, сможет... может помочь мне... объяснить мне кое-что из того, что не известно никому из жителей Оджары.

— Надеюсь, ты не попросишь меня убить кого-нибудь, — поинтересовался Конан, чуть отстраняясь от нее. — Например, какую-нибудь из твоих соперниц или какого-нибудь жреца-еретика? Я, конечно, человек разносторонний, мне приходилось быть и убийцей, но ни за какие коврижки я не дам втянуть себя в дворцовые интриги.

— Да нет же, Конан, нет! — негромко рассмеялась Африандра, вновь сильно прижавшись к нему. — Я хотела только послушать твое мнение по некоторым проблемам управления городом и о религии.

— Религии? — с сомнением переспросил киммериец. — Ты что, решила меня обратить в свою веру?

— Нет, опять не угадал. — Она положила ему палец на губы, словно желая попросить его помолчать. — Расскажи только, что ты думаешь о нашем культе Единственной Богини. Я знаю, что богини не часто встречаются в религиях Шема... — Она убрала палец с его губ, давая возможность ответить.

— Они не везде редки. В огромных империях Хайбории они правят наравне с богами, а зачастую и превосходят их властью. Но в шемитских городах-государствах обычно признают одно высшее существо — как правило, мужского пола или явного самца какого-либо животного. Иногда это некая комбинация мужчины-человека и зверя. А почему ты спрашиваешь об этом?

Снова прижав ему пальцем губы, Африандра задала следующий вопрос:

— Скажи, Конан, как тебе нравятся законы нашей веры по сравнению с другими городами?

— По правде говоря, я нахожу их достаточно терпимыми. Если я буду уважать ваши традиции, то меня приветливо встретят в вашем городе. Во многих других городах Шема король также объединяет светскую и церковную власть. При этом он руководит подданными железной рукой, излишне жестоко. — Голос Конана стал более хриплым. — Законов много, наказания жестоки, да и сами боги напоминают зарвавшихся тиранов, охочих до младенцев и девственниц.

Конан помолчал, затем спокойно продолжил:

— Бог моей страны — Кром — поступает по-другому. Он дает человеку жить так, как тот хочет, не требуя жертвоприношений. Вся расплата будет в день смерти. А например, Митра, бог хайборийцев, проповедует радости земной жизни. А вот многие южные культы включают в себя человеческие жертвоприношения и другие постыдные ритуалы. Мне приходилось по мере моих сил бороться с такой мерзостью. — Конан вздохнул.

Африандра кивнула и продолжила свои вопросы:

— А мы не кажемся тебе излишне строгими, жестокими?

— Вы? Нет, что ты! В Оджаре меня принимают, хотя и не верят до конца, как и любому чужеземцу. Вы защищаете свои традиции, свой город. Но привилегии ваших лидеров разумны и оправданны... за некоторыми исключениями, вроде твоего нареченного, Зануса. Ты, наследница трона, не видишь для себя позора в том, чтобы сидеть со мной вот так... — Его руки обняли принцессу за талию.

— Позор? Какой еще позор? Страшно, конечно, это да. — Вновь посерьезнев, Африандра обратилась

к киммерийцу: — Скажи, ты знаешь что-нибудь о Вотанте, боге города Сарка, расположенного к юго-западу отсюда?

— Нет, ничего, кроме того, что я уже рассказал тебе. Я там никогда не был. А что?

— Дело в том, что мои родители получили отсюда письмо на золоченом пергаменте. В нем король Сарка предлагает, в целях укрепления дружбы между нашими городами, основать в Оджаре религиозную миссию культа Вотанты. Это будет что-то вроде школы жрецов и послушников по соседству с нашим храмом Садиты.

— Тут надо следить в оба, — произнес Конан. — Божество чужой страны часто становится первым солдатом армии захватчиков.

— Этого-то я и боюсь, — вздохнула Африандра. — Но моим родителям идея пришлась по душе. Занусу она, похоже, тоже нравится. Они даже обсуждали возможность соединить наши божества — Садиту и Вотанту — в брачном союзе на вечные времена. Это должно якобы улучшить отношения между двумя городами, объединить их.

— Твоя мать, похоже, ставит подножку своей богине Садите, сама того не понимая. А вообще она выглядит просто потрясающе.

— Увы, она помешалась на победителе среди своих храмовых воинов. Во всяком случае, она любит Зануса больше, чем я. И то, что скажет он по поводу этого союза, сможет убедить ее. — Африандра внимательно посмотрела на Конана. — Ты говоришь, что этот Вотанта будет тираном?

— Да, не сомневаюсь. А Занусу не хватает именно таких полномочий, если он станет королем Оджары. — Конан посмотрел в глаза Африандре. — Нужно бороться против этого, девочка. Иначе ты потеряешь все, что имеешь.

— Это трудно, — снова вздохнула она. — Не менее трудно сознавать, что по законам, данным нам Садитой, Занус станет единственным мужчиной, которого я буду иметь право целовать. Мне всегда хотелось быть рядом с человеком, который не стесняется, не боится показать чувства, страсть... — Словно для объяснения своих слов, она обняла Конана и впилась в его губы долгим поцелуем.

— Как хорошо, — пробормотала принцесса, — меня в дрожь бросает от одной мысли о бесчувственных объятиях Зануса, о его холодных губах.

— Как знать, быть может, ты еще оценишь бесстрастность мужчины, — подумав, заметил Конан.

Африандра не дала ему договорить:

— Да, я ценю это качество. Но в нужное время и в нужном месте. Вот ты, например, умеешь быть спокойным и холодным там, где это нужно. А здесь ты горишь, ты по-доброму раскрываешь свои объятия...

Откинувшись к стволу оливы, она притянула к себе киммерийца. Страстный поцелуй соединил их уста на долгое время.

— Ну и ну, Африандра! — раздался позади хриплый голос. — Вот, значит, как ты распоряжаешься своими вечерами. Сначала кабаки и бардаки погонщиков верблюдов, а теперь валяешься на земле с этим нечистым чужеземцем!

Слова исходили от темной фигуры, приближавшейся к ним вдоль края фонтана. Голос кипел негодованием. Человек остановился в нескольких шагах от них, яростно жестикулируя, но не обнажая меч. Это был тот самый, о ком они только что говорили, — храмовый воин Занус.

— Вот как ты опозорила меня! Меня, Победителя среди воинов Садиты! Значит, я должен буду жениться на опороченной принцессе? И на ложе, освященном благодатью великой Садиты, я должен буду довольствоваться тем, что осталось от верности и невинности.

— Умри, несчастный! — крикнул Конан, бросаясь вперед. Но что-то помешало ему выхватить клинок из ножен — это руки Африандры, повисшей на нем всем весом своего тела, впились в его ладонь. Протаскивая девушку за собой, Конан остановился в двух шагах от стоявшего неподвижно Зануса.

— Конан, тебе нельзя убивать его! — вся в слезах, молила его Африандра. — Он ведь священный слуга нашей богини!

— Верно, чужеземец, — согласился Занус. — Это не твое дело. Так что проваливай отсюда. Было бы великим грехом осквернить церемониальный меч, намотав на него твои кишки. — Он прикоснулся к красиво украшенной рукояти меча у пояса. — А скрестить мой благородный клинок с твоей грязной ржавой железкой — это опозорить весь город!

— Слово труса, — сказал Конан, — прячущегося за спину женщины, пусть даже богини.

— Я не прячусь ни за кого. Наоборот, я стою перед лицом нашей богини Садиты, — заявил Занус. — Откуда тебе, варвару, знать, как вести себя среди цивилизованных людей. Из такого кретина с северных гор не сделать и дерьмового раба, не говоря уже о достойном свободном гражданине.

Конан бросился вперед с нечленораздельным рыком. Вырвав руку из пальцев Африандры и отбросив свой нож в сторону, он подскочил к Занусу, сжав кулаки и занеся руку для удара. Лишь реакция

опытного фехтовальщика спасла Зануса. Один удар кулака киммерийца наверняка убил бы его. Но Конан не стал останавливаться. Прямые и боковые удары сыпались один за другим, заставляя противника отступать, уворачиваясь и приседая. Занус только-только успевал отпрыгивать, постепенно переходя на бег. А киммериец продолжал загонять его в угол двора.

— Стой, Конан! Прекрати! — раздался спасительный если не для жизни, то уж точно для чести Зануса крик Аффриандры. — Так оскорблять его — это тоже грех перед богиней!

Вновь спасенный Занус стоял перед ними задыхаясь и вздрагивая. Его туника была растрепана и порвана в нескольких местах. Он уже наполовину вытащил из ножен свой священный меч, но быстро взял себя в руки, пытаясь сохранить остатки достоинства, изрядно потрепанного дубиноподобными кулаками Конана.

— Оскорблять меня? — воскликнул Занус. — Этот нечистый не может даже оскорбить меня. Мои навыки жреца-воина не предусматривают звериную драку во дворе дворца. Встретясь я с этим ничтожеством в открытом бою, я бы показал ему, что значит меч в руках храмового воина. А теперь, Аффриандра, отошли этого грубияна и пойдем со мной. Нам нужно помолиться у алтаря Садиты.

— Занус, жалкий трус! — прорычал Конан. — Я еще до тебя доберусь! Я не буду рвать тебя на куски здесь, на глазах у девушки. Это зрелище не для нее. Но я вызываю тебя на бой при народе. Это ведь дозволяется вашими священными обычаями! Бой на мечах, до смерти, за воротами храма почитаемой вами богини!

— А ты, однако, самонадеян! — презрительно скривил губы Занус. — Да будет тебе, дикарю,

известно, что священные дуэли возможны лишь между почитателями Единственной Богини! Неверный чужеземец никогда не будет иметь права участвовать в них. Это было бы слишком большой честью для такого варвара, как ты. А теперь — оставь нас!

— Да, Конан, пожалуйста, уходи! — взмолилась Аффриандра, становясь между киммерийцем и его противником. — Я просила тебя о помощи — и ты помог мне. Спасибо тебе. А сейчас я снова прошу тебя. Сильнее, чем прежде. Ради мира и спасения нашего города, нашей веры — уходи. Уходи отсюда. Оставь нас. Оставь меня и Зануса. Наверное, нам придется и дальше следовать нашей невеселой судьбе! Уходи!

Глава 6

КУЗНИЦА ПРЕИСПОДНЕЙ

Верховный жрец Куманос шел, босой, по покрытому острыми обломками вулканического пепла склону. Долгие дни пути сделали его ступни почти нечувствительными к боли. Там, где грубая кожа оказывалась слабее камня, оставались красные капли. По этим следам спутникам Верховного жреца было нетрудно находить путь вслед за ним. Сам же он, словно одержимый, шел вперед, не останавливаясь, не замечая ничего вокруг.

Не давая отдыха себе, Куманос не щадил и остальных. Многие из его спутников тоже шли босыми, изорвав свои сандалии о камни, похожие на осколки оплавленного стекла. Все без исключения рабы — мужчины и женщины — несли на спинах корзины, набитые под самую крышку

зеленовато-серой рудой. Пот ручьем лился по спинам носильщиков, сгибавшихся под тяжестью груза. Солдаты, охранявшие их, тоже чувствовали себя не лучше — ведь им теперь приходилось самим нести запасы воды и продовольствия. Двое помощников Куманоса шли без груза, но на их долю выпала тяжкая обязанность угрозами и ударами бича поднимать упавших под тяжестью ноши рабов или же, в назидание остальным, добивать тех, кто уже не мог идти.

За время их перехода от шахт по Шартоумским холмам не случилось почти никаких происшествий. Отряд не побеспокоили ни люди шейха, ни залетные банды грабителей караванов. Это было большой удачей для этих мест, пользующихся дурной славой, особенно если учесть ценность груза, переносимого караваном. Кроме того, среди рабов прошел слух, что в конце пути в награду за хорошую работу им будет выдана часть добытого.

Но день ото дня разговоры о награде, о родном доме да и на другие темы возникали все реже и реже. В тяжелом молчании рабы и охранники следовали за Куманосом, который уже начинал им казаться если не святым, то уж не простым смертным. Кое-кто из рабов стал утверждать, что, мучая так себя и их, жрец превратит позор их рабства в подвиг самоотречения и самопожертвования. Утешение было слабым, но, за неимением другого, многие ухватились за эту мысль, как за соломинку.

Мало-помалу отряд приближался к другому хребту. В Шартоуме слышали об этих горах, называемых Трубами Шайтана за столбы дыма, поднимавшиеся над их вершинами днем, и сполохи огня, мелькавшие над ними по ночам. Кровавый след Куманоса вел их к одному из дымящихся пиков.

Верховный жрец шел, находя дорогу по приметам, о которых ему рассказал старый отшельник. Но теперь Куманос чувствовал себя не так, как во время поисков старца в Огненной Долине, — в нем не было смертной души. Никакие сомнения, страхи, стремления не мешали главному — достижению цели. Только служение Вотанте и его наместнику на земле — королю Анаксимандру — составляло смысл жизни молодого жреца.

На дальнем склоне мелькнула фигура одинокого селянина, обрабатывавшего плодородное, удобренное вулканическим пеплом поле. Не дожидаясь приближения отряда, селянин исчез в зарослях. Куманос понял, что известие о приближении его людей намного обгонит сам караван.

Уже к вечеру жрец и его отряд перевалили через гребень склона и спустились в кратер вулкана. Почти вся его поверхность была покрыта обломками гранита и базальтовыми глыбами. Здесь и там между ними прорывались в небо столбы дыма и пара. Лишь кое-где росли одинокие деревья да зеленели клочки огородов вокруг небольшой деревни. Между полуразвалившимися лачугами суетливо метались человеческие фигуры. Куманос понял — его ждут.

К тому времени как отряд спустился по внутреннему склону на ровную площадку в центре и рабы повалились на землю между домами деревни, лишь один человек из ее обитателей предстал перед глазами пришельцев. Это был пожилой селянин, видимо старейшина, одетый в шерстяную рубаху и штаны. На ногах у него были сапоги с толстой подошвой, способной долго противостоять режущим граням вулканических осколков. Куманос, приказав своим подчиненным раздобыть воду, подошел к старику и без всяких предисловий приступил к делу:

— Вы выполняли порученные вам обязанности? — спросил он. — Все ли готово к применению?

Лицо старика расплылось в подобострастной улыбке, и он почтительно кивнул:

— Наш клан выполнил все, что нам было поручено вашими предшественниками. Все тщательно сохранялось в течение всех семи веков. Металл смазывался пальмовым маслом, хрупкие части прикрыты от дождей и пыли. Все охраняется от воров и недостойных использовать эти орудия. Дерево тоже заменялось в срок. Те бревна, которые лежат сейчас в запасе, были заготовлены семнадцать лет назад. — Закончив, старик неуверенно протянул вперед руку, словно за платой.

На лице Куманоса не отразилось никаких чувств. Жрец щелкнул пальцами, и в ту же секунду трое саркадийских воинов, оставив сгрудившихся у сосудов с водой рабов, подошли к нему.

— Покажи нам все, — приказал Куманос старику.

Тот, не говоря ни слова, повернулся кругом и пошел прочь, за кольцо деревенских хижин. Куманос и солдаты последовали за ним. Они прошли по вымощенной камнем дорожке между огородами, лоскутками пшеничных полей и вскоре оказались на необработанной, мертвой земле, на которой тут и там были разбросаны небольшие озерца, покрытые клубами пара.

Затем источники исчезли, а земля под ногами стала заметно горячее. В воздухе пахло серой, на губах оставался металлический привкус. Даже небо казалось свинцовым из-за толщи дыма, скопившегося в кратере. Неожиданно между базальтовых глыб мелькнуло пламя — это полыхнула из глубины разлома бурлившая на дне вулканическая

лава. Воздух над такими разломами дрожал, как над костром или печкой.

Неподалеку от одного такого разлома были видны следы человеческой деятельности. Странные инструменты и механизмы отражали малиновый подземный свет. Огромные чаши, вырубленные из базальтовых глыб, железные цепи и коромысла, а главное — длинный стальной кран на самом краю обрыва. По обе стороны от него стояли острокрышие сооружения, в которых были укрыты от жары длинные деревянные шесты и мелкие инструменты. В общем, хотя все вокруг было покрыто толстым слоем вулканического пепла, хозяйство выглядело ухоженным и готовым к работе.

— Бревна, — сказал Куманос, повернув голову к старику. — Покажи лес, который вы приготовили.

— Сначала деньги, — пожившись, попросил тот и вновь протянул руку к Верховному жрецу.

— Сначала бревна. — Куманос и не подумал потянуться к кошельку.

— Как прикажете. — Селянин повел жреца в обход гранитной гряды, прикрывающей их от нестерпимого жара, шедшего из разлома в земле. По дороге старик суетливо объяснял: — Дым, который выходит из земли, хорошо сушит дерево. Он словно консервирует его, защищает от гнили.

Куманос приблизился к провожатому и доверительно сказал:

— Мне потребуется помощь. Твоя и твоих соплеменников, чтобы разобраться в том, как пользоваться всеми этими механизмами. Я отблагодарю вас.

— Да-да, конечно, — ответил старик, косясь на чересчур близко подошедших солдат. — Вот ваши бревна.

Обойдя последний базальтовый валун, они оказались перед входом в пещеру. В глубине были видны торцы дюжины длинных, толстых бревен.

— А колеса? — продолжал Куманос. — Они ведь входят в наше соглашение. Я что-то их не вижу.

— Они там, в глубине пещеры. А теперь я жду золото. Столько, сколько положено по нашему соглашению, заключенному семь веков назад.

Рассеянно кивнув, Куманос снял с пояса тяжело звякнувший мешочек и протянул его старику. Затем он вошел в пещеру и внимательно осмотрел бревна. Они и вправду были отлично высушены и звонко отвечали на постукивание пальцами.

— Стой, стой! Он скрылся в пещере! — донесся до Куманоса крик одного из солдат.

Вся троица, добросовестно перекрывавшая вход в пещеру, чтобы не дать старику сбежать, рванулась вперед за ним. В темноте послышались удары и проклятия: это попавшие с яркого света в темноту саркадийцы натыкались на каменные стены. Немного спустя один из солдат вернулся и обнаружил, что Куманос внимательно исследует колеса — дюжину дисков диаметром в человеческий рост, сбитых из толстых досок, окантованных бронзой по ободу и с бронзовой ступицей в центре.

— Верховный, он сбежал, мы не смогли догнать его в пещере, — дрожа от страха, сказал солдат.

— Наверняка он знал запасные выходы. Пусть бежит. — Куманос повернулся и направился к выходу, жестом приказав солдатам следовать за ним. — Теперь он нам не нужен. Управимся сами. Уверен, что этот старикашка и все его племя не покажутся нам на глаза, пока мы будем здесь.

В последующие дни в кратере развернулась бурная деятельность. Руда была выгружена рядом с огнедышащим разломом и сложена в три кучи, соответствующие трем шахтам, где ее добывали. Затем каждая груда была переложена в огромные железные чаши с приклепанными у верхнего среза кольцами и неким подобием сливного носика.

В кольца были вдеты толстые цепи, а затем чаши при помощи длинных металлических шестов подвинуты к самому краю огненной пропасти. Работа была невыносимо тяжелой — рабы сменяли друг друга каждые несколько минут, давая отработавшим возможность отбежать и отдышаться там, где было чуть прохладнее.

То, что последовало за этим, оказалось еще труднее. Цепи, заведенные в кольца чаш, были прикреплены к еще одной толстой и длинной цепи, пропущенной через блок стрелы нависавшего над огненной ямой крана. Чтобы обслужить это металлическое чудовище, рабам приходилось работать буквально в нескольких шагах от края обрыва.

Наконец первая чаша пошла вниз, в огненную топку. Казалось, что спуску не будет конца, что там, внизу, сама чаша и цепь уже расплавились в невероятной жаре земных недр. Почти сразу же Куманос отдал приказ поднять чашу. Для этого пришлось прибегнуть к помощи не только всех рабов, но и большей части солдат. Звено за звеном, шаг за шагом цепь была выбрана, и чаша оказалась на поверхности.

Поднятая руда в первый момент показалась грудой углей, пылающих в очаге. Только очаг был железным и сам светился таким же зловещим красным, а кое-где и белым светом.

Не давая руде остыть, рабы начали размельчать и ворошить огнедышащие комки длинными

металлическими баграми и лопатами. Затем чашу снова опустили в преисподнюю и вновь подняли на поверхность. Три раза без передышки, по приказу и под внимательным взором Куманоса и его помощников-жрецов.

В конце концов камни и пустая порода были выжжены, а в чаше остался лишь изрядно уменьшившийся в объеме слой расплавленного зеленоватого металла. При помощи крана чаша была поднята выше поверхности земли и установлена на высокую железную треногу. Широкий металлический желоб был приставлен к носику чаши, упираясь другим концом в отверстие каменной формы, детали которой были стянуты железными скобами и цепями. Медленно, осторожно чашу наклонили — и по желобу, сыпля зелеными брызгами, потек расплавленный металл. Казалось, каменная форма вот-вот разорвется, не выдержав такой температуры. Сквозь толщу камня по-прежнему пробивался зловещий зеленый свет.

Только когда последняя сверкающая капля скатилась с желоба в каменный сосуд, все заметили, что уже наступила ночь. Куманос произнес благодарственную молитву Вотанте, знаменующую конец рабочего дня. Рабы рухнули замертво и погрузились в сон, прерываемый стонами от болящих ожогов. У многих были сожжены брови и ресницы, легкие, казалось, были полны жарким дыханием вулкана. Последняя мысль каждого заснувшего была о том, что в этот день была сделана всего лишь треть работы. Этому кошмару суждено было повториться еще дважды.

На следующий день, когда форма остыла настолько, что к ней стало возможно приблизиться, с нее были сняты стягивающие ее скобы и цепи. Каменные фрагменты были убраны, и взгляду от-

крылась конструкция какой-то непонятной формы — видимо, фрагмент большой статуи, как предположили рабы. Не давая времени на отдых и разглядывание, Куманос приказал укрыть странный предмет палаточным холстом и обвязать его веревками. Прежде чем была продолжена вечерашняя работа, запеленутую фигуру установили на сооруженную из приготовленных деталей повозку и откатили к деревне, где и оставили под охраной.

Подобным образом были изготовлены еще два фрагмента по новым, но похожим формам. Оба раза, признав результат работы удовлетворительным, Куманос лично оборачивал статую холстами и обвязывал веревками. С каждым разом работа казалась легче — сказывался опыт. Поэтому последний слиток был отлит значительно меньшей бригадой, чем первый. Куманос приказал, чтобы треть рабов впряглась в первую повозку и начала свой путь прочь из кратера. Вторая треть прикатила на ее место в деревню вторую телегу с огромными колесами. И только тогда оставшиеся рабочие взялись за отливку третьего фрагмента. По известным только ему одному причинам Верховный жрец не допускал соприкосновения или близкого нахождения готовых фрагментов, хотя такой расклад сил оставлял мало рабочих рук для обработки руды и заливки формы.

Успешному выполнению работы в немалой степени способствовали усилия Тульбара Гирканийца, которого Куманос сумел превратить из мятежника в образец прилежания. Он работал без устали, брался за самое трудное дело и продолжал ворошить раскаленную руду, когда уже три смены других рабов побросали свои багры и лопаты и бежали прочь от невыносимой жары.

Незадолго до конца работы, когда поднятая чаша с расплавленным металлом уже висела над треногой, одна из цепей лопнула. Чаша стала угрожающе крениться. Именно Тульбар, первый и единственный, добровольно бросился под нее и подставил под бортик чаши свой багор. Затем он прополз по стреле крана, чтобы пропустить через его блок дополнительную цепь. И вот, когда уже все было выполнено, уставшие руки подвели Тульбара. Не удержавшись, он рухнул прямо в огнедышащую чашу. На глазах товарищей его тело в облаке пара скрылось в светящейся зеленым огнем жидкости. Лишь несколько пузырей, лопнувших через несколько секунд, — вот и все, что осталось от человека.

Несмотря на, а может быть, и благодаря почти что добровольному жертвоприношению Тульбара, отливка была закончена успешно. Когда один из младших жрецов предложил Куманосу провести особый траурный ритуал по поводу гибели лучшего работника в огненной купели, ответ был краток:

— Не стоит. Это не столь важно. Смерть тела, физическое страдание — это не самое большое несчастье. Настоящую боль испытываешь не при этом.

Глава 7

ЯРОСТЬ ПУСТЫНИ

— Вот так, положи внутрь небольшой камень, чтобы ловушка опустилась на дно. Теперь — несколько кусочков мяса внутрь... — Сидя на корточках, Конан-киммериец доделывал ловушку для

раков под восхищенными взглядами детей. — Ну вот, готово.

Приспособление представляло собой всего-навсего две корзины: одна в форме яйца, а другая — конус, вставленный открытым концом в дыру в первой. Но, посмотрев на лица Эзреля, Ябеда, Фелидамон и маленького Иноса, можно было бы подумать, что киммериец соорудил ее из тончайшего шелка и золотой проволоки.

— Вот так это делают пикты, когда ловят раков в Черной реке. Ну а теперь оставим эту ловушку в заводи на ночь, а утром оценим улов.

— А рыбу будем сегодня ловить? — спросил Ябед. — Мне так нравятся угри...

— Посмотрим, — подмигнул Конан, разбирая остальные снасти.

— Угри — отличная штука, — подтвердила Фелидамон, — но раки лучше. Я бы научила маму готовить их, но она наверняка скажет, что это нечистая пища.

— Горожане, конечно, с удовольствием ели бы эту нечистую еду в голодное время, — буркнул Конан. — Только здесь, где голод — следствие засухи, река к тому времени пересохнет, и ловить в ней будет некого. Вам следует больше радоваться царящему сейчас изобилию.

— Кто-то идет, — запищал Инос, заметив шевеление в кустах выше по течению. Повернувшись, остальные увидели, как из зарослей кустарников к ним приближается длинное копьё. Звук шагов его обладателя заглушался журчанием ручья.

— Эй, там! — позвал Конан появившегося из кустов человека.

Это был житель пустыни, дочерна загорелый, коротко стриженный. Его пропыленный бурнус был перетянут ремнем, с которого свисала кривая

сабля. Капюшон был откинут, обнажая мускулистую шею. Шест, который нес кочевник, оказался тонким копьём, длиной более чем вдвое превышающим человеческий рост, под наконечником торчало нечто вроде гнутого крюка.

Остановившись в изумлении перед компанией, человек расплылся в преувеличенно вежливой улыбке, обнажив крупные желтые зубы.

— Добро пожаловать, незнакомец, — обратился к нему Конан на диалекте южных пустынь. — Подойди поближе, раздели с нами трапезу и... — Говоря это, киммериец нашарил за спиной воткнутой в землю нож. Молниеносным движением руки он метнул тяжелый клинок, договаривая фразу: — ...И воспользуйся нашим гостеприимством.

Клинок воткнулся в грудь незнакомца прямо под горлом. Рука кочевника, потянувшаяся было к сабле, бессильно опустилась, из раны хлынула струя крови, и несчастный повалился на землю. Его копьё упало на холодные угли потухшего костра.

— Зачем... зачем ты убил его? — с ужасом в голосе спросил Инос. — Он что, хотел украсть нашу рыбу?

— Быстро собирайтесь, — скомандовал Конан, поднимая упавшее копьё. — Клянусь всеми богами и божествами — это не острога для рыбы. Эту штуку сделали, чтобы охотиться за стражами вашего города и стаскивать их со стены, как вытаскивают рыбу из воды. Ну, живее, за мной! Не отставать.

Задержавшись, чтобы поднять свой нож, Конан схватил под мышку маленького Иноса и бегом направился к городской стене. Во второй руке он сжимал копьё. Сзади послышался голос Эзреля:

— Конан, ворота в другом месте!

— У нас нет времени, чтобы бежать к Таможенным воротам, — бросил через плечо киммериец. — Да и кочевники наверняка уже там.

— А Северные ворота...

— Слишком далеко! Давайте за мной. Ворота нам не понадобятся.

Эзрель ускорил бег. Ябед и Фелидамон с трудом поспевали за ними. Когда они подбежали к городской стене, то увидели, что за их приближением с нетерпением наблюдает один из стражников, несущих дежурство на стене. Увидев его подозрительную физиономию, Конан закричал:

— Вызывай подмогу, болван! На ваш город напали!

Подбежав к стене вплотную, киммериец поднял копьё и зацепил крюком за гребень стены. Второй конец копья уперся в землю в двух шагах от основания стены. Одного за другим Конан подсадил Иноса и Ябеда, подбодрив их:

— Давайте, давайте! Ничего сложного в этом нет. Не труднее, чем залезть на пальму. А уж в этом деле вы мастера.

Удерживая шатающийся шест обеими руками, Конан увидел, как один за другим оба мальчишки были приняты стражником наверху. Затем пришла очередь Фелидамон. Она вскарабкалась по шесту не менее ловко, чем мальчишка. С Эзрелем вышла заминка.

— Лезь первым! — крикнул подросток. — Тебе будет легче удерживать копьё сверху. Тогда и я заберусь.

— Нет, приятель, — отмахнулся Конан. — Крюк не выдержит меня. Он и под твоим-то весом может разогнуться, но я постараюсь подольше подстраховать тебя. Давай, вперед! — Он кивнул головой в сторону зарослей, из которых один за

другим появлялись кочевники, и поторопил парня: — Если ты еще немного потянешь время, нам обоим крышка!

В мгновение ока Эзрель оказался на стене.

— Держись, Конан! — крикнул он сверху. — Я постараюсь найти веревку.

Киммериец не собирался дожидаться столь призрачного спасения. Повиснув всем весом на копье, он почувствовал, как крюк разгибается и отламывается, как он и предполагал. Не тратя времени даже на то, чтобы выругаться, Конан бросился прочь от стены, в сторону приближающейся цепи кочевников.

Тот, прямо навстречу которому ринулся киммериец, опустил свое копье, ожидая атаки и готовясь отбить ее. К его удивлению, сломанный наконечник исчез из поля зрения, не дотянувшись до него. Вдруг сильный удар другим концом копья свалил молодого шемита на землю. Это Конан, не добежав немного до противника, развернулся и бросился обратно к стене.

Разогнавшись, Конан выставил копье вперед и воткнул его наконечником в землю у подножия стены, не выпуская из рук другого конца оружия. Изогнутый шест распрямился, словно лук, подбрасывая Конана вперед и вверх. Дерево заскрипело под таким весом, но выдержало.

В следующий миг Конан приземлился по другую сторону стены, преодолев высоту чуть не втрое больше своего роста.

Не успел он встать на ноги, как увидел несущегося к нему стражника, проклиная захватчиков. Сбив его с ног, Конан навалился на стражника и пару раз ударил головой в шлеме о камни мостовой, крича при этом:

— Я не захватчик! Я ваш союзник! Понял, скотина? Я ваш друг!

Схватив выроненное солдатом копье, киммериец бросился к стене, где уже шел бой.

Стражники по обе стороны от него сдерживали наступающих кочевников, лезущих на стену по приставным лестницам, длинным копьям и веревкам с крючьями на конце. Охрана была немногочисленной: один человек примерно на двадцать шагов стены. Кроме того, некоторые стражники, яростно сражаясь на гребне стены, уже пали, пронзенные вражескими стрелами и копьями. Топот спешащих на помощь отрядов раздавался позади, на улицах города. Но за те несколько минут, что потребуются им, чтобы добраться до поля боя, лавина кочевников может перехлестнуть через стену.

Конан носился по стене, не давая кочевникам перевалиться через гребень. Одному из них он воткнул копьем руку, заставив съехать вниз по шесту. Другой получил удар копьем в шею и рухнул вслед за первым. Третьего киммериец ткнул обратной стороной копья в лицо, когда оно показалось над стеной. Но как ни старался Конан, двоим, наиболее ловким и удачливым, удалось-таки забраться на стену.

Стражник, принявший Конана за врага, пришел в себя после полученной взбучки и бросился наперерез кочевникам, оседлавшим стену, выхватив из ножен саблю. К несчастью, один из брошенных снизу арканов обвился вокруг его шеи. Солдат попытался высвободиться, но все его силы уходили на то, чтобы только удержаться на стене. Но силы были слишком неравными: за другой конец веревки тянули сразу несколько кочевников. Пущенное Конаном копье поразило одного из них, но было уже поздно. Стражник с криком рухнул со стены.

Уже с полдюжины нападающих стояли на стене! Между ними и Таможенными воротами стоял лишь Конан и двое стражей. Кочевники не торопились спрыгивать со стены в караванный двор, где уже появились солдаты Оджары. Вместо этого они повернули в сторону Конана, догадавшись, что если им удастся добраться до ворот, то, открыв их, они откроют своим приятелям путь в город.

К счастью, ширина стены не позволяла передвигаться более чем по двое в ряд. Подняв саблю погибшего стражника и чье-то копье, Конан приготовился отразить атаку.

Первый кочевник, самый отчаянный, бросился на киммерийца, размахивая мечом. Неуловимое движение северянина вырвало меч из его рук и отбросило оружие на стену. Туда же последовал и его обладатель, с глубокой раной на шее.

Еще двое встали на его место, а третий вознамерился помочь им, просунув между ними копье, за наконечник которого и схватился Конан. Он сильно дернул копье в сторону и, воспользовавшись этим рычагом, сбросил со стены одного из передней пары. Секунду спустя второй противник получил удар копьем в грудь. Тяжелый наконечник пронзил человека насквозь и воткнулся в бок стоявшего за ним и пытавшегося высвободить свое оружие кочевника. Словно две рыбы на одной остроге, они рухнули вниз, издавая душераздирающие крики и дергаясь в агонии.

Бойня продолжалась, Конан сражался, ожидая в любой момент получить вражеское копье в спину или стрелу в бок. Он старался двигаться не останавливаясь, чтобы сделать себя трудной мишенью. Еще один кочевник пал жертвой умелого киммерийского воина. Еще один. Неожиданно послед-

ний оставшийся на стене противник развернулся и бросился бежать, объятый страхом.

Не успел он пробежать и нескольких шагов, как снова был вынужден вступить в бой. На этот раз его противником оказался один из храмовых воинов — Конан легко узнал серую боевую тунуку и, главное, особый, сухой и экономный стиль боя. Кочевник нанес удар слева — и наткнулся на подставленный клинок. Еще один удар — и снова сталь высекла искры из стали. Тычок перед собой — но противник неуловимым движением ускользает от меча. Одного лишь взмаха меча храмового воина оказалось достаточно, чтобы навсегда прервать эту отчаянную атаку. Кочевник, пронзенный мечом, рухнул навзничь на стену, а затем пинком воина был скинут вниз, словно мешок с отбросами. Победитель вознамерился точно так же разделаться и с Конаном. Он поднял меч и принял боевую стойку. Удивление Конана рассеялось, когда он рассмотрел лицо своего нового противника. Занус, победитель турниров храма Единственной Истинной Богини.

Губы воина-жреца скривились в надменной усмешке. Но что-то еще мелькнуло в глазах Зануса. Неуверенность? Страх? По крайней мере, он с явным облегчением услышал раздавшиеся снизу, из караванного двора, крики:

— Да здравствуют герои! Стена свободна! Город спасен! Слава Занусу и храброму чужеземцу!

Под аплодисменты тех, кто был соучастником победы, было как-то неловко начинать бой. Конан и Занус неохотно опустили оружие. Не говоря ни слова, воин храма Садиты повернулся спиной к сопернику.

В какой-то миг Конану показалось, что ликование жителей Оджары было преждевременным. Кое-где

еще шел бой, и кочевники осыпали защитников города стрелами и копьями. Но соотношение сил явно изменилось. Исчез боевой пыл нападавших. Оставшиеся в живых старались вытащить с поля боя раненых и убитых товарищей.

Внутри городских стен был совсем другой мир. Все было пронизано скорее радостью, чем чувством опасности. Отряды ополченцев в блестящих, редко надеваемых доспехах и шлемах двигались на помощь защитникам. Остальные горожане, включая женщин и детей, тоже ринулись к стенам. Трубачи и барабанщики вознамерились поупражняться в своем искусстве, подбадривая толпу дикой какофонией звуков.

Вдруг весь шум перекрыл звук горна — красивая, призывная мелодия.

— Королевское воззвание, — пояснил Конану стоявший рядом с ним стражник, — так быстро.

Он вытер клинок своей сабли и спрятал ее в ножны.

Занус, услышав сигнал сбора, построил полдюжины своих бойцов. Четким строевым шагом они проследовали по стене. Ближайшие к Конану стражники последовали за ними, идя куда менее эффективно, даже не в ногу. Один из них обратился к киммерийцу:

— Ты тоже можешь идти с нами. Ты ведь один из героев сегодняшнего боя.

— Куда? Во дворец? — удивился Конан. — А не рано ли покидать стену? Что, если кочевники возобновят атаку?

— Не волнуйся, новая стража, на всякий случай удвоенная, будет нести службу. Если будет нужно, нас позовут. Хотя вряд ли. Эти жители пустыни никогда не соберутся на второй штурм за день.

— Раз-два в году случаются такие набеги. Это уже стало чем-то вроде спорта, — добавил второй стражник. — Это даже помогает держать себя всегда в форме. Жаль, конечно, погибших, — махнул он рукой в сторону полудюжины трупов защитников Оджары.

— Они так редко нападают на город? — поинтересовался Конан, следуя за стражниками.

— Год на год не приходится. Сейчас в южных пустынях засуха. Тяжелые времена для многих племен. Эти налетчики были в основном из племени Кифаров, Кадаров и Азилей, судя по оперению их стрел. Они нападают на города от отчаяния. В случае победы — огромная добыча. А если они терпят поражение, то возвращаются домой, ведя в поводу освободившихся верблюдов. В конце концов, лишними едоками меньше. В любом случае они в выигрыше. — Стражник грубо рассмеялся.

Все время, пока они шли по стене, следуя за храмовыми воинами, снизу раздавались восторженные крики горожан и стройные приветствия отрядов ополченцев и солдат. Герои дня, не спускаясь, продолжали свой путь по стене.

Через внутренние ворота толпу горожан впустили в храмовый квартал, отгороженный от остального города стеной, такой же высокой, как наружная, только менее массивной. Здесь, среди прекрасного сада с фонтанами, стоял главный храм Садиты и королевский дворец.

Герои дня сошли со стены и проследовали в сопровождении храмовых танцовщиц во внутренний дворик между дворцом и храмом. Ворота, ведущие в этот двор, были не менее крепкими, чем ворота наружной стены. В центре площадки на возвышении стояла вся королевская семья Оджары.

Все трое надели на себя сверкающие церемониальные доспехи, годные не только для парадных случаев, но и для настоящего боя. Африандра поймала взгляд Конана в тот миг, когда он только появился во дворе. Она стояла между родителями — королем Семиархосом и королевой Регуллой.

— Горожане, воины, верные слугители Садиты! — обратился король к присутствующим в тот миг, когда отряд Зануса выстроился перед ним. — Набег варваров отражен. Враг разбит, как всегда бывало раньше.

Семиархос был высоким, статным мужчиной. Седые волосы пробивались из-под звездообразной короны. Завитые кольца белоснежной бороды спускались на пластину доспехов.

— Сказания о битве и хвалебные песни Садите уже пропеты в храме. Наши убитые, к счастью столь немногие, уже собраны и подготовлены в последний путь. Пусть успокоит Садита их души. Пусть даст она здоровья и скорейшего выздоровления раненым. Город остается под двойной охраной на случай нового нападения.

В соответствии с обычаями нашего города каждый защитник, оборонявший город, получает специальное вознаграждение от короля Оджары. Сейчас герои сегодняшнего дня получают свою награду. За убитых и раненых ее могут получить вдовы и жены.

Пока король говорил, к стоявшим в центре двора воинам подошли жрицы в длинных одеяниях. Одна из них остановилась около Конана и вложила что-то в его подставленную ладонь.

К удивлению киммерийца, награда оказалась не дешевым медальоном, а квадратной золотой монетой размером с ноготь большого пальца, толстой и основательной на вес. На обеих ее сторонах было от-

чеканено изображение короны королей Оджары. Ловким движением Конан опустил монету во внутренний кошелек, висевший на поясе в складках его широких штанов.

— Среди многих героев, окропивших сегодня стены Оджары своим потом и кровью, — продолжал король, — один должен быть отмечен особо. Его умение вести бой и смелость необычны даже для нашего славного города. Я имею в виду, конечно же, храмового воина Зануса, сильнейшего из воинов-жрецов великой Садиты! Он — воин высшей, Восьмой Ступени. Равных ему не было в городе за последние триста лет. Его участие в сегодняшнем бою трудно переоценить. Прибыв к месту битвы во главе отряда храмовых воинов, он лично возглавил отражение вражеского нападения. Сегодня он сразил четверых врагов, доведя их общее число до невероятной цифры — двадцать четыре. Двадцать четыре победы над грозными противниками! Мы должны быть счастливы, что на страже нашего города и богини стоит такой славный воин!

Король, улыбаясь, слушал приветственные крики, адресованные Занусу. Ни дать ни взять, довольный тесть, подумал Конан. Виновник торжества стоял неподвижно, никак не реагируя на восторг толпы. В эту минуту Африандра взглянула на отца и, наклонившись, шепнула ему что-то на ухо, тот, не теряя довольного вида, кивнул.

— Отдельный дар Садиты нашему городу, — начал король, когда аплодисменты начали стихать, — это помощь, оказанная в сегодняшнем бою нашим гостем, чье имя, если не ошибаюсь, Конан.

Семиархос царственным жестом ткнул пальцем в сторону киммерийца. Глаза всех присутствующих, кроме Зануса, повернулись к нему.

— Он был первым, заметившим нападавших, он же предупредил стражу и встал рядом с защитниками города, отражая атаку.

Послышались аплодисменты, несколько более слабые, чем адресованные Занусу. Их сменил ропот и осуждающие жесты, относившиеся к более чем скромному наряду Конана и пятнам крови, покрывавшим руки и ноги киммерийца. Занус, наверное, немалую часть сил в бою тратил на то, чтобы оставить чистой свою тунуку.

Затем настала очередь королевы. Она шагнула вперед — женщина, воплощение женственности, материнства и мудрости. Выражение лица под шлемом ничем не отличалось от выражения лица статуи Садиты.

— Как вы все знаете, — низким, грудным голосом обратилась к собравшимся Регула, — герои Оджары получают особое благословение Садиты — священный поцелуй Верховной жрицы и царствующей королевы от имени Единственной Истинной Богини.

Это заявление Конан прослушал без особого волнения. Затем до его слуха донеслись следующие слова:

— Но сегодня эта честь доверена наследнице трона Оджары, благородной и добродетельной принцессе Африандре. Это решение принято королем и высшими жрицами Садиты.

При этих словах Конан, к собственному удивлению, пошатнулся, почувствовав одновременно жар и озноб. Он с трудом поборол искушение воспользоваться правом чужеземца и отклонить эту награду.

Африандра сделала несколько шагов к Занусу, стоящему перед шеренгой своих бойцов. Подойдя к нему вплотную, она приложила губы к его губам и

задержалась так на несколько мгновений, надеясь хоть на малейший ответ. Все напрасно. Храмовый воин был неподвижен и холоден, как статуя.

Крики и аплодисменты сопровождали эту сцену. Оторвавшись от Зануса, Африандра нетерпеливо огляделась, Конан готов был поклясться, что ее взгляд искал именно его.

Конечно, киммериец не был уверен, что награда поцелуем предназначается и ему. Быть может, он, грязный, дикий варвар, был недостойн такой чести. Но если речь шла всего лишь о четырех убитых — что ж, он готов поработать мечом столько, сколько нужно, чтобы заработать целую ночь таких поцелуев.

Не отдавая отчета в своих действиях, Конан шагнул вперед, обошел шеренгу храмовых воинов и, приблизившись к Африандре вплотную, обхватил ее обеими руками. Их губы встретились, земля покачнулась под ногами. Его руки сжимали ее, словно руки потерпевшего кораблекрушение, вцепившиеся в обломок судна посреди бушующего моря. Недовольный шепот донесся до их ушей, но Африандра и Конан еще долго стояли не разжимая объятий.

Вечность спустя Конан ощутил, как чьи-то требовательные руки настойчиво тянут его за плечи назад. Наконец целующиеся разжали объятия. В ушах киммерийца что-то шумело и стучало: аплодисменты или кровь — этого он определить не мог. Африандра тоже с явным усилием возвращалась к реальности.

— Свершилось то, чему должно было свершиться. Два героя получили два священных поцелуя. — Королева Регула говорила, с трудом скрывая, что выходка чужеземца и ее дочери никак не входила в обряд церемонии.

— Конечно, Конан-чужеземец не принадлежит к нашему храму, — Регула сделала паузу, и киммериец понял по ее испуганным глазам, что она лихорадочно подыскивает подобающее объяснение происшедшему, — но он был отмечен особой милостью Садиты, действующей через свою священную представительницу — принцессу Африандру.

Принцесса, побледневшая и тяжело дышащая, и вправду походила на экзальтированную исполнительницу божественной воли. Она всячески избегала встречаться глазами как с Конаном, так и со всеми остальными.

— Итак, ввиду явно благосклонного отношения нашей богини к Конану, я считаю возможным ввести его в лоно храма Садиты и предоставить ему звание почетного гражданина Оджары.

По мнению Конана, эти слова королева, наверное, тоже произнесла под каким-то сверхъестественным влиянием. Как бы то ни было, но толпа присутствующих с одобрением встретила это решение. Но в этот момент раздался хриплый раздраженный голос Зануса, поклонившегося королю и обратившегося к нему:

— Как может неверный варвар быть удостоен равной со мной, нет, даже большей чести! Этот чужеземец, грязный еретик — позор для нашего храма. Отблагодарите его за грубую помощь, дайте ему денег, ваше величество, но не возвышайте его! Выгоните варвара из города, пока его необузданная дикость не пустила корни в нашем городе, в душах нашей молодежи!

— Занус! — громко позвал Конан через головы храмовых воинов, отгородивших киммерийца от своего командира.

— Вы только взгляните на него! — воин-жрец распалялся все больше. — Это же животное, более

грязное, чем кочевники, убитые им. Он не имеет ни малейшего представления о том, как вести себя в цивилизованном обществе! Может быть, умелый дрессировщик сумел бы научить его кое-чему, как цирковую обезьяну. Но сначала ему нужно выбить все зубы, вырвать ногти и отрезать некоторые другие части тела. А кроме того, приучить к послушанию при помощи кнута. Без этого он представляет опасность для общего спокойствия и достоинства граждан.

— Занус! — Растолкав храмовых воинов, Конан оказался лицом к лицу с сыплющим оскорблениями их командиром. — Я уважаю обычаи вашего города в достаточной мере, чтобы не зарубить тебя тут же, сию же секунду. — При этих словах рука Конана автоматически дернулась к рукояти ножа, но вовремя остановилась. — Но я вызываю тебя на поединок, Занус! Вызываю, как в тот раз. Слушайте все, — обратился он к толпе и к королю. — Теперь, когда я принят вашим храмом и мне дарованы все привилегии почетного горожанина, единственное право и привилегия, которыми я воспользуюсь, — это возможность убить этого наглого, самоуверенного мерзавца! Именем жизни и чести, перед ликом великой богини, я вызываю тебя на поединок!

Услышав слова торжественного ритуального вызова от Конана, толпа заволновалась. Сомнений не оставалось — народ слышал вызов Конана.

Ехидно улыбаясь, Занус, передразнивая Конана, ответил:

— Именем твоей жалкой жизни и ради чести Оджары, перед ликом великой богини и так далее... в общем, договорились. Если эти слова дают мне возможность покончить с твоей мерзкой жизнью, не опозорив мой меч и руку, держащую его, — тогда

я к твоим услугам. Встретимся в храме. Но тут, понимаешь ли... есть одна загвоздка... — С преувеличенной вежливостью Занус обратился к Конану: — Позвольте, низжайше кланяясь, испросить вашего позволения на одно дело. — Взглянув на Семиархоса, Занус продолжил: — Через несколько дней в наш город должен прибыть с визитом король Сарка — Анаксимандр. И я должен участвовать как в подготовке, так и в самой встрече. Эта работа занимает все мое время, она для меня куда как более важна, чем твой вызов, грязный чужеземец! Если ты позволишь мне вплотную заняться возложенными на меня обязанностями, отложив необходимость мараить о тебя руки и клинок, я буду тебе премного благодарен. А после отъезда высокого гостя я к твоим услугам!

Не найдя подходящих слов, Конан плюнул на землю у ног Зануса. Ответ был однозначно истолкован как положительный.

— Итак, решено. — Голос Регулы, в очередной раз обратившейся к горожанам, слегка дрожал. — Поединок героев! Именем жизни и чести, перед ликом великой богини!

Глава 8

ПОМОЛВКА БОГОВ

Король Сарка Анаксимандр торжественно въехал в Оджару с юга. Старейший и самый большой въезд в город — Старые ворота — редко использовался с тех пор, как со стороны реки был построен караванный квартал, огороженный дополнительной внешней стеной. Король Семиархос и королева Регула, выражая свое гостеприимство, выехали к

южной стене города, чтобы встретить почетного гостя, которого должен был везти в город на колеснице Занус.

Монаршью чету сопровождала лишь полудюжина храмовых воинов. Анаксимандр же, со своей стороны, сам объявил, что въедет в город без охраны. Большой караван и сто пятьдесят воинов по его приказу остановились лагерем далеко от стен Оджары, за границами оазиса посреди иссушенных солнцем полей: Анаксимандр отклонил предложение Семиархоса разместить их в караванном квартале или по крайней мере поближе к реке. По его мнению, это способствовало бы расслаблению и понижению дисциплины у воинов. Даже выслушав сообщение о недавнем нападении кочевников, он настоял на своем, утверждая, что его воины достаточно привыкли к лишениям и трудностям и готовы к отражению любого набега.

Единственными саркадийцами, вступившими в Оджару со своим королем, стали храмовые танцоры: десяток стройных, высоких юношей и девушек, с легкостью несших королевский паланкин.

— Я приветствую вас от имени всего города Сарка и его великого бога Вотанты, — объявил монархам Оджары Анаксимандр.

— Добро пожаловать, брат мой король, — ответил Семиархос, протягивая гостю руку, чтобы помочь тому перейти из паланкина в колесницу. — Благословен будь ты и твой город от имени нашего города и его богини. Совершишь ли ты путь по улицам Оджары в нашей колеснице? Отлично. Занус, дай мне поводья и следуй за колесницей. Я сам буду править ею в честь нашего гостя.

— А это, должно быть, и есть столь известная всем королева Регула? Достоянная спутница такого

мудрого и любимого народом короля, как ты, Семиархос.

— Благодарю, — ответил король Оджары.

— Благодарим тебя, — слегка покраснев, промолвила Регула. — Как правящая королева и как Верховная жрица, я приветствую тебя в этот исторический день.

— Я принимаю приветствия с обеих сторон. Ибо я в одном лице возглавляю и светскую власть, и жреческую касту Сарка.

Колесница развернулась и въехала по мощеной дороге в городские ворота. Анаксимандр с непривычки к поездкам на колесном экипаже едва сохранял равновесие, опираясь на бронзовый поручень.

— Вы встретили меня без множества чествований и помпы, — сказал король Сарка. — Многие монархи почли бы это за знак недостаточного уважения. Но я не из таких. Наоборот, я нахожу довольно приятным эти почти семейные отношения. А что касается вашего города — он, похоже, процветает как никогда раньше.

— А разве раньше ты бывал в Оджаре? — поинтересовалась Регула.

— Только в прекрасных снах и видениях, — поспешил уверить ее саркадиец. — Я никогда не забирался так далеко к северу.

Старые ворота вели в квартал купцов. Обсаженная деревьями улица шла вдоль шикарных особняков знати Оджары. Анаксимандр, стоя в колеснице, уважительно покачал головой, оценив их размеры и богатство. С балконов и из дверей высовывались улыбающиеся лица богато одетых горожан.

— Ваши подданные не кланяются в пояс и не падают ниц при вашем появлении, — обратил внимание Анаксимандр. — Они открыты и без недоверия относятся к чужеземцу.

— Естественно, — ответил Семиархос. — Ведь их желание установить добрые отношения между нашими городами ничуть не слабее нашего.

Путь колесницы пролегал через старый рынок, ставший местом отдыха горожан. Посреди большой площади с цветочными клумбами находился большой фонтан, в котором с визгом и смехом бултыхались дети. Их родители поспешили навстречу колеснице, чтобы поприветствовать монарха, его супругу и их гостей.

— Сколько же у вас воды, — покачал головой Анаксимандр. — Несомненно, внимательный божий взор обращен на ваш город.

— Да, наша богиня благоволит нам, — сказала Регула.

— Это один из четырех городских фонтанов, — объяснил Семиархос, — питаемых акведуком, проложенным по стене караванного квартала в царствование моего отца — короля Демиархоса.

— Ну да, караваны ведь следуют за водой. И в них у вас тоже нет недостатка, как я полагаю.

— Да, обычно так. Но в этом году сезон может начаться чуть позже обычного. Те же самые снега, которые питают наши реки, все еще перекрывают путь по северным перевалам.

— Но затем многие караваны, следующие на юг и на запад, найдут передышку и воду здесь, в стенах нашего города.

— Да, — Семиархос кивнул, — так было много лет подряд, и так будет впредь.

Король Оджары был старше и величественнее, чем саркадийский монарх. Седые волосы и широкая седая борода делали Семиархоса больше похожим на повелителя одного из городов северной Коринфии, чем на властителя из южного Шема. Рядом со своим мужем достойно выглядела и

королева Регула: статная, рослая, с прекрасными каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой. Смоляные волосы и курчавая борода Анаксимандра резко контрастировали с серебристой шевелюрой Семиархоса.

Следующая улица напрямую вывела их на небольшую площадь, за которой сразу же виднелись редко охраняемые ворота храмового квартала города. За воротами открывалась мощеная площадка, ограниченная фасадами храма Садиты и королевского дворца, — Агора, место для общественных собраний и религиозных празднований.

— Какое приятное место для королевского дворца. Просторный двор, прекрасный храм напротив. Вы можете позволить себе не обезображивать свою резиденцию бесчисленными укреплениями и не выставлять большую охрану, — восхищался Анаксимандр, крутя головой во все стороны. — Мы ведь сейчас в самом сердце Оджары? Здесь, напротив храма вашей богини, могла бы прекрасно расположиться наша священная миссия, а затем и монумент, который я хотел бы воздвигнуть в честь вновь обретенного братства наших городов.

— Монумент? — переспросил Семиархос. — Ты имеешь в виду алтарь или идола?

— Скорее, священный памятник, который станет центром наших ритуалов. Не нужно будет строить никаких новых зданий. Жрецы, которых мы пригласим к вам, могут остановиться где-нибудь в городе, если, конечно, это будет позволено.

— Надеюсь, этот монумент не будет чересчур угрожающим или тяжелым для неискушенного взгляда, — сказала королева.

— Ни в коем случае, досточтимая королева. Говоря точно, я имею в виду скульптуру, напоми-

нающую дерево. Разумеется, эта форма имеет свое особое значение. — Анаксимандр улыбнулся Регуле. — Одну такую статую сейчас отливают из редкого металла, найденного в южных горах, мои мастера. Я буду счастлив передать ее сюда в дар вашему городу от моего. Это было бы и моим подарком вашей семье.

— Анаксимандр, ты слишком щедр! — воскликнул Семиархос. — Я готов разделить с тобой расходы на изготовление и транспортировку...

— Ни в коем случае, дорогой друг! Ни слова об этом. Сколько бы мне ни стоила эта статуя, она не идет ни в какое сравнение с прибылью, обретаемой нами от братства между нашими городами. Главное — воздвигнуть монумент, чтобы здесь, в самом центре вашего города, последователи Вотанты могли совершать свои обряды и возносить жертвы. Знаете ли вы, что в традициях последователей нашего бога Вотанты — обильные жертвы, приносимые на его алтарь?

— Ну что ж, — объявила Регула, — будь уверен, мы установим такой же величественный монумент в вашем городе и воздадим достойные жертвы. Ты увидишь, что предложенный тобой культурный обмен обогатит оба царства.

— Великодушная королева, без сомнения, выгода Сарка будет неисчислимой.

Пока Анаксимандр говорил, колесница подъехала к широким ступеням дворцовой парадной лестницы. За колесницей подоспели воины-охранники храма Садиты и танцоры с королевским паланкином. Самые знатные граждане Оджары приветствовали процессию, стоя на ступенях. Распахнулись широкие двери, и монархи, их приближенные и знать вошли в большой зал с колоннами, уставленный широкими мягкими диванами с шелковыми

подушками и столами с великолепным угощением и напитками, ожидавшими гостей.

В зале оба короля были встречены танцовщицами храма Садиты, возглавляемыми самой Регулой. Девушки, находясь вне стен храма, двигались раскованно и естественно, а одна из самых молодых, Шарла, исполнила особый танец лично для высокого гостя. Этот выразительный танец привел Анаксимандра в смятение, он покраснел и занервничал, к явному удовольствию принимающей стороны.

Когда танец закончился, король Сарка встал, оглядел присутствующих и сказал:

— Несомненно, вы, оджарийцы, веселый и добродушный народ. Вы даже не боитесь беззлобно посмеяться над гостем, вогнав его в краску каким-нибудь трюком. Уверен, что общение с вами и дальше будет для меня источником приятных ощущений. Ну а теперь я прошу позволения отплатить за ваше представление. Сейчас танцоры из моего города исполнят ритуальный танец, полный пророческого значения для моего и вашего городов. Итак — свадьба Вотанты!

Танцоры вошли в зал с двух сторон и, повинаясь первому хлопку ладоней своего повелителя, в полной тишине начали танец. Их движениям сопровождал лишь звук сандалий, с силой ступающих на мраморный пол. Двое из группы — самые красивые юноша и девушка — с позволения Семиархоса взяли у охранников мечи и вступили в танец, двигаясь между остальными и изображая яростный бой.

Это было восхитительное зрелище, закончившееся победным свадебным проходом и церемонией бракосочетания у алтаря, составленного из тел остальных танцоров. Представление привело чету повелителей Оджары в изумление.

Регула, не скрывая слез, прошептала:

— Великолепно, просто великолепно! Но как, скажи, как тебе удалось достичь такого совершенства в подготовке своих танцоров? Они двигаются безупречно даже в сложнейших сценах, даже рискуя пораниться боевыми мечами. Мне можно многому поучиться у тебя. Нет, никогда мои танцовщицы не достигали такого совершенства. Умоляю, скажи, как ты добивался этого?

Анаксимандр рассеянно пожал плечами:

— Должно быть, королева, они просто ощущают на себе постоянное, неотрывное внимание своего Повелителя. Они знают, что от моего взгляда не ускользнет ни одна деталь. И, кроме того, каждый осознает значение ритуального танца, особенно этого, перед лицом великого Вотанты.

— Но что означает это действие, Ваше Величество? — спросила Регула. — Юноша с мечом — это ваш бог, я понимаю. Но кто его враги, и кто та девушка-воин, которую он берет в жены?

— Я не могу сказать наверняка, — ответил Анаксимандр. — Я же говорил, этот танец — пророчество. Он рассказывает о том, что происходит среди богов, а не на нашей земле. Но, если хотите, я могу предположить, истолковать его...

— Женщина-воин — это наша богиня Садита, — решительно вступил в разговор Семиархос, — по нашей традиции, у нее нет спутника-мужчины. Но при этом она ведь и богиня семейного очага и плодородия. Значит, рано или поздно она должна обрести достойного супруга. И не из смертных мужчин, а из богов.

— Именно об этом я и подумал, — сказал Анаксимандр, поглаживая золоченый подлокотник кресла. — И кто знает, быть может, пророчеству суждено сбыться еще при нашей жизни.

— Ты полагаешь, — выдохнула Регула, — что Садита должна выйти замуж за Вотанту и таким образом укрепить союз наших городов в царстве богов? Какая вдохновенная мысль.

Регула завороченно следила глазами за юношей, изображавшим в танце бога-меченосца.

— Похоже, ваш Вотанта — красивый, мужественный бог, достойный стать рядом с нашей храброй и прекрасной Садитой.

Анаксимандр засмеялся:

— Да, для меня и жрецов Вотанта — суровый законодатель, но для простого народа он еще и благородный герой, даритель огня и даже нечто вроде члена семьи. Кстати, многие боги в Шеме тоже несут в себе самые человеческие черты характера. Я думаю, боги наших городов найдут друг в друге много общего.

— Для меня все это звучит как заманчивое предложение, — задумчиво произнес Семиархос, — при условии, что Садита ясно даст нам понять благоприятными знаменами, истолкованными моей женой и другими жрицами, что она согласна на это. А ты, Занус, что скажешь на это? Стоит ли нашей богине принять предложение и стать женой бога наших соседей?

— Я, Ваше Величество? — Похоже, неожиданный вопрос застал врасплох воина, погруженного в свои мысли. — Благодарю за то, что вы интересуетесь моим мнением, Повелитель. Я как раз думал о том, что такой союз мог бы принести большую пользу нашему городу. Добавив в наш пантеон мужской твердости, мы усилили бы нашу веру, воодушевили бы воинов-мужчин и могли бы решить некоторые моральные проблемы... — Неожиданно он оборвал себя и повернулся к Регуле: — Право, я ни в коей мере не умаляю твердости и благородства нашей веры в Садиту.

— Ладно, Занус, можешь не извиняться, — королева милостиво улыбнулась. — Думаю, не лишним будет и оживление наших храмовых танцев.

Королева бросила взгляд в сторону почтительно склонившихся танцоров, стоявших вдоль одной из стен зала.

— Такое событие будет ознаменовано величайшими празднествами и торжествами, которые надолго запомнят наши граждане. А кроме того, дорогой гость, в земное будущее нашего царства уже вписана одна свадьба.

— Но к тому же и поединок, — добавил Семиархос. — Ну да это пустяки. Занус без труда расправится с бросившим ему вызов чужаком. Позволю себе объяснить, мой гость, что королева имела в виду свадьбу нашей дочери Африандры и этого великолепного воина. Так как у нас с Регулой нет наследника-мужчины, мы решили, что лучшим решением будет выдать принцессу за лучшего из храмовых воинов, что соответствует традиционному в нашем городе союзу монархов и храма. Но теперь, — король задумался, теребя завитки своей бороды, — теперь, я полагаю, их брак мог бы символизировать союз Вотанты и Садиты! Об этом стоит подумать.

— Африандра? — перебил его Анаксимандр. — Я столько слышал о ее красоте. Где она? Почему ее нет с нами?

Регула вздохнула:

— А, девичьи штучки. Она с утра была в плохом настроении, потом ей стало нехорошо, но, думаю, она вот-вот присоединится к нам. — Наклонившись к служанке, она негромко приказала: — Аэлла, пойди и пригласи принцессу, пожалуйста.

Анаксимандр присвистнул от удивления:

— Э, да вы и вправду терпеливые правители. Вы прощаете дочке ее глупости, вы даже обращаетесь к

слугам по имени и вежливо просите их исполнить ваше приказание. Невероятно. Вы и вправду отмечены богами. Вы и весь ваш город. Именно таких людей мы искали, чтобы... обрести друзей.

Семиархос, несколько смущенный, решил перейти в наступление:

— А ты, Анаксимандр, неужели ты оставил супругу и наследников взаперти, когда отправлялся в это путешествие? Или ты, следуя традиции южного Шема, держишь гарем из знатных женщин-аристократок?

— Ни то, ни другое, — ответил саркадиец. — Появись у меня наследник сейчас — это могло бы вызвать множество проблем, когда он вырастет, а я еще не буду преклонным старцем. Когда придет время, я выберу нескольких подходящих рабынь и позабочусь о продолжении своей династии. Таков многовековой обычай моих предков.

— Да, да, понятно, вполне объяснимая традиция. — Семиархос заговорил первым, чтобы не дать слова нахмурившейся Регуле. — У нас возникнут такие же проблемы, когда молодой Занус будет коронован как правитель Оджары, а я еще буду жив и в здравом уме. — Он тряхнул седой головой и похлопал храмового победителя по плечу. — Ничего, мы определим несколько лет для обучения управлению государством, а затем придумаем, как постепенно, шаг за шагом, передать власть...

— Африандра, дитя мое! — воскликнула Регула. — Как можно так долго заставлять себя ждать! Знакомься. Анаксимандр, король Сарка. Он только что предложил великолепный союз двух наших городов, их храмов и богов.

Принцесса подошла к центру зала, поклонилась Анаксимандру и поцеловала в лоб сидящих отца и

мать. Скромный и легкий поцелуй в щеку был словно не замечен Занусом.

— Дорогой гость, — продолжала Регула, — это наша дочь Африандра — единственная наследница и продолжательница королевской династии Оджары.

— Добро пожаловать, принцесса, — заявил Анаксимандр. — Вижу, что ты столь же прекрасна и восхитительна, как и твои царствующие родители. Подойди и сядь с нами. Отведай изысканных кушаний и редких напитков, стоящих на нашем столе. У нас тут есть прекрасное вино из Замбулы, тонкий аррак из Турана и специально привезенный моим караваном нарцинт из Самарры. Твои родители уже позволяют тебе бокал вина? Садись. Давай поговорим. Я так много хочу узнать о вашей прекрасной семье и чудном городе.

Кубки были вновь наполнены, и разговор продолжился. Принцесса в основном молчала, лишь односложно отвечая на расспросы Анаксимандра. Единственное, что действительно заинтересовало ее, — это предложение о браке Вотанты и Садиты. Африандра начала яростно возражать, но королева быстро оборвала дочь:

— Ну, ну, дочка, что ты заволновалась? В любом случае это дело еще не решено. Над ним стоит много раз подумать. Успокойся. Выпей бокал этого отличного самаррского вина.

— И вправду, — добавил Семиархос. — В конце концов, сначала следует спросить Вотанту и Садиту, дадут ли они свое согласие на этот союз. — Повернувшись к королю Анаксимандру, он пояснил: — Моя супруга стала Верховной жрицей благодаря своей особой чувствительности в восприятии воли нашей богини. Вещие сны и видения наяву посещают ее. Кроме того, она достигла больших успехов и в

обычных толкованиях по жженой кости, и в чтении по внутренностям жертвенных птиц и животных. Я думаю, при ее мастерстве и даре, нам не придется долго ждать ответа... Африандра, дочка, что с тобой?

Речь Семиархоса оборвалась, когда принцесса вдруг повалилась на пол. Стоявшая рядом Аэлла едва успела подхватить ее. С помощью королевы девушку вновь усадили в кресло, но тут она полностью потеряла сознание. Придя в себя после энергичного растирания рук и легких хлопков по щекам, она, не открывая глаз, сказала, что плохо себя чувствует и желает вернуться к себе в спальню. Едва держась на ногах, она удалилась из зала при помощи двух слуганок, поддерживавших ее под руки.

— Что бы это могло быть? — спросил король Анаксимандр. — Она глядела на меня, пригубив из кубка, как вдруг ее глаза широко раскрылись, и в следующий миг она рухнула на пол!

— Ох уж эти молоденькие девушки с их нервами, — посетовала Регула. — Не восприми это как оскорбление. Я и сама была такой в ее возрасте. Ничего, к вечеру она будет в форме, я уверена.

— Как бы то ни было, — сказал Анаксимандр, — вы благословлены вашей богиней, раз у вас есть такая красивая, чувствительная дочь. Любите ее, и она принесет вам много счастливых минут сейчас и в будущем, став мудрой королевой. А я могу лишь помолиться Вотанте, чтобы он тоже послал вам все то, что вы заслужили.

Принцесса Африандра, приняв лекарства, проспала весь день в своих покоях. Когда же она наконец очнулась, ее взгляд упал на силуэт мужчины, вырисовывавшийся на фоне балконной двери.

— Конан, — выдохнула она, приподнимаясь на подушках, и удивленно заморгала, глядя на него. — Но как ты пробрался сюда?

— Со дня набега, когда я узнал, что перебраться через стену не составляет большого труда, мои дела не пускали меня к тебе. — Киммериец не отходил от выхода на балкон, готовый исчезнуть в любую секунду. — Но сегодня я почувствовал, что с тобой не все в порядке... И вот я здесь, вижу, что ты спишь среди бела дня, явно приняв какие-то лекарства. Что такое, девочка, что случилось?

— Ничего, Конан. Просто высокое происхождение сыграло очередную злую шутку... Да еще этот чужеземный король...

— Ты пила нарцинт, правда? Я вижу это по тому, как блестят твои глаза. — Подойдя к стулу, стоявшему рядом с ее ложем, Конан спросил принцессу: — Африандра, эта дверь... она заперта? Я спрашиваю это только ради нашей безопасности... и твоей репутации...

— Не волнуйся, сюда никто не посмеет войти без стука. — Поднявшись на перинах, она протянула руки к Конану: — Подойди сюда и сядь рядом, если уж ты пришел, чтобы утешить меня. Хотя странно ждать утешения от воина, одетого лишь в шлем и наколенники. А что это за золотой меч у тебя на боку? Он настоящий или тоже часть моего видения?

— Не такой уж я дурак, чтобы отправиться во дворец, к тебе в гости, без своего ножа. Скажи мне, девочка, что так беспокоит тебя? Твои предвидения?

— Ох, Конан. Это было ужасно. — Память неожиданно вернулась к принцессе. — Я смотрела на гостя моих родителей, Аксандра... или как его там...

Его лицо с самого начала мне не понравилось. Но вдруг оно превратилось в оскаленный обожженный череп с лохмотьями обгорелой кожи. Я боюсь. Боюсь, что случится что-то ужасное.

— Ну, это пророческое видение мы уж как-нибудь растолкуем, — успокоил ее Конан, глядя девушку по голове. — Может быть, по пути домой в его шатре вспыхнет пожар. Скажи мне лучше, что с Занусом? Ему ведь предстоит нешуточный поединок. А твои родители, что ты увидела в их будущем?

— Прекрати, Конан, не надо! Я увидела только иноземного короля и упала в обморок. А потом я притворилась, что так и не могу прийти в себя, чтобы не открывать глаза и не смотреть ни на кого. — Закрыв лицо руками, она зарыдала.

— Ну, ну, девочка. — Конан присел на край постели и осторожно обнял принцессу. Та прижалась к нему и, все еще всхлипывая, положила голову на его грудь.

Успокоить ее стоило изрядных усилий и решительных действий, что потребовало много времени. Пару раз робкие пальцы стучали в дверь. Африандра показала достойное присутствие духа, четким голосом отсылая непрошенных визитеров, а затем возвращаясь к процессу утешения как ни в чем не бывало.

Через некоторое время Африандра зажгла лампу. Ее неровный свет залил золотом их ложе.словно песчаный островок посреди чернеющего моря, кровавая стояла в центре темной комнаты.

Глядя загорелую спину Конана, Африандра проговорила:

— Вот лучшее доказательство того, что мои видения — не бессмысленная чушь. Наоборот, они сбываются даже точнее, чем можно предположить.

Конан потянулся и, приподнявшись на локте, спросил:

— Ты имеешь в виду... что я именно так и выглядел?

— Каждый мускул, каждый шрам, — кивнула Африандра, водя пальцем по его телу, как бы еще раз желая убедиться в своей правоте.

— Хорошо, что ты не увидела меня без головы или каких-нибудь других, не менее важных частей тела. Так, по крайней мере, у меня остается хоть какой-то шанс в поединке с твоим суженым.

— Конан, я как раз хотела поговорить с тобой об этом. Если бы ты не пришел, я сама нашла бы способ встретиться с тобой. — Голос похожей на нимфу женщины стал неожиданно твердым и холодным. — Ты ведь понимаешь, как мне трудно иметь двух мужчин, которые... которые мне безразличны. И вот они готовы убить друг друга в поединке через каких-то несколько дней. Причем, строго говоря, даже не в борьбе за меня. Ведь выбор уже сделан, я объявлена невестой и не собираюсь разрывать помолвку. — Африандра заглянула в глаза Конану и почти взмолилась: — Разве ты не понимаешь, как трудно нам стало общаться с Занусом из-за тебя!

— Из-за меня? — фыркнул Конан. — При чем тут я? Я помог тебе, если ты еще помнишь, в твоих тайных побеггах. Затем ты использовала меня, чтобы разозлить своего холодного, самовлюбленного приятеля. Нет, это Занус дергается, как муха в паутине. Из-за него и все неприятности!

— Я использовала тебя? Что ты мелешь? Я только попросила твоего совета. Совета путешественника, видевшего мир. Конечно, следовало бы воспользоваться моим пророческим даром, чтобы увидеть, что все это кончится здесь, в моей спальне... Если

бы знать... — Африандра покачал головой. — Но даже в такой ситуации, Конан, у тебя нет причин для поединка с Занусом, — продолжала она убеждать его. — Не будь мальчишкой! Да, Занус остр на язык. Остр и его меч. Я все понимаю... Но стоит ли тебе так дрожать за свою варварскую гордость? Никто у тебя на родине не узнает, что с тобой случилось здесь. А мы, жители Оджары, что мы для тебя, если ты через месяц навсегда уедешь отсюда? С Занусом трудно иметь дело, это правда, но пойми, он ведь тоже человек, у него есть чувства, он может обижаться так же, как и ты. И повод для обиды у него был.

— Он у меня еще не так обидится! Видит Кром, этот самодовольный пес...

— Тише ты. — Африандра положила руку на плечо киммерийца. — Конан, Занус несет тяжелую ношу. Как храмовый победитель, он должен быть непобедимым, не ломаться ни перед какими трудностями и преградами. По крайней мере, люди должны верить, что это так. К тому же мои родители объявили его будущим правителем. А править Оджарой — это не удовольствие, это жизнь, полная ответственности и размышлений. Да еще ему приходится иметь дело со мной. Как видишь, тоже не подарок...

— А я не вижу менее подходящей кандидатуры на пост правителя, чем этот ограниченный, примитивный пижон. — Конан сплюнул. — Никто другой так быстро не сумеет превратить ваш терпимый и свободный город в бездушную тюрьму, похожую как две капли воды на другие шемитские государства. Я окажу тебе и всему твоему народу большую услугу, изрубив этого парня в капусту.

— Конан, в душе ты благороден и раним, — заливаясь слезами, взмолилась принцесса. — Да, он

ограничен, но мне с ним жить. Ради меня и моих родителей...

Ее прервал слабый стук в дверь.

— Принцесса, с вами все в порядке? — раздался приглушенный толстой дверью голос.

— Да, мне лучше. — Как и раньше, она говорила твердо и повелительно. — Оставьте меня, я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Простите, принцесса. — Дверь приоткрылась. — Я не могу удержаться, мне нужно...

При виде лежащих на кровати любовников лицо в дверном проеме побелело. Это был Занус.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и суметь хоть что-то сказать.

— А, понятно, — прохрипел он наконец.

— Занус, я... — начала Африандра, но было уже поздно. Дверь захлопнулась, Занус безмолвно удалился.

— Похоже, у парня есть кое-какой здравый смысл. — Конан ослабил хватку на рукоятки ножа, который он держал ниже края кровати. — Может быть, став королем, он будет давать тебе некоторую свободу.

— Нет, Конан, так дальше нельзя! Ты должен уехать, уехать из Оджары немедленно! В конце концов, что это для тебя значит? Я могу дать тебе денег на дорогу! Остановись где-нибудь в горах, в крайнем случае в деревне подальше от города. Дождись своего каравана там. Тебе нельзя вступать в поединок с Занусом. Если ты убьешь его, это будет самой страшной трагедией для города. А после того, что он видел сегодня, я не смогу убедить его пощадить тебя.

— Невозможно, — сказал Конан, садясь и протягивая руку за одеждой. — В ответ на его оскорбления я вызвал его на поединок. Прилюдно.

Африандра, по законам вашего храма, вызов — священен. И по моему закону тоже. — Тяжелый клинок скользнул в петлю на поясе. — Я не могу бежать от этого поединка, даже если все принцессы Шема будут на коленях умолять меня об этом.

Киммериец встал и в последний раз погладил Африандру по голове.

— Ну что ж, хорошо, если ты не можешь отступить, у тебя есть один способ доказать свою любовь ко мне. — Подняв залитое слезами лицо, принцесса взглянула Конану в глаза: — Дай Занусу убить себя!

Глава 9

ПЕСЧАНОЕ МОРЕ

Король Сарка Анаксимандр совершал свой путь через пустыню в полном комфорте. Откинувшись в кресле, он наслаждался равномерным покачиванием паланкина на плечах рабов. Это напоминало ему то, что рассказывали путешественники о плавании по морю. Сначала — постепенное карабкание вверх по склону бархана, замедляющееся к вершине, когда ноги носильщиков чуть не по колено вязли в сыпучем песке. Затем — миг зависания на гребне и спуск, все ускоряющийся по мере того, как рабы все чаще переступали ногами, удерживая рвущуюся вниз тяжесть драгоценного груза. Несколько шагов по ровному месту — передышка перед новым подъемом.

Анаксимандр радовался, словно ребенок. Он восхищался удобством и разнообразием путешествия, наслаждался ветерком, колыхавшим занавеси его экипажа, но более всего его приводил в восторг вид,

открывавшийся на гребне дюн до горизонта. Король хвалил себя за мудрое решение — возвращаться домой этой дорогой, а не по ровному выжженному дну древнего моря.

Конечно, следовало бы хорошенько наказать рабов за несогласованность и неритмичность шага. Но в конце концов, благодушно подумал король Сарка, все дело в отсутствии навыка и тренировки. Надо будет погонять их хорошенько. Сумели же танцоры так исполнить свой танец, что восхитили искушенных правителей Оджары. А кроме того, эта неритмичность покачивания доставляла определенное удовольствие.

Охрана, вполне возможно, имела возражения против выбранного маршрута, но благоразумно держала их при себе. Солдаты, равномерно окружив паланкин, шли, принаравливаясь к скорости носильщиков. Неожиданно командир отряда — офицер с обезображенным шрамами лицом, одетый в полированные бронзовые доспехи, — приблизился на своем коне к движущемуся трону Анаксимандра.

— Ваше Величество, — осторожно начал он. — На горизонте замечена процессия, следующая по солончаковой равнине на юг. Полагаю, это отряд Верховного жреца Куманоса, перевозящий священного идола в Оджару.

Анаксимандр поразмышлял некоторое время.

— Отлично, — заявил он, — значит, Куманос выдерживает обговоренный график движения. — Помолчав еще немного, король сказал: — А все-таки давненько я не слышал новостей от него. Да и те только через курьеров. Привези его сюда. Мне нужно с ним поговорить. Да, и пошли пару своих людей, чтобы они погоняли рабов во время его отсутствия: идол не должен замедлять движения.

— Будет исполнено, Ваше Величество.

Командир пустил коня галопом и, догнав своего заместителя, отдал необходимые распоряжения. Тот немедленно подозвал нескольких солдат, и, к удовольствию Анаксимандра, через несколько мгновений группа всадников уже неслась по барханам, оставляя за собой фонтаны поднятого песка.

Меньше чем через час гонцы вернулись. На этот раз они подъехали к каравану сзади. Король заметил их только тогда, когда лошади перевалили гребень ближайшего бархана. Посреди группы всадников скакал Куманос. По тому, как он держался за поводья, прижавшись к спине лошади, Анаксимандр понял, что верховая езда для жреца в диковинку. Хлопком в ладони король остановил носильщиков, а затем приказал опустить паланкин на песок.

Куманос сполз с лошади и, с трудом передвигая ноги, пошатываясь, подошел к королю. Однако он не упал и даже не застонал, чего с уверенностью ждал Анаксимандр, зная, чего стоит первая прогулка на полном скаку.

— Ваше Величество, — поприветствовал его Верховный жрец голосом, никогда раньше не звучавшим так твердо.

— Ну, молодой жрец, — почти дружески поздоровался с ним король, — время и тяжкие обязанности изменили тебя... надеюсь, к лучшему. Конечно, ты не помолодел, но, наоборот, стал более зрелым. Давай-ка залезай, предедься со мной немного. Рабы, думаю, выдержат дополнительный вес. Отличная штука — такая прогулка по дюнам. Уверен, тебе тоже понравится.

Прежде чем подняться в паланкин, Куманос задержался. Слуги короля стянули с него пропыленную одежду и надели какую-то шелковую золотис-

тую хламиду из одного из королевских сундуков. Когда жрец переодевался, Анаксимандр обратил внимание на его измученное, исхудавшее тело — почти что живой скелет, обтянутый кожей. Единственным украшением, которое носил при себе Куманос, был обломок ржавого ножа на шнурке, висевший на его шее. Переодевшись, Куманос нырнул под прозрачную тюлевую занавеску и влез в королевский паланкин.

Жрец сел напротив короля, спиной по ходу движения. Когда по сигналу Анаксимандра рабы взвалили паланкин на плечи, Верховный жрец от неожиданности покачнулся и чуть не выпал наружу. От падения на песок его спас король, цепко схвативший его за тонкое запястье.

— Итак, Верховный жрец, — начал Анаксимандр, когда Куманос чуть освоился с покачивающимся движением паланкина, — исполнил ли ты в точности требования нашего бога Вотанты? Как идол? Был ли он отлит в точном соответствии с древними формулами?

— Да, Ваше Величество. — Куманос бесстрастно смотрел на короля, его голос охрип на ветрах пустыни. — Священный металл был обнаружен в трех шахтах в Шартоумских горах, найденных по древним приметам. Печати на шахтах не были вскрыты. Руда соответствовала тем образцам, которые дал мне Солон. Эту руду перенесли к Трубам Шайтана, чтобы выплавить металл. Хранители выполнили свой долг полностью, как следовало по договору.

— А этот хитрый черт, шейх, — он помог тебе?

— Да, Повелитель. За оговоренную плату он предоставил мне рабов. Кроме того, нас не беспокоили отряды его охотников за караванами. Мы смогли вовремя выполнить работу и отправить части идола в путь в назначенное время.

— Что ж, отлично. Старый шакал, наверное, все-таки здорово побаивается меня и не рискует обманывать или не выполнять условия договора. Рад, что твоя работа оказалась заметно облегчена моими усилиями. Ну а как другие отряды? Тебе что-нибудь известно о их продвижении?

— По последним полученным мною сведениям, обе группы миновали Сарк. Все три части идола весят одинаково, но у восточной группы самый длинный маршрут, а центральной придется идти по пересеченной местности. Они заденут отроги гор, чтобы обойти стороной наш город и наши земли.

— Да уж, — кивнул король, — позволить идолу проехать через Сарк — вот было бы худшее из предзнаменований.

— Конечно, Повелитель. А следовательно, две другие группы где-то позади меня. Недавно я выслал гонцов-разведчиков, чтобы точно выяснить их местоположение в настоящий момент.

— Кто руководит ими? Твои старшие помощники? Надеюсь, ответственные юноши?

— Да, Ваше Величество. Я специально проверял их и готовил и уверен, что они считают свою миссию почетным и угодным Вотанте делом, не терпящим неточностей или задержек. — Куманос прикоснулся к рукояти ножа, висевшего у него на шее. — И все же, Повелитель, моя рабочая команда изрядно уменьшилась из-за тяжести пути, болезней и несчастных случаев. Почти всех охранников я превратил в тягловую силу. Думаю, такая же ситуация и в других группах. Если бы вы сочли возможным отрядить нам дополнительных рабов или солдат...

— Несомненно. Моя королевская воля всячески помогает вашему делу. Можешь прямо сейчас взять себе две дюжины моих охранников, если хочешь.

А вернувшись в Сарк, я соберу людей — не по повинности, а добровольцев. У нас в городе сейчас такие дела, что десятки людей согласятся продаться в рабство за еду и воду для себя и за обещание вознаграждения по возвращении домой. Я отправлю их на помощь всем трем отрядам.

На безмолвный кивок Куманоса Анаксимандр заметил:

— Хорошо. А теперь поешь и выпей. Устал я от твоего каркающего, пересушенного голоса.

Король махнул рукой в сторону корзины, стоявшей у его ног и доверху заполненной фруктами, сыром, печеньем и запечатанными кувшинами с вином.

— А я пока расскажу тебе новости, которые прольют бальзам на твое иссушенное солнцем сердце и наполнят его благодарностью к твоему мудрому Повелителю. Я только что из Оджары. И знаешь, я подготовил все, что нужно для нашего дела. Священное Дерево силы Вотанты будет допущено в город, пустит свои корни и зацветет там.

Куманос, евший и пивший без видимого аппетита, ничего не сказал своему Повелителю, лишь бросил на него взгляд тревожных темных глаз.

— В общем, — продолжал Анаксимандр, — мой визит можно считать абсолютно успешным как с точки зрения дипломатии, так и миссионерской деятельности. Между прочим, я был приглашен в самое сердце вражеского города — в его дворец и храм. Меня приветствовали правители и вражеский народ. — Король рассмеялся, что было знаком неслыханного доверия и откровенности по отношению к подданному. — Знаешь, вблизи я увидел, в чем их слабость, чем они так ненавистны нашему богу Вотанте. Открытость, слабые моральные устои, непочтение к власти... а какое невежество — считать,

что пороки других совпадают с их собственными. К счастью, такие недостатки не могут помешать мудрому человеку добиться от них того, что ему нужно. Будь спокоен, я вымостил путь нашему богу в Од-жару в религиозном, политическом и в духовном отношении.

— Я так понимаю, вы, Повелитель, считаете их достойными быть принесенными в жертву Вотанте? — Куманос отставил опорожненный кувшин.

— Да, во всех смыслах! Их процветание и благосостояние, богатство их земель и красота их города, не говоря уже о полной невинности ни в чем, делают их отличными жертвами, прямоком направляющими свои души великому Вотанте в яростном жертвенном огне. Кстати, город оказался как две капли воды похож на тот, что был послан нам миражом.

Я спрашивал их, но они и слыхом не слыхивали о столь зловещем для своего города предзнаменовании. Я намекал им и на уготованную их городу судьбу. Кто знает, быть может, мои слова будут помянуты в миг последней агонии, когда свершится акт жертвоприношения.

Я знаю, Куманос, что по ритуалу тебе будет принадлежать честь произнести последние заклинания. Но не позволишь ли ты мне удовлетворить мое личное чувство мести и самому произнести их? Полагаю, Вотанта не будет против. Ведь, в конце концов, я — главный его наместник на этой земле.

— Повелитель, мне негоже проявлять личные амбиции. Я лишь слуга божий и исполнитель его воли. Как будет угодно Вотанте, так я и поступлю.

Отбросив веселье, король с интересом воззрился на Куманоса:

— А ты и вправду очень изменился. Раньше ты, бывало, казался мне размазней, годным, пожалуй, лишь для утешения селян, чьи посевы засохли, так и не взойдя. А теперь я вижу в тебе твердость и решительность, достойную служителя нашего великого бога.

— Да, Повелитель. Этим я обязан окрепшей вере и, несомненно, влиянию последнего пророка — Солона. Он взял на себя труд... показать мне бренность земных страстей и стремлений, да и самой жизни. Этот амулет — память о его помощи на пути постижения мудрости. — При этих словах Куманос снял с шеи ржавый обломок меча и показал его Анаксимандру на вытянутых руках.

— Ах да, Солон, конечно, — сказал король. — Старее, чем горы. Как мне сообщили, он внезапно скончался вскоре после твоего паломничества к нему. Счастье, что он успел передать свою мудрость в надежные руки.

— Говоря правду, Повелитель, я был рядом с ним, когда он погиб, оступившись в своей предательской, наполненной страшными костями пещере. Его уход из этого мира стал для меня бесценным уроком и доказательством того, насколько хрупка и слаба жизнь даже самого достойного и мудрого из смертных.

— А вместе со своей мудростью он передал тебе и Меч Онотимантоса. Не вздумай только использовать его против моей вечной души или смертного тела. — Король чуть приоткрыл ворот своего одеяния, под шелком которого сверкнули кольца серебряной кольчуги. — Если только попробуешь, то получишь урок того, как мало стоит еще одна достойная жизнь — твоя собственная.

— Нет, Повелитель, конечно, нет. — В голосе Куманоса не слышалось ни страха, ни беспокойства

по поводу угрозы короля. — Я буду использовать его силу только против тех, чьи чувства или мысли станут помехой на пути осуществления воли Вотанты. А ваш разум, ваша воля — источник и основная сила,двигающая наше дело. И пока так будет продолжаться, Повелитель, ваша душа может быть спокойна — меня она интересует в последнюю очередь.

— А ты и вправду мудр, Куманос. Пожалуй, ты лучше кого бы то ни было подходишь для сана Верховного жреца, служащего мне и великому Вотанте.

Анаксимандр хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание всадников, следовавших за его экипажем.

— А теперь отправляйся, — приказал король, — и веди свои отряды на север. Я буду ждать новостей от тебя. Известий о твоём успехе и о твоём собственном славном жертвоприношении.

Глава 10

ПЕРЕД ЛИКОМ БОГИНИ

Конану казалось, что вся Оджара собралась на Агоре этим ясным, солнечным утром, чтобы присутствовать при его священном поединке с Занусом. Он знал, что есть и исключения. Например, стражники на стенах, да и селяне, погоняющие своих мулов, которые вращали винтовые насосы, подающие воду на поля. Если оставить посевы без полива хоть один день, полуденное солнце успеет сжечь добрую часть урожая. Но при всем этом мысли отсутствующих и их желание видеть поединок почти зримо носились в воздухе, словно стая голубей между колонн храма.

Кое-кто ухитрился нажиться и на этом деле. Среди толпы тут и там сновали юркие и суетливые собиратели ставок. Конан заметил, что ставки были примерно одинаковыми и явно не в его пользу. Никто из присутствующих не предвидел серьезной опасности для храмового воина.

Среди зрителей находилась и монаршья чета. Король и королева сидели на специально отведенном для них диване, установленном на возвышении у ворот дворца. Между ними молча сидела принцесса Африандра. Еще красивее, чем раньше, торжественно одетая и причесанная, она показалась Конану бледноватой. Ее глаза припухли и покраснели — наверное, от бессонных ночей.

По сторонам площади были установлены грубые деревянные скамьи — помосты для тех оджарийцев, которым не хватило места вблизи. Наспех сколоченные, эти скамьи оказались не самым удобным и надежным сооружением. Стоявшим на шатающихся досках зрителям приходилось вставать на цыпочки, придерживаясь за плечи стоящих впереди, чтобы увидеть место поединка. В лучшем положении оказались мальчишки, оседлавшие стену храмового квартала. Среди них Конан заметил Эзрею и троих сирот, навещавших его лагерь, хотя и не так часто после набега кочевников.

Несмотря на свою дурную славу, Конан мог с уверенностью назвать нескольких зрителей, целиком державших его сторону. Сейчас они плотной группой стояли рядом с ним в углу площадки для поединка: хозяин таверны Анакс, Бабета, несколько ее подружек и горстка слуг и работников караванного квартала.

Среди них не было Шарлы, которая в эти минуты исполняла вместе с остальными жрицами Садиты ритуальный танец между колонн храма. Чем быстрее

и яростней становился их танец, тем громче был ропот толпы, притоптывавшей в такт барабану и даже подпевавшей флейтам и цигарам, слышавшимся из храма.

Когда танец кончился, Агора замерла в молчаливом ожидании слов Регулы — Верховной жрицы богини Садиты. Наконец над площадью прокатился ее мощный голос:

— Вызов был брошен и принят! Назначен священный поединок! Во имя Садиты — пусть начнется ритуал!

Шквал криков приветствовал ее слова. Но овация смолкла, стоило лишь Регуле вновь набрать воздух и продолжить:

— Ответчик в сегодняшнем поединке — великий победитель турниров храма Садиты, воин Восьмого Уровня, Старший Воин Храма и защитник богини! Это не кто иной, как Занус, известный всем и любимый всеми уроженец нашего священного города Оджары! Занус, шаг вперед!

Занус, высокий, статный, как всегда бесстрашный, шагнул вперед из группы приближенных к королю, собравшихся около королевского помоста. Ропот, прокатившийся по толпе, не был овацией, неуместной в такой миг. Скорее это был вздох восхищения и любви горожан к спасителю и будущему правителю их города. Королева Регула обняла Зануса как мать, а затем, повернувшись к публике, словно представила его зрителям, не снимая руки с плеча воина:

— Занус, хочешь ли ты посвятить чему-то этот бой и кровь, которая, несомненно, будет пролита сегодня? Чему будет посвящено это кровавое жертвоприношение бессмертной Садите?

Занус абсолютно спокойно оглядел толпу и кивнул. Бросив короткий взгляд на короля и принцессу

и даже не взглянув на стоявшего напротив Конана, Занус заговорил голосом, окрепшим в командах и молитвах:

— Действительно, у меня есть особое посвящение. Сегодняшний поединок, как и все, происходившие в нашем городе, надолго останется в вашей памяти. Я хочу почтить вас, дорогие сограждане и братья по вере, демонстрацией высочайшего уровня мастерства владения мечом, какого только может достичь человек.

Последовавшая за этими словами пауза была заполнена восхищенными вздохами в толпе зрителей.

— Я долго шел к этому. Тренировки и долгие часы размышлений и искренних молитв Единственной Истинной Богине привели меня к такому решению. — Занус оглядел толпу с видом смиренной добродетели. — Жертва, которую я приношу сегодня Садите, будет принесена ей через имя ее благородной почитательницы — принцессы Аффриандры, будущей королевы Оджары!

И вновь по толпе пронесся вихрь не аплодисментов, но восхищенных вздохов, выкриков и шепота. Конан понял, что никто из присутствующих не в курсе разразившегося скандала. Сам киммериец не посвятил никого в свои более чем близкие отношения с принцессой. Двум другим участникам этого треугольника тоже была не с руки огласка. Поэтому от слушателей был скрыт истинный смысл слов Зануса, полных ревности и злой обиды. Посторонние услышали лишь красивые, высокопарные фразы, столь привычные в устах храмового победителя.

Единственной реакцией Конана на слова Зануса было еще большее желание начать бой. После той мольбы Аффриандры, обращенной к нему, киммериец

голову сломал, прикидывая возможные достойные выходы из поединка: например, сколько ран он должен получить, чтобы быть унесенным с поля боя на радость принцессе, или же, наоборот, насколько серьезно он может поранить Зануса, не убивая его и не искалечив навсегда этого записного городского героя.

Проконсультировавшись с Эзрелем, Конан понял, что Садита не столь уж кровожадна и не требует смерти одного или обоих дуэлянтов. Достаточно лишь тяжелой раны одного из них, чтобы поединок был прекращен. Ради Африандры и будущего королевской династии следовало оставить в целости и сохранности кое-какие важные детали организма Зануса. Это, конечно, заметно сужало круг устраивавших Конана исходов поединка. В конце концов киммериец пришел к выводу, что лучшим из возможных исходов было бы обоюдное ранение. Конечно, в идеале рана Зануса должна быть тяжелее, чем нанесенная им Конану. При этом ни одно из ранений не должно быть унижительным. Оба соперника должны будут потерять много крови, чтобы удовлетворить все заинтересованные стороны — как смертные, так и неземные.

Конан понимал, что, скорее всего, эти размышления окажутся благими намерениями. Зная Зануса, его стиль и навык ведения боя, можно было предположить, что выбор будет стоять между тем, чтобы убить или погибнуть самому. Лично он предпочитал первый вариант. Время от времени киммериец вопрошал сам себя: готов ли он умереть ради каприза Африандры? Выходило, что нет.

— Какая вдохновенность, какое самоотречение! — восторженно декламировала Регула. — В Занусе мы видим чистоту и благородство, присущие жизни того, кто верно служит Садите. Граждане

Оджары, я призываю вас вознести бессловесную молитву за нашего храмового победителя и его благородные помыслы!

После мгновения гробовой тишины, повисшей над площадью, королева заговорила вновь:

— Вызов Занусу за личное оскорбление был брошен человеком по имени... — тут она взглянула на маленькую восковую дощечку, зажатую в ладони, — ... по имени Конан, не благородного происхождения, не последователем нашей богини, не жителем Оджары. Конан, шаг вперед.

Выйдя из кучки своих знакомых, Конан шагнул за деревянное ограждение арены, на вымощенную площадь Агоры. Неодобрительный ропот пронесся над толпой. Относился ли он лично к киммерийцу или к его непритязательному наряду — этого Конан не знал. Не знал он и того, попросят ли его сказать что-нибудь эдакое для толпы зрителей. Когда королева жестом остановила Конана в нескольких шагах от себя и собралась что-то сказать, раздался протестующий голос Зануса:

— Стойте! Этот клинок... — он ткнул пальцем в сторону висевшего на поясе киммерийца ильбарского кинжала, — он не подходит для священного поединка. Это же не боевое оружие, а просто хозяйственный нож. — Занус обратился к одному из храмовых воинов, стоявших строем позади него: — Ради милости Садиты, подари этому несчастному благородный клинок, достойный сегодняшнего боя.

Протянув свое оружие, Конан принял взамен меч с золоченой рукоятью, скрытый в шикарных ножнах.

— Предупреждаю тебя, Занус, я еще ребенком ворочал мечом потяжелее этого. — Обнажив клинок, киммериец отбросил ножны в сторону. — Не

думай, что непривычным мне оружием я дольше буду добираться до твоей глотки.

— Если ты все еще думаешь, что исход сегодняшнего боя зависит от того, какой клинок у тебя в руках... — Занус замолчал, не договорив фразы. Его лицо не скривилось даже в презрительной улыбке, глаза едва взглянули на Конана. — Я просто хочу, чтобы были соблюдены все правила. Ты и то оружие, которое будет в твоих руках, ничего не значат ни для меня, ни для нашего храма. Ты никто, безродный варвар, никому нет дела до того, какой клинок осквернишь ты своими лапами.

— Оскорбления — это твоя разменная монета, Занус, — сказал Конан и сплюнул. — Не пытайся разозлить меня ими. Это не поможет тебе уйти от возмездия.

Его соперник лишь слегка пожал плечами и бросил:

— Неужели ты еще не понял, варвар? Ты уже побежден. Очищающая все кровь смое тебя и то зло, которое ты причинил мне... Ну, хватит. К бою!

Еще во время обмена угрозами Регула опасно попятилась. При последней фразе Зануса храмовые воины поспешили закрыть ее, встав стеной перед королевой. Поле боя было очищено.

Пока они отходили к помосту, Конан успел подумать, что здесь что-то нечисто. Занус не сумасшедший. Опытный воин, он видел Конана в бою. Почему же он с такой уверенностью выходит на этот поединок? Что питает его непоколебимость: фанатизм или же колдовство? Неужели его госпожа Садита из тех мелочных божков, которые опускаются до того, что напрямую вмешиваются в личные дела смертных? Взглянув на портик, киммериец увидел ее портрет, высеченный на камне, — похожее на маску, непроницаемое лицо.

Храмовый воин поприветствовал противника, подняв меч вертикально перед собой. Конан сделал такой же жест, предполагая, что это часть традиционного ритуала. Дистанция между противниками была достаточно большой — полдюжины шагов, если не больше. Конан опустил меч и начал осторожно, крадущимися шагами приближаться к противнику.

В это время Занус высоко поднял свой меч, сделал резкое движение руками так, что меч описал сверкающую дугу над его головой. Затем храмовый воин расстегнул тунику, обнажив шею и сильные, широкие плечи.

Взмахнув мечом еще раз, Занус отрубил себе голову.

Удар был твердо рассчитан и нанесен изо всех сил. Конан понял это сразу, хотя все еще не мог понять, что случилось. Отточенная сталь насквозь прошла человеческую плоть — кожу, кость и мышцы. Голова мастера фехтования Зануса покати-лась по камням мостовой под алым кровавым фонтаном. Его тело еще некоторое время неподвижно простояло, сжимая в руках меч. Затем раздался звон стали о камни, и обезглавленный труп, извиваясь и дергаясь, рухнул вслед за головой и клинком на чисто вымытые камни площади.

Это зрелище не было встречено криками ужаса. Нет. Никто еще не пришел в себя и не мог поверить в случившееся. Неподвижность и молчание тянулись долго, пока Конан первым не издал короткий хриплый смешок. Затем он недоверчиво поинтересовался:

— Кром! Что все это значит? — Он повернулся за разъяснениями к ближайшим зрителям: — Что еще за цирк вы тут придумали? Я вполне управился бы с ним сам...

— Молчать! — раздался окрик Регулы с королевского помоста. — Чужеземец, не оскверняй этот священный миг! Хватит богохульствовать и произносить имена других богов здесь, перед храмом Единственной Истинной Богини.

— Верующие в Садиту! — вновь обратилась она к молчащей толпе. — Я не предвидела этого события. Наша богиня держит кое-что из своих намерений в секрете от простых смертных. Но будьте уверены — вы избраны ею, чтобы присутствовать здесь в этот день. Вы видели акт высшей воли, выражение высшей силы веры! Жители Оджары, вы стали свидетелями чуда!

При этих словах толпа начала пробуждаться от оцепенения. Конан увидел, как люди стали тянуться, вставать на цыпочки, чтобы увидеть останки Зануса. Послышались удивленные возгласы.

— Триста лет подобные подвиги не совершались на храмовых церемониях, — продолжала Регула. — И никогда в истории Оджары жертва не была принесена с таким мастерством. Никто, кроме Зануса, не постиг так глубоко искусство боя, никто не был так силен и крепок в своей вере. Садита признала заслуги своего служителя. Ему было дозволено принести себя в жертву. Поступив так, он занял свое место среди бессмертных!

Красноречию Верховной жрицы, стремящейся успокоить пораженных свидетелей происшедшего, казалось, не будет предела.

— То, что вы сейчас видели, — не что иное, как доказательство бессмертия! Вы сами видели это! Сами, своими глазами! Жители Оджары! Это будет нам последним уроком, доказательством силы веры. Слушайте и запоминайте! Вы, ваши дети и многие поколения потомков ваших детей веками будут поклоняться Занусу. Да, наш город потерял

прекрасного будущего короля, но обрел бессмертного героя!

Королева Регула подошла к телу Зануса насколько возможно близко, так, чтобы не испачкать алой кровью сандалии. По ее знаку несколько придворных бросились собирать останки в белые льняные полотнища. Один сверток получился большим, другой — непривычно маленьким. В нем была укрыта отрубленная голова. Свертки быстро унесли. Кровь даже не успела выступить сквозь белую ткань. Пока шла работа, Конан воспользовался возможностью задать вопрос:

— А как же я, королева? Занус обманул меня, избежав неминуемого поражения от моего клинка.

— Обманул? — яростно бросила ему Регула. — Чужеземец, ты так и не понял, что проиграл бой! Твое поражение не могло быть более полным, даже если бы твоя голова рухнула на камни, отделенная от тела его клинком!

Она выпрямилась, развернула плечи — настоящая неприступная статуя, воплощенное достоинство.

— Совершенно ритуальное жертвоприношение. Пролита кровь, посвященная богине... Рука Зануса пролила эту кровь. Значит, он победитель! И его победа будет жить в веках!

Стоя далеко от киммерийца, по другую сторону кровавой лужи, королева театральным жестом ткнула в него пальцем и патетически продолжила:

— А ты... твоя роль в происшедшем — ничто. Даже меньше, чем ничто. И хуже! Ведь это ты, чужеземец, не знающий наших законов, насмеялся над героем, оскорблял его в минуты, предшествующие очистительному жертвоприношению. Ты первым нарушил священное безмолвие. Твой голос произнес имя твоего варварского бога, осквернив священный миг подвига.

Чутье жрицы и правительницы подсказывало Регуле, что для возвышения Зануса нужно было либо одновременное унижение. И ее выбор пал на Конана. Своей риторикой она стала настраивать толпу против него. Киммериец крепче сжал рукоять меча, подозревая, что вот-вот его станут рвать на куски в религиозном гневе.

— Наказанием за твою дерзость, как и для всякого другого, нарушившего правила священной дуэли, будет изгнание из города и забвение. С этого дня ты для нас никто, Конан Чужеземец. Тебе больше нет места в Оджаре, перед ликом Единственной Богини.

— Подожди, королева! — возмущенно воскликнул Конан. — Что бы это ни означало по правилам ваших поединков, но по всем законам чести я невиновен. Я никому не причинил зла, я помогал защищать ваш город!

Повернувшись к седовласому монарху, Конан крикнул:

— Семиархос! Ты же сам признал мои заслуги перед Оджарой и признал меня гражданином, имеющим все права и находящимся под защитой вашего храма.

— От которого ты отречен, — отрезал король, — точно так же, как любой горожанин, нарушивший священные законы.

Семиархос не задержал своего взгляда на Конане. Африандра тоже повернула залитое слезами лицо в другую сторону, чтобы даже случайно не увидеть киммерийца.

— Бросьте вы это! Почему безумие так заразительно? Занус — дурак, которому не жаль собственной жизни. А вы...

Конан повернулся, ища поддержки у своих друзей. Но ни Анакс, ни Бабета ни словом не поддер-

жали его. Эти люди, сами парии respectable общества Оджары, в этот момент почувствовали себя едиными с остальными горожанами и отвернулись от Конана.

— Видит Кром, вы все лицемеры! Как можно... — В последней надежде Конан повернулся и посмотрел на стену, где сидели, свесив ноги, его приятели. Но даже они не рискнули посмотреть ему в глаза. Хотя Конану показалось, что он поймал робкий взгляд Иноса, тотчас же испуганно отвернувшегося.

— Ну что ж, так оно, наверное, и к лучшему, — громко и четко сказал киммериец. — В моем сердце не осталось любви к Оджаре! В любом случае я собирался скоро уехать отсюда. Если этот подаренный мне меч стоит хорошего верблюда, пары мешков для воды и немного продовольствия, тогда я немедленно уеду из этого города и не буду досаждать вам своим присутствием.

— Да будет так, — объявила королева Регула, глядя в небо поверх головы Конана. — Я обязую тебя, чужеземец, закончить все свои дела и покинуть наш город до заката под страхом смерти. С этого часа и впредь, именем Садиты, ты — вне закона!

Глава 11

ИЗГНАННИК

Склоны гор Отчаяния ограничивали с одной стороны песчаную равнину, по которой двигался одинокий всадник. Ближе к нему, с другой стороны, выстроились неровной стеной багровые вершины хребта Крови Атталоса. На западе вгрызались в

горячее голубое небо ледники Клыков Зафура. Они и вправду походили на клыки чудовищного зверя, как их описывали Конану опытные пустынные кочевники-шемиты. Много зловещих легенд, связанных с этими горами, из поколения в поколение рассказывали у ночных костров в местных племенах. Скорее всего, карты этих мест еще никто не составлял, если не считать подробнейшего плана, хранившегося в памяти проводников караванов и их вечных противников — охотников за караванами.

Зажатая между горами равнина пылала, как дно раскаленного пустого медного котла. Перед путешественниками, собиравшимися преодолеть пустыню, стоял тяжелый выбор: или обойти ее по краю, менее выжженному солнцем, совершая переходы от одного оазиса к другому, рискуя нарваться на разбойников или не найти очередного колодца, или же пойти напрямик — через самое пекло, экономя время. Конан, ехавший на отличном двугорбом туранском верблюде, выбрал более короткий путь.

Зная неприветливость этих мест и их редких обитателей, он не собирался забираться в глубь восточного Шема. Ему нужно было лишь выйти прямой дорогой к самым низким седловинам перевалов гор Отчаяния, ведущих через пограничные государства Котии к караванным дорогам на Шадизар. Но тут везение подвело киммерийца: первый же оазис, на который он рассчитывал и о котором хорошо отзывались погонщики, оказался мертвым. Почерневшие стволы пальм склонились над пересохшим, покрытым коркой соли озером, чье дно покрывали бесчисленные лунки и ямы, выкопанные добравшимися сюда путешественниками в тщетной надежде найти ушедшую воду.

К счастью, Конану еще не настолько не хватало живительной влаги, как многим побывавшим здесь до него, чьи иссохшие останки лежали повсюду, полузасыпанные песком. Тут были и верблюды, зарезанные хозяевами ради последних капель алой жидкости, оставшихся в их сухих жилах. У многих человеческих трупов тоже были перерезаны горла в последней борьбе за глоток воды.

Конан даже обрадовался, что не встретил ни единой живой души. Иначе ему пришлось бы изрядно опустошить свой запас воды или же, наоборот, оказать последнюю милость обезумевшим страждущим. Киммериец не любил такого рода стычки — что-то нечестное, недостойное виделось ему в таком неравном бою. Отчасти поэтому он хотел дожидаться в Оджаре каравана — с запасом воды и с грузом вина. Кроме того, в таком случае он мог претендовать на долю груза или плату за помощь в охране каравана.

Однако судьба нарушила эти планы. Конан был изгнан из Оджары, изгнан с позором, и это не давало ему покоя, заставляя вновь и вновь ломать голову, вспоминая и осмысливая происшедшее. Больше всего озадачил киммерийца поступок Зануса. Чтобы воин-жрец, победитель во многих боях, так запросто пошел на самоубийство — такого фанатизма Конан не ждал даже от обитателей этой забытой богами земли. Да и не вязался этот поступок с самовлюбленностью Зануса. Чем больше Конан размышлял над этим, тем больше убеждался, что дело было в Африандре.

Конечно, речь не шла о любви воина к принцессе. Этот ограниченный, самодовольный человек вряд ли был способен любить кого-либо, кроме себя. Скорее, дело заключалось в ускользавшей от него добыче: обещанной ему супруге и верховной власти.

Честолюбивый Занус уже давно мысленно примерял на себя королевскую корону и внутренне готов был принять монарший титул. Но, поняв, что Африандра никогда не подчинится ему, особенно после того, как он застал ее в объятиях Конана, что она никогда не откажется от свободы, дарованной ей по праву высокого рождения, — он решил раз и навсегда разрубить этот узел. Занус предвидел позор и унижение, предстоявшие ему, когда независимость его избранницы в политике да и в личной жизни станет известна горожанам.

Несмотря на многие годы поклонения богине-женщине, а может быть, и именно поэтому, как полагал Конан, Занус никогда не смог бы заставить себя смириться с тем, что женщина будет стоять выше или хотя бы на равных с ним в земной жизни. При этом его болезненная гордость не позволила бы ему отказаться от дарованного судьбой шанса — стать верховным правителем. Это противоречие и загнало воина-жреца в глухой тупик.

Выход Занусу подсказало его жреческое происхождение и воспитание. Ритуальное самоубийство не только с пониманием встречалось, но даже приветствовалось среди его предков-воинов. Променив королевскую корону на звание добровольной жертвы и посмертное обожествление, воин-жрец спас свою честь и гордость, которые, несомненно, значили для него больше, чем жизнь.

Примерно так расшифровал киммериец поступок Зануса, что оказалось не самой трудной загадкой. Куда более озадачила и обидела Конана реакция жителей Оджары, уподобившихся стаду овец, следующих за несколькими баранами. Он полюбил этот город, рисковал, защищая жизнь его обитателей и честь королевской семьи. И никто не вступился за него, когда он был выброшен за городскую стену.

Даже та женщина, ради которой он собирался задержаться в Оджаре на неопределенное время, предала его. Больше всего ранило Конана то, как поступила Африандра.

Одно дело — простые горожане, стараниями жриц и жрецов привыкшие восхвалять Зануса и восхищаться им. Пожертвовать чужестранцем ради безупречного образа городского героя — это было более чем понятно и оправданно. Конан и не ждал ничего другого от толпы.

Но Африандра — она же знала и понимала, что такое Занус. Она даже сумела частично втолковать свои опасения матери — Верховной жрице Регуле. Она первая втянула Конана в дворцовые интриги, а затем, увидев кровавые последствия своих поступков, отвернулась от киммерийца, послужившего ей орудием. Это показалось Конану самым циничным и трусливым шагом принцессы. Одно ее слово, один жест, хотя бы втайне от других, — и киммериец не покинул бы города, не поборовшись за свое доброе имя и честь.

Хотя ничего для него нового не было в этой ситуации. В сотый раз он был вынужден отправляться в одиночестве в опасный путь — и все из-за женщины. Шел ли он к ней или от нее, рвал ли связь сам или уходил от чьей-либо ревности — все равно дорога была нелегкой.

Так случилось и на этот раз. Оказавшись в высохшем оазисе, Конан понял, что его верблюд не выдержит тяжелого пути к далеким горам, если не отдохнет хорошенько в каком-либо месте, где есть в достатке вода и живая растительность.

Откинув вариант возвращения в Оджару, Конан решил поискать другой оазис, находившийся дальше на запад. Кочевники называли его Талиб, или Город в Пустыне. Признавая наличие воды в этом оазисе,

все кочевники, с которыми Конан говорил в караванном квартале Оджары, в один голос уверяли его, что это дурное место, куда лучше не соваться без крайней необходимости. Либо они просто старались отвести постороннего, либо же и вправду боялись лишний раз приближаться к этому месту.

Похоже, последнее предположение больше соответствовало истине. В противном случае зачем вообще стоило упоминать о Талибе? Хотя слухи об источнике воды в пустынной стране невозможно удержать от расползания. С другой стороны, какая опасность могла бы удержать изнывающего от истощения и жажды путника на расстоянии от источника воды? Дикие звери, чужие земли, враждебные племена — все это было не в диковинку кочевому всаднику и бесстрашно преодолевалось им, если оказывалось на его пути к оазису.

Эти храбрые бедуины боялись лишь одного — сверхъестественных явлений, всякого колдовства. Только это, по разумению Конана, могло заставить их дальней дорогой объезжать Город в Пустыне и избегать даже подробных расспросов о нем.

Несмотря на все тревожные мысли, Конан, не задумываясь, повернул на запад. В конце концов, мелькнуло в его голове, злые духи часто охраняют сокровища. Почти полные мешки с водой свисали с седельных луков верблюда. Сухое мясо и финики еще не опротивели седоку. Неведомая опасность Талиба представлялась Конану завесой, прикрывающей драгоценную награду за дерзость.

Ближе к вечеру разразилась песчаная буря. Конан едва успел рассмотреть на горизонте нечто похожее на склоны пологих холмов, как поднятый ветром песок скрыл от глаз даже то, что находилось в нескольких шагах. Конан приготовился пережить бурю в течение всей ночи. Но к закату ветер

неожиданно стих, оставив остывающую пустыню под покровом черного бархата ночи с бесчисленными огоньками звезд.

Такая ночь отлично подходила для продолжения путешествия. Но отдыхать днем, в самую жару, означало бы заплатить солнцу не меньшую дань, чем продолжая путь под его палящими лучами. Поэтому Конан решил воспользоваться ночной прохладой для отдыха.

Наутро ветер снова поднял тучи песка. На этот раз он дул в противоположную сторону. Сквозь его завывания Конану в полусне послышался странный звук: тяжелые колеса поскрипывали и стучали по камням, словно где-то рядом двигались телеги обоза какой-то неведомой армии. Но ни единой тени, ни единого силуэта не смог увидеть откинувший одеяло и вскочивший на ноги Конан сквозь плотную завесу песка и пыли.

Хотя до скалистой гряды, казалось, рукой подать, Конан потратил почти целый день, чтобы добраться до нее. Такие шутки часто выкидывала коварная пустыня. Наряду с иллюзорными видениями и миражами, она частенько меняла расстояние до реальных предметов, то приближая, то удаляя их, чем приводила на край смерти многих и многих путешественников.

Верблюд вскарабкался на очередной уступ, и глазам Конана открылся совершенно другой пейзаж. Пустыня, оставшаяся позади, напоминала дно древнего мертвого моря, кипевшее на горизонте еще одним песчаным штормом. Впереди же лежала переесеченная местность, похожая на поверхность Луны, уже взошедшей над горизонтом и светившей с кобальтово-пурпурного неба.

Равнина тянулась до терявшихся в сумерках почти вертикальных склонов северных гор, среди которых торчали Клыки Зафура. Тут и там по плоской ровной поверхности были разбросаны груды валунов и каменные монолиты — словно гигантские идолы, сломанные и сметенные рукой неведомого великана.

Неподалеку от Конана, на полпути к ближайшим отрогам гор Отчаяния, лежали руины города, давно разрушенного и покинутого жителями. Еще ближе, перемешиваясь с обломками скал, тянулась темная полоса растительности — кустов и невысоких деревьев, — что явно указывало на наличие воды.

По скудным описаниям кочевников Конан понял, что перед ним лежал оазис Талиба, Города в Пустыне. Он тронул поводья и понял, что верблюду пришлось по душе его решение: животное широкими шагами поспешило вперед.

Но, даже перейдя на галоп, скакун не смог достичь цели до наступления ночи. Стемнело, лишь последние лучи солнца подсвечивали снизу нависшие над пустыней облака.

Конан проехал еще немного и в сумерках увидел перед собой пальмы, выросшие в расщелинах между камнями, и ручей, пробивавший себе дорогу меж гранитных валунов. Найдя ровную площадку с большим количеством зелени для верблюда, Конан спешился, собрал сухих веток и развел костер.

Руины города с трудом угадывались в темноте, немногим отличаясь от просто разбросанных камней. Поглядывая в их сторону время от времени, Конан все же решил, что стоит подождать до утра с их осмотром. Ручей, у которого он остановился, явно был источником воды для древнего города. Нигде поблизости не было следов пребывания че-

ловека — ни постоянных жителей, ни даже стоянок караванов или кочевых племен. Странно, подумал Конан, с удовольствием глотая прохладную воду, текущую в тени скал и валунов. Скорее всего, источником не пользуются, решил он, следуя древнему заклятию, витающему над разрушенным городом. Остановившись вдалеке от руин, вверх по течению, Конан рассчитывал избежать его действия.

Горячая каша из фасоли и размоченных фиников была на вкус лучше или, по крайней мере, отличалась от тех же продуктов, съеденных всухомятку, особенно если запивать ее водой, не считая глотки. Наевшись, Конан устроился на земле между костром и верблюдом, завернулся поплотнее в одеяло, чтобы не продрогнуть на дувшем с северных гор ветру, и заснул.

Прошло много времени, по крайней мере костер успел потухнуть, а луна — проделать изрядную часть своего пути вслед за солнцем на запад, прежде чем Конана разбудили таинственные звуки, шедшие из темноты: едва различимые из-за журчания ручья шорох и присвистывания.

Проснувшись, Конан продолжал лежать неподвижно. Затем, плотно сжав рукоятку лежавшего рядом с ним ножа, он осторожно повернул голову, пытаясь рассмотреть непрошенных гостей.

Судя по запаху, они вполне могли оказаться овцами. Когда киммериец рассмотрел движущиеся в темноте тени, он поначалу утвердился в своих предположениях, но затем его насторожило то, насколько безмолвно двигались эти «овцы». Ни блеяния, ни стука копыт по камням не доносилось до его ушей. А кроме того, в их передвижениях было слишком много целеустремленности для примитивной

скотины: неведомые создания явно намеревались окружить лагерь Конана.

Вдруг его верблюд проснулся и сердито запыхтел и зафыркал. Но стоило ему подняться на ноги, как несколько теней совсем не по-овечьи метнулись к нему: встав на две конечности, они пытались завалить животное на бок, чтобы не дать ему уйти.

Перекатившись с боку на бок, Конан вскочил и одним взмахом ножа перерезал веревку, удерживавшую верблюда на месте, предоставив ему самому спастись бегством от нападающих. Развернувшись лицом к нападавшим, остановившимся в нескольких шагах от него, киммериец наконец рассмотрел их.

Больше всего они походили на обезьян, ставших на задние ноги. Грязные хламиды, затянутые на поясе, составляли их одежду. Но не только это напоминало об их родстве с людьми: явно совместная деятельность, крики, походившие на какой-то примитивный язык. Не все их тело было покрыто шерстью, а кроме того, и это сейчас больше всего беспокоило Конана, они знали, что такое оружие. Многие стояли, держа в руках камни, кое-где мелькали булыжники, привязанные к палкам, — подобие булавы или топора.

В темноте их лица, выглядывавшие из-под гривы волос, больше походили на обезьяньи. Длинные, но неровные ряды зубов вырисовывались за бесформенными губами, покрытыми, как и вся их кожа, язвами и струпами.

Почувствовав свободу, верблюд несколько раз лягнул наседавших на него уродцев, укусил кого успел и, разбросав их, скрылся в темноте. Тогда все внимание обезьяноподобных существ обратилось на Конана. Киммериец схватил с земли одеяло и обмотал им руку, чтобы смягчить ожидаемые удары.

Когда несколько созданий бросились на него, он отбил удар палкой, а затем сильно пнул первого из нападавших ногой в пах. Второй получил скользящий удар ножом в бок и покатился по земле, зажимая руками рану. Не глядя на него, Конан двинул в лицо рукоятью ножа третьему, замахнувшемуся топором.

Остальные человекообразные, помешкав немного, бросились на Конана все одновременно — некоторые дико размахивали камнями, то и дело нанося ощутимые удары своим товарищам. Острые когти впились в волосы и одежду Конана. Их хватка оказалась неожиданно крепкой. Оскаленные пасти, источающие зловонное дыхание, закружились перед его лицом. На фоне луны мелькнул занесенный топор. Конан успел обратить внимание, что на руке, державшей оружие, было слишком много пальцев. Удар его клинка рассек кисть пополам, но даже на той части, что упала на камни, по-прежнему сжимая оружие, пальцев оставалось явно больше пяти.

Отчаянные пинки и удары кулаком и ножом дали Конану минутную передышку. Но дюжина новых противников бросилась на него со всех сторон.

Киммериец понял, что долго не продержится, — его противники задавят его численным превосходством. Резко наклонившись, он отпрыгнул в сторону костра. Схватив мешки для воды и седельные сумки, он бросился бежать вдоль ручья в сторону, куда скрылся его верблюд. Несколько воинственных созданий попытались помешать ему, бросившись наперерез, но были встречены сталью клинка. Пробежав немного, киммериец понял, что этим малорослым созданиям было явно не угнаться за ним. Их злобные крики раздавались далеко за его спиной.

Остановившись, Конан внимательно прислушался. Нет, погони явно не было. Отдельные крики доносились со стороны его лагеря, но лишь голые склоны холмов в ночной тишине лежали вокруг.

Конан предположил, что странные уродцы, напавшие на него, живут в скалистом каньоне и опасаются выходить на открытую местность. На всякий случай он вошел в ручей и прошел некоторое расстояние по воде, чтобы сбить с толку преследователей, если они решат выследить его по запаху.

На открытом месте в стороне от скал звезды светили ярче. В их мерцающем свете Конан легко нашел своего верблюда, пасшегося в пышных кустах вдоль ручья. Взяв животное за уздечку, он повел его дальше вдоль ручья, прочь от опасности.

Оставив у костра большую часть провизии, Конан не очень-то рвался вернуться и отбить свою собственность, сражаясь с несколькими дюжинами человекообразных. Наоборот, еда задержит их на месте боя — ведь наверняка именно завладеть пищей было целью их нападения. А если они собирались сожрать и человека, значит, им надолго хватит добычи. Конан оставил за собой изрядное количество трупов для любителей пожирания себе подобных. Судя по злым выкрикам, эхом разносившимся по округе, пиршество и драка за кусок добычи вовсю шли на месте сражения.

Эти создания не были похожи ни на каких известных Конану обезьян. Если же их предки были людьми, то как же низко опустилась их раса. Может быть, они были жителями древнего города или, наоборот, кочевниками, разрушившими его? Хотя киммериец сильно сомневался, что такие примитивные создания могли захватить и разрушить город, равно как и построить хоть что-нибудь.

Конан терялся в догадках о том, какая сила могла заставить их пасть так низко, превратив людей в стаю обезьян, подобных бабуинам. Что изуродовало их лица, руки и еще кто знает что из их анатомии? Злое колдовство или та же самая сила, которая сровняла с землей город?

Руины, отражая мерцающий звездный свет, лежали под куполом ночного неба. Не желая пробудить еще какой-нибудь ночной кошмар, Конан не стал приближаться к ним. Отведя верблюда в сторону от ручья, он выбрал ровное место и уложил животное. Затем киммериец ножом срезал несколько больших сухих веток и разложил их вокруг, чтобы сделать невозможным беззвучное приближение к нему. Еще раз осмотревшись и прислушавшись к окружающей ночи, он лег рядом с верблюдом и погрузился в чуткий, беспокойный сон.

Глава 12

ГОРОД В ПУСТЫНЕ

Еще до рассвета Конан был на ногах. Обследовав окружающую его местность, он решил провести свою предыдущую стоянку. Осторожно подобравшись к знакомому месту, он не обнаружил ни живых обезьянолюдей, ни их трупов. Среди камней валялись лишь несколько изжеванных, окровавленных обрывков его одежды и поклажи.

Сейчас, в утреннем свете, ему бросились в глаза следы повседневного пребывания таинственных существ. От скал к ручью тянулась узкая тропа, тут и там валялись обглоданные, выбеленные кости и другие объедки. Повернувшись к вздыбленной гряде, Конан понял, что это нагромождение камней

с бесчисленными трещинами и пещерами было для зверя или дикаря идеальным местом жительства, предоставлявшим множество убежищ и мест для засады. Киммериец даже передернулся при мысли о том, какие еще твари могут обитать там и даже следить за ним в эту минуту из чернеющих глазниц пещер.

Вернувшись к ручью, Конан наполнил водой оставшиеся кожаные мешки и покрепче приторочил к седлу верблюда изрядно оскудевшие пожитки. Песчаная буря, бушевавшая на востоке, пробивающееся сквозь нее рассветное солнце окрасили равнину и окружающие ее склоны гор в медно-красный цвет. При этом зловещем освещении, пока не началось самое пекло, Конан решил обследовать разрушенный город.

Эти руины не были похожи ни на один из мертвых городов, виденных Конаном раньше. Обычно они начинались с груд камней на окраинах, сходящихся к внушительным руинам природной или рукотворной крепости в центре, внутри которой находились остатки самых значительных городских зданий. Здесь же все было наоборот. Гряда камней, шедшая приблизительно по кругу, представляла собой остатки городской стены. Руины зданий находились лишь внутри этой окружности. А в центре вместо массивных стен дворца правителя, храма и городского зернового амбара, чего можно ожидать в любом городе, была лишь ровная площадка — настолько ровная, что казалась гладью замерзшего озера.

Разумеется, вспомнил Конан, в центре Оджары тоже была ровная мощеная площадь и просторная площадка для караванов внутри городских стен. Быть может, это следы древней традиции строительства среди народов, лишь недавно осевших

в городах, а до того кочевавших по пустыне? Быть может, создатели этого города предпочли жить в легких шатрах и палатках, огороженных общей стеной для защиты от нападений? Маловероятно — слишком уж внушительна стена и руины рядом с нею.

Само место постройки города подразумевало развитое сельское хозяйство у народа, строившего его. Город стоял на краю плоской, плодородной долины, несомненно рассеченной в прошлом многочисленными каналами и арыками, орошавшими городские поля, сады и огороды.

Теперь лишь полусасыпанные песком канавки напоминали о былой ирригационной системе. Река измелчала, превратившись в ручей. Да и тот, убегающий под обвалившуюся стену, терялся среди камней и песка, не достигая и противоположного конца города.

Сидя верхом, Конан все время внимательно оглядывался, опасаясь обезьяноподобных монстров или еще более опасных обитателей этого забытого богами места. К счастью, большинство зданий было настолько сильно разрушено, что их руины вряд ли могли дать укрытие для засады.

Пробираясь вдоль кольца стены, Конан рассчитывал найти остатки арки или въездных столбов. На таких монументах часто бывают выбиты основные даты истории города, девиз его правителей или портрет основателя.

К сожалению, стена была разрушена слишком сильно: высота ее остатков не превышала роста сидящего на верблюде человека. Кроме того, по какой-то неведомой причине стена обрушилась наружу. Лежавшие на земле плиты были покрыты многовековым слоем пыли и грязи, скрывавшим всякие следы рельефов или резьбы по камню.

По поводу названия этого места у Конана были свои предположения. Кочевники называли его Талиб. На диалекте восточного Шема «тал», или «тел», означало «развалины, руины». Значит, это название могло обозначать руины Иба или другого похожего по звучанию города. А кто из путешествовавших здесь не слышал долгими вечерами у лагерного костра легенд и сказок о древнем городе под названием Иб? Проклятое место, как гласили предания, город, который наказал неведомый бог за несправедную, греховную жизнь. Какое еще место так точно подходило под это описание?

Увидев более или менее сносный проход в стене, Конан спешился и, взяв в руку поводья, пошел внутрь города. К своему удивлению, он обнаружил, что внутренняя сторона стены сохранилась куда лучше наружной. Вертикальная плоскость ровно выложенных камней достигала человеческого роста. Здесь же сохранились нетронутыми остатки изображений на камне, правда не похожих ни на один известный Конану тип резьбы или рельефа.

Сохранившиеся изображения представляли собой человеческие фигуры, выполненные настолько реалистично, что Конан даже охнул от удивления. Перед ним, словно живые, застыли силуэты людей — простых горожан, схваченных в момент танца или другого ритуала. Молодая женщина в свободном хитоне подняла руки, прикрыв лицо ладонями в веселой игре. Рядом с ней, танцуя или играя, протянул руки мужчина. У ее ног застыла, поднявшись на задние лапы, небольшая собачка, а в нескольких шагах сидящий на земле ребенок, повторяя жест матери, закрыл ладонями глаза.

Силуэты, даже иссеченные песками и ветрами, выглядели живыми и естественными. Их изваял мастер с завидным талантом. Странно, что они пред-

ставляли собой лишь контуры, без прорисовки лиц, деталей одежды и даже рук там, где они накладываются на тело. Конан предположил, что это тени живых людей были обведены на стене мелом, а уже потом на века высечены в камне. Но ни за что человеческая рука не успела бы обвести тень лишь на миг принявшей такую позу собачки или слишком сильно наклонившегося, готового упасть, если сию секунду не сделать шаг вперед, мужчины.

Нет, несомненно, молоток и резец обессмертил талант мастера, работавшего над этими фигурами по памяти. А детали, например лица, — они могли быть выполнены в более мягком, недолговечном материале — гипсе или керамике, которые рассыпались в пыль в течение прошедших столетий.

Была в этом изображении еще одна странность. На огромной площади находилось лишь несколько фигур. И вместо того чтобы врезать их силуэты в камень, мастер сделал их в виде выпуклого рельефа, сняв слой камня вокруг. Это, несомненно, потребовало много больше работы. При такой технике камнерезы обычно оставляют больше деталей на изображении: солнце, луна, драконы, изречения и девизы — все, чтобы сэкономить силы и острие резца.

В общем, это была совершенно незнакомая Конану форма выражения художника. И как всякое истинное искусство, оно граничило с колдовством. Поежившись, Конан повел верблюда за собой, прочь от этого зрелища. Примитивное, даже первобытное образное восприятие Конана представило эти фигуры застывшими духами смертных людей, замершими по воле магического заклинания, навеки выжженного их тени на каменной стене.

Пройдя немного от стены к центру города, Конан был готов поверить во все легенды, говорившие о

всех проклятиях сразу. Ни единой травинки не росло среди развалин. Сами руины не доходили до колена киммерийца. Похоже, какая-то неведомая сила выдернула и выжгла все строения города. Оставшиеся кое-где каменные столбы или тяжелые угловые камни домов были иссечены трещинами и словно оплавлены. Многие из них рассыпались при одном лишь прикосновении руки или легком касании обутой в сандалию ноги Конана.

Еще чуть ближе к центру — и даже эти жалкие остатки исчезли. Взгляду открылось ровное, выжженное и выглаженное пространство. Лишь в самом центре возвышался одинокий монумент — весь иссеченный, иззубренный монолит. К нему и направился Конан по оплавленным, похожим на жидкое стекло камням. Он сам и его верблюды отбрасывали длинные тени в зловещем свете закрытого пыльным облаком солнца.

Подойдя к его основанию, Конан увидел, что обелиск стоит поверх оплавленной земли. Монумент был грубо вытесан из камня и поставлен здесь некоторое время спустя после катастрофы, стеревшей с лица земли город. Иначе и быть не могло. Вряд ли даже гранитный монолит сохранился бы в самом центре этого адского пекла.

На обелиске был выбит всего один символ: не слово, не буква, а изображение дерева или чего-то очень похожего. Конан явно различил толстый ствол, изогнутые корни и ветки, на которых вместо листьев висело несколько плодов, похожих на чьи-то головы с оскаленными пастьми. Изображение было глубоко врезано в толщу черного гранита и выложено мелкими кусочками белого камня.

Был ли этот памятник воздвигнут руками обезьяноподобных существ, руками, которые природа наделила немыслимым количеством пальцев? Вряд ли,

слишком сложна была задача — вырубить камень, вырезать символ, не говоря уже о том, чтобы доставить его на место и поставить вертикально.

Петроглиф, несомненно, представлял собой некий религиозный символ — возможно, знак бога этого древнего города. Но все это уже мало занимало Конана ввиду малой полезности поисков здесь чего-нибудь стоящего. Киммериец опустил верблюда на колени, вскарабкался ему на спину и, прикрикнув, направил животное быстрым шагом на запад — на поиски открывшихся перевалов в горах Отчаяния.

Руины Иба, если это были они, остались далеко позади. Тайна судьбы древнего города перестала интересовать Конана. Сейчас его голова была занята другим: осматривая горы, раскинувшиеся перед ним, он прикидывал, какое из ущелий может вывести его к перевалу. Это? Нет, слишком далеко от главных вершин. Скорее всего, оно сойдет на нет, не дойдя и до середины склона. Может быть, это? Плохо видна его верхняя часть. Что, если проехать чуть вперед и посмотреть...

Не успел он углубиться в горы в поисках прохода, подходящего для него и его вовсе не горного животного, как необычное зрелище привлекло его внимание. Вдалеке, то пропадая, то снова появляясь в дрожащем мареве нагретого воздуха, глазам киммерийца предстала группа людей. Они шли пешком, собравшись вокруг какого-то предмета или телеги, которая и была объектом приложения их усилий. Сначала Конан с надеждой предположил, что это один из первых караванов,двигающихся на север, но, присмотревшись, понял, что они собираются пересечь равнину, направляясь на восток,

туда, откуда пришел он. В любом случае величина их груза и черепашня скорость, с которой они двигались, не оставляли надежд на то, что они соби-
раются преодолеть склоны северных гор.

Кем бы они ни были, киммериец не считал нуж-
ным бояться этих людей. Он приближался к ним не
прячась, открыто, предвкушая, как всякий одинокий
путник, возможность пообщаться с себе подобными.
Киммериец рассчитывал потратить оставшиеся в его
кошельке деньги на кое-какую еду и, быть может,
прикупить что-нибудь из необходимых в дороге
вещей, которых он лишился в ночной стычке с людь-
ми-обезьянами. Но, подъехав к каравану поближе,
он понял, что эти люди нуждаются в помощи куда
больше, чем он сам.

Они выглядели исхудавшими и изможденными.
Там, где жалкие лохмотья не прикрывали тело, их
кожа была дочерна сожжена солнцем. Некоторые
брели по раскаленному солончаку босиком. Многие
шли с непокрытыми головами — лишь жалкие пряди
волос оставались на их скальпах. Их было человек
сорок — пятьдесят — этих несчастных, впрягшихся в
веревки и налегающих на деревянные жерди-упоры,
заставляющие двигаться вперед шестиколесный эки-
паж.

Колеса из толстых досок были попарно соеди-
нены на осях, составлявших основу грубо сколо-
ченной площадки в центре. Из всей компании едва
ли дюжина охранников шла не впрягшись в чудо-
вищную телегу. Но и эти счастливики сгибались
под тяжестью мешков за спинами. Во всем отряде
не было ни единого выючного или тяглового жи-
вотного. Верблюды ни за что бы не позволили
впрячь себя в повозку, а лошади не выдержали бы
долгого путешествия по пустыне. Следовательно,
транспортровка такого груза требовала человече-

ского труда или, точнее было бы сказать, нечело-
веческих усилий.

Как только Конан приблизился на расстояние
слышимости, до его слуха донеслись мольбы и про-
сбы несчастных, издаваемые их пересохшими гу-
бами:

— 'Воды! О Господин! Во имя всемогущих богов,
глоток воды! Сжальтесь, великодушный господин!
Мы умираем от жажды! Воды!

Когда киммериец остановил своего верблюда в
дюжине шагов от процессии, пилигримы бросились
на колени и протянули к нему руки, словно в мо-
литве.

Этой-то ситуации он и боялся. Но, милостью
Крома, у него с собой было достаточно воды, чтобы
ублажить всех этих страждущих хотя бы на время.
Конан отвязал от седла мешки с водой, все, кроме
одного, полупустого, для себя, и опустил их на
землю перед собой.

Один из отряда — высокий худой загорелый че-
ловек, шедший впереди всех, — направился к ким-
мерийцу. В отличие от остальных, он ни о чем не
просил, а молчал. Наверняка жрец, подумал Конан.
Двое солдат, двигаясь насколько возможно быстро,
последовали за своим предводителем.

— Приветствую вас, путники, — поздоровался
Конан. — Я могу поделиться с вами водой, видя,
что вы так нуждаетесь в ней. — Конан помолчал,
ожидая хоть какого-то выражения благодарности.
Не дождавшись, продолжил: — Меньше чем в
одном дне пути отсюда есть источник, где воды хва-
тит на всех. Если вам будет сопутствовать удача, то
все вы доберетесь туда живыми.

Жрец перевел взгляд с мешков с водой на Конана
и заговорил на торговом диалекте пустыни, с южным
акцентом.

— Вода будет полезна, — сказал он совершенно бесстрастно. — Ты говоришь, что на пути отсюда в Оджару есть оазисы?

Что-то в вопросе незнакомца неприятно поразило киммерийца. Похоже, этот человек не знал, да и особо не интересовался ни расстоянием, ни числом оазисов. Скорее всего, он и вправду был жрецом, не задумываясь вручающим свою судьбу и судьбы своих несчастных спутников в руки своего бога. Он был бос, голова его тоже была открыта еолнцу, одеяние изношенностью и скудностью немногим отличалось от одежды его подчиненных. Несомненно, фанатик, подумал Конан, рассматривая его. Единственным знаком, отличавшим жреца от других, была рукоятка меча, висевшая на его шее. Совершенно беспомощное оружие, решил киммериец, оглядывая обломок клинка. Наверняка какая-нибудь реликвия.

Невероятно, но жрец не сделал движения к воде. По его знаку солдаты бросились к мешкам и потащили их по направлению к стонущим от жажды мосильщикам.

— Нет, незнакомец, — помолчав, ответил на вопрос Конан, — на пути в Оджару нет воды. Аистовое озеро высохло и заполнено костями несчастных, считавших его своей единственной надеждой. В мертвом городе, — он кивнул головой, показывая на восток, — много воды, но там живут обезьяны-демоны, пожирающие путников. Мне придется вернуться туда, чтобы пополнить запасы воды. Я советую и вам сделать то же самое. Отдохните там, наберитесь сил, возьмите с собой в дальнейший путь побольше воды, только будьте осторожны, а затем — разворачивайтесь и возвращайтесь туда, откуда пришли.

Черный жрец не покачал головой, даже не моргнул.

— Мы пойдем дальше, в Оджару, — таков был его ответ.

Конан пожал плечами:

— Пожалуйста. Я не против. Только не думаю, что твои люди выдержат этот путь. Сначала отдохните. Переходы делайте только ранним утром или поздним вечером, пережидая самую жару, отдыхая под навесом. Конечно, и речи быть не может, чтобы волочь с собой эту штуковину... чем бы она ни была. Оставьте вы ее здесь, если вам жизнь дорога.

— Это священный идол, и мы повезем его с собой, — ровным голосом сказал жрец. — Скажи... ты, похоже, знаешь пустыню и дорогу на восток. Как твое имя?

— Конан из Киммерии. А как зовут тебя?

— Я Куманос, Верховный жрец храма Вотанты из города Сарка, что в южной пустыне. Мне нужен разведчик и проводник. Ты знаешь город Оджару?

— Да, Куманос. Я только что из Оджары. Я знаю эти места и даже кое-что слышал о вашей миссии. Но сейчас я еду в Шадизар. — Киммериец с сомнением покачал головой. — Посмотри, до чего ты дошел, жрец. Не думаю, что у тебя найдется что-либо стоящее, способное окупить мое время и силы, затраченные на нелегкий обратный путь, однажды уже проделанный мною.

— Почему ты покинул Оджару, Конан из Киммерии?

— Я же сказал тебе: мне нужно на север. — Избегая напрашивающегося вопроса, почему он забрался так далеко на запад, Конан продолжил: — Так получилось, что я не мог дожидаться каравана. Мы кое-что не поделили с одним из жрецов богини этого города. Так, сущие пустяки.

И из-за этой ерунды именем их храмовых законов меня выгнали из города. А гордость не позволила мне ошиваться у их стен, дожидаясь попутного каравана...

— Достаточно. Я все понял. Сержант Астрак...

Куманос, не отрывая взгляда от киммерийца, щелкнул пальцами за плечом. Высокий крепкий человек в шлеме и с двумя тяжелыми мешками за спиной отделился от сгрудившейся вокруг мешков с водой толпы и бросился на зов.

— Камни, — бросил через плечо жрец, когда его подчиненный подошел ближе.

Развязав один из мешков, сержант достал деревянный ящик. Раскрыв его, он показал Конану отделанную изнутри серебром крышку и грудку необработанных самоцветов, поблескивавших зеленым светом в солнечных лучах.

— Знаешь, — Конан старался не выдавать удивления, — я никогда не видел таких камней. Полагаю, ты будешь уверять меня, что они недешево стоят...

— Ты сможешь взять себе столько камней, сколько поместится у тебя в кулаке, — перебил его Куманос, — такова будет плата. Ты получишь ее, когда идол окажется в Оджаре в целости и сохранности.

Жрец кивнул, и сержант немедленно захлопнул крышку, а затем опустил ящик в мешок.

— Ну, в таком случае, — вслух прикинул Конан, — если я вернусь в роли твоего проводника, последователя Единственной Богини едва ли дадут мне от ворот поворот.

Куманос посмотрел киммерийцу в глаза и сказал:

— Ты будешь членом миссии, состоящим на службе Анаксимандра, короля Сарка. А все послан-

ники будут почетными гостями города. Это записано в торжественном договоре королей Сарка и Оджары.

— Понятно. — Спокойно сидя на спине верблюда, Конан не торопился с ответом. В общем-то, предложение было не блестящим. Помочь еще одному фанатику-жрецу и его компании допереть черт знает что через пустыню за горсть камней неизвестной ценности. С другой стороны, это была возможность избежать вовсе не улыбающейся ему перспективы проделать путь через горы в одиночку, без достаточных запасов еды и теплой одежды. А эти доходы явно не дойдут до цели с таким фанатиком, как Куманос, во главе. С этой точки зрения, принять предложение жреца означало бы совершить акт милосердия. А потом, глядишь, можно уже встретить и караван и отправиться в Шадизар в более подходящей компании.

Но в глубине души он понимал, что его тянет назад, в Оджару. Что-то подсказывало ему, что он еще не развязался с этим гордым городом.

— Ну что ж, согласен, — наконец ответил он Куманосу. — Я еду с вами на восток.

Глава 13

КАМЕННЫЙ КОРАБЛЬ

Конан не мог предвидеть, насколько долгим окажется путь назад. Тянувшие и толкавшие телегу люди были истощены и измучены. Они смиренно, без протестов выполняли свою тяжкую работу. Конан так и не разобрался, были ли они вольными паломниками или рабами. Многие, безусловно, погибли за время пути. Их место заняли саркадийские

солдаты, впрягающиеся в работу наравне с недавними подчиненными.

Но и солдаты не могли заметно оживить процесс. Они тоже были измучены тяжелыми переходами с грузом за спиной. Отряд шествовал в молчании, без молитв и песнопений, против ожидания Конана. Даже во время отдыха эти люди хранили молчание, словно сами их души были убиты болью и невыносимым трудом.

Тела всех их были покрыты ожогами и язвами. От этого страдали даже охранники, одетые в удобную для жары форму и несшие только заплечные мешки. Конан постепенно уверился в своем предположении, что не одно лишь солнце было причиной страданий этих людей. Он сам никогда раньше не видел таких язв и струпьев. К этому следовало добавить выпадение волос и зубов. Но что могло вызвать все эти напасти? Плохое питание? Вода, которую они пили в пути, которая, быть может, проходила через ядовитую почву? А может, еще что-нибудь похуже? Например, проклятие, посланное на их головы тем же самым Вотантой или его небесными противниками.

В любом случае их путь был сплошным мучением. В тот день, когда Конан встретил отряд, они так и не добрались до развалин Талиба. Остановившись посреди голой равнины, рабы и стражники повалились на землю под колесами влекомого ими сооружения. Конан съездил к ручью и наполнил мешки водой, чтобы хоть как-то облегчить страдания несчастных и обеспечить их водой не только для питья, но и чтобы помыть лицо и руки.

Когда караван наконец добрался до Города в Пустыне, лагерь был разбит около того места, где ручей уходил под городскую стену. Конан проследил, чтобы Куманос не забыл выставить часовых, хотя в

конце концов киммериец сам простоял большую часть дежурства, дав солдатам возможность поспать. Пару раз ему казалось, что в кустах слышались какие-то странные звуки. Но он надеялся, что если даже обезьяноподобные уродцы проникнут в лагерь, то не решатся так далеко отойти от своих пещер и напасть на многочисленный отряд.

Даже видавшего виды киммерийца поразила мрачность окружающей обстановки. Освещенные лунным светом, затерянные где-то на полпути между двумя горными хребтами, лежали люди, чей сон мало чем отличался от смерти. Укутанный материей идол напоминал изогнувшееся в последней агонии и так застывшее тело какого-то злого великана. Сейчас, в неярком свете луны и звезд, казалось, что идол светится изнутри. Зеленое свечение пробивалось сполохами сквозь несколько слоев ткани, скрывавшей статую.

Позади них лежали развалины: обрушенная стена, снесенные до основания здания и выжженная, оплавленная земля — то, что когда-то было могучим городом-государством, называвшимся Иб, в одночасье испепеленным какой-то неведомой силой.

Конан услышал шаги — совсем рядом. Он выхватил нож и, развернувшись, чуть не воткнул его в грудь Куманосу, выступившему из темноты в круг света от костра.

Бормоча ругательства, Конан вернул клинок в петлю на поясе и снова присел к огню.

— Кром! Слушай, жрец, ты решил проверить, чутко ли я сплю? Еще немного — и ты проверил бы, насколько остро я наточил этот клинок. Сам-то ты хоть иногда спишь?

Куманос опустился на землю напротив Конана:

— Ты быстрый боец, умелый и бдительный.

— Тут станешь бдительным! Две ночи назад мою бдительность проверили острозубые людоеды.

Совсем недалеко от места, где мы сейчас сидим! — Конан помолчал, а затем осторожно обратился к Куманосу: — Знаешь, я думаю, такой большой компании нечего бояться этих уродов. И вообще, послушай ты меня: дай своим людям отдохнуть денек-другой. Пусть они очухаются, отмоются в ручье, наберутся сил...

— Мы выйдем в путь завтра с первыми лучами солнца, — перебил Куманос, даже не взглянув в глаза киммерийцу.

— Куманос, пойми, так ты совсем доконаешь своих людей, — продолжал доказывать Конан. — А отдохнув, они будут резвее катить твою телегу, и больше вероятности, что доберутся до места живыми.

— С помощью великого Вотанты мы дойдем до цели, — отрезал Куманос, давая понять, что не принимает возражений. — В пути мы попали в песчаную бурю и сбились с дороги. Затем на нас напали кочевники, убившие многих солдат прежде, чем мы смогли отбить атаку. Оставшиеся солдаты были вынуждены заменить умерших рабов. И все же мы добрались так далеко.

— Веселенькая прогулка, — заметил Конан. — Похоже, ваш бог решил проверить крепость вашей веры...

Куманос чуть кивнул выбритой головой и произнес:

— Для некоторых испытания оказались слишком трудными. Они не выдержали их.

Жрец снял с шеи ржавый обломок меча и внимательно посмотрел на него, поворачивая в лунном свете.

— Некоторые предпочли умереть, не чувствовать ничего, не выдержав страданий разрушающегося тела и крушения надежд. — Куманос вопросительно взглянул на Конана.

— Что до меня — я никогда не буду искать смерти, — сказал киммериец. Его мысли вернулись на несколько дней назад, губы сжались, глаза прищурились, когда он вспомнил Зануса. — И никогда не пойму тех, кто так поступает. По мне, пока я дышу, пока в моих жилах бежит кровь — надежда есть. — Помолчав, он стряхнул с себя набежавшую меланхолию и поинтересовался: — Что это за ржавая шутовщина, с которой ты все время таскаешься? Священная реликвия? Остаток клинка, которым был убит двоюродный дедушка твоего обожяемого бога?

— Это? — переспросил Куманос. — Это Меч Олотимантоса. Могущественный талисман, дарованный мне старым мудрецом. Эта вещь перевернула всю мою жизнь.

— Символ вашей веры, не сомневаюсь. Только не надо мне расписывать его могущество, а заодно и могущество твоего бога. — Конан встретился взглядом с Куманосом. — Я тебе честно скажу: дурь ты затеял, напрасно мучаешь своих безмозглых ба-ранов. Но это ваши дела. Только не пытайся обратить меня в свою веру. Я ни за что не дам ввязать себя в такой идиотизм...

— Разве что за обещанное вознаграждение? — закончил за него жрец.

— Нет. Даже за плату я бы не стал ввязываться в это, если бы у меня не было своих личных причин пойти с вами.

— У тебя независимая душа и сильная воля, способная противостоять искушениям и чужому влиянию, — сказал жрец, взвешивая на руке обрубок меча-амулета.

— Пожалуй что так. Поэтому ты и встретил меня, путешествующего в одиночку по этой проклятой пустыне.

— Точно, — задумчиво кивнул Куманос, — именно твой упрямый дух делает тебя столь доблестным воином и столь хитрым и изворотливым пустынным лисом.

— Да. И именно поэтому я тебе нужен, — сказал Конан, пристально, даже угрожающе глядя на Куманоса. — А чего ты ждал? Что я окажусь безвольной игрушкой в твоих руках? Чего ты так волнуешься?

— Ничего. В конце концов, наша встреча — не просто случайность, а проявление воли Вотанты.

Вновь повесив амулет себе на шею, Куманос спрятав его под бурнусом и встал, направляясь к выбранному им для сна месту.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказал Конан в спину жрецу, недоумевая, зачем тому понадобился весь этот разговор.

Еще раз той же ночью Конан почувствовал, что кто-то ходит рядом с лагерем. Смутная догадка мелькнула в голове киммерийца. Подойдя к расстеленному на земле одеялу Куманоса, он увидел, что жрец исчез. Спешно растолкав себе на подмену двух саркадийских солдат, он нырнул в темноту. Чутье не обмануло его, и, выбрав правильное направление, Конан быстро нагнал высокую темную фигуру, хорошо выделяющуюся на фоне белой, как мел, в лунном свете равнины.

Но что он делал один в таком опасном месте? Конан дернулся было догнать и остановить безумца, но что-то удержало его. Не издав ни звука, киммериец продолжал следить за Верховным жрецом. Тот уверенной походкой направлялся к гранитному монолиту в самом центре выжженной земли.

Куманос подошел к обелиску, замедлил шаг и приблизился к нему с той стороны, где, как помнил Конан, находился вырезанный символ — многоголовое дерево. Верховный жрец наклонился перед изображением, словно желая получше рассмотреть его. Затем — Конан готов был поклясться, что не ошибся, — Куманос встал на колени перед обелиском и склонил голову до земли в почтительной иступленной молитве.

Лоб Конана покрылся испариной, его тело забила дрожь при виде этого зрелища. Что же мог означать этот поступок жреца? Быть может, черный монолит по-прежнему почитался пилигримами как место поклонения? Тогда почему киммериец никогда не слышал об этом? Нет, похоже, Куманос мог много рассказать о трагической судьбе древнего города. Ничего, решил Конан, он еще загонит Куманоса в угол и вытрясет из него все, что тот знает. И сделать это надо при первой же возможности — но не сегодня ночью.

С первыми лучами рассветного солнца, как и говорил Куманос, отряд продолжил свой путь, преодолевая пологие холмы, отделявшие лунную равнину от дна мертвого моря. Движение не остановилось и в самое полуденное пекло. Несколько раз Конан слезал с верблюда, чтобы подставить плечо под тяжесть ноши, сначала помогая закатить телегу на вершину очередного холма, а затем удерживая ее от скатывания вниз, что могло вконец разбить и без того изрядно поизносившиеся колеса.

Идол оказался еще тяжелее, чем можно было предположить. Казалось, он притягивает падающие почти отвесно солнечные лучи и излучает вокруг себя нестерпимый жар. Во время очередного спуска

один из рабов подвернул ногу и рухнул прямо под колеса. Несчастный даже не успел вскрикнуть, как его позвоночник был раздавлен чудовищным грузом. Наконец отряд вышел на дно древнего моря. Путь вперед был прямой, как стрела. Не было ни необходимости, ни возможности свернуть куда-либо за водой. Оставалось двигаться прямо и прямо вперед, по направлению к седловине между двумя вершинами — черной и красной.

Незадолго до заката разразилась песчаная буря, сделавшая невозможным дальнейшее движение. Рабы и охранники сбились в кучу под телегой, прижимаясь друг к другу и к огромным колесам. Конан же, привычный к таким шуткам местной природы, лег в стороне, спрятавшись от ветра за спиной спящего верблюда. Замотав лицо плотной тканью, чтобы уберечься от секущего песка и ледяного ветра, он быстро уснул. И снова, как несколько дней назад, его разбудил скрип колес телеги или колесницы.

Когда ветер стих, Конан еще несколько раз просыпался, чтобы оглядеть пустыню, поблескивавшую в неярком холодном свете звезд. Ничто не нарушало полную, какую-то мертвую, могильную тишину. Но перед рассветом дьявольский ветер снова ослепил мир поднятой в воздух солончаковой пылью и тучами песка. И вновь сквозь вой ветра послышалось зловещее поскрипывание деревянных колес.

На этот раз звук раздавался совсем рядом. Неожиданно Конан увидел сквозь завесу пыли большую неясную тень, приближавшуюся к нему. Киммериец и перепуганный верблюд едва успели отскочить и пропустить мимо себя тяжелое колесо, сделанное намного лучше колес телеги Куманоса.

Неужели на их отряд напали под покровом бури неведомые воины? Но ни один человек не мог бы

уверенно действовать в такой мгле, не говоря уже о том, чтобы координировать свои передвижения с другими.

Схватив свой нож и, по привычке человека, долго путешествовавшего по пустыне, флягу с водой, Конан бросился вперед и, прыгнув, ухватился за поручень двигавшейся мимо таинственной колесницы. Он решил любой ценой разгадать тайну ездовых-призраков. Пусть даже ценой собственной жизни.

Возница не представлял опасности для нового ездока. Высохшая, оскаленная мумия стояла, притянутая широкими ремнями, у переднего поручня колесницы. Тяжелые ржавые доспехи не позволили ветрам унести ее прочь от экипажа. Над ее головой трепыхался наклонный навес из шерстяной ткани, действовавший как парус. Впереди угадывались висящие на столбах останки лошадей — белеющие кости, лохмотья шкуры и обрывки упряжи.

Это была тяжелая боевая колесница с большой площадкой для многих воинов, которую должны были двигать несколько лошадей. Но теперь лишь ураганный ветер был силой, заставлявшей экипаж двигаться по никем не проложенному курсу.

Итак, колесница-призрак, легенды о которой часенько рассказывали в караван-сараях Оджары, оказалась не выдумкой. Конан припомнил, что даже Ябед излагал ему свою версию, кстати наиболее правдоподобную. Примерно сорок лет назад, по крайней мере так уверял мальчишка, во времена царствования отца Семиархоса — короля Демиархоса, младший брат короля Пронатос решил одним махом основательно обогатить казну города и королевскую семью. С этой целью он снарядил экспедицию — сотню воинов с верблюдами, лошадьми, колесницами и телегами — и отправился на поиски

легендарного Каменного Корабля. Это древнее судно, давно уже вошедшее в легенды всего Шема, когда-то легло на дно моря, ставшего теперь бескрайней пустыней, притянутое грузом золотых монет, оружия и доспехов.

В эту сказку, еще более невероятную, чем колесница-призрак, не верило большинство образованных жителей Оджары. Но молодежь, соскучившаяся по настоящему опасному делу в городе, которого долгие годы не касались ни войны, ни голод, ни эпидемии, с удовольствием включилась в эту авантюру.

Через полмесяца после выступления отряда Пронатоса разразился жесточайший ураган. На долгие дни солнце и окружающая город пустыня были скрыты от глаз пеленой пыли. С тех пор ни один гонец от экспедиции не постучал в ворота города. Буря стерла все следы экспедиции, поэтому ни с чем вернулись и отряды, посланные безутешным королем на поиски.

Но вскоре в шатрах бедуинов стали рассказывать, что души исчезнувших кладоискателей были похищены демоном урагана, и теперь непогребенные кладоискатели заманивают других любителей приключений разделить их судьбу. Поговаривали, что во время бурь, случавшихся в некоторых долинах непременно на рассвете и перед закатом, ночующий в пустыне путник мог услышать скрип и похрустывание колес. Сложилась легенда, по которой Пронатос и его всадники продолжали свои безрезультатные поиски мифических сокровищ, бороздя пустыню на своих колесницах, подгоняемые воем и лаем диких пустынных псов.

Конану приходилось крепко держаться за поручень, чтобы не упасть на трясущийся, подпрыгивающий пол колесницы. Сквозь пыльную мглу он уви-

дел двигавшуюся недалеко похожую колесницу. Значит, легенды не лгали. Колесницы отряда Пронатоса по какой-то прихоти богов продолжали свой бег по пустыне, подгоняемые сильными ветрами и скрываемые тучами песка и пыли.

Кто же был возница, стоявший у переднего бортика экипажа? Судя по дорогим доспехам, это вполне мог быть кто-нибудь из самых знатных участников экспедиции, а то и сам Пронатос. Конан, пожав плечами, пробормотал вежливые приветствия и отодвинулся чуть в сторону, словно давая мертвому вознице больше места для управления экипажем.

С трудом удерживая равновесие на качающихся досках платформы, Конан прикидывал, что делать дальше. Самым простым выходом было спрыгнуть с колесницы, что, несмотря на приличную скорость, не составило бы труда. Главное было не попасть под колеса несущегося следом другого экипажа. А затем можно вернуться туда, где остался верблюд, новый работодатель и странная команда полумертвых от тяжелой дороги и неведомых болезней людей. Даже если следы колесниц скрыла песчаная буря, Конан сумел бы, двигаясь кругами, найти своих спутников за день или два. А на это время ему хватило бы воды в прихваченной с собой фляге.

Но, сжимая руками поручень, вглядываясь в пылевую завесу и всем телом ловя ощущение скорости, Конан понял, что ни за что не покинет колесницу. Дух искателя приключений возобладал в нем. Еще бы — раскрыть тайну, столько лет волновавшую жителей этой пустыни! А если в конце пути его ждет награда, обещанная Демиархосом — и подтвержденная его сыном — любому, кто прольет свет на судьбу Пронатоса и его отряда, — что ж, тем лучше.

Ветер продолжал дуть не ослабевая. Много раз Конан замечал то справа, то слева появлявшиеся из темноты неясные силуэты. Иногда они, приближаясь, принимали форму колесниц или телег — киммериец чувствовал себя словно в огромной стае привидений, несущихся неизвестно куда по ровной глади пустыни.

Сумасшедшая гонка продолжалась не меньше часа. Затем ветер неожиданно стих. Колеса сделали еще несколько оборотов и, скрипнув в последний раз, остановились. Пыль, висевшая в воздухе, стала оседать на землю, постепенно проявляя окружающую местность.

Оказалось, что колесницы-призраки въехали в узкий каньон в отрогах хребта Крови Атталоса. Со всех сторон к небу вздымались кроваво-красные склоны, вокруг же расстиралось дно высохшего моря цвета выбеленной кости. Позади колесницы горы почти сходились вместе, едва не перекрывая устье каньона. Впереди победно вонзались в утреннее небо главные вершины хребта. А вокруг колесницы Конана остановилась целая флотилия повозок и телег разных форм и размеров. Чуть поодаль возвышался каменный монолит, напоминающий по форме корабль.

Конан спрыгнул со своей колесницы и принялся рассматривать изрядно потрепанные ветрами и песками пустыни экипажи. Покрывавшая их некогда краска облезла, металлические части проржавели. Но сухость пустынного воздуха не дала прогнить дереву; поэтому они, несмотря на давность постройки, все еще были способны нестись по воле ветра, вселяя ужас в погонщиков караванов.

В некоторых колесницах были видны останки их возничих и пассажиров — тех, кто привязал себя веревками и ремнями к поручням во время

того, первого, урагана. Кроме этих полускелетов-полумумий, на платформах колесниц и на дне телег не осталось ничего. Ветры и тряска от езды без дороги выкинули все мешки и ящики, которые везли с собой отправившиеся на поиски сокровищ авантюристы. И по какой-то злой иронии судьбы, после смерти они нашли то, что хотели найти при жизни. Потому что каменная глыба впереди не могла быть ничем иным, как легендарным Каменным Кораблем. Его острый нос гордо вздымался над песчаным морем. Каменные борта и корма ничем не отличались от обычных, деревянных. Даже основание мачты виднелось на нужном месте в центре каменной палубы, а из небольших отверстий в верхней части борта торчали обломки каменных весел. В общем, монолит до мельчайших деталей воспроизводил корабль, построенный в каком-то древнем стиле, размером никак не меньше туранской триремы.

И все же Конан решил, что это чудо — вряд ли творение человеческих рук: слишком уж грубой, необработанной была поверхность глыбы. При том, насколько точно были сохранены детали, от создателя такого памятника можно было бы ожидать иного уровня мастерства обработки материала.

При взгляде на это сооружение возникала мысль, что, скорее, настоящий корабль был взят за основу и каким-то немислимым образом облит жидким камнем, который, застыв, остался достаточно крепким, чтобы противостоять бесчисленному количеству лет пустынным ветрам, швыряющим секущий камень песок.

По пути к кораблю Конан наткнулся на торчащие из земли шесты, обломки досок, детали доспехов и инструментов. Выходило, что судьба совсем уж зло подшутила над кладонскателями, приведя

их сюда и лишь затем лишив жизни. Кто знает, может быть, эти люди даже увидели перед смертью легендарные сокровища, ради которых они и отправились в путь. Воодушевленный этими мыслями, Конан почти подбежал к кораблю и вскарабкался но борту на палубу.

То, что он там увидел, поразило его еще больше. Он словно попал в заколдованное каменное царство. Сама палуба и все предметы на ней были изваяны из камня. Но при этом — какая точность! Все, вплоть до мельчайших деталей, было на месте, хоть сейчас в море. Для жителя пустыни многие детали были лишь непонятными выступами камня, но Конан, изрядно поплававший в своей жизни по разным морям, без труда, зато с восхищением находил в них до мельчайших подробностей точные копии корабельного снаряжения и оснастки.

Пока Конан осматривал палубу, ему на ум пришло объяснение этого чуда — смелое, но вполне правдоподобное. Когда-то, в древние времена, на этом месте плескались воды моря. Глядя на склоны гор, на горизонтальные полосы и уступы, киммериец представлял, как менялся уровень воды в течение тысячелетий. А раз есть море и есть противоположные берега — нужны и моряки. Какие люди жили здесь в те далекие времена, да и людьми ли они были вообще, — это было неважно, ибо требования к кораблю диктует не его создатель, а само море. Судя по этому судну, его построили существа, близкие по разуму к человеку и к тому же обладавшие достаточным опытом в судостроении и мореплавании.

Но даже у самых опытных и умелых моряков время от времени тонут корабли. И вот сейчас Конан стоял на палубе такого судна, затонувшего в каком-то доисторическом бою или в шторм. Корабль со

множеством весел и парусом — скорее всего военный, — с экипажем в две — две с половиной сотни человек (или каких-нибудь других существ), изваянный теперь в ноздреватом, пористом камне. Камень — вот ключ к загадке! Разве не видел Конан в прибрежных водах на море Вилайет вещи, созданные человеком, — якоря, амфоры, обломки кораблей, — превращенные в камень и намертво прикрепленные ко дну многочисленными, быстро растущими кораллами!

Видимо, такое случилось и с этим судном. Затонув, оно легло на вершину кораллового рифа, который продолжал расти и поглощать его, проникая во все поры и обволакивая мельчайшие части. Затем, когда море обмелело, мертвый коралл остался на суше, пережив века и эпохи. Вот уж шутка богов, подумал Конан. По сравнению с этим колесницы-призраки и судьба их возникших — просто детская шалость.

Продолжая обследовать корабль, Конан обнаружил, что, какой бы груз ни находился в трюме этого судна, люди Пронатоса нашли и вытащили его. В центре палубы зияло отверстие, пробитое явно в не столь уж отдаленные годы. Вокруг лежало лишь несколько обломков окаменевших палубных досок. А в скудном свете, проходившем в трюм, Конан рассмотрел на дне круглые бульжники — самый обыкновенный балласт.

Какая судьба постигла сокровища, Конан не знал. Быть может, добычу успели погрузить на телеги и увезти на какое-то расстояние. Скорее всего, тяжелые, груженные золотом экипажи ветер не смог угнать далеко. И уж наверняка они не мотались взад-вперед по пустыне вместе с другими колесницами. Вполне вероятно, что они застряли где-нибудь в пустыне и стояли, дожидаясь своего часа, готовые

свести с ума неожиданно натолкнувшегося на них кочевника. Хотя привыкший к миражам пустынный путник может и не подойти к ним, спокойно двигаясь своей дорогой.

Шутка на шутке, подумал Конан, несомненно, боги повеселились здесь на славу! Невесело усмехаясь, киммериец прошел по палубе корабля, чтобы бросить последний взгляд с гордо поднятого над пустыней каменного носа.

Неожиданно раздался громкий сухой треск — тонкий слой камня покрылся трещинами под весом киммерийца. Не успев ничего понять, Конан рухнул куда-то вниз, в малый трюм, скрытый под носовой палубой корабля.

К вечеру следующего дня к медленно тащившейся вперед процессии Куманоса приблизился одинокий путник в плаще с поднятым капюшоном. Это был их проводник Конан, вернувшийся после необъяснимого исчезновения во время песчаной бури. Двое суток пути, из которых последние двенадцать часов он не пил, сделали его шаг более тяжелым и неуверенным. Да что там, казалось, что киммериец вот-вот рухнет под тяжестью невидимого груза.

Куманос не стал его ни о чем расспрашивать, а сам Конан не выказывал желания поделиться впечатлениями от прогулки. Выпив немного воды, киммериец обрадованно принял возвращенное ему одеяло, скудные пожитки и, главное, — верблюда. Одной ночи хватило киммерийцу, чтобы полностью восстановить силы. На следующее утро он уже направил своего двугорбого скакуна к оазису Талиба, чтобы привезти воды своим попутчикам по дороге в Оджару.

Глава 14

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОДЖАРУ

Одинокий всадник подъехал к стенам Оджары в час самого полуденного пекла. Его верблюд был в неплохой форме, но изрядно нагружен. Сам ездок был высокого роста, широкоплечий. Под бронзовой от загара кожей выступали бугры могучих мышц. Он резким движением поводьев остановил своего скакуна перед Караванными воротами.

— Да это же изгнанный еретик Конан! — крикнул стражник, стоявший рядом с воротами, своим товарищам. Выглянувшие на его голос солдаты рассыпались в нелестных для киммерийца шутках.

— Ну что? — крикнул стражник у ворот. — Зажарился, северянин? Слабó тебе по нашей пустыне прокатиться?

Храбрость часового подкреплялась копиями и стрелами стражников, стоявших на стене.

— Если тебе нужна вода — ее полно за стенами города. А если ты хочешь переночевать — устройся где-нибудь под кустом. Тебе не привыкать. Только не вздумай сунуться в город. Изгнанный из храма Единственной Истинной Богини не имеет права пройти за эти стены.

— Попридержи язык, ничтожество, — гаркнул на него Конан, нагло развалился в седле. — Если бы я захотел пройти за ворота сейчас же, я так бы и поступил. А твоя тупая башка, скорее всего, откатилась бы подальше, на радость стервятникам и шакалам. — С этими словами Конан угрожающе взялся за рукоять своего ножа. — Но можешь не дрожать за тыкву на твоих плечах. Такой поступок был бы недостоин высокого посланника Анаксимандра, короля Сарка, и всей священной миссии

храма великого Вотанты! Поэтому я вежливо прошу разрешения въехать в город.

— Что? — раздался со стены удивленный голос начальника стражи. — Ты говоришь, что представляешь посольство короля — союзника нашего города? Ты заявляешь, что прибыл сюда по церковным делам?

— Если ты не веришь мне, спроси таких же стражников, как и ты, охраняющих вот того идола.

Полуобернувшись в седле, Конан показал рукой в сторону медленно двигавшейся по дальнему полю повозки с установленным на ней замотанным в ткань идолом. Процессия приближалась не по главной караванной дороге, а со стороны узкой долины, изгибавшейся и уходившей в сторону западной пустыни, не пересекаемой караванными тропами.

— Клянусь Садитой! — раздалось со стены. — Это же и вправду посланцы с юга со своим даром нашему городу! Немедленно известить храм и дворец! Пусть почетный эскорт кавалеристов выедет навстречу.

Раздался сигнал трубы, рассыпалась барабанная дробь, послышались окрики офицеров. Через несколько минут группа всадников выехала за ворота и направилась к приближающейся процессии. Отряд Куманоса уже добрался до реки, поэтому встреча с эскортом была лишь протокольной формальностью. Спешившиеся кавалеристы были готовы помочь измученным, изможденным пилигримам перетянуть их телегу через брод.

Но даже сейчас Куманос не позволил впрячь в телегу лошадей или хотя бы воспользоваться помощью самих солдат. Его подчиненные проделали остаток пути так же покорно, упорно и безмолвно.

Вскоре идол проехал через Караванные ворота в сопровождении почетного кавалерийского эскорта. Конан вступил в город вслед за Куманосом, ведя в поводу своего верблюда. Им навстречу вышли офицеры стражи и жрицы храма.

По настоянию Куманоса, идол был оставлен в Караванном квартале, не проехав за вторые ворота. Вокруг него была немедленно выставлена стража, состоявшая из саркадийских и оджарийских солдат. По приказанию жреца его подчиненные разместились в Караванном квартале в ожидании, пока не будут выполнены формальности приема и некоторые существенные фрагменты ритуала встречи.

Это решение Куманоса вызвало вздох облегчения у оджарийских официальных лиц: слишком уж тяжелое зрелище представляли собой прибывшие. Их языы, струпья, вывалившиеся зубы позволяли предположить, что эти несчастные могут занести в город какую-нибудь заразу. Несмотря на все старания Конана, их состояние не улучшилось за последние дни пути, когда наконец они смогли пить вволю и двигались по сравнительно ровной местности. Напротив, казалось, что их болезнь развивается, делая еще более страшными гниющие языы.

Правда, никто из встречавших не произнес ни слова об этих опасениях. Наоборот, в приветственных речах сквозило восхищение теми, кто своими физическими страданиями доказал твердость своей веры.

Конана, проводника и разведчика посланников, разумеется, никто не прославлял как героя или святого. Слишком свежо было в памяти его изгнание из города. Но, по крайней мере, никто не делал вид, что не замечает его существования. А внушительный рост и явное умение пользоваться своей

недужинной силой удерживали даже самых горячих горожан от того, чтобы бросить ему в лицо или в спину оскорбительное замечание. Лишь один из самых юных храмовых воинов вынул из ножен меч, явно намереваясь встретить им Конана. Но эту горячую голову тут же перехватили его же товарищи. В общем, Конан был вновь принят Оджарой, особенно радостно — его бывшими приятелями по караван-сарая.

Конану же доставляло удовольствие пройти по улицам изгнавшего его города. Да и ночлег под крышей, хорошая еда и вкусное вино тоже радовали его. Ведь столько времени он был лишен этого, живя за пределами города и путешествуя по пустыне. Конан решил пока не привлекать к себе излишнего внимания городских властей и никому не рассказывать об открытиях, сделанных в пустыне. По крайней мере пока он не развяжется с Куманосом, получив от него обещанную плату.

Официальную встречу прибывших королем Семиархосом решили провести на следующий день в Караванном квартале. За ночь в его центре был выстроен изящный навес для тронов королевской семьи и скамейки почетного гостя.

Ближе к вечеру прибыли запряженные ослиами телеги с продуктами. Были зажжены костры и заколоты жертвенные ягнята. Чуть позже, когда запах жарящегося мяса поплыл над городом, к вновь прибывшим стали стекаться горожане, а также жрицы — музыкантши и танцовщицы.

На следующее утро король Семиархос на золоченой колеснице, запряженной четверкой лошадей, въехал в Караванный квартал. Рядом с ним гордо стояла Верховная жрица храма Единственной Богини королева Регула и их дочь, наследная принцесса Африандра. Король остановил колесницу у навеса

и спустился с нее, чтобы поприветствовать Куманоса и стоявшего рядом с ним Конана.

— Верховный жрец, мы ждали тебя. — Семиархос сделал шаг вперед, протягивая руки, чтобы обнять гостя. Но, посмотрев внимательно на полную достоинства, неприступную физиономию Куманоса, король решил сдержать свои чувства. Он лишь положил руку на плечо жреца и сказал: — Прошли долгие недели ожидания, и мы уже стали волноваться. Мы посылали наших людей навстречу вам, но они вернулись ни с чем. Оказывается, вы пришли оттуда, откуда вас не ждали.

Куманос нехотя поклонился.

— Наш путь был долгим и трудным, — начал он, избегая употреблять все известные формы обращения к монарху. — По нашим традициям, священный дар нельзя провозить через другой город или его земли прежде, чем он будет доставлен к месту назначения. Поэтому наш путь лежал через безлюдную пустыню.

— Понимаю, — участливо кивнул Семиархос и поглядел через плечо Куманоса на его спутников. — Твои люди заплатили за этот путь большую цену. Вижу, они невероятно страдают от болезней и ожогов...

— Да, это так, — согласился Куманос, не дожидаясь, пока король закончит. — Много дней провели они в пустыне, страдая от жажды и тяжелой работы. Полуденная жара испепеляла их. Песчаные бури не давали вздохнуть. Селяне из Шартоума и саркадийские воины — не все из них были набожны в начале пути. Но теперь, когда лишь благодаря окрепшей вере они выжили в этом аду, каждый из них может быть уверен, что его служба будет оценена великим Вотантой!

— Это просто чудо! — воскликнула королева Регула. — Какое мужество, самопожертвование! И

какое испытание веры! Жители Оджары! Перед нами — прекрасный пример могущества веры, помогающей слабым смертным преодолевать немыслимые преграды и лишения. Священный союз двух городов и храмов придает нам всем новые силы. Пусть будут счастливы наши боги, соединившиеся в браке навечно! Добро пожаловать, Куманос! Мы рады встретить тебя, твоих спутников и твоего благородного бога.

Пока шел этот обмен церемониальными любезностями, Конан внимательно наблюдал за Африандрой, стоявшей за родителями. Принцесса была одета в вызывающе открытое платье, спущенное с одного плеча. Прекрасные ноги перекрещивала шнуровка сандалий. Сама же Африандра была прекрасна, как обычно. Пожалуй, лишь внимательный взгляд Конана мог отметить ее легкую взволнованность и нервозность.

Пока продолжались приветственные речи, принцесса, словно не замечая Конана, во все глаза глядела на Куманоса. Но как только церемония была закончена, она быстрым шагом подошла к киммерийцу, улыбаясь и говоря:

— Слухи подтвердились. Это и вправду ты. Странно видеть тебя представителем этого чужого города и его божества. Похоже, этот Вотанта не такой уж злодей, раз привел тебя снова сюда.

Сама не отдавая себе отчета в своих действиях, принцесса бросилась на шею киммерийцу и припала к его губам долгим, страстным поцелуем.

В нос Конану ударил тонкий запах жасминовых духов. Почувствовав вкус знакомых губ, он даже зажмурился от удовольствия. А кроме того, он был отомщен перед толпой горбжан, наблюдавших эту сцену и не смевших сказать ни слова в осуждение. Обняв Африандру, он словно прикрыл ее от недо-

вольных взглядов. С усилием оторвавшись от ее губ, киммериец шепнул ей на ухо:

— Африандра, малышка. Я так рад тебя видеть, что настроение мне не может испортить даже тот кусок верблюжьего навоза, который ты называешь городом. — Затем, чуть отодвинувшись, Конан сказал вслух: — А теперь пойдем прогуляемся, посмотрим праздник.

И он, втянув ее в толпу, пробрался туда, где люди не видели их радостной встречи и где поэтому было меньше осуждающих взглядов. Вскоре все внимание окружающих переключилось на великолепное зрелище: шесть храмовых танцовщиц исполняли на площади танец — вне стен храма — в неформальном, народном стиле.

Конан обрадовался, увидев среди танцовщиц Шарлу, но Африандра не дала ему дожидаться конца танца и поговорить с нею. Принцесса всецело завладела его вниманием. Она радовалась, веселилась и вела себя как обычная девчонка, гуляющая со своим парнем по улицам празднующего города.

На последние медяки, нашедшиеся в кошельке Конана, они купили соленых орешков, а затем, захотев пить, нырнули в знакомую таверну и заняли тот же столик, за которым познакомились. Только на этот раз оба сели рядом, на узкую скамейку около стены.

— Странно, — сказал Конан, — даже не верится, что тогда я не знал, как тебя зовут, кто ты... Я даже не знал, что ты такая красивая.

— Да, как давно это было. — Африандра положила голову ему на плечо и потерлась щекой. — Занус был еще жив... Он ворвался сюда, чтобы найти меня.

— В тот вечер он чуть не нарвался на мой клинок. Тебе, наверное, его не хватает?

— Трудно сказать. Занус заботился обо мне, беспокоился. По-своему, конечно. Не то чтобы он очень много давал мне, но сейчас, без него, у меня совсем ничего не осталось.

— Родители не подыскиали еще тебе нового жениха — наследника трона?

— Нет, — вздохнула Африандра. — Пока что им не до этого. Они совсем помешались с этой миссией от Анаксимандра. Иногда я боюсь, что им может прийти в голову выдать меня за него. Кошмар! Одна его жирная борода чего стоит. Мерзость! Спасибо Садите, пока она бережет меня от этого. Да и вообще, родители будто не замечают меня, словно в наказание за причастность к смерти Зануса. Особенно старается мать. Еще бы, чего ей стоило взять себя в руки, когда это случилось... А может быть, она и права...

Африандра задумчиво покачала головой. Конан ласково обнял ее и сказал:

— Ну хватит, девочка. Не слишком ли много слез пролито из-за этого самоубийцы. Естественно, когда знакомый человек накладывает на себя руки, ты ощущаешь себя виноватым, но... Эй, трактирщик! — Возглас Конана был обращен к появившемуся за стойкой Анаксу. — Принеси-ка мне кружку доброго эля. А если у тебя нет благородного напитка, что ж, сойдет и та верблюжья моча, которую ты выдаешь за аррак.

— А мне — кубок нарцинта, Анакс, — добавила принцесса. Знакомый голос заставил трактирщика пристально посмотреть на нее, припоминая девушку с прикрытым вуалью лицом.

— Ну а как тебе эта идея с объединением двух храмов? — спросил Конан. — Ты к ней привыкла?

— Нет, что ты. Наоборот, она мне еще больше не нравится. Только родителям нет дела до моего

мнения. — Африандра тяжело вздохнула и после паузы добавила: — Честно говоря, Конан, после того, что ты рассказывал мне о жестоких порядках соседнего города и его злом короле, я удивлена, что ты присоединился к его экспедиции.

Конан подождал, пока Анакс поставил перед ними заказанные напитки, и лишь затем ответил:

— А как же еще, девочка, я смог бы вернуться в этот город, к тебе?

— Ты прав. И я счастлива снова быть рядом с тобой. Но знаешь, мне все равно не нравится эта идея. Ты посмотри на этих несчастных, прикативших сюда подарок от Анаксимандра. Еле живые, под конвоем. А моя мать приветствует их как почетных гостей...

— Знаешь, — сказал Конан, — я бы с удовольствием помог им освободиться, разделаться с этим жрецом-надзирателем. Но если бы у них была хоть тень такого желания. Я-то думал, что Куманос ведет их по самым пустынным землям, чтобы они не разбежались от него. Оказывается, они и не хотят бежать. А теперь и не смогли бы, если бы даже захотели.

— Несчастные. Они измучены, истерзаны этой дорогой.

— Да уж, посмотрелся я на них, пытаюсь облегчить им страдания принесенной водой, собранными на ваших полях фруктами... Не понимаю, в чем у них еще душа держится. Если она еще осталась в этих измученных телах. Что-то, а бороться они уже не способны.

Африандра глотнула из своего кубка и, помолчав, проговорила:

— Знаешь, эта обещанная свадьба Садиты и саркадийского божества кажется мне ересью, предательством нашей богини. И не я одна так думаю. Есть

еще люди, которые не согласны с восторгами моих родителей по этому поводу.

— Что ж, это неплохо, — сказал Конан и, понизив голос, предупредил: — Только не болтай об этом много. Случись что — тебе ничего не будет, а твои единомышленники могут поплатиться за это своими головами, если Регула или Семиархос решат, что они замышляют заговор.

— К сожалению, уже ничего нельзя сделать. Отказать сейчас Анаксимандру — значит, вовлечь город в войну с сильным и жестоким противником. Нет, это недопустимо! — Оборвав себя на полужеле, Африандра негромко сказала: — Пойдем. Мои родители, наверное, беспокоятся, где я. Хотелось бы, чтобы их волнение было искренним...

Не прижимаясь больше к Конану, но и не выскальзывая из-под обнимающей ее руки, принцесса встала и направилась к выходу. Караванный двор еще больше наполнился народом, несмотря на усилившуюся к полудню жару. Гуляющие люди с удовольствием глазели на танцоров и акробатов, жонглеров и музыкантов.

— Скажи, — спросил Конан, — нарцинт уже действовал? Ты можешь что-нибудь сказать о будущем этих людей?

— Нет, сегодня все как-то по-другому. Вместо людей и предметов — какие-то неясные тени. Мне даже кажется, что я одна в безлюдной пустыне.

— А я? Я, случайно, не в каком-нибудь мало-приличном наряде? — спросил Конан.

Африандра рассеянно покачала головой.

— Жаль, — вздохнул киммериец, понимая, что сейчас ему вряд ли удастся развеселить принцессу своими шутками.

Африандра привела Конана к цепочке храмовых воинов, охранявших королевский павильон. Здесь

она попрощалась с киммерийцем, не желая зря нервировать родителей. Она проскользнула между охранниками, а Конан отправился по своим делам.

Найдя в толпе своего сановного работодателя, Конан подошел к нему:

— Как насчет обещанной платы, Куманос? Дела идут так, что мне нужно получить мою долю как можно скорее.

Жрец молча смотрел на киммерийца. Тогда Конан сделал еще одну попытку:

— Ты сказал, что заплатишь, когда идол окажется в Оджаре. Время пришло. Где мои камни?

— Время платить еще не пришло, — ответил Куманос, спокойно выдерживая разъяренный взгляд Конана. — Разве ты не знал, что священный идол Вотанты должен быть собран из трех равных частей, лишь одна из которых доставлена в Оджару? Работа еще не закончена.

— Что? Ты говоришь, что я должен вернуться туда, где мы встретились, и еще дважды проделать этот путь? — Конан зажал в кулаке отворот плаща жреца. — Знаешь, приятель, это просто грабеж.

— Оставшиеся части идола уже в пути, — невозмутимым голосом ответил Куманос, перебирая пальцами талисман на груди. — Они должны прибыть сюда со дня на день. Но лучше будет, если мы выедем им навстречу и поможем добраться сюда. А то вдруг они потеряются и не найдут дорогу в город? Тогда условия сделки так и останутся невыполненными.

— Подлец! Лживый мерзавец! Значит, там, в пустыне, страдают еще вдвое больше людей, а ты молчишь! Скажи командиру оджарийской стражи. Его солдаты будут счастливы сделать эту работу и помочь твоим людям.

Куманос покачал головой:

— Мы можем принимать лишь очень ограниченную помощь. Я должен лично возглавить поиски. А ты мне нужен как разведчик и проводник.

— Жулик, вот ты кто! Может, твои камешки гроша ломаного не стоят.

— Две пригоршни, — перебил его Куманос. — Закончим работу — получишь столько камней, сколько сможешь унести в двух пригоршнях, опущенных в ящик поочередно.

— Три части идола — три горсти, — заявил Конан. — Я согласен доделать работу, но не меньше чем за три горсти твоих камней.

— Договорились. Ты получишь плату, когда идол будет собран, не раньше.

Конан что-то хмыкнул в ответ, но протянул руку, чтобы скрепить сделку. Его неприятно поразила рука Куманоса. Его аж передернуло от этого сухого, холодного, совсем не человеческого прикосновения.

— Мы выходим завтра на рассвете, — сказал Верховный жрец. — Поищем к югу от города. Приготовь свои вещи и верблюда.

Конан, не говоря ни слова, повернулся к нему спиной.

Африандры нигде не было видно. Семиархос и Регула о чем-то беседовали, сидя под навесом, но принцесса как сквозь землю провалилась. Не решившись обратиться к монархам, киммериец отловил какую-то важную шишку при дворце — маленького старикашку, Высокочтимого лорда, Хранителя чего-то там, точнее Конан не помнил.

— Вы не скажете, почтенный, где принцесса Африандра? У меня для нее новости... Ее что, где-нибудь заперли?

— Ты разве не видел? — старик взглянул на чужеземца с недоверием и негодованием. — Она упала в обморок и была отвезена во дворец. — Уви-

дев в Конане благодарного слушателя, он продолжал: — Она вышла в караванный двор, чтобы взглянуть на прибывших шартоумцев и саркадийцев. Неожиданно она вскрикнула и рухнула на землю. Может быть, перегрелась на солнце, а может, просто девичьи штучки. Она и так стала какая-то странная с тех пор, как ее суженый отрубил себе голову. Но кто бы мог подумать... Упасть при людях...

Конан развернулся и молча пошел прочь. Последние слова старика едва долетели до его ушей:

— Ее глаза были широко раскрыты, и она стояла не переставая.

Конан не мог дожждаться вечера, чтобы увидеть Африандру. Ему казалось, что родители заперли ее где-то, чтобы не позволить ей видаться с ним. Хотя, зная ее дар предвидения и чувствительность ко всему увиденному, можно было и поверить в рассказ старика. Хорош «дар», нечего сказать.

Киммериец корил себя за то, что не предупредил девушку об опасности баловства с колдовством, пусть даже самым невинным. Особенно рискованным становится такое дело в переломные моменты человеческой судьбы. А что уж говорить о судьбе целого города, которому предстояло принять нового бога в своем храме. Волей-неволей Конан тоже чувствовал что-то зловещее, исходящее от этого идола, от самого культа Вотанты, и вовсе не радовался, что помог Куманосу добраться до Оджары, несмотря на то что жители города так несправедливо обошлись с ним.

Постучав в ворота королевского дворца, Конан был встречен целым отрядом стражи, грубо не пустившей его внутрь. На вопросы о здоровье принцессы он тоже не получил вразумительного или хотя

бы вежливого ответа. Раздосадованный, Конан вернулся в Караванный квартал, чтобы заняться подготовкой к завтрашнему выезду.

Собрав все, что нужно, Конан провел остаток вечера, потягивая аррак и болтая со старыми и новыми знакомыми, чтобы скоротать время.

Когда последний луч солнца скрылся за западной стеной города, киммериец вышел из караван-сарая. С толпой празднично одетых и веселых горожан он прошел через Храмовые ворота и нырнул в один из узких переулков Храмового квартала. Здесь он нашел место, где дворцовая стена была прикрыта с внутренней стороны деревьями, что затрудняло страже наблюдение. Трещины и неровности в стене, пусть даже небольшие, были вполне достаточны для опытного скалолаза, чтобы в два счета подняться на гребень стены и перемахнуть через нее, лишь на мгновение мелькнув силуэтом на фоне темнеющего неба.

Приземлился он мягко и бесшумно. Так же бесшумно Конан стал пробираться по роскошному густому саду, дававшему много плотной тени, чтобы укрыться.

В дальнем конце сада возвышалась еще одна стена — на этот раз полированная, с тщательно подогнанными — ногтя не просунешь — плитами. Но дворцовый архитектор украсил стену декоративными полуколоннами. Упершись в них и распластавшись по стене, Конан начал подниматься, попеременно продвигая вверх руки и подтягивая ноги. Наконец его пальцы нащупали лепной карниз. Резко качнув всем телом, Конан словно взлетел на балюстраду дворцовой галереи, где и замер, выжидая, пока пройдут мимо часовые. Двигаясь, издавая не больше шума, чем тень охотящейся совы, киммериец пересек галерею и без труда вскарабкался по богато

украшенной барельефами внутренней стене и оказался на балконе спальни Африандры.

Из помещения не пробивался ни единый луч света. Но неожиданно тяжелая портьера отодвинулась, и в оконном проеме показалось знакомое лицо. Африандра всматривалась в темноту, явно стараясь что-то увидеть. Она не заметила Конана, стоявшего совсем рядом. Когда он пошевелился, ей пришлось зажать себе рот, чтобы не вскрикнуть. В следующую секунду она уже бросилась в его объятия.

— Я спала, — пробормотала принцесса, — но мне приснилось, что ты приходишь ко мне; я почувствовала, что ты где-то рядом.

— Ты и вправду можешь что-то предвидеть. По крайней мере, я не издал ни единого звука, пробираясь сюда. — Конан осторожно взял в ладони девичье лицо и повернул к себе. — Скажи, нарцинт все еще действует?

— Не знаю, трудно сказать. Какие-то чувства и образы то приходят, то исчезают.

— Ты лучше себя чувствуешь? Что так испугало тебя утром там, в Караванном квартале? Ты помнишь?

— Это было, как тогда... С Анаксимандром... только еще страшнее. Кажется, злой рок висит над всеми прибывшими из Сарка. Стоило мне взглянуть на них — как они оказались объатыми пламенем. Полопалась кожа, задымилась плоть, тела задержались в предсмертных судорогах.

Африандру била дрожь, и Конан крепко обнял ее, стараясь успокоить.

— А потом, когда я посмотрела вокруг, мне стало совсем страшно. Это же неземное пламя охватило и лица моих соотечественников, моих знакомых! Затем сам город куда-то исчез, развалился. Я осталась одна в каком-то пустынном, безлюдном месте.

Сзади на меня надвигалась гигантская черная тень, а я не смела повернуться, чтобы увидеть ее. Страх становился все сильнее и сильнее... а потом я, наконец, потеряла сознание. — Всхлипывая, принцесса прижалась к киммерийцу.

Он постарался успокоить ее, глядя по голове и на ходу сочиняя правдоподобное объяснение:

— Знаешь, эти несчастные так страшно выглядят, что не нужно обладать пророческим даром, чтобы упасть в обморок при взгляде на них. Я слышал, как стонали многие молодые девушки, не привыкшие к таким зрелищам... А нарцинт лишь прибавил красок к этому образу...

— Нет, Конан. Это боги послали нам предупреждение! Я уверена в этом. В последнее время предзнаменований и предупреждений стало так же много, как мух наддохлым ослом в пустыне. И это неспроста. Какая-то страшная судьба ожидает Сарк и все, что связано с ним... Или, наоборот, страшные испытания уготованы моей родной Оджаре, а прийти они должны из Сарка! Я не знаю! Не знаю!

— Ну, ну, успокойся, малышка! — Конан погладил ее по голове, обнял — и всем телом почувствовал бьющую девушку дрожь. Постепенно Африандра успокоилась, и ее объятия стали крепки не от страха, а из-за чего-то другого. Отчаяние и безумная страсть прижимали ее к Конану. Страсть, словно в последний день жизни. Страсть человека, для которого уже никогда не наступит завтра.

Конан решил уходить из дворца другой дорогой — через задние ворота, накрепко закрытые, но не охраняемые. Он перебрался через противоположную внутреннюю стену и оказался в уже знакомом ему саду с заросшим лилиями прудом. Правда, на

этот раз луна не заливала все вокруг своим серебряным светом, что тем не менее не помогло киммерийцу уйти незамеченным.

— Ко мне, ребята! — раздался крик, эхом отразившийся от глади пруда. — Это тот самый варвар!

Наперерез Конану бросился высокий человек в тунике храмового воина:

— Стой! Возмездие настигло тебя!

Голос незнакомца был юным, но твердым и уверенным. В нем уже чувствовалась самовлюбленность и презрение к окружающим, которые так раздражали Конана в Занусе.

— Ты испугался возмездия богини? Струсил? — Незнакомец бросил Конану самое страшное обвинение.

До этого момента киммериец все еще рассчитывал, что сможет без драки выбраться за пределы Храмового квартала. Теперь же, резко остановившись, он развернулся лицом к незнакомцу. Его нож словно сам лег в руку.

— Я боюсь только одного — умереть, дешево отдав свою жизнь. — Сделав обманное движение, Конан отскочил в сторону, пропустив вперед почти настигшего его преследователя. — Но если ваша справедливая богиня считает, что возмездие должно быть осуществлено пятью мечами против одного, я готов подождать твоих приятелей до утра.

Говоря это, Конан не переставал двигаться вокруг своего противника, все-таки надеясь отвлечь его и исчезнуть, избежав столкновения. Но тут со стороны ворот послышались шаги, и еще два храмовых воина с обнаженными мечами перекрыли ему путь к отступлению. В это же время в глубине двора раздался топот и крики еще нескольких человек:

— Вот он! Не упустите его!

Выругавшись, Конан бросился вперед, низко выставив перед собой нож. Он решил разобраться с ближайшим противником один на один, пока остальные не подбежали тому на помощь.

Мастерство фехтовальщика спасло молодого воина. В последний миг его меч опустился на клинок киммерийца, готовый пронзить его. Удар ножа был отбит. Но Конан, не останавливаясь, всем телом налетел на противника. Тот, будучи намного легче и не подготовившись к такому повороту дел, не удержался на ногах и рухнул в пруд, оказавшись по пояс в воде.

Конан не последовал за обескураженным соперником, чтобы добить его. Злорадно усмехнувшись, он отошел от кромки воды и приготовился встретить остальных преследователей. Оглянувшись, он понял, что зажат в угол между внешними стенами дворца и храма, а путь к выходу перекрыт пятью вооруженными людьми, одетыми в одинаковые тунники храмовых воинов. Один из них, что-то бормоча, отжимал и выкручивал складки и полы тунники.

— Ну, я готов, — рявкнул киммериец. — Кто хочет первым отправиться на встречу с Единственной Истинной Богиней? Вы ведь ее слуги, не так ли?

— Да, это так, — ответил вымокший юноша. — Я — Измир, старший послушник и враг всякого, кто оскверняет имя великой Садиты!

— А, королева Регула послала целую компанию новичков-послушников, чтобы они сделали то, чего не захотел или не смог сделать этот хам — Занус. Ну, посмотрим, как это получится у вас. Проверим, на что годятся ваши мечи!

— Мы пришли не по приказу Регулы. — Невысокий воин с задумчивыми глазами произнес эти слова. — Мы ученики и последователи Зануса По-

бедителя, как и подобает всем истинным защитникам Садиты! А королева пала жертвой ошибки, искушения, посланного ей такими же богохульниками, как ты. Мы здесь, чтобы исправить эту ошибку.

— Хватит, Хассад, — оборвал своего товарища Измир. — Мы вовсе не должны объясняться перед этим варваром. Ему много чести, даже если мы просто убьем его. А чтобы он не сомневался в нашем умении побеждать в честном бою, вы все будете лишь преграждать ему отход, чтобы этот трус не сбежал от моего карающего меча...

— Подожди, — прервал его Конан. — Значит, ты говоришь, что вы действуете не по приказу королевы, а по собственной воле?

Измир нетерпеливо потрянул мокрыми волосами:

— Да, если тебе угодно, мы — заговорщики. Но мы не еретики, а хранители истинной веры! Мы поклялись защищать честь нашей богини от осквернения ее грязными чужими богами вроде того, что ты ввел в наш город...

— А, Вотанта... — хмыкнул киммериец. — Значит, вы — мятежники, стоящие за чистоту своей веры. И при этом вы проклинаете меня. Но я же не жрец Вотанты. Я был всего лишь нанят Куманосом как проводник.

— Ты привел этих людей и их идола сюда, — сказал Хассад голосом обвинителя. — И ты обманом вернулся в наш город после того, как был навеки изгнан за грехи и ересь.

— И более того, — вступил в разговор старший послушник, — ты соблазнил принцессу, отвратив ее дух от любви к родителям и ее родному городу. Только боги знают, какой яд ты использовал для этого. — В глазах Измира пылал такой же фанатизм, какой Конан помнил по глазам Зануса. — Предательство

за предательством, преступление за преступлением — и все от рук грязного, неверного чужеземца, варвара, отлученного от храма и изгнанного из города!

— Хватит пороть чушь! — рявкнул Конан таким голосом, что заставил замолчать всех противников. — Я не союзник саркадийцев и не последователь их веры. Как, кстати, и ваша принцесса. У вас с ней больше общего, чем вы думаете. Постарайтесь объединиться с ней и ее сторонниками. И если вы хотите изгнать Куманоса с его идолом из города, а на это у вас есть веские причины, — что ж, я готов предложить вам свою помощь.

— Ложь, и опять ложь, — выдавил, задыхаясь от гнева, Хассад. — Он просто заговаривает нам зубы, как сумел обмануть наших правителей и высших жриц. Хватит! Смерть ему!

— Прекратите, клянусь всеми бесами и демонами Земли и Семи Небес! — Слова клятвы и то, каким голосом они были произнесены, сумели вновь призвать всех к молчанию. — Если вы так хотите убить меня — пожалуйста, я к вашим услугам. Попробуй для начала ты, Измир. Помоему, у тебя теперь ко мне еще и личный счет. — Киммериец усмехнулся, кивнув в сторону пруда. Его зубы сверкнули в темноте вместе с тяжелым клинком его ножа. — Но сначала я призываю вас прислушаться к воле вашей богини и подчиниться ей. Если лучшему из вас не удастся убить меня, считите это за знак от Садиты и согласитесь поговорить со мной хотя бы до того, как подставить под мой нож следующего несчастного. Пусть этот поединок станет настоящей храмовой дуэлью, в которой Садита назначает победителя своей волей.

— Согласен. Звучит разумно.

— Кончай его, Измир! Разделайся с ним побыстрее!

Противники шагнули навстречу друг другу и скрестили клинки.

Глава 15

ДРЕВО ТЫСЯЧИ ПАСТЕЙ

В первых топазовых лучах рассвета Конан уже появился в Караванном квартале. Невыспавшийся и усталый, но без свежих ран, он приготовил своего верблюда к дороге. Верховный жрец Куманос ждал его у Таможенных ворот вместе с наименее измученными рабами его отряда, отделением оджарийских солдат и группой добровольцев, вызвавшихся помочь в поисках. Кто верхом, кто пеший, они проследовали через ворота и вышли в пустыню.

Остановившись лишь для того, чтобы наполнить водой мешки и фляги да чтобы напоить животных, отряд отправился на юг по старой караванной дороге, отмеченной торчащими тут и там из песка костями лошадей и верблюдов.

Этому отряду предстояло найти в песках две другие группы, посланные Анаксимандром с двумя оставшимися частями идола. Их месторасположение было неизвестно, как неизвестно было вообще, живы ли эти люди, — слишком давно Куманос не получал от них известий. По крайней мере, Верховный жрец рассчитывал найти сами фрагменты статуи. Маловероятно, чтобы случайные грабители смогли увести их или серьезно повредить, желая отколоть образцы металла.

Конан был менее уверен в благополучном исходе поисков. Он хорошо знал, как может бесследно ис-

чезнуть в этих бескрайних пустынях даже нечто очень большое, например Каменный Корабль или экспедиция Пронатоса. Но внешне киммериец оставался невозмутимым и продолжал делать свое дело, организовывая поиск. Он направлял движение всадников, следил, чтобы пешие разведчики не удалялись на опасное расстояние от колодцев и оазисов. Организованная им поисковая сеть вряд ли могла пропустить незамеченным столь основательный объект.

Киммериец лично проверял самые трудные для поиска и подозрительные места — скальные гряды, ущелья и каньоны, карабкаясь на вершины и бесконечно всматриваясь и всматриваясь в песчаный горизонт. Его глаза сузились в ставшем привычным прищуре. Руки дочерна загорели, сравнявшись цветом с руками Куманоса. Губы совсем растрескались от дуящих в лицо сухих ветров.

Первая группа была обнаружена разведчиками киммерийца на восьмой день после их выхода из Оджары. Вскрабавшись на одинокую скалу, Конан увидел несчастных, еле влачивших свою тяжкую ношу. Даже тепло встреченные оджарийцами, получив от них воду и продовольствие, эти фанатики отказались отдохнуть от своего каторжного труда, предоставив рвущимся на помощь жителям Оджары занять их место. Лишь перекусив и напившись вволю, они снова впряглись в свои лямки и покатали тяжелую колесницу по мягкому, вязкому песку.

Конану это упорство казалось граничащим с безумием. Ведь эти люди выглядели еще хуже, чем группа Куманоса, — также покрытые язвами и ожогами и еще более измученные жаждой и голодом.

Киммериец сорвал голос, доказывая Куманосу и второму жрецу, предводителю второго отряда, что во имя милосердия, элементарного человеколюбия

следовало немедленно освободить несчастных от работы и на носилках отнести в Оджару. Эти люди, говорил он, будут живыми идолами, памятниками Вотанте и примером истинной веры.

Но жрецы, казалось, едва слушали Конана, не придавая значения его словам. Лишь фанатический огонь сверкал в их глазах. Против ожидания, рабы тоже не проявили никакого желания избежать продолжения мучений, а, наоборот, вновь смиренно взялись за веревки. Единственное, что позволил сделать Куманос, — это принять помощь оджарийских добровольцев, но ни в коем случае не впрягая лошадей или мулов в телегу. Но даже так дело пошло быстрее, и статуя продолжила свой путь на север, к Оджаре. А Конан с оставшимися разведчиками приступил к дальнейшим поискам.

Последняя часть статуи была обнаружена в одном из ущелий два дня спустя. Сам идол стоял, опасно накренившись, на покосившейся платформе телеги. Из шести колес экипажа три были разбиты напрочь. Но самое страшное — это то, что творилось с людьми. Они почти неподвижно лежали вокруг своего груза. Многие были мертвы от жажды и голода. Конан предпочел не выяснять, не было ли у них случаев людоедства.

Их лидер, молодой священник, рассказал, что дважды отправлялся на поиски воды, но безрезультатно. Проблуждав несколько дней по пустыне, он вернулся к своим людям, чтобы хотя бы морально поддержать их. Его увидели сидящим на земле и глядящим по голове умирающую женщину. Вода, принесенная спасателями, уже не смогла помочь ей.

Этот молодой жрец, казалось, был способен на сострадание и понимание чужой боли. Но даже он безоговорочно подчинялся воле Куманоса. Верховный жрец лишь прошептал ему на ухо несколько

фраз и провел перед лицом молодого человека своим амулетом. Того словно подменили — ни единого возражения не было сделано им по поводу продолжения движения идола.

Дьявольское предвидение Куманоса помогло ему и на этот раз: выходя из Оджары, он приказал взять с собой некоторые части телеги, оставшейся в Караванном квартале. И вот теперь два недостающих колеса были заменены, а третье собрано из остатков разбитых. На следующий день отряд уже тронулся в путь. И, как и прежде, едва стоящие на ногах люди безропотно впряглись в свои веревки и налегли на деревянные упоры, толкая вперед свою проклятую ношу.

Через две недели они возвратились в Оджару. Правда, Конан вовсе не был уверен, что сделал доброе дело несчастным страдальцам. Кто знает, не лучше ли было им умереть там, в пустыне, чем продолжать мучиться, участвуя в дьявольских затеях Куманоса. Но самих измученных дорогой людей не посещала и тень сомнения в необходимости завершения работы. Жители Оджары тепло приветствовали прибытие в город этих мрачных фанатиков с их идолом.

По плану Куманоса, все три части идола должны были быть ввезены в город одновременно с трех сторон. Это вполне устраивало горожан, так как в стенах Оджары было как раз трое ворот подходящего размера для того, чтобы пропустить такой большой груз. Все три фрагмента статуи планировалось собрать воедино на площади перед храмом. Затем, по указу королевы Регулы, должен был состояться ритуал бракосочетания богини Садиты и вновь прибывшего бога Вотанты. С этого дня горожанам следовало поклоняться в равной мере обоим божествам.

У Конана сложилось впечатление, что заговорщики, желавшие воспрепятствовать этому смешению двух религий, не намного продвинулись вперед в своем деле: большинство горожан по-прежнему восторженно встречали пришельцев. Атмосфера в городе куда больше напоминала праздник, чем подготовку к сопротивлению. С огромными почестями обмотанные холстом фрагменты статуи были перегружены на новые платформы тяжелых боевых колесниц. Теперь эти великаны стояли каждый у своих ворот и только ждали своего часа, чтобы войти в город.

Конана очень заинтересовали все эти приготовления, он по опыту знал, что в любом ритуале есть свой скрытый практический смысл. В этом случае, с одной стороны, все было ясно: огромный идол был слишком тяжел, чтобы отливать и перевозить его целиком. Но зачем тащить три его части по пустыне тремя разными маршрутами, всячески избегая возможности их встречи? К чему вообще такая огромная статуя?

Несомненно, в этом было какое-то значение. Во-первых, так можно было заинтриговать горожан, дразня их воображение и подогревая любопытство. Оставалось лишь гадать, какое действие приготовил Верховный жрец к моменту соединения трех частей идола. Может быть, ожидалось внушительное проявление могущества Вотанты или даже появление божества на глазах у изумленных людей?

У Конана не было времени разыскать своих недоверчивых единомышленников и поделиться с ними своими мыслями. Церемония должна была состояться на следующее утро. Вся Оджара лихорадочно заканчивала последние приготовления. Киммериец выяснил, что ему не удастся увидеть Аффриандру. Принцесса вместе с другими жрицами была заперта

в храме для совершения ритуального очищения души и тела перед церемонией.

Вернувшись в Караванный квартал, Конан разыскал знакомого оружейника, которому перед отъездом поручил сделать кое-какую работу, при этом сохранив ее в тайне. Кузнец не подвел киммерийца, и тот теперь был готов участвовать в завтрашней церемонии во всеоружии. Конан не стал напоминать Куманосу о плате, полагая, что жрец все равно заупрямится и скажет, что условия сделки считаются выполненными с того момента, когда идол будет собран на Храмовой площади. Плотно поужинав, Конан ушел в отведенную ему в караван-сарая комнату и окунулся в тяжелый, беспокойный сон.

На следующий день под безжалостным утренним солнцем тяжелые колеса боевых колесниц грохотали по улицам Оджары. Части идола двигались, возвышаясь над толпой и над крышами невысоких зданий. Конан вошел в город вслед за группой Куманоса через Таможенные ворота. Как обычно в этих южных странах, Конан был почти на голову выше всей толпы. Его внушительная фигура, завернутая в плотный плащ с капюшоном, привлекала не меньшее внимание, чем персону Верховного жреца, за которым киммериец следовал словно тень.

Так как части идола все еще были укрыты материей, об их истинной форме можно было только догадываться. Конан решил, что идол вряд ли будет похож на человека — слишком уж необычны и громоздки были их силуэты. Кроме того, человекоподобие было маловероятно из-за явной трехсторонней симметрии статуи, если, конечно, Вотанта не был изображен в виде трехликого шестирукого чудовища.

Эти мысли, похоже, занимали не многих жителей Оджары. До ушей Конана не доносилось никаких тревожных или подозрительных замечаний по поводу предполагаемого облика нового божества. Колесницы продолжали свой путь, вызывая всеобщий восторг. Горожане старались прикоснуться к борту платформы или тяжелому колесу, надеясь, что это принесет им счастье. Кроме того, каждый считал своим долгом помочь тем, кто тащил за собой колесницу. При такой поддержке статуи продвигались к центру города, даже в гору вкатываясь легко и быстро.

Те, кто привез части идола в Оджару, по-прежнему были впряжены в колесницы. Но участие этих измученных, полуживых людей в последнем передвижении идола было скорее символическим по сравнению с тем, как тянули за канаты оджарийские солдаты и крестьяне, назначенные на эту работу жрицами Садиты.

Конан обратил внимание на то, что люди Куманоса совсем не отдохнули за то время, что провели в городе, скорее наоборот, язвы и ожоги, покрывавшие их тела, стали еще ужаснее. В этот день жрецы нарядили их в балахоны с капюшонами из тонкой белой шерсти, которые закрывали от глаз сочувствующих зияющие раны.

Эти незаживающие язвы заставили Конана задуматься. В последние недели он встретил три отряда, перевозивших разными дорогами три части идола. Во время путешествия у него не было времени подумать, почему во всех трех группах люди были поражены одними и теми же болезнями. Учитывая удаленность друг от друга их маршрутов, а также то, что они пили разную воду, шли по разной почве, можно было бы ожидать, что тяготы пути по-разному скажутся на рабочих. Если бы речь шла

о какой-то инфекции, то она наверняка по-разному поразила бы шартоумских рабов и их саркадийских охранников. Конан терялся в догадках, какая болезнь могла так одинаково поразить всех членов священной миссии, за исключением Куманоса и двух жрецов, его помощников. Вдруг Конана осенило: единственное, что объединяло все три группы, — сам идол, излучающий таинственное тепло и зловещее мерцание. Рабы и охранники не только находились в непосредственной близости от него целый день, но и ночевали под повозкой. Лишь жрецы, идя впереди отряда и ночуя в стороне от остальных, в основном находились на достаточном расстоянии от статуй. Даже здесь, в Оджаре, Куманос не позволил разместить своих людей в караван-сараях, приказав им ночевать, как и раньше, рядом с идолом. Именно эти таинственные сооружения медленно убивали их.

Эти мысли одолевали Конана, когда колесница наконец вползла на центральную площадь. Кажется, здесь собрался весь город: людей было даже больше, чем зрителей во время поединка киммерийца и Зануса. Алебастровая статуя Садиты была выдвинута из портика храма на площадь, и теперь бессмертная богиня, ярко освещенная солнцем, сверкала серебряным шлемом и наконечником копья, нацеленным в небо. Рядом с ней стояла королевская семья, словно родственники невесты, ожидающей прибытия жениха. Король Семиархос и королева Регула светились радостью и счастьем. Принцесса Африандра возглавляла группу жриц, одетых в белоснежные церемониальные наряды, украшенные гирляндами цветов. По обе стороны от статуи богини и ее царственных слуг стояли храмовые воины, как обычно, без доспехов, но с мечами, висящими на широких кожаных поясах. На взгляд Конана, Аф-

риандра не выглядела обеспокоенной происходящим. Похоже было, что она смирилась с ролью, отведенной ей в церемонии. Воины, выступавшие против соединения двух божеств, тоже стояли неподвижно, никак не пытаясь выразить свой протест. Конана поразило столь резкое изменение, происшедшее с ними. Он подумал, что, вероятно, Куманос своими магическими способностями смог нейтрализовать сопротивление принцессы и ее единомышленников.

Отряд под руководством Куманоса остановился. Оставшиеся две колесницы чуть опаздывали. Над крышами домов на противоположной стороне площади Конан заметил приближающуюся верхушку второй статуи. Судя по волнению толпы у рынка, третья колесница должна была вот-вот показаться в Старых воротах.

Куманос воспользовался этим моментом, чтобы подойти к ожидавшим его королю и королеве. Конан шел рядом со жрецом, помогая ему пробиться сквозь толпу. Киммерийцу было важно, чтобы кошелек Куманоса остался при его обладателе. Что же касается любой другой опасности, Конана это не касалось, его интересовала только плата за выполненную работу.

Куманос лишь коротко кивнул встречавшим его правителям и собрался было пройти мимо них ко второй колеснице. Лишь услышав начало приветственной речи королевы, он неохотно остановился.

— Многоуважаемый гость Куманос Саркадийский! Мы безмерно благодарны за ваш дар — величественный монумент. Мы счастливы верить судьбу нашей богини в руки мудрого и справедливого бога Вотанты. Наш город не останется в долгу. Новая статуя нашей богини будет в ближайшее время передана в храм саркадийского бога.

— Да, да, хорошо, — рассеянно согласился Куманос. Похоже, он вовсе не слушал приветствий королевы, а лишь ждал появления на площади второй колесницы.

— Живей! — поторопил он своих подчиненных.

Конан обратил внимание, что вместо двух младших жрецов во главе колесниц стояли саркадийские офицеры, которые, услышав приказание Куманоса, бросились подгонять своих рабов и их добровольных помощников.

Регула, казалось, была несколько шокирована недипломатичным поведением Верховного жреца. Прервав приветствие на полуслове, она молча смотрела на движущиеся по площади колесницы.

— Не забудь снять тряпки, — напомнил Конан Куманосу. Больше всего киммерийцу хотелось увидеть, как выглядит идол. Ему казалось, что момент открыть статую уже наступил.

Верховный жрец, не обращая внимания на киммерийца, стал лично подгонять рабочих, тащивших колесницу. Его приказы возымели действие: оставшие повозки заметно продвинулись вперед, несмотря на то что многие оджарийские добровольцы покинули свои места в упряжках, утирая лившийся с них ручьями пот.

— Холст и веревки нужно срезать до того, как статуи соединятся, — вновь напомнил Куманосу Конан, сжимая рукой рукоятку ножа под туникой.

— Твоя помощь не потребуется, — бросил жрец, даже не повернувшись к Конану. — Подожди немного.

Уже не обращая внимания на невежливость ответов Куманоса, Конан повернулся к ближайшей колеснице. От нее шел сильный запах паленой ткани. Через несколько мгновений холст, закрывавший статую, потемнел в нескольких местах. В воздух

поднялись тонкие струйки дыма. Неожиданно вся ткань полыхнула ярким пламенем, превратив статую в пылающий факел. В противоположных углах площади одновременно зажглись еще два одинаковых факела. Над толпой пронесся вздох изумления. Конан решил, что Куманос воспользовался, и очень удачно, каким-то факирским приемом, чтобы произвести впечатление на зрителей. Тащившие статуи люди не пострадали, неповрежденными остались колесницы и даже канаты, удерживавшие фрагменты статуи вертикально. Когда последние хлопья пепла упали на землю, в дрожащем от жары воздухе взорам любопытных предстали ничем не скрытые части большой статуи. Как и предполагал Конан, идол не имел ничего схожего с человеческим телом. Скорее он походил на какое-то растение. Две стороны каждой части, обращенные внутрь, были ровными и гладкими. Наружная часть была округлой и напоминала ствол толстого дуба, кора которого покрыта длинными вертикальными бороздами. От каждой части ствола отходило по две ветви, коротких и толстых, заканчивающихся не листьями, а двумя плодами, размером с дыню. Поверхность каждого плода напоминала голову, на которой не было ни глаз, ни носа, а только оскаленная пасть. В общем, статуя производила отталкивающее впечатление, никак не напоминая ожидаемого в Оджаре бога-героя.

Холодный пот прошиб Конана, неясное опасение превратилось в тревожную уверенность. Киммериец вспомнил, что такой же странный древоподобный символ был выгравирован на обелиске, воздвигнутом посреди руин древнего Иба, Города в Пустыне. Зловещее ощущение того, что все происходящее уже было видно им, не покидало Конана. Конечно, на центральной площади Иба не было толпы людей, но все остальное очень походило на то, что совершалось

на центральной площади Оджары. Конан вздрогнул, вспомнив выжженные на камнях городской стены Иба силуэты людей, испепеленных неведомым огнем. Вспомнил Конан и то, как под покровом ночи Куманос приходил помолиться к черному обелиску, на котором, как теперь стало понятно, был изображен бог родного города жреца.

Куманос... Жрец неожиданно исчез из поля зрения киммерийца. Скорее всего, он отправился к одной из колесниц, чтобы поторопить ее продвижение. Этот человек сильно рисковал и перенес много лишних страданий, ведя свои отряды в Оджару разными маршрутами. Зачем ему это было нужно? Не потому ли, что в момент соединения трех частей статуи должно произойти что-то ужасное?

Но что же? Уничтожение древнего Иба не было ли следствием такого же «пришествия великого бога Вотанты»? Конан вспомнил о дурной славе жрецов королей южных пустынь и их кровожадных богов, о том, как равнодушно взирал Куманос на страдания и мучения своих людей. Конан еще более убедился в правоте своих подозрений, когда в его памяти возникли неясные, полные огня и тревоги видения Африандры.

Из размышлений его вывели вновь пришедшие в движение идола. Колесницы начали разворачиваться на месте, обращая гладкие части статуи к центру. Развернувшись по команде Верховного жреца, повозки вновь двинулись вперед.

Толпа давно покинула центральную часть площади, расступившись перед сходящимися колесницами. Теперь в самом центре, в той точке, где должны были встретиться три составляющих идола, возникло какое-то непонятное свечение, оно становилось все более ярким по мере того, как усиливалась мощность лучей, направленных к центру.

Конан, стоявший недалеко от одной из частей идола, почувствовал, что жар, исходящий от нее, становится невыносимым. Не удивительно, что покрывавшая ее ткань вспыхнула и моментально сгорела. Несколько рабочих, находившихся рядом с колесницей, не выдержав жара, отбежали. Лишь те, которым длинные веревки позволяли отойти на расстояние, достаточное для того, чтобы переносить нестерпимый жар, остались возле колесницы.

— Стойте!

Над площадью прозвучал тонкий девичий голос, в котором, однако, чувствовалась твердость и привычка повелевать. Принцесса Африандра, сделав шаг вперед, бросила вызов всему происходящему.

— Хватит! Прекратите эту пародию на свадьбу! Нашей богине не нужен муж — чужеземный кровожадный тиран, который заставит ее отказаться от мирного и справедливого правления Оджарой. Посмотрите на идола, — обратилась она к толпе. — Это не бог цивилизованной страны, это не мужчина, не женщина, даже не животное, это какое-то уродливое чудовище. Мы, жрицы Садиты, призываем всех верных ей жителей города остановить этот фарс и изгнать чужеземцев.

С этими словами она сорвала с себя гирлянду цветов и бросила ее себе под ноги. Видимо, за время, проведенное взаперти в храме, она сумела убедить в своей правоте и остальных жриц, так как большинство из них, включая Шарлу, присоединились к принцессе и тоже сорвали с себя украшавшие их цветы. Родителей Африандры такое поведение принцессы явно застало врасплох. Они молча смотрели на нее, не зная, как реагировать на этот поступок. Остальные присутствующие тоже находились в недоумении. Не все расслышали слова принцессы, поглощенные зрелищем сдвигающихся

колесниц и становящегося все более ярким свечения в центре площади на месте предполагаемого соединения частей статуи.

Хотя большинство оджарийских добровольцев прекратили свою работу, тяжелые повозки продолжали медленно продвигаться вперед, благодаря отчаянным усилиям измученных болезнями и ожогами людей Куманоса. По мере их продвижения светящийся призрак в месте пересечения трех лучей начинал обретать какую-то непонятную форму. Стоявшие рядом с принцессой храмовые воины схватились за рукоятки своих мечей, Конан мысленно поздравил принцессу с тем, что она смогла-таки связаться с заговорщиками и объединить с ними свои усилия. Однако киммериец не был уверен, что у благородных воинов хватит решимости обрушить свои клинки на безоружных полуживых шартоумских рабочих и саркадийских солдат. Сжимая под плащом рукоять ножа, он ждал, как будут разворачиваться события. Вдруг всеобщее внимание снова привлек Верховный жрец Куманос, вновь шагнувший на площадь и протянувший руки в молитвенном жесте к светящемуся силуэту. Над площадью поплыли произнесенные нараспев слова призывного заклинания:

— Вотанта, Бог Пустыни, мы взываем к тебе! Прими нашу жертву! Все ритуалы выполнены, заклинания произнесены. Ничто не может помешать тебе явиться на землю во всей своей мощи. Приди же сюда, Великий Господин, прими от нас священного идола, пусть насытит тебя наша жертва. Взамен же, великий Вотанта, мы молим тебя, чтобы ты благословил наш город. Одари его водой, чтобы верные тебе его жители могли и дальше прославлять твое могущество, славить тебя в веках. Вот и все, что мы просим у тебя, великий Вотанта, бессмертное Древо Тысячи Пастей.

РАСПЛАТА

Верховный жрец Куманос, произнося заклинание, опустил руки и повернулся спиной к толпе, не предпринимая больше попыток поторопить или направить движение колесниц.

С мрачной уверенностью Конан пришел к мысли, что, говоря о жертве, жрец имел в виду Оджару — целый город и всех его жителей, которым суждено было быть сожженными неизвестной силой. Этой же силой семь веков назад был стерт с лица земли могучий Иб. Конан сжал уже рукоять ножа, чтобы воочию убедиться, есть ли у этого жреца сердце, но понял, что убийство будет бессмысленным. Куманос сделал свое черное дело: части идола продолжали двигаться навстречу друг другу, влекомые ничего не слышащими и не обращающими ни на что внимания полусгоревшими фанатиками. Металлические истуканы медленно, но верно подтягивались к центру площади. И там вместо мерцающего силуэта возникло огненное дерево с оскалившимися плодами. Это спускался на землю бог Сарка и бесчисленных мертвых городов, всемогущий Вотанта, воплотившийся в образе Древа Тысячи Пастей.

Сотканный из огненных вихрей, его ствол быстро разрастался. Словно огненные щупальца, тянулись в стороны толстые ветки. Их было не шесть, как на статуе, а намного больше. Множество огненных шаров оскалились на толпу. Оторвавшись от ужасного зрелища, один из мятежных храмовых воинов преградил путь одной из колесниц и хриплым голосом приказал несчастным, двигавшим ее, остановиться.

Не успел он закончить фразу, как от огненного дерева метнулась к нему сверкающая молния. Тело воина вспыхнуло, как спичка. Через несколько мгновений от юного героя осталась лишь горсть пепла на камнях. Мощь Вотанты сожгла его, как сжигает мотылька пламя горячей свечи. Двое товарищей погибшего бесстрашно шагнули вперед. Уворачиваясь от огненных вихрей, они подошли почти к самому дереву, криками и знаками приказывая всем трем колесницам остановиться. Видимо, смельчаки слишком близко подошли к огненному стволу: неожиданно воздух вокруг них вспыхнул ярким пламенем. Испепеленные огнем, воины разделили судьбу своего товарища, а их мечи и щиты лужами расплавленного металла растекались по камням, которыми была вымощена площадь.

Оставшиеся в живых воины, потрясенные гибелью своих товарищей, застыли на месте. Лишь Конан нашел в себе силы броситься навстречу опасности. Одетый в черный плащ с капюшоном, он являл собой зловещую внушительную фигуру. Но мало кто обратил на него внимание, до тех пор пока киммериец резким движением не отбросил полу плаща. Под плащом были скрыты сверкающие золотые доспехи: нагрудник, шлем с забралом, золотые пластины, прикрывающие ноги и руки, — последнее сокровище Пронатоса или другого, еще более древнего воина, найденное Конаном в тайнике трюма Каменного Корабля. Это облачение притянуло к себе множество взглядов, когда Конан прошел вперед, встав рядом с дымящимися останками погибших храмовых воинов. Затаив дыхание толпа следила за тем, как, достав свой тяжелый нож, прохрипев проклятие, он двинулся по направлению к сверкающему чудовищу.

Нож Конана с потертой рукояткой, со ржавчиной, кое-где тронувшей лезвие, был все же еще грозным оружием, годным для битвы с любым противником. Но он оказался не лучшим приспособлением для борьбы с огнедышащим бичом. Конан почувствовал, как раскаляется клинок, начиная светиться красным светом. Нестерпимо нагрелась рукоятка. Не в силах больше держать в руках раскаленное оружие, Конан размахнулся и метнул тяжелый нож в дьявольское дерево. Оружие не долетело до цели, расплавившись в воздухе. Жидкий металл так и не пролился на землю, испарившись в воздухе, словно капли воды, брызнувшие на кузнечную печь.

Ни одно живое существо не могло долго выдержать такую жару, однако золотые доспехи спасали Конана. Эта церемониальная, богато украшенная броня не выдержала бы и одного удара копья, пущенного сильной рукой, но сейчас золото защищало киммерийца от яростной энергии огнедышащего бога. Опустив забрало, Конан осматривался вокруг в поисках хоть какого-нибудь оружия. Легкое движение за спиной привлекло внимание Конана. Резко развернувшись на месте, киммериец увидел Куманоса. Еще несколько мгновений назад жрец, несомненно, подкрадывался к нему, держа в руках длинный меч, который сейчас со звоном упал на каменные плиты мостовой. Отличный клинок из стали и бронзы с позолоченной рукояткой. У Конана не было времени гадать, откуда взялся клинок в руках у Куманоса и почему он выпустил его из рук, вместо того чтобы потренироваться в мастерстве мясника на безоружном Конане. Саркадиец стоял прижав одну руку к груди, на его лице отразилось чувство страха и изумления — эмоции, которых Конан никогда не замечал за Куманосом. Второй рукой жрец

теребил шнурок на шее, с которого исчез таинственный амулет.

Подняв невесть откуда взявшийся меч, Конан с сомнением посмотрел на Куманоса. Киммериец подумал, что, во избежание новых неожиданных выходов жреца, стоило бы снести ему голову, не обращая внимания на то, что тот безоружен. Лишь необходимость срочно повернуться навстречу более страшному врагу оторвала Конана от этих мыслей.

Меч пришлось как нельзя кстати. Бронзовый клинок не плавился в бушующем огне, а золотая рукоятка, не становясь горячее, позволяла Конану не бросить оружие. Теперь оставалось выяснить, можно ли поразить этим мечом огненное дерево. Конан ринулся вперед и, размахнувшись изо всех сил, обрушил клинок на огнедышащий ствол.

Нельзя сказать, что результат был впечатляющим. Меч прошел сквозь столб огня, почти не встретив сопротивления. Правда, над головой Конана раздался пронзительный свист — это взвыли не то от боли, не то от ярости дьявольские плоды на ветвях дерева. Оскаленные пасти развернулись к Конану, изрыгая струи огня. Увернувшись от них, киммериец ловкими ударами меча снес несколько огнедышащих шаров. Дерево изогнулось и вздрогнуло словно от боли. Хотя не было похоже, что оно умирает, стало понятно, что непрекращающийся град ударов мечом причиняет ему сильные страдания или по крайней мере отвлекает от черного дела.

Однако сближающиеся части идола, между которыми не было теперь и дюжины шагов, продолжали питать энергией огненного монстра. Дерево росло ввысь и увеличивалось в диаметре. В это время некоторые оджарийцы, в основном храмовые воины, вмешались в сражение. У них не было под-

ходящих доспехов, позволявших приблизиться к огненному столбу, поэтому, боясь разделить участь сгоревших товарищей, они принялись отталкивать рабочих, кативших колесницы, прочь от канатов. Краем глаза Конан заметил группу подростков с Эзрелем во главе, швыряющих булыжники в последних фанатиков, оставшихся около колесниц.

Заставить их бросить свою работу оказалось не легким делом. Части идола сами излучали жар и яркий свет. Колесницы под ними уже начали дымиться, краска, покрывавшая борта платформ, пошла пузырями. Те, кто пытался схватить обезумевших фанатиков, сами рисковали обгореть или ослепнуть от невероятной жары.

Конан почувствовал, что запоздалая борьба будет бессмысленной. Даже не влекомые усилиями людей, даже оставшись без колес, три металлических монолита сольются воедино, притягиваемые силой Вотанты. Его собственное сражение с Древом Тысячи Пастей тоже оказалось безнадежным делом. Ствол продолжал увеличиваться в размерах, а новые ветви со смертоносными плодами появлялись все выше и выше, так что Конан не мог достать их мечом. Все больше сил тратил Конан на то, чтобы отбить огненные стрелы, летевшие в него с ветвей. Жар проникал даже сквозь золото доспехов. Клинок раскалился докрасна. В какой-то миг Конан понял, что медленно, но верно, шаг за шагом, отступает. Словно почувствовав его слабость, оскаленные плоды удвоили лившийся на него поток пламени. Языки пламени проникли между пластинами золотых доспехов, уничтожив кожаные крепления между ними. Сначала Конан даже не заметил, что доспехи стали рассыпаться прямо у него на плечах. Нестерпимая боль, внезапно настигшая его, заставила его рухнуть на землю и откатиться от огненного дерева. Но

чудовище не собиралось так легко отпустить свою добычу. Языки пламени продолжали кружиться вокруг киммерийца, который, сжав зубы, уже мысленно прощался с жизнью.

Неожиданно все кончилось. Атака огненного дерева внезапно прекратилась. И над площадью пронеслась волна восторженных победных криков. Подняв голову, Конан увидел, что у самых корней в ствол дерева воткнулся длинный металлический стержень — наконечник большого копья, из-под которого, словно кровь из раны, билась о землю струя жидкого пламени. Само же дерево, корчась и извиваясь, становилось все менее ярким и все более расплывчатым. Конан поискал взглядом того, кто метнул спасительное копье. Неясные подозрения заставили его обернуться и посмотреть на бронзовую статую Садиты. Его бросило в холодный пот, когда он увидел, что богиня стоит без копья, подняв руку словно в приветственном жесте.

Дело продвигалось к своему концу. Огненное дерево, постепенно бледнея, растворилось в воздухе, как мираж в пустыне. Все три колесницы одновременно вспыхнули ярким пламенем. Вместе с ними сгорели несчастные фанатики, которые до последней минуты своей жизни исполняли божественную волю. Металлические истуканы рухнули сквозь прогоревшие доски на камни мостовой.

Только теперь Конан почувствовал, что на нем продолжают тлеть остатки одежды, и сорвал с себя дымящиеся лохмотья. Африандра накинула ему на плечи плащ своего отца.

— Твои предвидения были верны, — хриплым голосом сказал ей Конан. — К счастью, золотые доспехи и вправду защитили меня, а колдовское пламя утратило свою силу вместе со смертью огненного бога. Смотри, ожогов как не бывало.

Конан поискал глазами Куманоса и увидел, что жрец со слезами на глазах стоит на коленях перед мечом, с помощью которого Конан сражался с Древом Тысячи Пастей.

— Меч Оготимантоса, — задумчиво произнес он, теребя кожаный шнурок на шее. — Он снова такой, каким был семьсот лет назад... А я... моя душа... — Слезы ручьем хлынули из его глаз. Повернувшись к статуе Садиты, жрец надрывно застонал и, всхлипывая, закрыл лицо руками.

— Да, сегодня многие заклятья и заклинания потеряли свою силу, — сказал Конан. Не ответив ему, Африандра наклонилась к рыдающему жрецу, желая успокоить его.

— Свершилось чудо! — раздался низкий и сильный голос королевы Регулы. — В этот славный незабываемый день наша богиня продемонстрировала свою силу и участие в судьбе нашего города, защитив его от смертельной опасности.

— По-моему, она просто хорошенько огрела копьем своего суженого, — усмехнувшись, бросил Конан.

Верховная жрица согласно кивнула головой:

— Садита реализовала священное право женщины на выбор своей судьбы. Но, делая это, она освободила своих верных подданных от жестокого чужеземного ига.

— Я думаю, что иго Вотанты было бы и вправду тяжелым, но недолгим, — сказав это, Конан взглянул на статую богини. — Значит, идол Садиты собственноручно метнул копье.

— Несомненно, — заверила его королева, — сама я была лишена счастья лицезреть это, но сотни горожан, свидетели этого величественного зрелища, смогут рассказать об этом событии потомкам.

— Значит, так тому и быть, — кивнул Конан в знак согласия. — В любом случае многое во всей этой истории объясняется божественным вмешательством. Например, таинственное появление клинка, которым я сражался с Вотантой. — Наклонившись, Конан поднял оружие, которое Куманос называл Мечом Онотимантоса.

— Твоя судьба с тех пор, как ты появился в нашем городе, тоже оказалась под покровительством богини, — вступил в разговор Семиархос. — Варвар-еретик, изгнанный из города, превратился в величественного воина в сверкающих золотых доспехах. Кстати, где, в каких странствиях по пустыне ты нашел эту броню?

— Мне помог счастливый случай, а может быть, и воля вашей богини. Это последнее из сокровищ Каменного Корабля. Я нашел его и то, что осталось от экспедиции твоего дяди. Но эти доспехи оказались там единственной стоящей вещью. Все остальные сокровища исчезли. Чтобы доказать истинность своей находки, я решил принести эти доспехи в город. Штука дорогая, а в нормальном бою толку от нее мало. Боюсь вот только, попортило ее это огненное чудовище...

— Это неважно. Такой клад, несомненно, должен принадлежать тому, кто его нашел. Но если ты согласишься продать мне эти доспехи как древнюю реликвию, я заплачу достойную цену.

— Конечно, но не забывайте и о божественном провидении, пославшем нам в этот миг древние магические предметы — золотые доспехи и золотой меч, — прервала короля Регула. — Затерянные в веках броня и клинок соединились сегодня здесь, чтобы защитить нас. И чьими руками! Это тот изгнанный, отлученный от храма чужеземец...

— Я вовсе не напрашивался на скандал и не преступал ваших законов, — вдруг заявил Конан, — но я готов выслушать и принять извинения за обиду и оскорбления, нанесенные мне в вашем городе.

— Как человек, я готова извиниться перед тобой, — ответила Регула. — Но принести извинения от имени храма я не могу. То, что произошло, было выражением воли Садиты, где всем нам, смертным, отводилась лишь роль исполнителей. — Регула одернула свою королевскую тунику. — А мои слова относились лишь к тому, насколько всепрощающей может быть божественная воля и как таинственны и неожиданны для смертных оказываются результаты направляемых ею действий.

— Дорогая, — чисто по-человечески запротестовал Семиархос, — оставь же хоть долю похвал храброму воину с севера. Если он и был всего лишь инструментом для выражения воли Садиты, то, надо признать, она вряд ли могла найти лучшего исполнителя. И думаю, что мы, смертные приверженцы нашей богини на этой земле, должны по-земному щедро отблагодарить героя.

— Безусловно, — согласилась королева, задумчиво окидывая взглядом киммерийца. — Его пример храбрости и боевого духа и готовности пожертвовать собой может быть весьма поучителен для наших граждан. И если этот пришелец научится вести себя подобающим образом в присутствии королевской семьи, а также усвоит хотя бы основные догматы нашей веры, — я полагаю, он сможет занять в нашем городе высокое положение и, кто знает, быть может, даже заменить в глазах горожан ушедшего Зануса. — Регула взглянула на принцессу. — Да, да, вполне возможно, он поднимется действительно очень-очень высоко...

— Благодарю вас, правители Оджары, — с достоинством сказал Конан, — но я все равно собираюсь уехать из вашего города.

Конан бросил взгляд на Аффриандру. Она стояла на коленях рядом с Куманосом, обнимала его за вздрагивающие в беззвучных рыданиях плечи и вытирала льющиеся по его щекам слезы.

Затем, обернувшись к толпе горожан, полукругом обступивших королевскую чету и доблестного воина, Конан обратился ко всем присутствующим:

— Я задержусь в Оджаре, чтобы помочь вам избавиться от этих зловещих истуканов, которых я по незнанию помог привезти в ваш город. — Он махнул рукой в сторону все еще сияющих зеленым светом частей идола. — Эту мерзость нужно увезти далеко в пустыню, поглубже закопать. При этом важно сделать так, чтобы ни ваш, ни какой-либо другой город или оазис не оказались в центре их смертоносного воздействия.

В любом случае вы можете рассчитывать на мою помощь до прихода северных караванов. Тогда, получив вознаграждение за доспехи и древний меч, который может стать прекрасным оружием для вашей богини вместо расплавленного копья, я с чистой совестью могу отправиться, как и собирался, в Шадизар с большим и надежным караваном.

Эпилог

Весь Сарк жил в те дни чередой значительных событий. Сначала по городу прокатилось известие об отправке божественной миссии в Оджару. Значительность и трудность такого мероприятия были

восприняты горожанами как еще одна серьезная попытка привлечь благосклонность Вотанты. Это мероприятие потребовало отправки отряда солдат и рабочих в тяжелый путь, а также заставило самого короля Анаксимандра нанести дипломатический визит в соседний город.

Затем небо над южным горизонтом на долгие недели затянулось черным дымом — это в горах у Шартоумского моря произошло подряд несколько извержений вулканов. Вслед за извержениями последовала череда землетрясений. Наверное, в горах они были очень сильны, так как толчки чувствовались даже в Сарке.

Затем наконец пошел дождь. В одну ночь небо затянуло тучами, наутро пролившимися обильным ливнем. В последующие дни ливень сменился мелким дождичком, время от времени уступавшим место солнцу. Такая погода обещала обильную влагу на полях, полные реки, пруды и цистерны-хранилища, без риска наводнений и оползней. Это было явным проявлением милости Вотанты, его благосклонности к не дрогнувшим в своей вере горожанам. Жители Сарка, еще недавно понуро передвигавшиеся по теневой стороне улиц, радостно крича и танцуя, повывскакивали из домов, встречая дождь. Все ликовали, пели песни, строили планы на будущий урожай, прикидывали, насколько можно будет увеличить посевы и сколько караванов остановится в зеленом оазисе города.

Король Анаксимандр позволил своим подданным повеселиться. В конце концов, дождь все равно делал работу на полях невозможной. А вот когда он пройдет, тогда горожане сполна заплатят потом за дни праздного безделья! Кроме того, теперь, когда Вотанта явно вновь повернулся лицом к своим почитателям, Анаксимандр вернулся к мысли

о военном походе, который мог бы успешно продолжить череду событий, ведущих к процветанию его королевства. Так что горожанам еще придется изрядно походить строем и ощутить на себе армейскую дисциплину.

Король пребывал в эти дни в благодушном настроении, несмотря на отсутствие вестей из Оджары. Настораживало то, что ни один из молодых жрецов пока не прибыл с докладом о свершившемся жертвоприношении. Хотя, вполне вероятно, они погибли, обезумев или ослепнув при взгляде на сошествие божества на землю. Но если задержка была следствием их лени или ошибок — жрецы пожалели бы, что не проявили должной расторопности.

Трудно было сказать, являются ли столбы дыма на горизонте и толчки земли под ногами следствием появления Вотанты. По крайней мере, Анаксимандру хотелось верить, что далекие взрывы и вспышки эхом отражают титанические шаги всемогущего Вотанты по земной тверди и посылаемые им в ярости огненные стрелы.

Беспокоила короля и сохранность шахт и вулканической плавильни после всех извержений и землетрясений. Оставалось надеяться, что в ближайшее тысячелетие поклонникам Вотанты не придется пользоваться ими.

Но, несмотря на все беспокойства, Анаксимандр был уверен, что миссия в Оджару закончилась успешно: дождь был лучшим проявлением благосклонности Вотанты. Сытый бог — добрый бог, повторял про себя Анаксимандр. Будущее его города рисовалось ему в радужных красках.

Словно в подтверждение его догадок, из Оджары прибыл подарок королю Сарка от правителей Оджары, привезенный на шестиколесной повозке, запряженной мулами. Анаксимандр хладнокровно

подумал, что погонщиков, охранников и королевского посланника ждет по возвращении домой изрядный сюрприз. Несомненно, подарок был отправлен из Оджары незадолго до испепеляющего пришествия Вотанты. Свиток, прилагавшийся к дару, был исписан ровным почерком Куманоса и запечатан личными печатями этого самодовольного тупицы и клоуна Семиархоса и его много воображающей о себе и лезущей не в свои дела супруги.

Подарок представлял собой кровать — тяжелое ложе из бронзы, искусно покрытой слоем позолоты. Великолепный шелковый матрас покрывал тонкое кружево переплетенных кожаных ремней. Что ж, подарок был достоин украсить королевскую спальню. Правда, ложе было намного мягче того, на котором обычно спал Анаксимандр. Это еще раз доказывало чрезмерную изнеженность и привычку к комфорту властителей Оджары. Однако, учитывая, что постоянный дождь наполнил воздух сыростью и прохладой, Анаксимандр счел себя вправе попользоваться, по крайней мере некоторое время, излишне роскошным ложем. По его приказу кровать была установлена в королевской спальне.

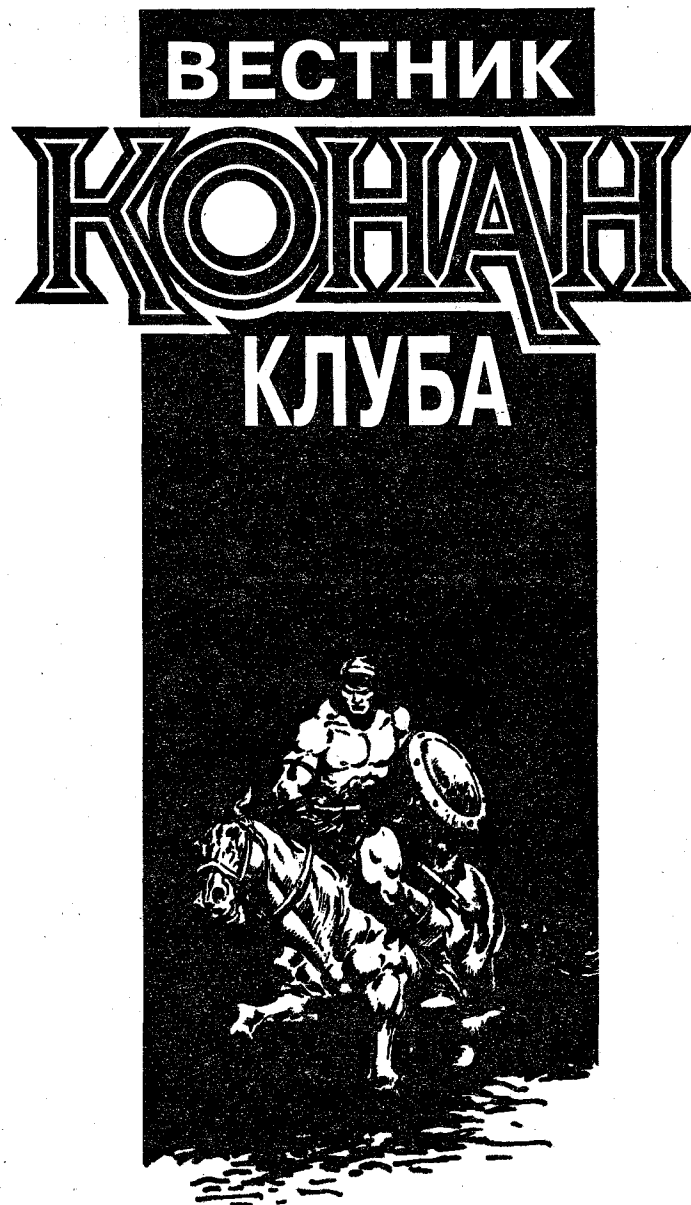
Подаренная кровать была украшена с большим вкусом. И самым главным украшением служили установленные по четырем углам на изящных бронзовых подставках четыре драгоценных камня размером с кулак, мерцавших в темноте исходящим из их глубины зеленым светом. Анаксимандр восхищенно следил за перекрещивающимися лучами. Подставив под них руку, он почти физически ощутил проникающее под кожу тепло, шедшее от камней.

Новый Верховный жрец, вызванный благословить чужеземный дар, с подобострастной готовностью

поспешил разделить энтузиазм короля. Отослав жреца, Анаксимандр объявил слугам, что собирается лечь спать пораньше.

Король позволил наложницам снять с него одежду, но когда одна из них безмолвно опустилась на край новой кровати, Анаксимандр отослал из спальни всех женщин, включая и тех, кто обычно проводил ночь, обмахивая его опахалом. Затем, сладко потянувшись, он удобно лег на роскошное ложе.

В эту ночь король рассчитывал спать в тепле и спокойным глубоким сном.

Дорогие Братья и Сестры!

Благодарим всех, кто откликнулся на наш призыв: **ВСТАНЬ РЯДОМ С ГЕРОЕМ!** Сердечное спасибо за Ваши теплые, искренние, полные дружеского внимания письма. В наше безумное, жестокое, похожее на пляску бесноватых шаманов время так важно знать — где-то рядом живет друг, который верит тебе, понимает тебя и сопереживает. И когда таких друзей больше двух тысяч...

Да, в Конан-Клуб пришло уже 2000 писем от читателей «Саги о Великом Воителе», от страстных поклонников героической фэнтези.

Каждое письмо прочитано и зарегистрировано, каждое имя внесено в банк данных — в этом, Братья и Сестры, можете не сомневаться!

В ближайшее время мы начнем рассылку членских билетов и Устава Конан-Клуба. Так же у нас появилась идея сделать сводный адресный каталог всех членов Конан-Клуба. Это даст возможность любителям фэнтези общаться друг с другом, обмениваться письмами, книгами, интересной информацией. Ведь, в конце концов, главная цель Клуба — заполнение той тягостной пустоты и холодного молчания, когда прочитана любимая книга... а рядом — никого. Не с кем поделиться той лихой счастья, которую дарит читателю героическая фэнтези.

Конан-Клуб — это маленький островок сопричастности к Тайне и дружески разделенной Радости. Маленький остров среди океана безразличия, лицемерия и лжи.

Еще раз спасибо всем, приславшим письма и анкеты!

КОНАН — ЖИВИ!

СТИХИ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ!

ИСХОД

Я ведаю, я знаю, я чувствую: «Пора!»
Ни шороха, ни свиста, лишь вьется мошकारа...

На город ночь спустилась. Ведет тропинка в лес,
Где тишина укажет мне путь в Страну Чудес...

Как гостя примут травы, тумана пелена,
Я невидимка, спрятан, и не найти меня.

Здесь таинство вершится, и Оберона длань
Мне на плечо ложится, забот снимая ткань.

Я окунаюсь в лунный, реке подобный, свет,
С души смывая горечь и злобы черный след.

И явится сквозь время из мифов и легенд
Эльфийская принцесса! И я иду за ней...

Листва меня закружит, как эльфов хоровод,
И навсегда забуду свой город и народ...

Послушен слову ветер, и зверь бежит на зов,
На той земле, я верю, найду покой и кров.

Как варвар-киммериец, сквозь Мельницу Богов
Я кану в мир, где небыль... Вот шаг — и был таков...

Но рунами начертан заклятья грозный слог,
Чтобы чужой проникнуть в Страну Чудес не мог.

И за порогом этим не властен век машин,
Век купли и продажи. Без чести. Без души.

Откуда убежал я в волшебную страну,
И не открою тайны ухода никому.

На город ночь спустилась. Иду по тропке в лес,
Он приоткроет снова мне дверь в Страну Чудес...

Гаврилов Дмитрий
г. Москва

**По просьбам участников Хайборийской викторины
публикуем правильные ответы.**

Ответ на вопрос 1

Отца Конана звали Ниал, матушку — Маев.

Ответ на вопрос 2

В декабрьском номере журнала «Weird Tales» за 1932 год появилась первая повесть о Конане-киммерийце «Феникс на мече». Автор — Роберт Ирвин Говард.

Ответ на вопрос 3

С востока в южную часть моря Вилайет впадает река Запорожка (или иначе Запороска), в имени которой автор соединяет Запорожье и росов. Там раздольно гуляет козацкая вольница, часто тревожа покой могучего Турана.

Ответ на вопрос 4

Главной магической книгой Хайборийской эпохи является КНИГА СКЕЛОСА.

Ответ на вопрос 5

Первая версия

Меч выковал отец Конана. Во время вражеского набега, возглавляемого колдуном Дуумом, меч был похищен. В бою погибли Ниал и Маев — родители Конана. После тяжких испытаний молодой киммериец находит Дуума и, прикончив ненавистного колдуна, забирает отцовский меч.

(Л. Спрэг де Камп. «Сталь и Змея».)

Вторая версия

Меч достался Конану в подземной гробнице, куда киммериец случайно попал во время бегства из плена. Конану пришлось выдержать бой с мумией давно забытого всеми властителя минувших эпох. Могучий варвар в честной схватке отстоял свое право на обладание чудесным клинком из стали атлантов.

**«Когда никому уже нельзя доверять,
только меч остается надежным другом!»**

КОНАН

ВНИМАНИЕ!

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ
И ЧЛЕНА КОНАН-КЛУБА!

КОЛЕСНИЦА ФРЕЙИ (Утраченная сага Асгарда)

Богиня любви и красоты, предсказательница Фрейя проснулась ранним утром в своих чертогах от страшного грохота. С тех пор как Фрейр, ее брат-близнец, остался заложником в Асгарде, а она вышла замуж за Одда, никто еще не смел будить ассиню так рано.

«Не иначе Тор куда-то спешит! Кто еще может будить жителей небесного города в столь неурочный час!» — подумала она, но, желая лично убедиться в правильности своего предположения, вышла на балкон. Женщинам всегда не терпится первыми узнать новости, не важно, богиня это или простолюдинка.

Действительно, как раз в этот момент мимо ее дома, окутанный облаком межзвездной пыли, мчал Аса-Тор на своей знаменитой колеснице, запряженной двумя гигантскими длинношерстными козлами. Один из них был явно не в духе, зато второй его рогатый собрат выглядел бодрым и тянул повозку изо всех сил. Из-за подобного неравенства колесница все время сворачивала влево, и Тору приходилось то и дело выправлять положение. Вероятно, вчера за ужином сотрапезники-асы ели Скрипящего Зубами, поэтому Скрежещущий казался более мрачным — вечером была его очередь. И хотя наутро съеденного вчера козла воскрешали, нельзя сказать, что животным весь этот процесс доставлял хоть какую-нибудь радость.

Завидев прекрасную Фрейю, Громовержец остановил колесницу. Козлы резко затормозили и встали как вкопанные. Из-под колеса взвился колдовской сверкающий асгардский песок и кометой достиг балкона, где стояла разгневанная ассиня.

— Негодный! Мало того, что ты разбудил меня, так еще чуть не испачкал! — услышал Тор. Впрочем, сегодня он был в отличном расположении духа и решил не вступать в перепалку.

— Не сердись на нас, светлоокая, ведь известно, любой обомлеет при взгляде на тебя! — выпалил Тор и даже сам удивился столь несвойственному для него красноречию.

Фрейя не долго размышляла над этим весьма сомнительным лестным оправданием, поскольку сразу после слов Громовика, как бы в подтверждение им, Скрежещущий Зубами проблеял:

— Ммэ-э-е!

Сменив гнев на милость, богиня рассмеялась:

— Я вовсе не сержусь! Но куда собрался Одинсон, если не секрет?

Конечно, с ее стороны это был учтивый вопрос, Фрейя с первого взгляда на бога догадалась, что Тор собрался на рыбалку. По своему обыкновению, он ловил Мидгардского Змея. Один раз Ермунганд сорвался и с тех пор обходил наживку рыбака из Асгарда стороной.

— Никто, даже моя жена Сив в Бильскирнире не должна знать, куда я направляюсь, но тебе я, пожалуй, скажу. Да и что утаится от Фрейи? Сив не сравнится с тобой красотой, слезы твои — чисто золото, голос — точно серебро. Но я этого не говорил, — вдруг зашептал Тор, испуганно оглядываясь. — Знаешь, какой слух у Мидгардского Змея? Даже отец опутывает совещания асов особой тканью заклятий, чтобы никто не услышал, о чем говорят в светлом Асгарде.

— Хочешь, Аса-Тор, я предскажу, как окончится сегодня твоя тихая охота? — сказала Фрейя, усмехнувшись, поскольку знала о глухоте любых змей. Неуклюжему Тору нужно было опасаться совсем другого...

— Что ты, что ты! Зачем? Ведь никакого интереса не будет! — Он гикнул на своих козлов, и колесница устремилаась к жилищу Хеймдала — стража Радужного моста.

— Смотри рыбу не распугай! — крикнула она вслед. — Хорошего клева!

— Клянусь Одним, я привезу тебе подарок из Мидгарда! — услышала она ответ.

Некоторое время спустя, миновав Бильрест, Тор сидел на берегу острова Буян, закинув снасти в воду, и предвкушал тот

миг, когда услышит долгожданный звон колокольчика. Неожиданно воздух огласился душераздирающими криками, доносившимися из лесной чащи. Как раз в этот момент Тору показалось, что была поклевка, но эти проклятые крики все заглушили. Тор был взбешен и уж было приготовился метнуться в лес Мьелльнир, как вдруг раздражающий бога писк сменился на тихую, нежную колыбельную песню. Незнакомый исполнитель выводил ее так упоенно, что у Громовика стали слипаться веки, и он клоннул носом.

В этот самый миг леска дернулась, и звук колокольчика разогнал ступившую было над асом дрему. Бог вскочил и кинулся к снастям, но не успел он и шага ступить, как колокольчик смолк. Ну хоть бы шелухнулся. Тор крепко выругался и принялся вытравливать донку: ловить Мидгардского Змея в таких невыносимых условиях не представлялось возможным. К тому же наживку кто-то успел сожрать, а это, надо вам сказать, была не маленькая керовка, как обычно, в этот раз ас нацепил на крючок целого быка.

Из леса снова противно и громко запищали, застонали, завывали, так что у аса заложило уши. Сын Одина засучил рукава и ринулся в чащу, ломая стволы вековых деревьев на своем пути. Он совсем забыл про Пояс Силы, а когда вспомнил, то, конечно же, снял.

Продирался он недолго, потому что, как и в прошлый раз, писк прекратился и начавшееся за ним пение убаюкало могучего бога. Тору захотелось, как в детстве — ведь у богов оно тоже бывает, — лечь на мягкий, ароматный, сухой лесной мох, поджать коленки и положить ладошки под щеку.

Из последних сил в неравной борьбе со сном ас прочитал заклинание, которое однажды ему поведал хитрый Локки. И чудо — ноги и руки налились прежней силой. Грудь распирало от переполнявшей энергии, злости и обиды. Кто посмел усыпить сына самого Одина, грозного и непоколебимого аса! Еще несколько шагов...

...Тор вышел на поляну. По середине ее возвышался древний раскидистый дуб. На самой низкой ветке дерева сидел громадный, словно барс, пушистый кот тигровой масти. У корней, свернувшись клубком и прижавшись друг к другу, посапывали два очаровательных, улитанных, раз-

мером в добрую рысь, голубых котенка. Котят сладкозвучно мурлыкал, именно это мяуканье Тор принял за медоточивое пение. Перед ним был кот Баюн.

— Твои отпрыски? — улыбнулся Тор, гнев его улетучился моментально. Всем известно, что Громовик отходчив, однако и вспыхивает легко, как собственная молния.

Кот согласно закивал, но самозабвенного пения не прекратил. В это же время на глазах у Тора зверь стал такого же голубого цвета, как и котята, его пушистый мех начал как бы втягиваться вовнутрь, и еще через минуту Баюн превратился в гладкошерстного мурлыку.

— Ты будешь по-человечески говорить? — рявкнул Тор.

— Пеняй на себя, Перун! Тебе же хуже будет, — ответило наглое животное, и песня смолкла.

— Из-за тебя, папаша-одиночка, у меня сорвался с крючка сам Ермунганд! Из-за тебя, бард несчастный, я чуть было не заснул в лесу...

— Так ведь не заснуя же? — зевнул Баюн и показал при этом путающий оскал.

— Не хватало еще, чтобы Одинсон поддался на уловку дикой кошки.

— Необычной кошки, прошу заметить, — продолжал кот, разглядывая свои ужасающие когти-ножи.

Тут ас благоразумно затянул Пояс Силы и сразу почувствовал себя увереннее.

— Ящер-Змий Морской, как известно, необычайно длинный, и когда голова его у берегов края Иньского — а она сейчас там, уж я-то знаю, — то хвост как раз в море Воряжском, значит, и клевать он не мог, — снова заговорил ученый кот.

— Мне известно это и без тебя, — начал Тор, но от внезапного пронзительного и раскатистого «Мяу! Мяу!» его так и передернуло. Котята проснулись и требовали кушать.

— Спите, мои маленькие! Спите, родимые! — зашел, замурлыкал Баюн. — Вот ведь угораздило! Познакомился весной с одной кошкой и нагулял ей этих сосунков. А она, стерва, мне их подкинула и удрала. Теперь маюсь... Вчера Гагана покушалась... Во, видал? — Кот с мрачным видом показал Тору длинное блестящее медное перо. — Трофей!

Неожиданно кот фыркнул и выдал вопрос, который, как видно, занимал его с самого начала разговора:

— Слушай-ка, Аса-Тор, а не устроишь ли ты судьбу моих малюток?

Громовержец покосился на пишущее потомство и ответил:

— Может, и устрою.

Тор вспомнил, как рано утром гордячка Фрейя накричала на него. «Будет ей подарочек!» — злорадно ухмыльнулся он, совершенно справедливо полагая, что богине придется провести не одну бессонную ночь. Видно, путешествия в компании ехидного Локи даже Тора кое-чему научили.

Уже спокойный за судьбу котят, Баюн окрасил мех в иссиня-черный цвет и моментально оброс гривой пушистых и густых волос.

— Только, прошу, без глупостей. Это не уличные коты, а мои дети. И пусть ты Сварожич*, пусть ты Одинсон, но если с ними случится нехорошее...

— Ах, мохнатый невежа! Да как ты смеешь! Даже инистые великаны дрожат при одном моем имени... — Ас уже прировнился было схватить мерзавца за шкуру, да не тут-то было.

Ударился кот о землю, обернулся птицей Гамаюн, птицей вещей, сладкоголосой, и исчез в синем небе.

Тор пнул с досады, но делать было нечего. Он подхватил двух ревущих котят и зашагал к берегу, где Скрипящий и Скрежещущий в нетерпении били копытами.

Викинги почитали Фрейю, богиню любви и плодородия. Бонды молили ее о дожде для полей и счастливом разрешении от бремени для своих жен, и до сих пор в Скандинавии выносят на вспаханные поля кувшины с молоком. Ведь согласно легенде, Фрейя летит по небу на колеснице, запряженной двумя гигантскими синими кошками. Вероятно, маленькая месть Тора не состоялась.

Крестьяне верят, что, если умаслить любимцев богини, она защитит урожай от ливней и гроз.

Гаврилов Дмитрий
г. Москва

* Сварожич — в Ведах древних русов скандинавский Тор соответствует Перуну, сыну верховного бога Сварога.

Лин Картер

СОЗДАТЕЛИ МИРОВ

Часть 1

«Пу Ба: Это всего-навсего подкрепляющая подробность, придуманная для придания художественной правдоподобности в остальном бесцветной и неубедительной повести».

Сэр Уильям С. Джильберт. «Микадо»

Если немного подумать, то нетрудно догадаться, что авторы фэнтези сталкиваются с разнообразными техническими трудностями, о каких редко приходится беспокоиться писателям, работающим в большинстве иных жанров. Самая большая и самая серьезная из этих трудностей — это создание на бумаге воображаемого мира. Проблема эта сложна и связана со многими факторами.

В первую очередь такая проблема возникает в фэнтези, хотя и в научной фантастике могут появиться — и часто появляются — схожие затруднения. Но автор современного шпионского или приключенческого романа хоть и должен беспокоиться о собственных технических проблемах, однако в этом отношении ему легче, чем авторам фэнтези.

То есть если Ян Флеминг желает переправить своего героя отсюда туда, то может заставить его снять трубку, вызвать такси, поехать в аэропорт и улететь в Лиссабон на борту реактивного лайнера. Фактически, если он действительно захочет, то может добиться такого перемещения героя, употребив столько же слов, сколько ушло на это описание у меня. Он может это сделать, потому что и он, и его читатель живут в одном мире. Флемингу незначит

давать определения любым вышеназванным понятиям, так как его читатель уже знаком с ними. Если его книга не попадает по воле случая в руки австралийского аборигена или ведущего изолированную жизнь эскимоса, то автор шпионских романов, естественно, подразумевает, что его читатель пользовался телефоном, ездил в такси и если даже не летал на реактивном лайнере, то хотя бы знаком с ним по телепередачам. Пусть сам читатель не бывал в Лиссабоне, можно рассчитывать, что любой грамотный человек довольно неплохо представляет себе, где находится этот город и каков он.

А теперь предположим, что писатель — не Ян Флеминг, а Лорд Дансени, и пишет он не шпионский триллер, а фэнтези для взрослых, такую как «Крепость, неприступная для всех, кроме Сакнота». В этой повести юный герой Леофрик убивает дракона Тарагавверуга с целью приобрести заговоренный меч Сакнот для уничтожения злого волшебника Газнака. Из всего этого совершенно очевидно, что автор фэнтези должен разрешать проблему, совершенно не волнующую автора триллеров: ему нужно создать свой мир. Он вынужден делать это, так как не в состоянии рассчитывать на то, что читатель с легкостью узнает, о чем он говорит. Ведь если его читатель не крайне бывалый человек¹, побывавший там, где нас нет, то он вряд ли когда-нибудь видел дракона даже в самом экзотическом зоопарке и равно никогда не встречался со злым волшебником. Да и заговоренные мечи вроде Сакнота не выставлены на всеобщее обозрение даже в самых просвещенных музеях этого мира.

Все это — дракона, волшебника — нужно подать так, чтобы читатель хотя бы на миг поверил в их реальность. Это куда сложнее и труднее, чем кажется на первый взгляд. В первую очередь писа-

тель просит своего читателя принять всерьез много явных нелепостей — поверить в драконов, к примеру. Во-вторых, он просит читателя переживать за своего героя, действительно волноваться, убьет ли Леофрик чудовище или погибнет сам.

Ну, вторую из этих проблем должны разрешать все беллетристы любого жанра — в меру своих способностей. Не стоит говорить, будто читатель знает, что Леофрик — вымышленный молодой человек и существует лишь на бумаге. Читатель знает то же самое и о Сомсе Форсайте, и об Айвенго, да и про Джеймса Бонда. Заставить читателя сопереживать удачам и неудачам своих персонажей — главная задача всех беллетристов. Нас же здесь заботит первая часть проблемы, как-то — убедить читателя поверить в драконов хотя бы на протяжении чтения повести. И каждый автор должен обратиться к своему читателю фэнтези в духе знаменитой фразы Кольриджа, прося временно забыть о недоверии². Фраза эта здесь вполне уместна, хотя, чеканя ее, Кольридж говорил о стихах (конкретно о сверхъестественном элементе в своих поэмах) и о том, как можно заставить читателя поверить в то, о чем он пишет.

Есть в этой проблеме и фаза покрупнее, а именно: мир, в котором разворачивается действие повести, — проблема самой вымышленной Среды. Короче говоря, писатель должен не только убедить читателя временно быть готовым поверить в драконов, заговоренные мечи и злых волшебников, он должен убедительно нарисовать ту картину мира, страны или века, куда естественно вписывается все вышеперечисленное. Почему «мира»? Потому что обстановка бывает — или должна быть — больше отдельной сцены. Леофрик может убивать дракона в мрачном лесу — вроде, скажем, лесов Баварии. Но будет

очень затруднительно вписать такую сцену в современную Баварию, поскольку та, при всех ее мрачных лесистых горах, всего лишь штрих в большом контексте этой планеты в этом же веке. Не очень-то далеко от этих лесов есть шоссе с двенадцатирядным движением, телевизоры и кондиционеры. Драконы и двенадцатиполосное шоссе — вещи взаимоисключающие друг друга. Трудно поверить, что они могут сосуществовать рядом. Но древняя Бавария... Вот это другое дело. Прирейнские леса мифической эпохи Зигфрида, Балмунга и Фадонира — это куда более убедительный контекст. Но лучше всего подойдет тот мир, который на самом деле использовал Лорд Дансени.

А использовал он воображаемый мир, выдуманный им самим.

Но зачем нужен выдуманный мир, если вполне доступна среда скандинавских саг и немецкой «Песни о Нибелунгах»? Причина попросту в том, что эта Среда больше всего подходит для пересказа эпоса о Зигфриде и куда менее — для событий новой и оригинальной повести. Писатели используют тот или иной мир легенд и эпоса обычно лишь для переложения оригинала. Например, Дэвид Чейни воссоздал микенский мир Тесея и Минотавра в своем романе «Сыны Миноса» (1930); Евангелина Уолтон воскресила мир уэльсской мифологии для своего романа «Девственница и свинья» (1936); Роберт Грейвс воссоздал мир Геракла из древнегреческой мифологии для романа «Геракл, мой приятель» (1945); Рут Кольер Шарп — страну Лионессу из артуровских легенд для романа «Тристрам Лионесский» (1949); Мартин Боровский — Камелот Ланселота и Гвиневры для пересказа их историй в ро-

мане «Рыцарь королевы» (1955); Эрнст Шнабель — мир Дедала и Икара для своей версии их истории в романе «История Икара» (1958); Розмэри Сатклифф — мир Кухулинна из ирландских мифов для пересказа их истории в романе «Гончий пес Ольстера» (1963); Фрэнк С. Слотер — мир царицы Дидоны из «Энеиды» для пересказа ее истории в романе «Пурпурный поиск» (1965); Мэри Стюарт — века Мерлина и Утера Пендрагона для своей трилогии «Жизнь Мерлина»; Пол Андерсон воссоздал героический век датских легенд для «Саги о Хрольве Тростинке» (1972) — и так далее.

Займствование для обстановки нового и оригинального произведения из уже утвердившегося мира мифов или героических легенд вовлекает автора в исторические и литературные изыскания, способные резко его ограничить и повлиять на его замысел, так как его повести нельзя будет нарушать ни одно из строгих правил картины мира, нарисованной в использованном автором оригинале. А раз так, то писатель от Уильяма Морриса до Джой Чант в общем предпочитали выдумать свой собственный мир, проектируя его конфигурацию так, как подходило для их собственных конкретных надобностей и целей. На самом-то деле так делать куда легче, и при этом избегаешь исторических и географических ошибок, а также досадных анахронизмов — главного бича исторического романиста.

Авторы фэнтези располагают громадной свободой выбора обстановки и места действия, несравненно большей, чем у поставщиков сочинений любых иных видов. В общем, эти места действия можно разделить на четыре разных типа. Первый — действие происходит в нашем мире, но в отдаленном прошлом до начала истории. Такие примеры можно видеть в «Ультима Туле» Авраама

Дэвидсона, в «Атлантиде» Джейн Гаскелл, в «Хайборийском мире» Роберта Говарда, в «Средиземье» Толкина, также в моих собственных шести романах о приключениях Тонгора Могучего, происходящих на погибшем континенте Лемурия³.

Потом есть произведения, где события разворачиваются на нашей родной планете, но в немыслимо отдаленном будущем, — таковы рассказы Кларка Эштона Смита о будущем континенте Зотик, или роман Уильяма Хоука Ходжесона «Ночная земля», или «Книга Пта» А. Э. Ван Вогта, или чудесные рассказы Джека Вэнса об «Умирающей земле», или мой роман «Великан конца света», где дело происходит на сверхконтиненте Гондвана.

Другие писатели предпочитают рассказывать о приключениях в мире, по существу малоотличном от нашего и очень близком к нему в пространственно-временном отношении, но отделенном от него каким-то иным измерением. В эту группу попадают романы Эндрю Нортон о «Колдовском мире», повести Джона Джейкса о варваре Брэке, сага Фрица Лейбера о Фафхрде и Сером Мышелове, живущем в мире под названием «Невон», и «Башня гоблинов» Спрэга де Кампа, а также ее продолжения, и мои рассказы о Симране — мире грез.

Последняя категория включает те произведения фэнтези, где действие определено происходит на другой планете. Здесь заслуживают упоминания Барсум — Эдгара Райса Берроуза, Ксиккарф — Кларка Эштона Смита, Меркурий — Эддисона и Торманг — Линдсея. Я мог бы также включить в этот список и свою вымышленную планету Зарканду, где разворачивается действие моего романа героической фэнтези «Затерянный во времени мир».

Однако эти четыре группы не охватывают всех доступных автору фэнтези мест действия. Сущест-

вуют интересные аномалии, произведения, не вписывающиеся полностью ни в одну из перечисленных мной категорий. Например, действие романа Остина Теппана Райта «Островитяния» происходит в нашем мире и в наше время, но на вымышленном континенте; действие романа Джона Майерса происходит «где-то на Земле в наше время»; приключения Даниэли — «на краю света» (что бы это ни значило!), а Кларк Эштон Смит в некоторых рассказах вроде «Мерзости Йондо», «Явления Смерти» сообщает о месте действия весьма туманно. И, конечно же, жанр «затерянной расы» не попадает ни под одну из этих четырех категорий. Не говоря уж о сочинениях Кейбела, часто забредающих в Рай, Ад, Асгард и еще куда-то.

Теперь понятно, что я имею в виду под «своеобразной обстановкой места действия»?

Теперь же рассмотрим другой вопрос: из чего, собственно, состоит выдуманный мир?

В первую очередь, он имеет систему вымышленной географии. И здесь начинающего автора фэнтези подстерегает первая крупная опасность.

Даже выдумывая свой собственный мир, вы на самом деле не вольны давать своему воображению воспарять куда заблагорассудится. Несмотря на предыдущее замечание об авторской свободе обстановки и места действия, эту свободу необходимо держать в разумной узде, так как вы не вольны рисовать мир просто так, как вздумается. География — не просто дело случая: природные особенности местности находятся там, где они есть по вполне определенным причинам. Будущему автору воображаемых миров не мешает немного подумать, перед тем как чертить свою карту.

Нельзя, знаете ли, в самом-то деле намалевать пышный влажный тропический лес посреди обжигающих песков знойной пустыни, полезно познакомиться с климатологией для понимания взаимодействия сил, создающих пустыни и тропические леса, джунгли и степи и так далее. И нельзя втыкать куда попало на карте горы; у гор есть веские причины быть там, где они есть, и автору фэнтези следовало бы кое-что об этом знать. Прочитированные в эпиграфе бессмертные слова Пу-Ба о художественном правдоподобию связаны именно с этим, так же как и фраза Кольриджа о готовности забыть про недоверие. Автор фэнтези должен делать все возможное, дабы убедить своего читателя, что выдуманный им мир реален. Беглое понимание климатических причин происхождения пустынь и геологических причин происхождения гор делает выдуманный мир убедительнее. Такой мир легче представить, легче принять за реальный. Автору фэнтези следует отнестись к конструированию своего мира всерьез, чтобы заставить читателя принять его сочинение и его мир, чтобы его мир стоил затраченного времени и усилий.

Большинство авторов фэнтези согласятся, что, составляя план произведения, неплохо и нарисовать карту вымышленного мира, даже если она и не будет опубликована в приложениях к роману. Такой поступок диктуется просто здравым смыслом, хорошей рабочей привычкой профессионала; иначе можно в девятой главе отправить героев в путь на юг к городу Кзи Траксио, когда во второй главе четко указано, что город находится на севере. Писатели забывчивы и рассеянны, как и простые смертные, и предосторожность, вроде потери пары минут на набросок карты, поможет предотвратить такие вот ошибки и несоответствия (на которые обязательно с радостью накинута критика-читатели, которые замечают все

и вся; а потом они сядут писать язвительные письма бедному автору). Вдобавок можно обойти все порекомендованные мной географические изыскания, купив хороший атлас и попросту взяв за руководство какой-нибудь уголок Европы или неизвестной американским читателям страны — России. В этом случае леса у вас будут редеть, переходя в степи, или густеть, переходя в непроходимые болота, или подниматься в предгорья и горы, засыхать в пустынных краях в полном соответствии с действительностью. К тому же это сэкономит уйму времени.

Изобретая свою географию, автор фэнтези должен помнить несколько важных деталей. Одна из них заключается в том, что точно так же, как есть причины для гор находиться там, где они есть, так и города выросли не просто так. Большинство крупных городов мира появились в том или ином месте из-за торговли. И большинство важных городов древности основывались в местностях, имевших легкий доступ к морю, и морская торговля была главным фактором их процветания или упадка. Конечно, некоторые города находятся не на самом побережье, но они часто строятся на реках, ведущих к морю, — Рим на Тибре, Лондон на Темзе, Париж на Сене, Фивы на Ниле и так далее. Многие другие города хоть и построены у рек, находятся дальше в глубь материка; но города, построенные поблизости от устьев крупных речных систем, могут контролировать большие области, взимая пошлины с торговли, и часто они становятся великими в том числе и по этой причине. Не случайно самые великие из самых древних городов мира стали великими благодаря своему местонахождению. Например, Халдейский Ур был построен в самом начале Персидского залива, в устье речной системы Тигра и Евфрата. На Тигре и Евфрате построили и много других городов,

но выше по течению. Однако богатым и могучим стал именно Ур, в то время как немногие из городов выше по течению остались в нашей памяти лишь в виде названий. Еще один пример того же: знаменитый морской порт Басра. Он упоминается в «Тысяче и одной ночи» почти так же часто, как Багдад. А те из городов в глубине материка, которые не построены на реках, — такие как, к примеру, Самарканд, — вероятно, стали сильными и процветающими, потому что их построили на перекрестках главных сухопутных торговых путей.

Следовательно, автор фэнтези должен остерегаться разбрасывать города по всей карте, повинуюсь одной лишь прихоти. Даже при создании волшебного мира должна присутствовать толика разума.

Кроме создания мира, состоящего из океанов, островов, рек, долин, гор, лесов, пустынь, озер, городов и тому подобного, автор фэнтези выходит за пределы географического вымысла в сферу политики, так как большинство миров фэнтези разделено на страны. Не мешает немного знать об исторических силах, определяющих рост отдельных стран, — например, знать, как повлиял упадок и развал мировой империи Древнего Рима на подъем разных стран Европы, так как многие из старых политических разделений Европы были первоначально провинциями Римской империи. В Европе (между крахом Древнего Рима и подъемом Франции, Англии, Германии и Испании) получилось так, что полукцивилизованные племена и кланы, не долго находившиеся под пятой Рима, стали вдруг сами себе хозяевами, когда легионы один за другим отошли назад, в Италию. Действительное число римлян в любой провинции Галлии до краха империи было, в общем-то,

удивительно невелико; немногочисленные администраторы управляли делами, надзирая за большим числом туземных клерков и мелких чиновников. Вероятно, казалось вполне естественным, что эти административные системы продолжали действовать и после вывода легионов, а так как римская система управления провинциями работала лучше голой дикости или варварства, то ранние франко-готские государства постарались по мере сил сохранить ее. А поскольку франко-готским чиновникам и бюрократам приходилось учить латынь, то складывающиеся страны, названные нами теперь Францией, Германией, Испанией, Англией и так далее, употребляли этот язык. Сегодня французский, испанский и итальянский называются «романскими языками», так как находятся в родстве друг с другом и все произошли из видоизменившейся латыни.

При создании мира фэнтези автору следует знать о нем больше, чем говорится в произведении. А конкретно — ему следует кое-что знать о древней истории разных своих королевств и империй. Страны обретают ощущение собственной неповторимости не без причины. Некоторые страны выросли из племенных и клановых организаций, другие возникли в результате успешного вторжения извне (как нынешняя Англия — результат воздействия культуры нормандской аристократии, навязанной англосаксонскому крестьянству именно благодаря такому вторжению). Я не говорю, что в роман следует вписывать подробную сводку минувших исторических событий, но автору неврдно иметь некоторое, пусть даже смутное представление о том, как вообще возникли выдуманные им королевства и империи. Это делает выдуманный мир более связным, логичным, самосогласующимся и достоверным.

Автору фэнтези также неплохо знать кое-что о том, как организовывались и управлялись реально исторические страны. Не всюду государственная структура была столь проста, как можно подумать, с королем наверху, кучкой могущественных герцогов и баронов посредине и фермерами, ремесленниками и крестьянами внизу. Это чересчур упрощенный взгляд на вещи. Вспомните историю Жанны д'Арк: дофин, к которому явилась Жанна, был истинным и законным прирожденным королем Франции, но он был беден и совершенно бессилён по сравнению с некоторыми своими герцогами вроде Бургундского. В Англии сильная центральная монархия утвердилась довольно сильно, но большую часть французской истории монарх был не многим больше, чем номинальный глава государства. Какой-нибудь король Франции всегда сидел на троне, по крайней мере номинально, но страна пребывала в расколоте состоянии, поделенная между крупнейшими землевладельцами, герцогами, и некоторые из них были куда богаче и могущественнее любого короля со времен Карла Великого. Потребовался довольно продолжительный отрезок времени, прежде чем монархическая власть стала твердо централизованной.

Не мешает хоть малость знать о действительной организации таких королевств — о том, как именно они управлялись. Не мешает также знать, например, разницу между королевством и империей, так как империя на самом-то деле нечто совершенно иное, чем королевство. Империя — это коалиция независимых государств или племен, сведенных тем или иным способом под власть единого центрального правления. Великобритания стала Британской империей, только приобретя сюзеренитет над множествами государств и княжеств Индии. Германия

стала Германской империей, только когда свела под власть единого сюзерена все составлявшие Германию многочисленные мелкие Граустарки, Великие Февники и Руритании, а удалось это, кстати, Отто фон Бисмарку, убедившему или принудившему членов свободной федерации германских княжеств признать своим императором Вильгельма II, бывшего тогда королем Пруссии. Если в обстановке вашего романа фэнтези есть империя, то можно смело ручаться, что где-то в прошлом был и свой Бисмарк.

Но и, употребляя очаровательное выражение Дансени, «области нам известные» управлялись самими разнообразными правительствами, от теократий вроде Тибета, доколумбовых Перу и Мексики или Древнего Египта, где монарха признавали тем или иным божеством, до республик вроде Северных Соединенных Штатов. Особый интерес для автора фэнтези могут представлять некоторые из более уникальных форм правления: Ганзейский союз городов, Венеция дожей, особенная «империя» майя. В этом отношении я рекомендовал бы внимательно прочесть роман Спрэга де Кампа «Башня гоблинов» (1968). В этой книге и ее продолжении «Часы Ираза» де Камп препровождает читателя по страницам самого настоящего путеводителя по государственным системам, таким как Двенадцать Городов, где в каждом государстве своя, зачастую очень оригинальная форма правления. Например, в Виндией, чопорной, упорядоченной и довольно пуританской республике, правит сенат; а на Цолоне, расположенном на острове и ставшем, соответственно, морской державой, правит верховный адмирал. В Оттомане управление разделено: старший законный сын покойного великого князя становится великим князем вместо отца и возглавляет гражданскую администрацию, а старший незаконный сын становится верховным главно-

командующим. В этом очаровательном, причудливом романе исследуются или, по крайней мере, затрагиваются и другие формы правления. Нас знакомят, среди прочего, с тираном Боуктиса, священниками Ира, наследным узурпатором Говании и теократом Тарксии.

Артор явно собирался пройти по всем системам правления, и эта книга, безусловно, самая сильная попытка в этой области. Некоторые системы крайне забавны, например, в Метуру, где правит тайное общество под контролем облаченного в маски совета. Как-то в беседе де Камп рассказал мне, что идея эта основана на тайном совете правителей Венеции во времена Высокого Возрождения, а дож является всего лишь выборным президентом этого совета.

В мире «Башни гоблинов» есть несколько так называемых королевств, и каждое на свой лад решило старую проблему законного наследования. Например, в королевстве Ксилар власть передается не по наследству: в конце пятилетнего срока правления ксиларцы ритуально обезглавливают каждого монарха и швыряют голову бывшего правителя в толпу, словно свадебный букет. Всякий, достаточно везучий (или невезучий), поймавший этот малопривлекательный приз, становится следующим королем Ксилара и волен пользоваться некоторыми удовольствиями и привилегиями королевской власти, пока не придет и его очередь лечь под топор палача. И все же заслуживает внимания еще один элемент в составе вымышленных цивилизаций, а именно то обстоятельство, что в таких мирах или царствах будет и своя литература. Ее следует показать, затронуть хотя бы вкратце и сделать частью фоновой информации. С этим компонентом ремесла мастерски обращался тот же Спрэг де Камп. В нескольких романах и рассказах о Криенне, вымышленной пла-

нете, вращающейся вокруг Тау Кита, он вводит в повествование выдуманную литературу — замечательно, умно и незаметно. Иногда его персонажи ссылаются в разговоре на сцены или ситуации из кришниианской эпической литературы, как это делают начитанные люди, например в «Руке Зеи»: «Что беспокоит моего капитана? Ты выглядишь таким же кислым, как Карар, когда его обманул король Ишка», — а чуть дальше замечает: «Одно дело бахвалиться с пафосом, как героиня «Заговорщиков» Хариана, другое — быть готовым отбросить ради любви удобства и привилегии своего высокого положения». А иной раз он вводит схожие данные в саму сцену, как в «Башне Занида», когда Мжиша отклоняет приглашение прогуляться по кабакам, говоря:

«— Что касается меня, то эти драки вызывают у меня только головную боль. Я предпочитаю оставаться дома и читать «Аббека и Данси».

— На языке оригинала, Гозаштандоу? Все двести шестьдесят четыре песни?

— Конечно, — подтвердил Мжиша.

— Боже, что за страшная участь быть интеллектуалом».

Чуть дальше в той же книге Фоллон замечает: «Сегодня вечером в Сахи премьера восстановленных «Заговорщиков» Хариана. Я заплачу за места». Таким образом он бросает фоновый фольклор в поток действия. Заметьте также, как хитро поддерживает де Камп эту систему фонового фольклора заботливыми перекрестными ссылками: ведь эта же самая пьеса упоминалась в цитированном выше другом романе «Рука Зеи».

Толкин очень эффективно использует этот прием. Однако во «Властелине колец» отрывки местной литературы часто присутствуют прямо в диалогах, как,

например, в первом томе «Братство кольца» в сцене в третьей главе, где Фродо и его спутники, проезжая через лес, встречают отряд эльфов. Те поют древнюю эльфийскую песню, и Фродо сперва слышит лишь их голоса:

«Гилтониэль! О Элберет!
Очей твоих бессмертный свет!
Тебе поет лесной народ
В иной земле, за далью вод».

Во «Властелине колец» много таких песен и даже баллад, так же как ссылок на древние книги, эпос, повести и легенды, — и все это вплетено в ткань самой трилогии. Такие небрежные ссылки на литературу вымышленного мира добавляют произведению совершенно новое измерение реальности, и большинство крупных писателей в жанре фэнтези поняли это (хотя Берроуз и Меррит несколько несовершенны в этом аспекте создания миров).

Роберт Говард, например, часто использовал цитаты из вымышленной литературы Хайборийской эры для эпиграфов в «Фениксе на мече», где эпиграфы взяты из обрывков вымышленной летописи («Немедийские хроники»), балладной литературы («Дорога королей») и так далее. Говард также понял декамповскую идею усиления иллюзии истинным историческим контекстом, применяя перекрестные ссылки между рассказами и повестями. Та же баллада «Дорога королей» употребляется в эпиграфе к другой повести о Конане — «Алая цитадель», так же как некоторые аквилонские пословицы и походная песня боссонских лучников.

Я этому трюку научился у Говарда и использовал в качестве эпиграфов к главам своих книг о Лемурии различные исторические документы, такие как «Ле-

мурийские Летописи» и «Анналы Царгола», магические и оккультные сочинения вроде «Алой Эдды», гримуара Шараши, эпоса вроде «Саги о Тонгоре», отрывки из лемурийской литературы вроде «Песни Диомбара о последней битве» и множества народных хоровых песен, пословицы и поговорки, боевые и походные песни вроде «Барабанной песни племен Коданги», «Боевой песни Черных Драконов» и «Караванной песни кочевников Джегги».

Я не очень далеко зашел в своей работе над Лемурийскими книгами, когда сообразил, что мне лучше, во избежание ошибок, написать кое-что из их литературы заранее. Например, в моих записных книжках содержится весь текст «Летописей Лемурии», а в одном из романов «Тонгор в городе магов» (1968) я счел, что будет забавно пустить в виде эпиграфа полный текст «Саги о Тонгоре». Таким образом, в той книге есть полный текст песни (все сто двадцать четыре строки), которая в остальных книгах цитируется по частям. Однако ни «Алая Эдда», ни «Свидетельства Эа», ни любая из песен не существует в моих записных книжках в полном виде, хотя «Песня Диомбара» законченная баллада опубликована в фэнзине «Амра» и будет перепечатана в издательстве «Аркхэм хауз» в выходящей книге моих стихов «Грезы из Рьлиеха».

Некоторые сочинения в жанре воображаемых миров довольствуются ограниченной сферой действия (события развиваются в пределах одного государства), но большинство писателей расширяют масштаб своих сюжетов, охватывая континент или даже полушарие. Например, говардовские повести о Конане переносят читателя из протоскандинавской Киммерии, Асгарда, Хайбореи и тому

подобное в Протокитай на далеком востоке, называемый Кхитаем, на юг к первобытным королевствам того, что мы назовем Африкой, и так далее, включая визит-другой в Вендию (говардовское название Индии).

Конструируя воображаемую среду для романа фэнтези, в общем-то неплохо намекнуть на присутствие — по крайней мере закулисное присутствие — целого разнообразного мира. Романы Морриса включают в себя приключения на целом континенте до самого Конца Света и тому подобное, ни одно из проезжаемых героями королевств не является для них особенно странным или чуждым. Он писал, конечно же, в традициях романов о поисках святого Грааля, Мэлори, «Персиваля» Вольфрама фон Эшенбаха и в определенной степени всемирной панаорамы у Арлосто, Спенсера и «Амадиса». В таких средневековых сочинениях мир изображался продолжением знакомой читателю культуры, без всяких попыток заставить чужие страны казаться действительно чужими. Все жители мира «Амадиса Гальского» или «Персиваля» говорят на одном языке; у Баяра и Аристо принцессу далекого Китая зовут Анжеликой. Моррис писал в этой же традиции: его мир или миры — это продолжения гобелена средневековой Европы.

Однако современные создатели миров придерживаются более реалистичных взглядов. В «Колодце Единорога» Прэтта действие происходит в Дейларне, стране, очень похожей на средневековую Скандинавию, находящуюся под тиранией валькинггов — тесно сплоченной воинской касты вроде средневековых тамплиеров или мальтийских рыцарей. Однако хотя сюжет разворачивается в Дейларне, Прэтт заставляет читателей понять, что Дейларна — всего лишь малая часть огромного мира. На юго-западе,

говорит он, находится царство, называемое просто «Империя», которое очень похоже на Римскую империю; на юге расположен Додекаполис — конфедерация свободных городов, по сути своей неотличимая от классической Греции; а на западе обитают «белобрысые язычники Дзика». Схожим образом у де Кампа в «Башне гоблинов» сюжет вращается вокруг государств, прилегающих к Новарии, которые, как и сама Новария, походят на средневековую Европу. Но на севере обитают кочевники (белокурые нордические племена с кочевой культурой монгольского типа), в то время как на юге находятся страны Федирана (более-менее арабы) и громадная, но статичная империя (более-менее Индия). Хотя круг действия этих романов по необходимости ограничивается, мы имеем дело с целым миром.

В литературе такого рода есть несколько способов намекнуть на необъятность окружающего мира. Один — использовать сюжет экскурсионной поездки, то есть связать вместе центральную тему романа с путешествием по окружающему миру. Так поступал Толкин, а также и Эддисон. Конечно, они действовали так на протяжении всего романа, но такой сюжет можно ввести и в рассказах.

Для примера того, как это сделать, можно посмотреть рассказ Дансени «Праздничные дни на Янне». В этом рассказе очень много статистики, хотя рассказ короткий.

Но даже если в вашем сочинении речь идет о внутренних проблемах единственного государства, все же надо намекнуть на присутствие, так сказать, за кулисами различных городов и королевств.

Позвольте мне проиллюстрировать это, сославшись на некоторые из своих произведений. Второй том моей атлантической трилогии (пока, правда, даже первый том ее «Черная звезда» не опубликован)

будет называться «Белый трон». Действие в нем происходит, конечно же, в Атлантиде, и повествование начинается на большом базаре Адалона — белого города. На протяжении первых трех страниц рукописи юный герой — Крисарион из Ита — шагает по базару, спрашивая, как пройти к дому мага Херпесса Зостера. Спрашивает он у торговца драгоценными камнями по имени Борочан, и тот пытается заинтересовать молодого человека «изумрудами с гор Даквалотом», «рубинами из древнего Питонтула» и черным опалом, «привезенным с большим трудом и огромными расходами с далекого севера за легендарным Итом, где горы Мар наступают на черные берега Хом Мур Паз, Гиперборейского моря». Такие камни, хитро замечает он, глядя на довольно тощий кошелек юноши, хоть и редки, не менее дороги, чем можно подумать, даже в нынешние беспокойные времена, «когда Керейский король-брат Малидорн закрыл горные перевалы для всех караванов». Крисарион ничего не покупает, узнает, как пройти к дому мага, и уходит, оставляя старого купца переполненным подозрениями. Борочан подзывает одного шатающегося неподалеку лоботряса «в линялой стрифаксийской юбке-кильте» и поручает ему:

«— Пойди и скажи хозяину, что какой-то воин, одетый в алое наемника из Вольных Мечей, разыскивает Херпеса Зостера, старого чародея из Ульфара. На мундире его герб Дома Истизиса. Хоть он и наемник, черты его и осанка обличают высокое... даже знатное... происхождение. Судя по оттенку его кожи, он туранец, и все же волосы у него причесаны по моде Северных Королевств, а говорит он с акцентом уроженца Иллурдиса. Это может оказаться важным, так что не мешкай!»

Я цитирую этот абзац не как образец бессмертной прозы, а для того, чтобы показать, как можно легко

и незаметно ввести немалую толику фоновой географии даже в сцену разговора. Заметьте, что из одной лишь этой страницы читатель узнает о городах и королевствах Адалон, Ит, Даквалот, Питонтул, о горах Мар, Хом Мур Паз — Гиперборейском море, Керне, Ульфаре, Туране, Северных королевствах, Стрифаксе и Иллурдисе. Я намекнул на исписанную забытую карту, где полно всяких стран, на целый мир за пределами страницы.

Заметьте, как разнообразны введенные мной имена и названия, варьирующиеся от односложных «Мир» до многосложного «Крисарион». И заметьте, как эти вымышленные имена и названия довольно ровно распределяются по алфавиту:

Адалон, Атлантида
Борочан
Гиперборея
Даквалот
Иллурдис, Истизис, Ит
Крисарион, Керне
Малидор, Мар
Питонтул
Стрифакс
Туран
Ульфар
Херлес Зостер, Хом Мур Паз

Но выбор названий для своего вымышленного мира — это отдельная тема для отдельной статьи.

Примечания автора

¹ Однако в случае с «Крепостью, неприступной для всех, кроме Сакнота» Дансени облегчил себе задачу, приняв знакомый читателю стиль и тему, позаимствовав их из сказок и легенд о драконоборцах. Лучшим примером того, как решать эту проблему, не полагаясь на сказочный привкус, будет, наверное, рассказ «Праздные дни на Янне». Так как этот рассказ ничем не походит на традиционную сказку, Дансени приходится справляться с этой проблемой путем ловкого применения нескольких техник создания миров.

² На самом деле Кольридж писал так: «Все согласны, что мне следует направить свои усилия на создание персонажей и характеров сверхъестественных или, по крайней мере, романтических. И все же, как использовать нашу внутреннюю природу и человеческий интерес, чтобы добиться от читателя желания забыть на миг о недоверии к теням воображения, которые и составляют веру в необыкновенное?»

³ Не вызывает особого удивления то, что из всех различных легенд и доисторических цивилизаций авторы фэнтези чаще всего выбирают местом действия Атлантиду. Среди более-менее современных писателей, делавших это, числится Смит, Говард, де Камп, Гаскелл, Андерсон, Нортон и я сам, но раздел «Атлантида в литературе» и сам по себе представляет огромную библиотеку. Очень часто Атлантиду избирают для своей псевдобеллетристики оккультисты, как, например, Дафна Вигерс в «Подымающейся Атлантиде», или Клара фон Равен в «Жителях Атлантиды Селестора», или в романе «Живущие на двух планетах», написанном Фредериком Оливером Спесором (под глубоким псевдонимом «Филос Тибетец»

(в английском издании он стал «Фаллосом Тибетцем»). Литературные притязания таких книг часто нелепы, равно как и притязания их авторов на секретные источники тайных сведений о Пропавшем континенте, ревностно охраняемых от глаз всех прочих невежд и неверных. Мисс фон Равен, например, уверяет, что ее книгу продиктовал дух египтянина с примечательно неегипетским именем «Селестор», в то время как мисс Вигерс переплюнула ее, заявив, что сама посещала Атлантиду посредством астрального путешествия. Что касается господина Оливера, то его источником данных об Атлантиде оказался китайский мудрец по имени Квонг, живущий в пещере горы Шаста в... Калифорнии. Однако, как бы ни были глупы и невежественны такие книги, сочинители оккультных романов способны иногда на блестящий вымысел. Оливер, например, написал вполне читабельную книгу, и хотя книга эта редкая и найти ее трудно, поискать, безусловно, стоит. Меня особенно поразил его дар лепить имена и названия, такие как у его главного героя-атланта — «Заилм Нуминос», одного из городов Атлантиды — «Кайфул» (в переводе с английского — «полный кайф». — *Пер.*).

Такие преобладания Атлантиды в качестве любимого места действия в немалом количестве литературы фэнтези, конечно же, нетрудно понять: легенда о Пропавшем континенте — один из вымыслов человеческого воображения и постоянно вызывает интерес. Однако я мог бы пожелать следующему поколению авторов фэнтези немножко больше разнообразия и оригинальности в выборе места действия. Как насчет доисторического континента Гондваны в Индийском океане или Шембаллы, вымышленной сверхцивилизации в пустыне Гоби (тут Лин Картер ошибается, по тибетским источникам, Шембалла — это Сирия эпохи первых Селевкидов. — *Пер.*), и

почти совершенно незатронутой (и целиком вымышленной) доколумбовой североамериканской цивилизации под названием Сагеной или Норумбега? (Краткую сводку всех доступных данных по этим землям ищите в великолепной, недавно выпущенной книге Сэмюэля Эллиота Моррисона «Открытие Америки Европой: северные плаванья» (1971).

Я прочел большинство известных романов об Атлантиде, и самый лучший из них по-прежнему «Пропавший континент» К. Дж. Сатклиффа Хайна. Что же касается применения нового места действия, то хоть я и далек от расхваливания доверчивому читателю собственных сочинений, но действие моей новой серии рассказов происходит на Семи Легендарных Островах Антилли. Первый рассказ «Двенадцать чародеев Онга» должен в скором времени выйти в одной из составленных мною анталогий фэнтези. Вот это именно та Атлантида, которую я предложил бы попробовать своим читателям.

Лин Картер

«КОНАН-КЛУБ»

посвящает свой новый издательский проект
памяти Великого Мастера.

К 90-летию со дня рождения Роберта Говарда.

Юбилейный выпуск двенадцати томов
«Саги о Великом Воителе».

Вот полный список серии, которая выйдет в 1996 году:

1. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Солдат удачи».
2. Л. Спрэг де Камп, Л. Картер.
«Конан. Небесная Секира».
3. Л. Карпентер.
«Конан. Одиноким волк».
4. С. Перри.
«Конан. Меч на продажу».
5. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Рука Крома».
6. Л. Карпентер.
«Конан. В пустыне и джунглях».
7. Л. Карпентер.
«Конан. Путь воина».
8. Роберт Говард.
«Конан и другие Бессмертные». (Юбилейный том.)
9. Р. Грин.
«Конан. Дорога во мгле».
10. Э. Оффут.
«Конан. Убийца колдунов».
11. К. Вагнер, Б. Ниберг.
«Конан. Пепел империй».
12. Л. Спрэг де Камп, Р. Джордан.
«Конан. Колесо страданий».

МАСТЕР, МЫ ПОМНИМ О ТЕБЕ!

КОНАН — ЖИВ!

**РОБЕРТ ГОВАРД
КОНАН И ДРУГИЕ
БЕССМЕРТНЫЕ**

УДАРОМ НА УДАР
ОТВЕТИТ ЖИЗНЬ,
НО ВНУКИ НЕ ЗАБУДУТ НАШИ ПЕСНИ...
Август Кляйн

**К 90-летию со дня рождения
РОБЕРТА ГОВАРДА**

В рамках серии САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ издательство АЗБУКА готовит к выходу в свет том произведений блистательного писателя Роберта Говарда "КОНАН И ДРУГИЕ БЕССМЕРТНЫЕ". В книгу войдут ранее не публиковавшиеся повести и рассказы Мастера.

Читателей ждет встреча с любимым героем Говарда — непобедимым Конаном-киммерийцем. А также с отважным искателем приключений Соломоном Кейном; с варваром-северянином Ньёрдом; воителем из сумрачных джунглей Зембабве, свирепым чернокожим воином Канааном. И многими другими героями, созданными неудержной фантазией самого известного во всем мире фантаста.

Эта книга станет подлинным подарком всем, кто по-настоящему любит творчество Роберта Говарда. Тем более, что практически все произведения ВПЕРВЫЕ будут изданы на русском языке!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКЛЯТОЕ ЗЛО

Роман

Пер. О.Эндрю

5

КОНАН ИЗГНАННИК

Роман

Пер. В.Правосудова

239

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

459

*Литературно-художественное
издание*

Леонард Карпентер

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Перевод с английского

Руководитель проекта
Геннадий Белов

Разработка карты
Сергея Троицкого

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры:
Анастасия Келле-Пелле
Елена Шнитникова

Компьютерная верстка
Дмитрий Положенцев

ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 15.01.96.

Формат издания 84×108^{1/32}. Печать высокая.

Гарнитура Петербург. Тираж 45 000 экз. Усл. печ. л. 26,04.

Изд. № 30. Заказ № 1583.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 195.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

НЕ ПРОПУСТИ НИ ОДНОЙ!

Вышли из печати первые четыре книги
из юбилейной серии
"САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ",
посвященной девяностолетию со дня рождения
РОБЕРТА ГОВАРДА

CONAN — зарегистрированная торговая марка Conan Properties, Inc.
Использована по лицензии.